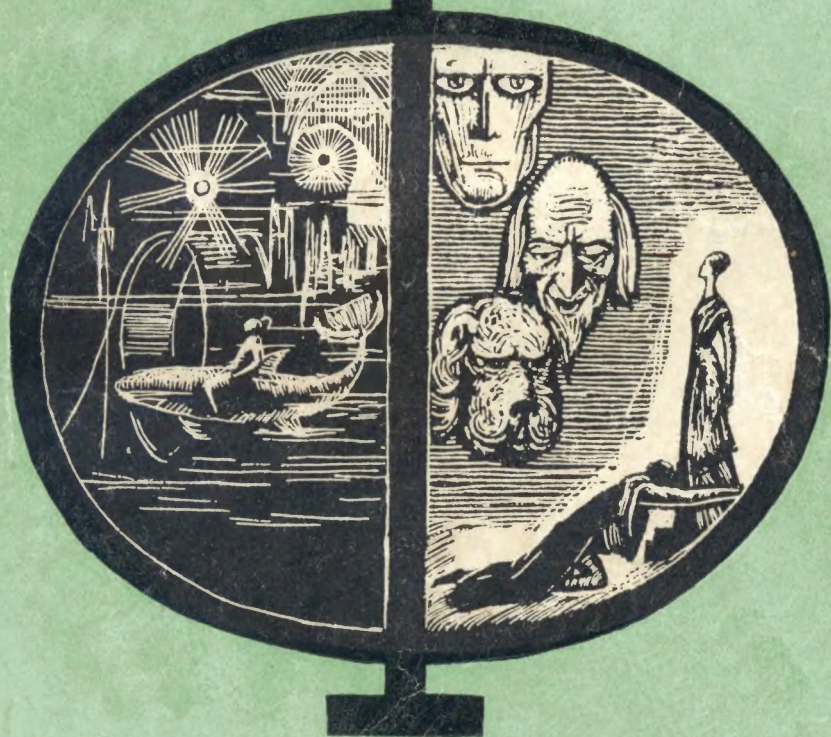
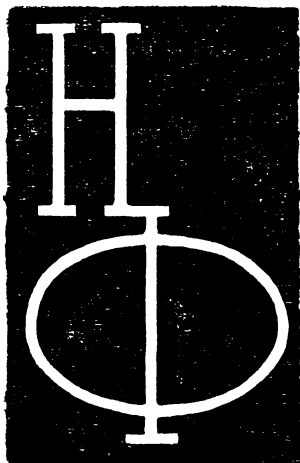

H

Выпуск 7

**А л ь м а н а х
н а у ч н о й
ф а н т а с т и к и**

Издательство

«ЗНАНИЕ»

Москва 1967

P2
A57

Составитель Е. Парнов

7-3-2
2—67

ПЛАНЕТА, КОТОРАЯ НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ ДАТЬ

1 Здесь, на огромном, чуть мерцающем экране внешней связи, город геанитов выглядел еще более убогим. Особенно эта его часть, расположенная на нижних уступах холма. Тут уже не было стройных, многоколонных храмов и площадей, мощеных лиловатым камнем.

Здесь располагался рынок, одно из отвратительнейших мест города. Корзины, циновки, циновки, корзины, горы сырых или наполовину приготовленных продуктов питания, все это в пыли, чуть ли не на земле, и все хватаетея прямо руками; плоды, зелень и рыба перекачывают в корзины покупателей и нередко — обратно, если какую-либо сторону не устраивает цена или качество; неистовая жестикуляция, изощренная брань и грязь, грязь, грязь...

Командир брезгливо поморщился. И надо же было тем, кто вышел сегодня из корабля, отправиться именно на рынок! Толпы беспорядочно снующих геанитов заполняют экран, и бесконечно трудно выделить из них тех двоих, которые похожи на геанитов только внешне. А, вот они.

Командир подался вперед, пристально разглядывая белую фигурку, неторопливо движущуюся по экрану. Она идет медленнее остальных, ее огибают, иногда подталкивают, и почти каждый, взглянувший ей в лицо, обязательно оглядывается еще раз. Чем же она отличается от геанитских женщин?

Тот, кто в это утро назначен ее контролировать, идет следом, на расстоянии пятнадцати-двадцати шагов. Его серая просторная одежда, посох — подлинный! — в руках, буйная растительность на ли-

це — все это не привлекает внимания. Девушка порой оглядывается на него, и он медленно наклоняет голову, словно боится оступиться на усыпанной гравием дороге, — знак того, что все идет правильно.

И тем не менее на нее оглядываются.

Она сама, вероятно, этого не замечает; она входит внутрь рыночной ограды, приподымает край туники и переступает через корзину с мелкими темно-красными плодами. Навстречу ей семенящими шажками спешит юркий старичок с бородою, окрашенной ярко-оранжевой краской — вероятно, до этого стоял под навесом лавки, в которой разменивают монеты. Вот он, согнувшись, заговаривает с девушкой, предлагает ей какие-то украшения... Купить? Нет. Похоже, что украшения предлагаются даром. Вот он берет ее за руку, мягко, но настойчиво тянет за собой. Указывает на крытые носилки. Девушка отказывается знаками — вероятно, не уверена в правильности своего произношения. Напрасно. Ведь, инструктируя ее, кибер-коллектор подчеркнул, что в общественных местах, как улицы, рынок, гавань, встречаются отдельные индивидуумы, разговаривающие на иных языках, а не на том, который распространен в городе и его окрестностях.

Но в остальном она ведет себя правильно — пассивное сопротивление, не привлекающее внимания окружающих ее геанитов.

Сейчас должен вмешаться контролирующий.

Да, вот он, притворяясь слепым, наталкивается на них, так что геанит с рыжей бородой отлетает к глинобитной стене. Пока тот подымается, девушка уже успевает скрыться в проломе ограды.

И все-таки, что привлекло этого рыжебородого? Почему из всех женщин, снующих по рынку, он выбрал именно ее?

Проект ее образа был создан кибер-коллектором после длительного изучения внешнего вида, образа жизни и привычек геанитов. Отработка деталей шла под личным наблюдением Командира, он не обнаружил ни одного просчета. Почему же сейчас каждый встречный оглядывался на нее, а рыжебородый даже пытался задержать?

Командир нажал клавишу внешней связи:

— Двадцать Седьмая, немедленно вернись на корабль!

Один из многочисленных КПов, выполненных в виде небольших летающих существ и развешанных почти над всем городом, принял приказ, резко спланировал вниз и пронесся над самой головой Двадцать Седьмой. Девушка остановилась, потом круто повернула и направилась к выходу из города. Через некоторое время она достигнет поросших кустарником гор, где не встретишь уже ни одного геанита, и включит левитр.

Командир прикрыл глаза, давая себе минутный отдых.

2 — Руки,— приказал командир.

Девушка подняла ладони, неловко прижимая локти к телу, и замерла, чуть откинув назад голову, словно под тяжестью огромного узла черных, отливающих металлом волос.

Командир взял ее руки в свои, поднес к глазам, придирчиво осмотрел со всех сторон. Нет, все правильно. И удлинненные ногти, и проступающие сквозь тонкую кожу едва уловимые узоры кровеносных сосудов, и причудливые, словно трещинки на розовом мраморе, морщинки на теплой ладони.

Все правильно.

А если что и неверно — разве можно это обнаружить за несколько шагов?

Командир отпустил руки девушки, они упали и бессильно повисли вдоль тела.

— Пройди три шага.

Девушка еще выше вскинула голову и сделала три легких, скользящих шага.

— Повернись. В профиль.

Она повернулась.

— До стены и обратно, медленным шагом.

И опять:

— Теперь — немного быстрее.

И еще, и еще, и еще:

— Стой. Иди. Стой. Иди. Медленнее. Быстрее. Вперед. Назад. Постановка головы! — крикнул Командир.

Девушка вздрогнула и выпрямила голову.

— Может быть, это? — спросил Командир.

— Нет,— сказала девушка,— нет.

— Почему ты уверена?

— Не знаю. Объяснить не могу, но чувствую, что — не это.

Командир вздохнул, резким движением поднялся из своего кресла и подошел к девушке. Осторожно, чтобы не повредить — они были подлинные, коллекционные — отстегнул бронзовую пряжку на плече девушки и вынул булавку, скреплявшую одежду у пояса. Белая с голубой каймой ткань бесшумно упала на пол. Командир подержал на ладонях бронзовые вещицы, словно взвешивая их, и аккуратно положил на стол. Потом поднял белое покрывало, подошел к пульту внутреннего обслуживания и набрал шифр приказа:

«Центральное хранилище. Образцы подлинных тканей».

Почти сразу же щелкнула дверца стенного горизонтального лифта, и серая лента транспортера вынесла папку с аккуратными квадратами разноцветных тканей. Закрывая дверцу, Командир еще раз внимательно посмотрел на девушку: в одних деревянных сан-

далиях с причудливым переплетением белых ремешков она стояла в трех шагах от его кресла, по-прежнему чуть-чуть запрокинув назад голову и полузакрыв глаза. Но сандалии тоже исключались: как и бронзовые украшения, они были настоящие.

Командир опустился в кресло и открыл папку с образцами.

Если бы он имел право на усталость, он признался бы себе, что бесконечно устал.

Неудачи, неудачи, неудачи. От самых больших (ни одна экспедиция под его командованием не дала положительных результатов) до самых мелких, с удивительным постоянством сыплющихся на его голову,— вроде этой, когда Двадцать Седьмая, практикантка в первом рейсе, была опознана аборигенами как будто бы без всяких на то оснований.

Пожалуй, было бы разумнее порекомендовать для Двадцать Седьмой образ какого-нибудь животного — остановился же Сто Сороковой на небольшом черном звере, так часто сопровождающем геанитов как в прогулках по городу, так и в более длительных путешествиях. Да, надо было учесть неопытность девушки и посоветовать ей выбрать роль животного — несомненно, это сузило бы для нее сектор и время наблюдений, но все равно главное было отснято КПами, смонтированными специально для Геи в виде небольших летающих существ, издающих пронзительные, хотя и относительно ритмичные звуки. Черные и темно-серые КПы висели, порхали и кружились над городом, забирались под крыши жилищ, прятались в листве деревьев и непрерывно передавали все, что попадало в сектор их обзора, на корабль, где специальный КП-фиксатор вел отдельную пленку для каждого из подвижных трансляторов.

Командир положил руку на термотумблер фона внутренней связи:

— Сто Сорокового ко мне.

Лязгая когтями по звонкому покрытию пола, в центральную рубку корабля вошел черный лохматый зверь. Поднимись он на задние лапы, он стал бы ростом не меньше любого геанита. Мерно покачивая хвостом и роняя слюну на сверкающий пол, он подошел к Двадцать Седьмой и, не глядя на нее, замер рядом с нею.

И снова молчал Командир, глядя на них; и снова что-то вроде обиды, неясного, смутно подозреваемого ощущения, так редко и неожиданно всплывающего из глубин подсознания, наполнило его; и уже не капитан корабля Собирателей, не командир шестнадцатой по счету экспедиции, а просто Четвертый, просто стареющий логитанин, которому осталось совсем немного рейсов, мучительно старался подавить в себе это непрощенное ощущение, горечью своей уходящее в прошлое и беспокойством в будущее, и — не мог.

«Собиратель, составивший точное описание исследованной планеты, может считать свой долг выполненным»,— так говорил Закон Собирателей.

Покинув планету, все рядовые члены экспедиции забудут о ней. Командир должен составить отчет и сделать предварительные выводы о том, что эта планета может дать для Великой Логитании. Если все это он сделал точно и безукоризненно, аргументировал свои выводы,— он сделал все, что от него требовалось. Отчет его поступит на рассмотрение Высшего комитета по инопланетным цивилизациям, и никто, кроме тех, кто был рядом с ним, не будет знать, чего же они добились. Впрочем, что это он, они же забудут. Обо всем забудут. Они начнут готовиться к новому рейсу и не вспомнят о старом.

Так было всегда. Но никогда раньше от этого не становилось мучительно горько.

Командир старательно прогнал эти мысли и, когда убедился, что его по-прежнему волнуют только судьбы экспедиции, обернулся к Сто Сороковому и Двадцать Седьмой. Две странные, никогда не виданные в Логитании, фигуры замерли перед Командиром: обнаженная геанитянка с чуть запрокинутой головой и черный угрюмый зверь. Командир смотрел не на каждого из них в отдельности, а как-то на обоих сразу, вернее, в промежуток между ними, и снова не мог понять: почему же это ощущение горечи возникло именно сейчас? Может быть, просто потому, что им, этим двоим, еще летать и летать?..

— Сто Сороковой,— сказал он, снова гоня от себя непрошенные мысли,— вы готовы к выходу?

Сто Сороковой мотнул головой, издал какой-то неопределенный звук и нервно сжал переднюю лапу в комок; выбранный им образ прекрасно маскировал его в геанитском городе, на корабле же ему чрезвычайно трудно было принимать пищу и разговаривать. Но вхождение в образ отнимало слишком много времени и сил, чтобы позволять себе роскошь демаскироваться, возвращаясь на корабль.

— Готов хоть сейчас! — хрипло вырвалось из его пасти.

— Пойдете завтра контролирующим. Выход из корабля только в ночное время. Применение левитра и оружия в зоне, доступной наблюдению геанитов, по-прежнему запрещено. Все.

Девушка повернулась и пошла к выходу, деревянные подошвы ее сандалий чуть слышно постукивали по звонкому металлическому полу. Почему она так легко идет? Поступь настоящих геанитянок тяжелее. И она отличается от всех настоящих геанитянок, хотя кибер-коллектор и создал образ на основе нескольких сотен снимков.

Ни Четвертый, ни Девяносто Третий, ни Сто Сороковой не могут отличить ее от прочих девушек Геи.

Геаниты делают это с первого взгляда.

Командир отвернулся. Мягко стукнула дверь, и снова он был один на один со своими мыслями, и снова эти мысли уносили его к далекой родине. О Гее он не думал: с самого начала для него было ясно, что это — планета, которая ничего не сможет дать Великой Логитании.

3 ...Ге-а — это желтый пушистый комок, застревающий в горле, когда всего дыхания не хватает на то, чтобы вытолкнуть его и оторвать от губ; это отчаянье непроизносимости, неподчиненности простейшего из чужих слов; это тело, превратившееся в одну тугую струну, натянутую от пальцев ног, едва касающихся земли, до пальцев рук, которым всего каких-нибудь двух ладоней не хватает до того, чтобы коснуться острогранных кристаллов звезд; это запрокинутая назад голова и черное ночное небо, падающее на лицо; это прозрачное зарево весенних садов и предутреннее цветение неба, бесконечно отраженных друг в друге; это гортанный вскрик, рожденный эхом ущелья и подхваченный вереницей птиц, вспугнутых появлением Желтой звезды и уносящихся на север — Ге-а... Ге-а... Ге-а...

Это — половодье непредставимых доселе понятий, это ощущения, пришедшие следом за созвучьем диких слов, слишком мягких и гибких для женского языка логитан — таких, как цепенящее, отрешающее от света и звуков ОТЧАЯНЬЕ, и неумное, бьющееся, как оба сердца, мучительное ХОЧУ! — и это странное, пришедшее совсем недавно — сегодня вечером — останавливающее дыхание, приводящее к желанию исчезнуть, еще только приоткрытое, еще так далеко до конца не испытанное — СТРАХ...

Страх родился сегодня, и первый крик его прозвучал сегодня, когда поступь четырех солдат, словно топот двух четвероногих животных, мерно нарастал за спиной; страх возник извне, где-то очень далеко и одновременно — повсюду, словно на линии горизонта, и стремительно сомкнулся над головой, как купол защитного силового поля; но только поле это не защищало, а, наоборот, парализовало все мысли, останавливало бег крови; хотелось сделать что-то непонятное, в высшей степени нелогичное — закричать, упасть на землю... Но вместо этого вспомнилось само слово, и простота его звучания разом уничтожила и только что возникшее ощущение, и хаос мыслей, и осталось лишь бесконечное удивление; как же это

так вышло, что она, Двадцать Седьмая, существо, подчиненное строгим законам внутреннего мира логитан, вдруг позволила себе опуститься до уровня геанитов, этих полуживотных, поведением которых управляет не разум, а наследственные инстинкты?

Страх, повторяла она себе; животный страх, завещанный инстинктом самосохранения; страх перед этим топотом, перед лязгом металла, перед свистящим дыханием захлебывающихся влажным ночным воздухом геанитов — вот что гнало ее сейчас по извилистой, исполосованной тенями дороге. Страх гнал ее, и она не была в эти минуты ни Собирателем, ни просто логитанкой. Она была маленькой, напуганной девчонкой Геи.

И когда она поняла это, она остановилась.

Те четверо, что преследовали ее, не могли задержать свой бег так же внезапно, как сделала это она; они пробежали еще несколько шагов и, оскальзываясь на глинистом склоне и приседая на широко расставленных ногах, наконец остановились. Всего несколько шагов отделяло их от Двадцать Седьмой, но они по-прежнему стояли, задыхаясь от неистового бега и жадно заглатывая воздух, и никто из них почему-то не торопился сделать эти несколько шагов.

Двадцать Седьмая стояла, обернувшись к своим преследователям и не шевелясь; в неподвижности ее было что-то нечеловеческое — действительно, вот так, не дрогнув ни единым мускулом, замерев в какой-нибудь причудливой, порой страшно неудобной, с точки зрения людей, позе — так стоять могли только логитане; но Двадцать Седьмая была слишком неопытна, чтобы самой заметить свой промах. Поэтому она спокойно глядела на своих преследователей, не в силах понять, что же гнало их следом за ней и почему сейчас они несмело переминаются с ноги на ногу, когда достаточно сделать три прыжка и они будут совсем рядом.

Девушка смотрела на солдат, и страха уже не было и в помине. Было даже немножечко жалко: ушло острое, впервые испытанное и вряд ли способное повториться ощущение. Доложить о нем Командиру? Это входит в обязанности Собирателя. Но докладывают об ощущениях, возникающих у них, логитан, а сейчас она была не логитанкой... Но что же делать с этими? Они стоят и стоят; они дышат. У геанитов видно, как они дышат. Обычно у них только приподымается верхняя часть торса и чуть приоткрываются губы, но сейчас, у этих, дышит все тело — воздух с храпом и бульканьем вырывается из горла, а снизу, по икрам, переходя на живот, возникает прерывистая дрожь, а затем стремительно взбухает грудь и отвисает тупая нижняя челюсть; свистящий глоток, четыре глотка — и бессильно опадает все тело, словно мускулы соскальзывают со скелета, и снова это мучительное бульканье выдоха. Но ведь это

воины, ведь это геаниты, специально тренированные и выносливые, как выючные животные. Может быть, она неправильно поступила, что бежала так быстро?

Она с досадой вспомнила о своем сопровождающем. Сто Сорокивой, огромный черный зверь, с которым она разминулась после выхода из харчевни. Туда он не мог зайти и остался ждать ее на едва освещенной улице, но четыре солдата затеяли драку, а потом летели осколки белого камня, и комя земли, и кости, выуженные из так некстати случившейся поблизости помойки, и вот получилось, что эти четверо увидели девушку и побежали следом за ней, они гнали ее по темным закоулкам и дальше, за город, к морю, но Сто Сорокового рядом не было.

И вот эти четверо стоят перед ней, и никак было не понять — зачем же они догоняли ее, если сейчас они явно не испытывают желания приблизиться?

Вероятно, надо было что-то сказать им; может быть, снова вернуться и бежать. Но так стоять и смотреть друг на друга было просто невозможно. Глупо в конце концов. Или, не найдя лучшего выхода, включить левитр и подняться вверх?

И вдруг она увидела, что выражение лиц этих четверых постепенно меняется. Сначала — какое-то ожидание: вот сейчас переведем дыхание, соберемся с силами, тогда... Но затем следовала растерянность, за ней — недоумение, потом — страх. Тот самый страх, который она сама только что ощущала. Чего они-то боялись? Она стоит на открытом месте, лицо ее — лицо обыкновенной молодой геанитянки — ярко освещено луной, она не двигается; чего же они боятся?

И тут издалека донеслось легкое цоканье когтей по каменистой дорожке; геаниты, конечно, еще не слышали ничего и ничего не увидели бы, даже если б и обернулись, но Двадцать Седьмая уже поняла: это сопровождающий и наконец-то это глупое, непонятное происшествие придет к концу. Геаниты разом обернулись, но было поздно: зверь одним прыжком перемахнул через них и, упав к ногам девушки, мгновенно замер, словно изваянный из черного блестящего камня. Девушка по-прежнему не шелохнулась.

Некоторое время геаниты еще стояли, затем кто-то из них испустил нечленораздельный вопль, и все четверо, рухнув плашмя на землю, затряслись крупной, ритмичной дрожью. Зубы их дружно лязгали, но сквозь этот лязг явственно доносилось никогда еще не слышанное и непонятное логитанам слово: «Геката». Затем эта дрожь превратилась в конвульсивные движения, и стало ясно, что геаниты, не подымая голов, отползают в сторону ближайшей рощи.

Темное облако закрыло луну, и в наступившей темноте послы-

шался дружный топот: недавние преследователи спасались бегством. Луна выползла нехотя — гораздо медленнее, чем пряталась, — и только тогда двое, оставшиеся на пологом холме, пошевелились. Девушка опустила голову и посмотрела на собаку — ну вот, все и уладилось, никакого нарушения инструкций, можно лететь докладывать Командиру. Зверь тоже поднял голову и весь как-то гадливо передернулся, отчего его шерсть встала дыбом и перестала блестеть, — ну да, все уладилось, но сколько было сделано глупостей, и придется докладывать обо всем.

Девушка повернулась и медленно пошла вниз. Она доложит Четвертому обо всем, что произошло. Но того, что она чувствовала, когда за ее спиной грохотали медные доспехи солдат, этого она не отдаст. Это будет не названо и не произнесено вслух, и это навсегда останется с ней. Плохо это было или хорошо — все равно. Но это было ощущение, недоступное логитанам, и незачем логитанам знать о нем. Это кусочек сказочного мира Геи, который она никому не отдаст.

Она вернулась к кораблю и подробно доложила обо всем, что мог видеть и понять ее сопровождающий. Но страх она оставила себе.

Командир слушал ее, опустив голову. Как он устал от этой нелепой, суматошной Геи!

Сейчас бы тревогу... Общую тревогу с авральным стартом, чтобы бросить на этой проклятой Гее всю аппаратуру, и — вверх, пробиться сквозь это глупое голубое сияние и очутиться наконец у себя, в черном покое межзвездной пустоты... У себя. Хорошо сказано — у себя. Удивительно точно сказано. Хотя — несколько преждевременно.

В белоснежных Пантеонах Великой Логитании множество одинаковых могил. Но все это — могилы обыкновенных логитан. Собирателей, этой высшей касты населения Логитании, нет среди них. Даже если Собиратель случайно умрет на своей планете, его тело запаивают в сверкающую капсулу и выбрасывают в пространство, вдали от рейсовых трасс логитанских кораблей.

Вот откуда появилось у Четвертого когда-то саркастическое, потом — горькое, а теперь — безразличное: «у себя».

Но «к себе» — нельзя.

Есть закон и есть устав, и они предписывают строго определенное время пребывания на планете каждого возможного типа. Гея — это планета, которая ничего не может дать, но и тут необходимо провести ряд исследований, использовать обстановку для подготовки молодых Собирателей, загрузить экспонаты, подтверждающие бесполезность планеты, и только тогда улетать, предварительно

уничтожив свои следы. Подготовка молодых Собирателей... Закон и устав. Устав и закон.

— Завтра последняя попытка выхода в город. Контролирующим идет Девяносто Третий.

4 Командир потребовал к себе только Двадцать Седьмую, и Сто Сороковой, воспользовавшись этим, остался снаружи: ему все время казалось, что он со своими когтистыми лапами и свалывшейся шерстью оскверняет внутреннюю белизну корабля.

Сто Сороковой с ненавистью мотнул головой, словно отгоняя докучливое насекомое. Днем они приставали к нему нещадно; сейчас уже была ночь, все они куда-то попрятались, но вот от мыслей, назойливых и однообразных, покоя не было.

Все они делают не то. Девчонка никогда не станет настоящим Собирателем. Она слишком пристально разглядывает весь этот мерзостный, беспорядочный мир, ее тянет в лабиринт вонючих закоулков этого грязного поселения; в ней нет и никогда не будет священной ненависти ко всему, что не есть Великая Логитания, и священной жадности к тому, что может быть полезным для нее. А старик? А сам Командир? Разве все они, вместе взятые, могут сравниться с ним в той безграничной, слепой преданности своей далекой родине, которая переполняла его в бесконечных странствиях?

Сто Сороковой поднял длинную морду и издал протяжный, томительный звук. Звук этот родился сам собой, он ничего не означал ни на языке геанитов, ни на языке логитан. Но он шел от сердца, и Сто Сороковой не мог понять, чье же сердце подсказало ему этот звук: его собственное или принадлежащее тому черному неприкаянному зверю, чей образ он принял?

Много подобных себе зверей встречал он на улочках и площадях этого города; они отличались друг от друга окраской и размером, голосом и повадками. Но спустя некоторое время Сто Сороковой понял, что есть нечто главное, что разделяет этих зверей на два совершенно различных лагеря: одни были бездомны, другие принадлежали какому-нибудь геаниту.

И сейчас, глядя на сверкающий корпус корабля, Сто Сороковой отчетливо почувствовал, как далек его хозяин, огромный, властно зовущий к себе; и залитая лунным светом громада корабля была лишь мизерной крупницей, ничтожной составляющей этого далекого хозяина, и, исполненный неожиданной жалости к себе самому от

того, что так мало ему дано от вожделенного счастья услужить, он снова завыл и пополз на брюхе к кораблю, слезливо подергивая белесыми веками.

5 На следующее утро Девяносто Третий проснулся в отличном расположении духа, потому что ему предстоял последний выход из корабля на этой милой, безалаберной планете.

Девяносто Третий был стар и мудр. Образ, выбранный им, был для него традиционен: он всегда принимал вид престарелого немощного аборигена,—разумеется, если на той планете, куда опускался их корабль, вообще были аборигены и их облик поддавался копированию. Он прекрасно знал, что его считают одним из лучших Собирателей всей Логитании, и тихонечко посмеивался над этим. Впрочем, тихонечно посмеивался он решительно над всем,—а особенно над своими спутниками. Ему был смешон и сам Командир с вечной скрупулезной придирчивостью к себе и другим, поставивший своей целью быть идеальным Собирателем и пытающийся достичь этого при помощи рабского подчинения каждому параграфу Закона Собирателей; ему был смешон Сто Сороковой с его фанатичной преданностью Великой Логитании—мифической родине, видеть которую им дается лишь в качестве награды за особые заслуги; беззлобный смех вызывала у него и эта малышка Двадцать Седьмая с ее тихими восторгами по поводу первой же увиденной ею планеты. Потом будет вторая планета, третья, восторги сменятся отупением и затем, возможно, даже ожесточением—совсем как у Сто Сорокового. Это будет гипертрофированное ощущение собственной временности, случайности и необязательности, неминуемо растущее в каждом из них. Планеты и перелеты, перелеты и планеты, и жалкие крохи знаний, которые они украдкой, не давая ничего взамен, упрут во славу Великой Логитании.

Бедная малышка, думал он, широкими шаркающими шагами продвигаясь за нею по узенькой каменистой улочке, темнеющей благоуханными лужицами помоев, выплеснутых расторопными хозяйками из-за глухих глинобитных заборов. Бедная малышка, она приходит в восторг при виде четких колоннад удивительно пропорциональных храмов и безукоризненной симметрии белесых, словно покрытых слоем напыленного металла, узеньких листьев невысоких полупрозрачных деревьев и емкой размещенности маленьких темно-синих плодов в тяжелой, геометрически совершенной кисти. И все только потому, что это соответствует идеалам формальной дисциплины Великой Логитании. Как же много вас, бедных малы-

шей, до конца жизни не умеющих понять, что выход один: лгать и предавать. Лгать товарищам своим и предавать дело свое.

Только сам Девяносто Третий знал, до какой же степени и как давно он перестал быть Собирателем. Прилетая на новую планету, он, благодаря своему богатому опыту и врожденной интуиции, мгновенно сливался с жизнью ее обитателей и безошибочно определял, в чем заключается нехитрое счастье обыкновенного аборигена. Он не искал утонченных наслаждений — нет, он последовательно испытывал все незамысловатые, обыденные радости, доступные тому существу, чей образ он принимал.

Так, на третьей планете Ремизанги он ловил запретных голубых пауков и, жмурясь, давил их у себя на животе, отчего они испускали несказанный аромат, погружавший его на три малых ремизангских цикла в состояние блаженной прострации; на единственной планетке солнца Нии-Наа, отощавшей под бременем неумолимо растущего числа полудиких существ, рождавшихся по восемь и по десять за раз, он ползал из пещеры в пещеру, оставляя за собой слизкий след собственной слюны — искал желтоглазых младенцев, а найдя, выхватывал и торжествующим воем сзывал на расправу всю стаю; даже на Медной Горе, откуда они бежали, потеряв половину экипажа, он успел преступить четыре из шести Заветов Ограждения и даже совокупился с белой птицемышью Шеелой, что вообще не лезло ни в какие законы.

Правда, это уже выходило за рамки обыденных радостей среднего типичного аборигена, но Девяносто Третий сделал для себя исключение, пока он находился на чужой планете. На корабле он был уже логитанином, а логитане, как правило, вообще не допускали исключений: это было не в их натуре. Четкие, непреложные законы — вот к чему с пеленок приучался каждый логитанин. А исключения только развращают ум и будят воображение.

Девяносто Третий ничего не боялся. Вместе с чужим образом он получал и чужие инстинкты, зову которых он отдавался без колебаний и даже несколько демонстративно. Он знал, что за каждым его движением следят многочисленные КПы, развешанные над всем районом действия Собирателей, и не пытался утаить хоть какую-нибудь малость. Он последовательно проходил все стадии наслаждений, и приборы корабля послушно фиксировали все особенности скотского его состояния. Не было ни малейшего сомнения, что, поведи он так себя впервые, остолбеневший от ужаса и отвращения Командир тут же исключил бы его из списков Собирателей и физически уничтожил, но весь секрет Девяносто Третьего заключался в том, что он последовательно приучил Командира смотреть на его похождения, как на акт самоотверженного служения Великой Логии.

тании. Обессиленный и исполненный демонстративного отвращения к самому себе, он представал перед Командиром и, не скрывая ни йоты из того, что могли наблюдать КПы, с предельной образностью обрисовывал внутренний мир аборигена, который по сравнению с жителем Великой Логитании неизменно оказывался тупым и похотливым животным, развращенным наличием второй сигнальной системы. С жертвенной неумолимостью, чеканя каждое слово, он припоминал все самое постыдное, заключавшееся в пережитых им наслаждениях, как с точки зрения аборигена, так и с точки зрения логитанина. Полученный таким образом эталон аборигена был мерзок и убедителен.

Сам же Девяносто Третий приобрел незыблемую репутацию опытейшего специалиста по психологии разумных существ на других планетах. Надо сказать, что сохранение этой репутации давалось ему без особых затруднений.

Вот и сейчас он широким размеренным шагом следовал за Двадцать Седьмой; острые колени при каждом шаге так явственно обозначались под старым хитоном, что, казалось, вот-вот прорвут его; козлиная борода ритмично вздергивалась кверху. Улочка, по которой они подымались, огибала крутой холм; осколки лилового камня скатывались с него под ноги идущим. С поперечных улиц, сбегавших в низину, тянуло утренней свежестью — холодом, смешанным с запахом только что пойманной рыбы, и больших полосатых плодов, растущих прямо на земле. Лучи только что поднявшегося светила, именуемого здесь Гелиосом, почти не грели, но унылые глиняные заборы, расписанные фантастическими пятнами самого различного происхождения, вдруг окрасились в нежный золотисто-розовый цвет. Гелиос поднимется выше, и этот сказочный оттенок исчезнет, но Девяносто Третьему осталось идти немного, совсем немного, и, пока он не достиг еще своей цели, утренний Гелиос будет устилать его путь лепестками изжелта-алых роз...

Старик зацокал языком. Путь его лежал в кабак.

Этот полутемный сарай открывался с восходом, а скорее всего вообще не закрывался. С дощатых столов не прибирали, и засыпающие на ходу девки, возвращающиеся с нижних улиц, прежде чем пройти в свой чулан, шарили ладонями по столу — отыскивали недоеденные куски.

Старик выбрал себе место у самой двери, так, чтобы можно было видеть и утоптанную площадку перед самой харчевней, и узкие улочки, уходящие к морю. До сих пор он сопровождал Двадцать Седьмую на расстоянии нескольких шагов; пора, наконец, ей привыкать действовать самостоятельно. Правда, он будет поблизости, всегда готовый прийти на помощь — ведь каждый раз, когда

она выходит в город, геаниты ей буквально проходу не дают, что постоянно ставит в тупик их Командира, этого... старик старательно перебрал наиболее подходящие слова на языке геанитов... этого кретина.

Девяносто Третий некоторое время следил за тем, как девушка, придерживая руками край одежды,— чтобы не разлеталась на ветру,— подымается по склону холма; затем он вынул из холщовой котомки простую глиняную чашу и поставил перед собой. Потом он постучал костяшками пальцев по столу и вытянул шею, выглядывая из двери — Двадцать Седьмой еще было видно, а коренастый раб, цепко перебирающий босыми ногами по каменистому склону,— видно, сокращал себе дорогу к морю, где уже слышался дребезжащий сигнал рыбацкого колокола, зовущий первых покупателей,— уже хищно и торопливо оглядывался на нее, как это будут делать все геаниты, которых она повстречает на своем пути. Девяносто Третий забрал в кулак жиденькую бородашку, сузил глаза — он-то понимал, почему так происходит. Даже нет, не понимал, а просто его самого тянуло к ней, и это был зов инстинкта, неведомого логитанину.

Все шло так, как и должно было идти, и старик снова постучал по мокрым доскам стола.

Хозяйка, появившись в дверях, заслонила собой свет — окон в харчевне не было, лампы притушены. Старик разжал кулак — к жухлой коричневой коже приклеилась блеска мелкой монеты. Хозяйка подалась вперед и выхватила монету — у нее не было ни малейшего сомнения в том, что нищий старик ночью ее где-то украл; поэтому деньги мгновенно обратились в миску вчерашней рыбы и глоток светлого вина, отдающего прелой травой. Старик выпил и снова ухватился за бородашку — плохое было вино. Никудышное. И снова нетерпеливый стук по столу, и снова монета — уже крупнее, весомее — исчезает в складках одежды хозяйки, вдруг приобретшей необыкновенную легкость движений. И снова вино. И снова монета. И снова вино.

Монеты, конечно, украдены накануне ночью (подделка отняла бы недопустимо много времени); в глазах Командира — акт необыкновенной храбрости во имя чистоты эксперимента и во славу Великой Логитании, а для старика — естественное счастье нищего геанита, получившего кучу денег без затраты особого труда (логитанский левитр плюс бесшумные плазменные резак).

Сегодня эти деньги он тратит.

Тоже счастье.

Он тянул чашу за чашей, медленно, по-стариковски, пьянея; пространство свертывалось вокруг миски с жареной рыбой, замыкая

старика в серый, приглушенно гудящий кокон опьянения. Голова его опускалась все ниже и ниже, и когда Двадцать Седьмая стремительно, словно спасаясь от невидимой погони, пробежала мимо харчевни, возвращаясь к кораблю, он этого даже не заметил.

6 Дверь каюты стукнула, и Двадцать Седьмая обернулась — на пороге стоял Командир.

— Когда ты вернулась?

Двадцать Седьмая не ответила. Командир недовольно нахмурился: ненужный был вопрос. Естественно, что ему, как никому другому, известно, в какой момент она покинула корабль и когда она вернулась обратно. Но не это было главное.

Двадцать Седьмая сменила одежду.

На ней была точно такая туника, что и утром, и такие же сандалии, но теперь это все было ослепительно белое. И не только одежда. Как он сразу этого не заметил? Совсем белые губы, кожа, ресницы. Неестественная, неживая белизна — не матовая, а искристая и ломкая на вид, словно Двадцать Седьмая выточена из глыбы льда. Совершенно белое лицо, такие же глаза и на этой безжизненной маске — черные искры зрачков, то расширяющихся, то сужающихся — живых.

— Для чего ты сменила образ?

Командир еще раз посмотрел на Двадцать Седьмую и понял, что она просто не собирается ему отвечать.

— Вчера вечером ты бежала от четырех геанитов и не смогла ответить, почему. Сегодня утром ты вернулась, вообще не выполнив задания, и тоже не можешь ответить, почему. Днем ты изготовила эту одежду, хотя могла довольствоваться экспедиционной формой Собирателей, — он указал на свой костюм. — Почему?

Девушка не шелохнулась. Даже зрачки — и те больше не жили. Командир повернулся, несколько раз обошел маленькую каюту, касаясь плечом стены. Ритмичные движения должны помочь процессу мышления. Что же он должен сейчас делать с этой Двадцать Седьмой? Он попытался вспомнить устав. «Планета, которая ничего не может дать Великой Логитании, должна быть использована для тренировки молодых Собирателей». Больше ничего не припоминалось. Но для тренировки требовалась максимальная активность всего организма, а Двадцать Седьмая находится в каком-то шоковом состоянии, хотя ее контролирующие утверждают, что никаких поводов для этого не было. Значит, ее надо вывести из этого состояния.

— Эта Гей, — сказал он, — на которую ты смотришь более вни-

мательно и заинтересованно, чем требует от тебя твой долг Собирателя, эта Гея обречена и в недалеком будущем неминуемо должна погибнуть.

Девушка вскинула подбородок и посмотрела прямо на Командира, и взгляд этот удивительно легко проходил сквозь него, так что ему даже захотелось обернуться и посмотреть, что же это она через него рассматривает.

Потом ему стало не по себе.

Ни исполненное достоинства лицемерие козлобородого Девяносто Третьего, ни всеобъемлющая и неиссякаемая ненависть Сто Сорокового никогда не приводили его в смущение. А сейчас, под прямым взглядом этих глаз,— даже не глаз, а одних зрачков,— он запнулся и впервые не поверил себе: то, что он собирался сказать, было логично, было мудро, было необходимо. Но это была ложь.

Командир отвернулся. Бред какой-то. Он все обдумал, мысли его стройны и даже не лишены некоторого изящества. Все правильно. Он должен говорить, он должен уничтожить Гею в душе этой упрямой девчонки, пока они еще здесь.

Иначе она унесет Гею в себе и не сможет забыть ее, отправляясь к другой звездной системе. Закон и устав гласят, что Собиратель должен собирать, но не запоминать. Когда корабль покидает чужую планету, то все сведения о ней должны храниться в пленках КП-записей и в контейнерах для образцов материальной культуры. Разум же Собирателей должен быть чист от воспоминаний об оставленной планете и готов к работе на новой, где, согласно теории вероятности и по данным бесчисленных рейсов логитанских кораблей, Собирателей ждут совершенно иные условия, иные формы жизни и слишком непохожие друг на друга цивилизации. Хотя чаще всего последних нет вообще.

Командир снова пошел вдоль стены, обстоятельно обдумывая фразу, и вдруг, даже не оборачиваясь, он совершенно неожиданно для себя тихо проговорил:

— А ведь когда-то Логитания была такой же, как и Гея...

Трудно представить себе, насколько кощунственной была эта фраза — сравнить Великую Логитанию, пусть даже в прошлом, с диким миром невежественных геанитов!

— Впрочем, нет, такой она уже не успела быть. То, что мы наблюдаем на Гее,— это не низшая ступень цивилизации, а преждевременное ее угасание. Логитанию успели спасти. Здесь, на Гее, власть рассредоточена и поэтому слишком слаба для того, чтобы всецело подчинить себе экономическую и политическую жизнь планеты. Человечество Геи разобщено, и нет силы, которая могла бы подчинить его единой цели и единому закону.

— Чем же обусловлена неизбежность гибели цивилизации на Гее? — задумчиво продолжал он.

Кибер-информаторы, разосланные в облет планеты по многочисленным орбитам, подтверждают, что уровень развития человеческих племен чрезвычайно различен.

Но мало того, что каждое отдельное племя, каждый такой очаг цивилизации имеет свое собственное управление, это управление подразделено на ряд секторов — тут и государственная власть, и военная, и религиозная, и система шпионажа одного сектора за другим. Что же ожидает эти племена?

Не имея сильной, централизованной власти, они, с одной стороны, настроены очень воинственно — захватническая эпоха цивилизации — и, едва к власти приходит более или менее активный индивидум, бросаются расширять свои владения за счет соседей, совершенно не отдавая себе отчета в том, можно ли будет удержат в повиновении завоеванное. Захвату предшествует лояльный шпионаж — торговля.

Итак, вождь, царь, реже верховный жрец — начинает войну и делает это в своих собственных интересах. Это логично. Но, возвращаясь с трофеями, он делит их между собой, государственной казной, которой он не всегда может свободно распорядиться, жреческой кастой и огромным числом знати — то есть совершенно нелогично усиливает те слои, подчинению которых он отдает большую часть своих сил.

Основные массы войск в случае успеха также недопустимо обогащаются, что приводит к их разложению, разращению, потере максимальной работоспособности. Воины получают рабов, каждый недавний подчиненный — низший подчиненный своего царя — уже чувствует себя маленьким царьком над своими рабами. Развивается независимость мышления низших каст.

Кроме того, на Гее мы встречаемся с явлениями, совершенно неизвестными в Логитании, — созданием так называемых произведений искусства. Это — бесполезная, логически неоправданная затрата сил и средств. С точки зрения логитан, всех служителей искусства вместе с их произведениями следовало бы уничтожить на благо самих же геанитов. Но Логитания не занимается благотворительностью. Поэтому в своем отчете я почти не затрагиваю вопросов искусства и беру лишь несколько образцов.

Так что же происходит на Гее? Низшие слои, отвыкающие беспрекословно подчиняться, потому что они думают о своей семье, о своих рабах, о своем скарбе; высшие слои, недопустимо многочисленные, ожиревшие, отупевшие и вконец разращенные искусством; массы рабов, которым их положение кажется тяжелым только

потому, что они могут сравнивать себя со свободной беднотой, живущей лучше их, и поэтому всегда готовы восстать,— такое государство уже вполне готово к тому, чтобы соседние дикие орды стерли его с лица Гее.

Так и будет происходить.

Так будет происходить до тех пор, пока цивилизация на Гее не придет к полному самоуничтожению.

Имеется ли естественный способ предотвратить это? Нет, ибо геаниты слишком быстро размножаются, земля не сможет прокормить увеличивающееся племя, и захватнические войны неизбежны.

Есть ли насильственный способ насаждения на Гее логитанской цивилизации?

Разумеется, есть. Несколько сот больших геанитских циклов под контролем логитан — и мы имели бы молодую, вполне удовлетворительную логитаноподобную цивилизацию. Но повторяю, что Великая Логитания не занимается благотворительностью.

Оставим же Гею с ее только что родившейся, но уже умирающей цивилизацией идти своим путем, ничем не помогая ей и ничего не беря от нее,— ведь это планета, которая все равно ничего не может дать Великой Логитании...

Командир остановился. Давно уже он не говорил так долго и так страстно. Но все правильно, все правильно. Он поступил, как велит устав.

Пункт первый — и самый главный — гласит: «Основной задачей Командира является сохранение в целостности и работоспособности всего экипажа корабля».

Это он выполнит.

— А теперь иди,— просто сказал он.

Она пошла, но не к двери, а прямо к нему, и остановилась перед ним, и сказала:

— Я хочу остаться на Гее.

Они долго молчали. Командир смотрел на девушку и с ужасом ощущал, как неодолимое безразличие овладевает им. Еще немного, и он скажет: «Оставайся». Или еще хуже: «Мне все равно».

— Иди! — как можно резче приказал он. — Прямо!

Следом за ней он вышел в центральный коридор. Салон. Рубка. Выходной тамбур... Мимо.

— Наверх!

Первый горизонт. Камеры-хранилища экспонатов. Все заполнены.

— Наверх!

Второй горизонт. Как легко она идет! Женщины Геи так не ходят. Но это уже не имеет значения.

Двадцать Седьмая замедляет шаги. Еще одна дверь. Мимо. И еще одна. Мимо. И еще одна. Двадцать Седьмая спотыкается и падает на колени. Но дальше идти и не нужно. Эти камеры пусты. Заполнить их все равно теперь уже не успеют. Пусть эта.

— Входи.

Дверь за девушкой захлопывается. Изнутри отпереть ее невозможно.

Командир быстро проходит в рубку. Весь личный состав экспедиции на борту. Командир включает тумблер общего фона:

— Экипажу собраться в рубке. Все КПы вернуть на борт. Прекратить вылет кибер-транспортёров за намеченными экспонатами. Ускорить погрузку доставленных экспонатов. По окончании погрузки — авральный старт.

7 Пол был шероховатый и совсем не холодный: камеры были подготовлены к тому, чтобы хранить экспонаты неорганического происхождения при той температуре, при которой они находились в момент изъятия. Двадцать Седьмая подтянула коленки к подбородку и обхватила их руками. Ночь только наступила. До рассвета еще так много времени, что на самом медленном и тяжеловесном кибер-транспортёре можно было бы двадцать раз слетать в город и обратно.

Еще не все потеряно. Еще ничего не потеряно. Это счастье, что Командир так спешил и не потрудился подняться еще на один горизонт. Вот тогда действительно было бы все. Но она так ловко и просто обманула Командира. Прямо так легко и так просто, словно ее кто-то научил. Чудеса! Ведь это невозможно, это логически исключено, чтобы рядовой Собиратель обманывал своего Командира. Но это сделала не логитанка. Так же, как и тогда, когда ее догоняли четверо солдат, она чувствовала себя маленькой девочкой Геи, и маленькая девочка допустила маленькую хитрость — она сама выбрала ту дверь, которая была ей нужна, и Командир доверчиво поддался на эту хитрость. Эта дверь действительно не открывается изнутри, но снаружи ее открыть может даже кибер.

Там, за дверью, что-то прошелестело.

Нет, это не то, это скорее всего легкий ионизатор на одногу-

сеничном эластичном ходу. А вот специфический, захлебывающийся гул супраторных механизмов — это выбрасываются один за другим тяжелые кибер-транспортёры. Ушла первая партия. Сейчас они мягко перепрыгнут через горы и повиснут над городом, отыскивая «улиток». Этих «улиток» они с Девяносто Третьим разбрасывали каждый день сотни две-три; внутри каждой такой «улиточки», vyplненной точно по образцу геанитского сухопутного моллюска, находился крошечный передатчик, с наступлением ночи начинающий работать на определенной частоте. И простейшее запоминающее устройство. Перед тем, как прилепить незаметную «улитку» к экспонату, подлежащему переносу на корабль, Собираатель диктовал этому устройству номер камеры хранения и те физические условия, в которые должен быть помещен экспонат. Это полностью исключало какую бы то ни было суету и неразбериху при погрузке.

Кибер-транспортёры нащупывали своими локаторами передатчик, изымали экспонат вместе с «улиткой» и переносили его на корабль точно в заданную камеру.

Поднимаясь на второй горизонт, Командир думал, что резервные камеры отсека неорганических экспонатов не могут быть использованы без его разрешения. Он не знал, что то единственное, что выбрала Двадцать Седьмая в это утро для переноса на корабль, должно было быть доставлено именно в эту камеру.

Нужно только терпеливо ждать, когда киберы откроют дверь.

Двадцать Седьмая приготовилась ждать.

И тут отовсюду — сверху, снизу, из коридора — нарастая и перекрывая друг друга, послышался лязг, вибрирующее всхлипыванье планетарных двигателей и топот металлических ног. Хлопали двери камер, что-то быстро тащили по коридору, задевая за стенки; хлюпающий вой нарастал — и падал, нарастал и снова падал; потом он на время стих.

Было ясно, что корабль готовится к старту.

Двадцать Седьмая прижалась к полу — лбом, ладонями, всем телом. Но разве можно было во всем этом адском грохоте авральной погрузки различить шорох ползущего кибер-транспортёра! Поздно. Все равно поздно. Думать нужно было раньше. Думать нужно было утром. Думать надо было, думать, а не мчаться без оглядки к этому кораблю! И даже нет, не думать, а только слушаться того внутреннего голоса девчонки с Геи, который так часто учил ее, что делать.

Только вот утром он почему-то не подсказал ей, что бежать надо было не к кораблю, а от него.

Теперь поздно, вторая партия машин не вылетела, погрузка заканчивается.

Послышался тупой толчок в дверь. Двадцать Седьмая вскочила навстречу этому звуку и выпрямилась, опустив руки и слегка запрокинув голову.

8 Командир не оборачивался на звуки. Алые блики светящихся надписей плясали на пульте. Все механизмы на борту. Стукнула дверь, послышался лязг когтей по звонкому полу — значит, вошел Сто Сороковой. Началась подача энергии на центральный левитр. Превосходно. Левитр сожрет уйму энергии, но вблизи заселенного массива нельзя подниматься прямо на планетарных. Вспышка высоко в небе — другое дело, ее воспримут как молнию или зарницу. Снова стукнула дверь — это козлобородый Девяносто Третий. Нулевая готовность.

Командир помедлил, потом рука его потянулась к тумблеру внутренней связи. Нет. Сначала старт. Он убрал руку.

— Старт! — громко сказал он и запустил антигравитаторы.

Корабль медленно оторвался от поверхности Геи. Командир включил экран внешнего фона. Черная масса без единого огонька оседала под ними. Справа слабо мерцало море. Казалось, дикая, совершенно необитаемая планета оставалась там, внизу. Пожалуй, это полезно посмотреть Двадцать Седьмой. Никакого сожаления не остается, когда смотришь на эту безжизненную черноту. Надо, чтобы Двадцать Седьмая увидела это.

Он переложил рули на горизонтальный полет и вышел из рубки, даже не взглянув на остальных членов экипажа. Поднялся на второй горизонт. Нашел нужную дверь.

— Выходи, — сказал он девушке. — Выходи. Мы в воздухе.

Она не двинулась с места.

— Гея еще видна, — сказал он. — Черная, ничего не давшая нам Гея. Поди и посмотри на нее.

Двадцать Седьмая молчала.

— Я приказываю тебе пройти в рубку!

Девушка не шевелилась, опустив руки и чуть запрокинув голову. Командир переступил порог камеры и подошел к ней.

— Ты... — начал он и поперхнулся: зрачки ее глаз были так же белы, как и все лицо. Их попросту не было.

Он поднял руку и осторожно потрогал гладкий высокий лоб. Пальцем провел по шее, вдоль руки.

Камень.

Он долго стоял, силясь что-то постичь. Потом вздрогнул: о чем он сейчас думает? Этого он не мог понять. Путаница мыслей. Она превратилась в камень? Глупости. Можно принять вид камня, но превратиться в него?..

9

Девушка протянула ладони вперед — было совсем темно, и если бы не слабое инфракрасное излучение отдающих перед рассветом свое последнее тепло камней, она вряд ли смогла бы найти ту дорогу, по которой она шла вчера утром вместе со своим козлобородым провожатым. Впереди еще крутой подъем, острый щебень, попадающий в сандалии, и по краю холма — литые веретенообразные тела кипарисов, нацеленных в ночное небо, точно ждущих сигнала, чтобы рвануться вверх и пойти на сближение с ко-раблем, бесшумно, воровски уходящим прочь от Геи.

Девушка проводит рукой по шершавой стене. Нашупывает провал двери. Изнутри кто-то рычит и всхлипывает. Можно не бояться, это во сне, но только бы не разбудить никого: ее белое платье видно издали, за ней погонятся и она может потерять дорогу. А для нее сейчас главное — не сбиться с пути. С трудом она нашла ту харчевню, у которой вчера они расстались со стариком. Он нырнул сюда, в душный проем слепой двери. Дальше она пошла одна.

Девушка двинулась дальше, шаг за шагом повторяя вчерашний путь. Вот высокий пенъ, на который женщины ставили свои кувшины, поднимаясь в гору и отдыхая на середине пути. Вот отсюда она свернула на узенькую тропинку, круто взбирающуюся на холм. Здесь ее встретил раб с тростниковой сеткой для рыбы, и она ускорила шаги, встретившись с ним взглядом.

А вот и вершина холма, и здесь она увидела этого человека.

Было в нем что-то, отличающее его от всех других геанитов. Не лицо. Лица она не помнила, хотя у нее сохранилось ощущение, что смотреть на него доставляло ей удовольствие. И не одежда — она была обычна и поэтому не запомнилась совсем. Но было в этом человеке какое-то безнадежное, отчаянное спокойствие, оно проскальзывало и в выражении слишком сжатых губ, и в сдержанной медлительности легкой походки, и в том, как он обошел ее, не только не обшарив ее жадным и завистливым взглядом, как это делали все встречные геаниты, а попросту не заметив ее.

Что он делал на холме? Вчера она не могла понять этого. Но сегодня, увидев впереди пепельное свечение предутреннего неба,

девушка поняла: он поднимался сюда, чтобы посмотреть, как из-за моря встает далекое негреющее солнце. Вчера она не знала этого, но все равно что-то толкнуло ее, и она пошла следом за этим человеком.

Они петляли по узким сырым лабиринтам приморских улочек. Девушка не знала, удаляются ли они от центра города или приближаются к нему. Человек, за которым она шла, ни разу ни ускорил шагов. Так же тихо шла за ним девушка. Но странно, чем дальше продолжался этот медленный, спокойный путь, тем больше охватывало ее предчувствие чего-то необычайного, и ей хотелось всей силой своего желанья подтолкнуть его, заставить идти быстрее. Если бы она могла, она заставила бы его побежать. Но ей приходилось сдерживаться и замедлять шаги, и внутри нарастала и капризная детская злость, и смятенное недоумение, и отчаянный страх, заставлявший ее не думать о том, что же случится, когда они дойдут до конца пути.

Сейчас она шла быстро, не шла, а летела, безошибочно находя нужные повороты и перекрестки, спускаясь все ниже и ниже и порой чуть не падая в темных провалах улиц, пока руки ее не узнали сыроватый раскол огромного камня, на который опирались ворота, и теплую шершавинку плюща. Ворота эти, неожиданно громоздкие и высокие, удивили ее вчера — в остальных стенах этой улочки виднелись маленькие калитки, в которые высокий геанит мог пройти только пригнувшись. Вчера она беспрепятственно прошла в эти ворота, но сейчас они были заперты — вероятно, на ночь. Девушка включила левитр. Бесшумно подчалась она над заросшей черным плющом стеной и опустилась во дворе дома. Там, внутри дворика, было еще темнее, чем на улице, и девушка с трудом нашла замшелый каменный колодец. Напрягая все силы, она сдвинула плиту, закрывавшую ее отверстие, потом сняла с себя пояс с двумя плоскими коробочками — переносным фоном и аккумуляторным левитром.

Все это, связанное вместе, с гулким бульканьем исчезло в воде. Ничего больше не осталось от мира Логитании.

Девушка вышла на песчаную дорожку. Рассвет уже занялся, а разгорается он так быстро, что не успеешь оглянуться — уже наступил день. Вот и птицы, нелетающие домашние птицы начали свою переключку из одного конца города в другой. Если и сегодня этот человек захочет посмотреть, как подымается из моря неяркое геанитское светило, то скоро он выйдет из дому.

Девушка оставила слева маленький домик с подслеповатыми узенькими окошками и, прячась, как вчера, за непроницаемой стеной кустов, подошла к чернеющему в глубине сада навесу.

Когда вчера она поняла, что это — всего-навсего мастерская одного из тех людей, что изготавливают ненужные предметы для украшения улиц и зданий, ею овладело глухое разочарование. Все время, пока она шла за этим человеком, ее не оставляла надежда, что наконец ей раскроется чудесная тайна отличия геанитов от логитан. Она всем своим существом понимала, что такая тайна есть, и главное ее очарование заключается в том, что геаниты для чего-то нужны друг другу. До сих пор она сама не была нужна никому, и точно так же и ей не был необходим ни один человек. Все они принадлежали Великой Логитании, их взаимоотношения складывались только из того, что более опытный был обязан указать менее опытному, как продуктивнее и результативнее затрачивать свой труд в процессе своего служения.

А здесь все было не так. С первых же своих шагов по этой странной земле она поняла, что ее обитатели для чего-то остро нуждаются друг в друге, они ищут кого-то и выбор их свободен.

Мало того, она поняла, что она сама нужна им, нужна буквально каждому, и это стремление превратить ее в свою собственность ошеломило ее и наполнило инстинктивным желанием убежать.

И вот вчера поутру она встретила человека, бежать от которого ей совсем не хотелось. Он был равнодушен и невнимателен. Лицо его было бесстрастно, но, пока она шла следом за ним, она представляла себе, что могло бы произойти, если бы этот человек повел себя так же, как и все другие. С удивлением отыскивая в себе испуг и не находя его, она переносила на этого человека всю ту алчность, которую она привыкла встречать во взглядах остальных геанитов, и с недоумением понимала, что выражение плотоядной жадности просто несовместимо с его лицом. Это был человек, созданный для того, чтобы владеть целым миром, добрым и сказочным, и главное — подчинившимся ему добровольно.

Она стояла за его спиной, со всей своей сказочностью существа с чужой звезды, со всей своей добротой ребенка, не знавшего самого слова «зло», со всей доверчивой готовностью узнать наконец: так для чего же один геанит нужен другому?

Но она не чувствовала себя частицей мира этой Геи, она была чужой, инородной, ненужной.

Вот он уйдет, а она так и не посмеет окликнуть его.

Но он не уходил. Спрятавшись в виноградных кустах, она смотрела на него, стоявшего на пороге своей мастерской. Осколки камня усеивали пол, вдоль задней стены виднелись белые вазы и фигурки

зверей, вылепленные из теплой лиловато-коричневой глины. В центре стояла статуя, прикрытая светлой льняной тканью.

Казалось, человек силится разглядеть ее черты сквозь грубую ткань и боится этого, словно вот эта самая закутанная в покрывало фигура и была источником его глубоко спрятанного горя. Так вот что заставляло его страдать — каменный идол, неведомое божество, грубая подделка человеческой фигуры...

Человек сделал шаг вперед, опустил голову, словно запрещающая себе глядеть на свое творение, и вот так, не глядя, снял покрывало.

Это не было божество. Это была она, Двадцать Седьмая.

Человек опустился на колени перед статуей, прижался виском к ее подножью, и девушка увидела его лицо.

Человек плакал.

Потрясенная, не верящая своим глазам, девушка сделала шаг назад. И еще. И еще. Этот мир, недостижимый для нее, мир, где плачут перед каменными изваяниями, — казалось, этот мир выталикивал ее, чужую и непричастную к его тайне.

И тогда она побежала. Задыхаясь от болезненно острого ощущения собственной чужеродности, от горя всей этой неприкаянности, невыполнимости только родившейся мечты, а главное от ненужности этому единственному во всей вселенной человеку, она мчалась через весь город, чтобы забиться в угол своей каюты и остаться наконец одной. Ни геанитов, ни логитан.

Но и тут, в одиночестве, успокоиться она не могла. Слишком невероятно было то, что она увидела. Каким образом ее статуя очутилась в мастерской неизвестного скульптора? Девушка знала, что на ее изготовление нужно гораздо больше времени, чем те три дня, которые она провела в городе геанитов. Значит, художник изображал не ее. Откуда же сходство? Может быть, кибер-коллектор, собиравший все сведения о геанитах до выхода членов экспедиции из корабля, видел эту статую и предложил Двадцать Седьмой принять этот образ?

Нет, такого не могло быть. Киберы не ошибаются. Программа была сформулирована четко: на основе известных данных о внешнем виде женщины данной планеты создать собирательный образ молодой девушки этого города, отвечающий всем основным требованиям геанитов. Кибер не лепил просто среднего. Если он встречал какое-либо отклонение, недостаток с точки зрения аборигенов, — в своем синтезе он избегал этой черты. Поэтому Двадцать Седьмая получилась идеальной девушкой, какую только мог представить себе геанит, точно так же, как Сто Сороковой был самым великолепным

псом в этом городе, а Девяносто Третий — самым жалким нищим.

Но, значит, и тот, неизвестный, тоже задался целью создать образ совершенной молодой женщины?

Но для чего?

И тогда девушка заметила, что «упитки», которую она все утро держала в руке, нет. «Улитки» с номером отдаленной, никогда не используемой камеры. Девушка хотела взять что-нибудь на память из сада этого человека и, сама того не заметив, в минуты смятения выронила крошечный аппарат возле самой статуи.

Вот и хорошо. Ночью цепкие щупальца оплетут ее, бережно поднимут и доставят туда, в одну из резервных камер, куда никто не догадается заглянуть. Она только взглянет на нее — на самое себя, только каменную, и тогда, может быть, ей станет ясна та неуловимая разница, которая заставила этого человека равнодушно обойти ее там, на вершине холма, а потом безудержно, как это можно делать только в одиночестве, плакать у ног ее мраморного двойника.

Камень был ему нужнее человека. Непонятно, но пусть так и будет. Она сама станет камнем, насколько это возможно. Одежда, сандалии, украшения. Это отняло совсем немного времени. Теперь обесцветить свое тело. Вот так. Теперь их было бы не различить...

И тогда ее снова увидел Командир. Неожиданно он заговорил о Гее. Он заметил, что она успела изготовить новую одежду, но она не стала отвечать на его вопросы, и тогда он начал последовательно и логично доказывать ей всю бренность и мерзость геанитского существования. И чем дальше лилось его бормотанье, тем четче возникало у нее убеждение: она должна остаться на Гее. Он говорил о далекой и великой родине, но для нее уже существовал всего один уголок во вселенной, за который она отдала бы по капельке всю свою жизнь. Она знала, что вряд ли сможет стать настоящей девушкой Геи — что-то отличает ее от них, может быть, нераскрытая тайна. Да она и не хотела так много. Она согласилась бы стать просто вещью, неподвижной вещью, лишь бы быть нужной этому человеку. Командир говорил о далеких мирах, подчинившихся Великой Логитании, о бесконечных далях Пространства, — а она тихонько смеялась над ним, над его куцей мудростью и жалела его, оттого, что не может рассказать ему все, что переполняет ее. Он даже не поймет, какое это счастье — быть вещью, неподвижной мертвой вещью, которая один раз — рано поутру — будет нужна тому человеку с холма.

И она уже в тысячный раз повторяла себе: только вещь, ко-

торой раз в день, поутру, он будет касаться, снимая с нее покрывало, и возле которой он будет опускаться на дощатый, забрызганный камнем пол и волосы его будут рассыпаться по белому мрамору подножья... А потом она устала от непривычности этих грез и только с тоской ждала, когда же Командир кончит, а он все говорил, говорил, говорил, словно все, что он рассказывал, теперь имело к девушке хоть какое-нибудь отношение.

Он кончил, и она сказала ему, чтобы прекратить все раз и навсегда:

— Я хочу остаться на Гее.

А потом была камера, и грохот предстартовой суеты, и бесконечное ожидание освобождения, и побег, когда она даже не успела взглянуть на своего каменного двойника,— а потом ночная дорога над горами, по темному переплетению улиц, до этого двора, до этого порога.

10.. Она вошла в мастерскую, ноги ее ступили на мягкое. Девушка нагнулась и подняла льняное покрывало. Стремительно светлело, и четкий четырехугольник постамента, с которого бесшумными ультразвуковыми ножами была срезана статуя, белел посередине. Девушка медленно поднялась на него. Теперь это будет ее место. Место вещи. Все утро, весь день и весь вечер она будет мертвой, неподвижной вещью. Только ночью она будет бесшумно выходить в сад, чтобы сорвать несколько плодов и зачерпнуть из колодца горсть ледяной воды.

Стало еще светлее —наверное, солнце осветило вершины ближних гор. На улице, за каменной стеной, кто-то пронзительно закричал на непонятном, незнакомом языке. Надо торопиться.

Она накинута покрывало и, опустив руки, чуть-чуть запрокинула назад голову —так, как стояла до нее статуя. И всем телом почувствовала, что к этой позе она привыкла,—ведь именно так она стояла всегда перед теми, с кем она рассталась навсегда. Стоять ей будет легко. Вот только душно под плотным покрывалом. Теперь надо замереть неподвижно и дышать так, как умеют только логитане,—чтобы не дрогнул ни один мускул. И тепло. Утратить человеческое тепло, стать ледяной, как ночной камень,—так умеют тоже одни логитане. Но нужно успеть, пока он не подошел и не коснулся ее.

В домике хлопнула дверь. Девушка замерла, не шевелясь. Сейчас он пройдет мимо и выйдет на улицу, направляясь к морю. Как жаль, что она не может его видеть...

Но сегодня он не пошел к морю. Она не ждала, она не хотела, чтобы это случилось так скоро, но помимо ее воли шаги стремительно ворвались в мастерскую, неистовые руки с такой силой сорвали с нее покрывало, что она едва удержалась, чтобы не покачнуться, и горячие человеческие губы прижались к ее ногам — там, где на узкой, еще теплой щиколотке перекрещивались холодные синтериклоновые ремешки сандалий.

Все,— поняла она,— все. Не успела, не ждала так скоро. А теперь он поймет ее обман, потому что почувствует теплоту ее тела.

Не почувствовать было невозможно. Он отшатнулся и вскочил на ноги. Вот и все. Даже вещь, мертвой неподвижной вещь она не сумела для него стать.

Она вздохнула, тихонечко и виновато, и сделала шаг вперед, спускаясь со своего мраморного подножья.

ЭПИЛОГ

Справа от дорожки тянулся бесконечный ряд причудливых каменных зверей; изваянные из разноцветной яшмы, они стояли, низко пригнув тупые многорогие морды, и задние лапы каждого следующего зверя опирались на голову предыдущего. Полированные звериные зады подымались к небу, из которого, косо подсвеченные только что взошедшим совершенно белым светилом, рассеянно падали одинокие сухие снежинки. Белая крупка покрывала дорожку, и было видно, что сегодня по ней уже кто-то прошел. Прошли двое, пошли рядом, очень близко друг к другу.

— Сюда,— сказала Бина, потому что следы, протоптанные на дорожке, сворачивали влево.

Сергей отпустил ее руку, и они, протиснувшись между лиловыми яшмовыми истуканами, пошли дальше по тропинке, теряющейся в лабиринте развалин и обломков. Это была гигантская, неопишемая свалка. Загачочные машины, обломки конструкций неизвестного назначения, обрывки полуистлевших картин, осколки статуй и колонн, муляжи и чучела, а может быть, и мумии — все это было припорошено сухим снежком и оплетено цепкими лапами ползучей когорой.

— Ты только подумай,— сказала Бина, на ходу поворачивая голову, чтобы ветер донес до Сергея ее слова.— Ты подумай только, ведь все это было признано ненужным нашей Великой Логитании.

— Прежде всего это надо прикрыть сверху. Система синтериклоновых куполов. Устойчивый микроклимат. Спасать что осталось. Потом уже начинать разбираться.

— До этого у нас еще руки не дошли,— виновато проговорила Бина.— Ты же сам видишь, сколько у нас забот...

Сергей промолчал. Да, им пока было не до яшмовых баранов. Даже если они принесены с далеких чужих планет.

— Вот,— сказала девушка и остановилась.— Смотри.

Тропинка была узкая, и Сергей не мог стать рядом с Биной, он просто сделал шаг вперед и обнял ее сзади за плечи.

Бина запрокинула назад голову, и Сергей губами и щекой почувствовал теплоту ее близкого смуглого лица.

— Смотри же,— повторила она,— смотри.

Он глянул.

Перед ним, прямо на снегу, без всякого подножья или пьедестала, стояла мраморная статуя. Статуя земной женщины небывалой красоты.

— Это Двадцать Седьмая,— сказала Бина.— Помнишь?

— Да нет же,— возразил Сергей,— она наша, земная. Только... Только таких на Земле не бывает. Такую можно только выдумать. Бина засмеялась.

— Это логитанка. Самая настоящая, из касты Собирателей — ведь тогда еще были касты. Эту статую разыскал их командир, его, кажется, звали Четвертый. А потом сюда пришел первый отряд тех, кто решил драться за право человеческой жизни, за волю своего сердца. Она была им нужна, понимаешь? Это как... Как символ, как знамя. Вы знаете на Земле, что такое знамя?

Теперь улыбнулся Сергей:

— Мы на Земле это знаем. Когда идешь в бой, под знаменем как-то легче. Правда, когда доходит до рукопашной, о нем иногда забываешь. А когда все кончено, подымаешься и отряхиваешься, ему приходится выполнять самую печальную из своих функций — покрывать мертвых.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Бина.— Разве на Земле еще бывает такое?

— На Земле — нет. Но я звездолетчик.

— Да. Об этом я ни на минуту не могу забыть. Потому что из всего огромного смысла слова «звездолетчик» для меня существует только одно — это то, что ты должен улететь.

— Разве...

— Помолчи,— тихо проговорила Бина.— Пожалуйста, помолчи. Постоим немножко, ничего не говоря друг другу.

Они стояли молча, и было только косое рассветное солнце, и редкий снег, и белая мраморная женщина, стоящая прямо на снегу, и руки Сергея, такие огромные по сравнению с узенькими плечами

Бины, и оба ее сердца, пугливо, не в лад бьющиеся под этими руками.

Потом сзади захрустели шаги.

— Все,— сказала Бина,— все. Бежим скорее. Нас ждут.

Она потянула Сергея за руку, они обогнули статую и быстро пошли по тропинке, но Сергей остановился и оглянулся.

— Бина, — спросил он, — а для чего сюда приходят сейчас?

Перед статуей, точно так же, как минуту назад они сами, замерли двое. Он обнимал ее за плечи, и оба молчали. У этих двоих были такие лица, что Сергей повторил:

— Для чего приходят сюда?

Бина отвернулась. Потом тихо, так, что Сергей с трудом слышал, проговорила:

— У нас такой обычай...

Сергей посмотрел на этих двоих, молчаливо и серьезно стоявших перед статуей Двадцать Седьмой, и понял, что это был за обычай.

— Бина,— сказал он,— я дурак, я последний идиот, ты прости меня...

Он целовал ее маленькое, теплое лицо, она жмурилась, словно хотела заплакать, но на самом деле ей было просто очень хорошо и очень стыдно в теплых потемках своих зажмуренных глаз, а когда она их, наконец, открыла, перед статуей уже не было никого, и только падал снег, и она счастливо засмеялась этой одновременно солнца и снега и сказала:

— Грибной снег, видишь?

— Не вижу,— говорил Сергей,— ничего не вижу, и грибного снега не бывает.

— Глупый, и где это ты набрался этой омерзительной логичности? Здесь, да?

— Нет, не набрался. Я ее начисто растерял. Это была последняя капля.

Сзади снова послышались шаги, и перед статуей Двадцать Седьмой остановились еще двое.

— Идем же,— сказала Бина.

— Хорошо,— согласился Сергей,— но перед отлетом мы еще сюда вернемся, ладно? Может быть, ей,— он кивнул на статую,— захочется передать что-нибудь на Землю.

— Почему ты так уверен, что она осталась именно на Земле? Ведь не сохранилось никаких сведений о полете — все архивы сгорели во время восстания. Только статуя — и легенда.

— Ты знаешь, у нас на Земле существует аналогичное предание... Только я все время пытаюсь его вспомнить — и не могу.

Обрывки какие-то. Но существует. И потом — камень самый земной, обыкновенный мрамор, да и красота сказочная, но земная.

— Нет,— сказала Бина,— тебе просто очень хочется, чтобы все это произошло на твоей родине. Но подумай сам: планета, на которой осталась Двадцать Седьмая, была отнесена к числу тех, которые ничего не могут дать Великой Логитании. Ну, подумай, разве это могла быть Земля?

— Да,— согласился Сергей,— тогда это не Земля. Чертовски жаль, но это, значит, не Земля...

■

ОРУЖИЕ ТВОИХ ГЛАЗ

Неповторимый запах железной дороги. Властный запах. Он уводит назад, назад. Заставляет припомнить давно пережитое, отшумевшее. С каждым днем оно уходило все дальше. И всегда возвращалось. Еще вчера он стоял у вагонного окна. Убегали столбы, и параллели проводов то подымались, то опускались. Уносились деревья, стога сена и белые хатки. Только горизонт оставался неподвижен. Будто он не подвластен ни времени, ни движению, этот далекий и чистый горизонт.

Сергей Александрович Мохов еще раз прошелся вдоль путей, взглянул на часы и не очень уверенно направился к вокзалу. Поравнявшись с причудливым кирпичным строением, на котором было написано «Кипяток», он остановился, опять посмотрел на черный циферблат своих часов и долго глядел на смутное свое отражение. Он никуда не спешил. И если бы его спросили, зачем он пришел сюда, не смог бы дать ясного ответа.

Когда-то он жил в этом городе. Помнил разрушенные его дома и пыльную листву высоких южных тополей. Здесь закончил школу, и воспоминание о выпускном вечере все еще грустно и ласково сжимало сердце. Они пришли на вокзал тогда прямо из школы. Разгоряченные, чуточку хмельные. Куда-то звали уходящие в ночь рельсы, чуть мерцали фиолетово-синие огоньки на путях.

Родился он в Херсоне, эвакуирован был в Свердловск. Может быть, поэтому и покинул без сожаления тихий украинский городок, в котором прожил три года. Уехал учиться в Москву.

Переписка с друзьями по школе быстро оборвалась — мальчишкам не до писем. Увеликли, закружили новые привязанности,

Растерял, позабыл адреса. Шутка ли! Почти два десятилетия... Целая жизнь.

Он никого не нашел здесь из тех, с кем хотел повидаться. Все разъехались, разлетелись по огромной стране. Исчезли руины. Появились кварталы новых домов. Сгинула толкучка, на пустыре построили стадион (товарищеская встреча между футбольными командами «Шинник» — «СКА» сегодня в 18.30). Карлов замок превратился в краеведческий музей.

А Юрка? Юрка уехал неизвестно куда. Что поделаешь?..

Пора домой. К трудам и заботам.

Но как тревожит душу этот догорающий день! Все ли он сделал для того, чтобы отыскать стертые временем следы?

Сладковато пахнет разогретый на солнце битум, ослепительный блик чуть дрожит на горячем рельсе и ревет маневровый паровоз на запасном пути.

Нужно взять билет, съездить в гостиницу за чемоданом, а не ходить тут неведомо зачем. Поезд отправляется в 19.03. Можно успеть перекусить на дорогу... Взять в вагон бутылку минералочки, купить керамическую свистульку сынишке...

В воздухе уже летает прилипчатый тополиный пух. Пыльный закат пламенеет в стеклах. Время почти не движется. Только в черном циферблате часов появляется и исчезает слегка искаженное отражение немолодого уже человека.

Сергей Александрович чуть наклонил голову и решительно зашагал к вокзалу. Но у буфета остановился, помедлил немного и толкнул обшарпанную дверь.

Он взял кружку пива и два бутерброда — с колбасой и сыром. Присел за круглый мраморный столик. На холодной кружке туманный налет. Медленно тает пена. Сергей Александрович немного отпил и отодвинул кружку.

На холодной кружке туманный налет. Медленно тает пена. Сергей немного отпил и отодвинул кружку.

— Твой Шкелетик снова загудел в больницу, — сказал Юрка.

Они сидели в привокзальном буфете. Для Сережи это была первая в жизни кружка пива. Горьковатый, терпко пахнущий хмелем напиток не нравился ему, но он не подавал виду. Пил и попыхивал сигаретой совсем как взрослый.

— Что с ним?

— Все то же. Голова, приступы.

Они помолчали и приложились к кружкам.

— И охота тебе с ним возиться,— лениво сказал Юрка.

Охота? При чем тут охота? Но как объяснить это Юрке! Как объяснить...

— Месяц проваляется, придет к концу четверти. Отстанет по всем предметам,— глядя в окно, сказал Сережа. Там медленно двигался тяжелый состав. На открытых платформах матово поблескивали груды угля.

— Он не отстанет,— криво улыбнулся Юрка.— Вундеркинд.

Да, вундеркинд. Ну и что? Это ему не даром дается.

— Каждый из нас по-своему вундеркинд,— философски сказал Сережа.— Просто другой он. Понимаешь? Другой.— Сережа с трудом находил нужные слова.

Почему ты его не любишь? Почему вы все его не любите? За что? С самого начала настроились против парня. Почему, спрашивается?

— А чем он, по-твоему, хорош? — вспылил Юрка.— Почему ты один из всего класса с ним дружишь? Больше никто, только ты.

Сейчас у Юрки противные нахальные глаза. Они и вообще-то не очень скромны, эти голубые бусинки, но сейчас особенно. Неохота откровенничать с человеком, когда у него такой взгляд. Все же пиво крепкое. Забирает. У Сережи слегка шумело в ушах. Он улыбнулся. Не очень-то весело улыбнулся.

— Пойдем отсюда, здорово паровозами воняет.

Они поднялись. Вокзальный буфет помещался в вагончике, вкопанном в землю. Там же были касса и диспетчерская. Разрушенный прямым попаданием фугаски вокзал представлял собой аккуратно прибранные развалины. По ту сторону железнодорожного полотна работала камнедробилка. Водопад мелких камней грохотал по металлическому желобу.

Сошли с перрона и зашагали по мощеной дороге, обсаженной с двух сторон липами. Апрельское солнце и мартовское пиво размаривали. Юра сломал ветку и, ободрав с нее листья, получил длинную и тонкую хворостину. Он щелкал ею себя по ногам и рассматривал небо.

Не в настроении. Он всегда молчит, когда ему что-то не нравится. И чего он злится?

— Слушай, Юрко,— нерешительно начал Сережа.

— Ну? — Юрка встрепенулся.

Не злится, а ревнует. Ведь он тоже мой друг. Он хороший парень и... умеет держать язык за зубами.

— Я тебе кое-что расскажу, Юрко, только... Это история сложная... Одним словом, надо молчать, понимаешь?

Юрка кивнул. У него даже вспыхнули уши от любопытства.

Сережа некоторое время шел молча. Обдумал, что он может рассказать Юрке. Пожалуй, все... Только об одном придется молчать.

— Ты помнишь, как его к нам в класс привели? — спросил он.

Юра улыбнулся. Как не помнить?

— У нас над ним любят подшучивать, — сказал Сережа, — наши мужички не очень-то народ соображающий. А зря. Сашка интересный человек. — И опять замолк.

Они шли сначала по булыжнику, затем по асфальту. Аллея лип кончилась, потянулись городские развалины. По обеим сторонам дороги торчали холмы щебня и голые стены, сквозь которые был виден горизонт, скрученная проволока, смятые, как вареные макароны, рельсы. Время вершило свой однообразный уравнивающий суд. Лес наступал на развалины — и побеждал. Первая зелень распустилась именно здесь, на щербатых холмах войны.

Весна только еще начиналась, но все деревья уже были усеяны крохотными листочками. А через месяц городок утонет в пыльной листве. В степных краях, где родился Сережа, такого не было, листва там редкая, с восковым налетом, будто искусственная.

— Так что ты хотел сказать о Сашке? — нетерпеливо спросил Юра.

— Несправедливы мы к нему. Когда Алексей Иванович его привел, он сразу не понравился нашим. И с тех пор пошло...

Когда Алексей Иванович ввел в класс нового ученика, тот порастил всех своей худобой и бледностью. Мальчишки настороженно молчали, и Алексей Иванович сказал:

— Вот ваш новый товарищ, его зовут Саша.

Зашумели, загалдели, и вдруг кто-то сказал:

— Шкелетик прибыл.

Алексей Иванович, очевидно, не расслышал, на лице Саши тоже ничего не отразилось. Было непонятно, видит ли он то, что находится перед ним. Было непонятно, слышит ли он то, что произносится рядом с ним. Это был непонятный мальчик. Отсутствующее выражение его лица беспокоило учителей и вызывало насмешки учеников. «Шкелетик» — это не самое худшее прозвище, придуманное изобретательными ребятами.

— А ты знаешь, что Саша с отцом был в концлагере у фашистов? Отец погиб, а он выжил. Чудом выжил.

— Вот как? — сказал Юрка. — Ну и что?

— Ну, знаешь!

Для него это ничего не значит. Так, пустячок. Был или не был,

неважно. Посмотрел бы я на тебя, каким бы ты стал после Освенцима.

— Поэтому он и стал такой,— заключил Сережа.

— Какой такой? — ухмыльнулся Юра.

— Ну... больной и странный немножко. А наши этого не понимают. Даже учителя некоторые. Не любят его. А за что?

— Слишком умничают. Много из себя воображает. Генчик прямо ему сказал, что он выскочка. Разве неправда?

— Неправда. Сашка и впрямь умный. Он хочет до всего сам докопаться, он не такой, как все остальные, он...— Сережа подумал и заключил:— А Генчик сволочь. Фашист.

— Нет. Генчик самый умный. Он еще при панской Польше в университете преподавал. Его работы и за границей известны.

— Что же он сейчас школьным учителем стал? — насмешливо спросил Сережа.— Не признают его талантов? Или с немцами путался?

— Он сам не хочет. Он дома работает.

Сережа недоверчиво покачал головой. Юрка загорячился.

— Не веришь? Я сам видел. Мы прошлый год в Карловом замке яблоки воровали, и я заглянул в окно на втором этаже...

— Генчик живет в Карловом замке?

— Ну да. И в комнате у него я видел приборы какие-то, колбы, ну чисто наш физический кабинет.

— Все равно он сволочь,— твердо заключил Сережа.— И, наверное, с бандеровцами связан. В таком месте живет, не может быть, чтобы лесные гости к нему не захаживали.

— Ну, об этом оперативники лучше знают, чем мы с тобой. Во всяком случае до сих пор его не забрали.

— Потому что не накрыли. Может, он нужен им как приманка. Посмотришь, еще накроют. Генчик фашист, помани мое слово. Я фашиста за сто шагов чую. Недаром мой отец четыре года в плену провел. А Сашку Генчик ненавидит за то, что еврей. Знаешь, как фашиста на чистую воду вывести? Столкни его с умным евреем. Одолеть он его в честном споре не сможет и сразу начинает за пистолет хвататься. А стрелять сейчас нельзя. Вот почему Генчик не любит Сашку.

— Нет,— сухо сказал Юрка.— Генчик настоящий ученый. Он показухи и хвастовства не любит. А Сашка, неважно, еврей он или нет, всегда на первое место лезет. Поэтому Генчик его осаживает. Не понимаю, почему ты со своим Сашкой, как с писаной торбой, мочишься?

Сережа насупился.

— Он мой товарищ, да и твой тоже. С ним интересно. А Ген-

чик... С девяти до трех он учитель физики средней школы, а вот хотел бы я знать, чем он занимается с пяти вечера и до девяти утра.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Я уверен, что этот фашист связан с бандеровцами. И места лучше, чем Карлов замок, для этого вряд ли найдешь.

Юра нахмурился. Он отвернулся и сплюнул.

— Ерунда! Но если хочешь, мы можем проверить. Подсмотрим, что делает Генчик по вечерам и даже ночью. Не сробеешь? Я Карлов замок знаю.

У Сережи перехватило дыхание.

Вот оно что! Это интересно. Скучноватый субботний день наполнился гремющими звуками. Резели сирены, взрывались гранаты, рассыпались пулеметные очереди.

— Что ж, давай. Можно попробовать.

Юра испытующе посмотрел на него.

— Ты не бойся, мы не с пустыми руками пойдем. У меня есть «вальтер».

У него есть «вальтер»? Да, конечно, Сережа сам сколько раз держал в руках эту замечательную штуку. Темная вороненая сталь с голубыми дымящимися разводами, рифленая рукоятка — именное оружие какого-то фрица. Юрка откопал его возле сгоревшего «Тигра».

— А патроны есть? У тебя же не было патронов?

— Достанем.

Они помолчали.

— Зачем нам это нужно? Ведь никто спасибо не скажет, а если узнают про оружие, здорово погореть можно, — Сережа задумчиво чертил на земле замысловатые узоры.

— Как знаешь, — Юрка встал со скамейки. — Я пойду, мне отец велел быть дома, дрова рубить надо. А ты куда сейчас?

— Зайду Сашку проведу. Как он и что. Может, ему чего надо.

— Ладно. Бывай. — Юра ушел, насвистывая песенку.

Сережа долго смотрел ему вслед. «И пока за туманами видеть мог паренек, — подпевал он про себя уходящей мелодии, — на окошке на девичьем все горел огонек...»

В больнице Саши не было. Сестра сказала, что он провел у них всю ночь, утром ему сделали укол и он ушел домой.

Сережа пошел на Здолбунивскую, где в маленьком полуразвалившемся от старости домике жил Саша со своей теткой Зосей. Впрочем, какая она ему тетка? Так, старая знакомая отца, которая из жалости приютила сироту. Приют этот был для Саши тяжелым

испытанием. Тетка Зося пила. В свободное от работы время она заливала неудавшуюся жизнь самогоном.

Саша спал, накрыв лицо «Занимательной арифметикой» Перельмана.

Сережа присел на краешек колченогого венского стула и огляделся. Ну и конура! Маленькое окошко выходит в огород, сквозь пыльные стекла видны скучные небрежно вскопанные грядки.

В комнате всего и мебели, что никелированная кровать с отвинченными шариками, стол, кухонный шкаф да два стула. Рисованные обои давно стерлись, и на Сережу глядели угрожающие лиловые пятна. Воздух затхлый, нежилой.

Сережа прошелся по комнате. На столе аккуратной стопкой лежат учебники. В открытой тетрадке размашистым Сашиным почерком написано: «Упражнение №...»

Ящик стола выдвинут, и в нем Сережа увидел темную старинную шкатулку. Интересно! Сашка никогда не показывал ее. Сережа знал все Сашкино барахло: коллекцию карманных фонарей, набор радиоламп к немецкому приемнику, оккупационные марки, цветные фотографии прибалтийского курорта, серую монету в 10 пфеннигов и несколько автоматных гильз. Но шкатулки раньше не было. Никогда Сережа не видел у него шкатулки. Или он до сих пор ее прятал, или недавно достал. Вряд ли он мог ее купить: на тети Зосины гроши не развернешься. Скорей всего кто-то подарил ему эту красивую штуковину.

Сережа приподнял крышку. Изнутри на ней была наклеена фотография немолодого мужчины с печальными глазами, на дне лежало... Что это может быть? Два черных полированных диска, скрепленных дужкой посредине и с проволочками по бокам.

Сережа извлек странную штуковину. Похоже на очки. Очки для слепых.

Сережа повертел их в руках, посмотрел на свет и поднес к глазам. Самые обычные темные очки! Он отвернулся от окна и устал в темный угол. И тогда ему показалось, что он смотрит сквозь темное стекло на ярко освещенный киноэкран, где только что демонстрировался интересный фильм и внезапно оборвалась лента. Яркие точки и полосы прыгали, образуя причудливые узоры и разгорались все сильнее, сильнее... Грязные обои едва проглядывали сквозь это неожиданное сияние.

— Ты что, обалдел!

Разъяренный Саша сорвал диски с Сережиного носа и спрятал их в шкатулку. Руки у него тряслись.

Сережа смущенно потер переносицу.

— Что это за штука, Саша?

— Что! Что! Не твоего ума дело. Как ты вошел?

Он постепенно успокоился и аккуратно уложил очки в шкатулку. Сережа недоуменно глядел на его худую спину с острыми лопатками и тонкие голые ноги.

Чего он так разволновался? Что-то здесь неладно...

— Дверь не заперта, вот я и вошел.

— У этой пьяной дурехи все нараспашку. И душа, и двери,— сердито сказал Саша. Он забрался под одеяло и сурово посмотрел на Сережу. Потом улыбнулся.

— Садись. Не обижайся, что я так... Ты меня напугал. Эта штука опасная... Что делал?

— С Юркой ходил на вокзал пиво пить... Как здоровье?

— Да ничего. Как обычно. Думал, будет хуже, но сразу после укола очухался и отпросился домой. Не люблю больницу. Что нового в школе?

— Ничего особенного. Алексей Иванович велел узнать, что с тобой...

Они перекинулись еще несколькими фразами, но разговор явно не клеился. Сережа через силу выдавливал из себя слова. Саша внимательно посмотрел на него. Сережа хорошо знал этот взгляд. Еще тогда, в первый раз, он поразил Сережу своей неподвижной безучастностью к внешнему миру. Только позже Сережа понял, что поверхностное равнодушие скрывало крайнюю уязвимость.

— Слишком много хочешь знать, дружище,— сказал Саша.

И Сережа вспомнил, что в первый же день Саша подошел к нему и сказал что-то очень похожее. Он сказал: «Хочешь поговорить со мной, дружище?» И Сережа ответил тогда так же, как и сейчас.

— Да, хочу.

Саша улыбнулся и, заложив руки под голову, сказал:

— Притащи-ка из кухни чайник и чашку для себя.

Сережа прихлебывал холодный чай из кружки с обломанным краем, Саша пил из помутневшего от времени граненого стакана.

Сереже показалось, что он не хочет рассказывать.

Но когда они покончили с чаем, Саша подобрал колени, устался на лиловое пятно обоев и вдруг рассмеялся.

— Ты знаешь, с этой штукой, которую ты только что держал в руках, у меня связано очень многое... Если все рассказать...

Он снова замолк.

— Я об этом ни с кем не говорил. Почти ни с кем. Один раз пытался, но мне не поверили, и я с тех пор — ни-ко-му. Ни слова. А хочется... Только смотри — молчание. Даже Юрке. Понимаешь?

— Ну?! — сказал Сережа.

— Да, молчать ты умеешь. Я знаю, что ты умеешь молчать. А я вот не умею. Мне бы и сейчас помолчать... ну да все равно. Расскажу-ка я тебе одну сказочку...

— Сказку я тебе сам расскажу,— сердито сказал Сережа.

— Это будет очень страшная сказка,— улыбнулся Саша.

— Мы сегодня с Юркой повешенного бандеровца видели.

— Э-э,— махнул рукой Саша,— я видел сотни повешенных.

— Юрка в первый раз увидел.

— Юрка хороший парень,— сказал Саша,— но ему еще до многого придется доходить. Ну ладно. Так хочешь слушать сказку-быль?

— Сам знаешь, что хочу. Чего спрашивать?

Саша опять улыбнулся, совсем как мудрый старик.

— Время. Что есть время? По метрике я старше тебя на три года. А по-настоящему — на тридцать три. Ну так вот...

Лицо его стало серьезным и печальным. Сереже вдруг вспомнилась фотография внутри шкатулки.

— Дело было так. В одной каменоломне, где работали заключенные концлагеря, упал человек.

— Разве в Освенциме были каменоломни? — удивился Сережа.— Я читал, что...

— Кто тебе сказал, что это было в Освенциме? В великой Германии было много разных хороших мест, куда могли упрятать неарийцев. Итак, человек упал. Упал и скатился по склону. Так бывает, когда человек слаб, как ребенок, когда его часто бьют и он живет в напряженном ожидании смерти. Когда он уже почти потерял все человеческое, он фактически труп, который едва способен переставлять ноги, а его принуждают делать работу большого крепкого здорового мужчины. Кстати, большинство входящих в газовые камеры были именно такие, потерявшие человеческий облик полутрупы-полулюди. Для многих смерть стала избавлением от страданий. Ну ладно... Человек упал, и капо не забил его до смерти, и начальник команды не заметил, и часовой не выстрелил. Человек получил возможность пролежать несколько минут на куче щебня, в углублении скалы, скрытый от лучей палящего солнца. Потом он мне рассказывал, что, открыв глаза, сразу увидел это.

— Что это?..

Саша посмотрел на него.

— Не перебивай. Я рассказываю сказку-быль. Догадывайся сам. Сходи-ка на кухню. Еще чайку хочется.

Сережа быстро поставил чайник и вернулся. Саша продолжал свой рассказ.

— Оно ослепило его. Ему показалось, что он смотрит на солнце. В действительности он лежал, уткнувшись носом в черный бле-

стоящий кусок породы. Человек ощупал его и отодвинул от себя, перевернулся на бок и снова посмотрел. Теперь оно не ослепляло его. Порода эта выглядела, как антрацит. Холодный металлический блеск, тонкая радужная пленка, сложная паутина поверхностных трещин. И в то же время она походила на друзю плотно сросшихся кристаллов, на их гранях сверкало солнце, далекое безжалостное солнце сорок четвертого года... Человек рассматривал неведомый минерал и ждал, когда прозвучит выстрел. Впрочем, он знал, что не услышит, как прозвучит смертный выстрел.

Но выстрела не было, и человек встал. Он подтянул ноги, опираясь на локти, приподнялся. А потом и выпрямился во весь рост, как и подобает человеку. И, пошатываясь, пополз вверх, туда, где его ждала смерть.

А вечером, когда рабочая команда вернулась в свои бараки и после проверки разошлась по блокам, человек обнаружил, что нашел удивительный минерал. Он сразу понял это. Человек этот был геолог, и не существовало для него немых камней. Каждый камень сверкал и звучал для него по-своему. Он умел различать немую музыку камня. Но мелодия черных кристаллов была ему незнакома. Он слышал сильные красивые звуки, он слышал большую, как мир, музыку, но инструментовка ее была ему непонятна. Голод, страх смерти, болезни и надругательства не убили в нем желания знать. Желание знать в нем было всегда не меньше желания жить. Он и жил для того, чтобы знать.

Человек нашел себе игрушку, и она согревала его душу, как греет душу мальчишки выигранный в расшибалочку пятак. В долгие безрадостные вечера и ночи, лежа на голых неструганых нарах, человек ощупывал минерал руками и вспоминал... Он вспоминал те сотни и тысячи образцов, которые когда-то ощупывали его пальцы. Тупая тоска и безысходное отчаяние отступали под натиском воспоминаний, разгорался тусклый огонек надежды и веры... Минерал расслоился на несколько пластинок, и однажды человек заметил странное явление. Минерал начинал светиться, если его приближали к глазам! Накрыв глаза пластинками, человек лежал в темноте, где ворочались, кашляли, хрипели и умирали люди, а перед его глазами сверкал ослепительный солнечный свет. Просто свет в его чистом виде, свет и больше ничего, но и это было чудо!

Еще одно удивительное свойство черного минерала обнаружил человек. Он светился только в темноте или в тени, на ярком солнце свечение меркло, и человек видел окружавший его печальный мир, как в темном стекле.

Человек не разгадал тайны черных пластинок. Он решил их использовать. От яркого летнего солнца, от страшной известковой

пыли каменоломен у заключенных гноились глаза, они слепли и попадали в газовую камеру. Человек сделал себе очки и надел их. К нему подошел капо и остановился напротив него, закрыв собой солнце. У этого убийцы была увесистая дубинка, которой он заколотил насмерть не одного заключенного. Человек стоял и ждал удара. Возможно, последнего удара. И тогда к нему в сердце хлынула лютая ненависть. Ненависть к палачам, истязателям детей и старцев. Ненависть ко всему, что обозначалось словом фашист. Ненависть ко всем тем, о ком знал, читал и чьи портреты видел в газетах и журналах. Человека душила ненависть. Она была стопроцентная, чистая, освобожденная от нерешительности или колебаний.

Но человек стоял неподвижно и ждал удара. Он не мог даже пошевелиться и уж, конечно, не мог нанести смертельного удара своему истязателю. Ярость бушевала только в его голове и сердце.

Сквозь черные пластины, как через толщу океанской воды, он видел темную фигуру капо. Рука с палкой взлетела вверх... сейчас! смерти! Но неожиданно удар получился слабый, нерешительный. Очки слетели с носа, упали на камень, от них откололся кусочек, это и теперь заметно... а человек остался стоять. Зато капо схватился за грудь, задохнулся и выронил палку. Несколько секунд этот зверь, эта горилла, тряс головой, словно избавляясь от навязчивого кошмара, потом повернулся и, пошатываясь, поплелся прочь.

А на другой день человек узнал, что капо умер. Конечно, этот капо был маловажной фигурой в блоке, он мог умереть от чего угодно и как угодно, но, когда за несколько часов скончался и штурмфюрер войск СС Отто Шромм, человек задумался. Дело в том, что человек и на Отто Шромма посмотрел сквозь черные очки. Штурмфюрер выходил из блока, и человек увидел его жирный затылок в нескольких шагах от себя. Секунды ненависти было достаточно, чтобы, охнув, эсэсовец схватился за затылок и застыл как вкопанный. Сопровождавший Шромма холуй отволоч эсэсовца в штаб. К вечеру штурмфюрер испустил дух. Сдох.

Тогда человек понял, что у него есть оружие. Он мог убивать ненавистью. Ненавистью, которая стала целью и смыслом его существования...

Саша откинулся на подушку и вяло улыбнулся:

— Ну, как сказочка?

— Жаль, что это только сказочка,— тихо сказал Сережа.— Что же дальше?

— Да, жаль. Человек, то есть... впрочем, пусть будет человек. Человек начал мстить. Не было для эсэсовцев страшнее лагеря, чем тот, где находился этот человек. Фашисты умирали от мгновенного кровоизлияния в мозг, паралича, менингита. К сожалению, это не

могло долго продолжаться. Очки действовали на близком расстоянии, и для каждого «выстрела» человеку приходилось неимоверно напрягаться. Его силы были на исходе, он чувствовал, что малейшая неосторожность выдаст его и погубит чудесную находку. На выручку пришел случай, и человеку удалось связаться с подпольной группой сопротивления, действовавшей в лагере. Одним словом, с помощью черных очков семь человек бежали и скрылись в предгорьях Карпат. Среди них был и этот человек.

— А как очки оказались у тебя?

— Очень просто. Мой отец был один из семерых беглецов.

— И что же дальше? — нетерпеливо спросил Сережа.

Саша молчал, на бледное лицо легли голубые тени. Оно казалось прозрачным и чистым, как фарфоровое.

— Я очень устал, Сережа, доскажу в другой раз,— он закрыл глаза.

Сережа осторожно встал. Что ж, надо уходить. Больныга этот Сашка... Какой у него жалкий, несчастный вид. Сережа покачал головой и выскользнул из комнаты.

На улице он вдохнул чистого весеннего воздуха. А что если у Сашки и впрямь те очки, которые убивали фашистов? Было бы здорово...

Этот Карлов замок так похож на замок, как я на средневекового рыцаря.

Сережа стоял на валу и смотрел вниз. Перед ним лежало болотистое поле, поросшее молодой травой. По ту сторону луга тянулась развалившаяся каменная ограда. За оградой — сад и двухэтажный старый домик. «Замок» его прозвали за островерхую черепичную крышу, увенчанную тонким высоким шпилем.

Сережа видел стеклянную веранду, выходящую в сад. Окна заколочены фанерой. Между деревьями бродили куры с выводками цыплят.

Над оградой появилась Юркина голова. Он замахал рукой: давай, дескать, живее сюда. Сережа неохотно спустился с вала и направился к замку. Под ногами жадно чавкала мокрая трава.

Глупости все это. Просто игра в сыщиков. Юрка любит такую чепуху. Ничего не получится. Попадемся... И пистолета нет. Юркин отец нашел его в тайнике и забрал, Юрке влетело.

— Давай,— зашептал Юрка. Он был возбужден, глаза горели.— Хозяев нет, на рынок уехали. Сегодня воскресенье. А Генчик на конференции учителей, раньше вечера не придет.

Сережа перелез через забор и прыгнул в сад. Земля липкая, как тесто. Сделав несколько шагов, он остановился.

— Слушай, Юр, может не стоит, а?

— Брось ты! Мы ж только посмотрим и сразу уйдем.

— Так ведь двери заперты.

— Э! На веранде все доски болтаются, я уже одну оторвал. А с веранды дверь ведет в комнаты нашего Ярослава. Мы только посмотрим, что у него там, и сразу уйдем, ей-ей, ты не волнуйся.

Они с трудом протиснулись в щель и оказались на веранде, заставленной грудой пустых банок и битыми горшками. Садовая земля была насыпана прямо на дощатый пол.

— Хе, не очень-то хозяйновитый наш преподобный пан профессор,— насмешливо сказал Юрка, озираясь по сторонам.

— А что ему? Это дело хозяев уборкой заниматься. Смотри, какой смешной цветок!

Сережа показал на ярко-красный, очевидно, недавно распустившийся цветок с одним непомерно большим лепестком. Остальные три почему-то не успели развиться. Вырванный с корнем цветок валялся в углу, его выдавал только яркий цвет.

— А вон какая уродина! — Юра показал на толстый ствол без листьев, торчавший из старого горшка. Голубые и розовые прожилки напоминали рисунок кровеносной системы из атласа анатомии.

— А вот какой!

— И здесь тоже...

Мальчики осмотрелись и поняли, что это не простая свалка.

— Больные растения. Наверное, хозяева...— предположил Юрка. Выходившая из комнат дверь вдруг скрипнула и стала отворяться. Мальчики застыли. От страха Сережа даже вспотел.

Влипли! В дырку двоим не пролезть, дверь в сад на замке.

Юрка, с серым лицом, независимо заложил руки за спину. Сережа шмыгнул носом. Стояла глубокая тишина, только поскрипывала медленно открывающаяся дверь.

Из нее вышел кот. Мальчики дружно вздохнули. Кот был страшен на вид. С чудовищно раздутой головой, облезлой шерстью, затекшими глазами. Он поднял голову и жалобно мяукнул.

Юрка оттолкнул его ногой и просунул голову в щель. Затем, осмелев, вошел. Сережа послушно двинулся следом.

Комната чем-то походила на веранду. Заставленная невообразимой рухлядью, она напоминала мебельный склад, где хранят вещи, обреченные на сожжение. Лестница в углу прихожей вела на второй этаж. Под лестницей стоял массивный кованый сундук.

Из прихожей раскрытые стеклянные двери вели в гостиную.

Виднелся лишь край стола, покрытого темно-красной бархатной скатертью, и старенький диван с бугристым сиденьем.

Мальчики переглянулись. Затаив дыхание, Сережа сделал шаг вперед. Он так и не понял, что произошло. Очевидно, он за что-то зацепился и предмет с грохотом покотился на пол.

В гостиной раздались шаркающие шаги.

— Кто здесь?

Как гром оглушил оцепеневших мальчиков. Шаги приближались. Сережа бросился к лестнице. Сзади раздавалось прерывистое Юркино дыхание. Они вознеслись на второй этаж, как духи, гонимые петушиным криком.

Внизу голос сказал несколько слов по-польски. Послышалось мяуканье, затем грубая брань по-русски. Дверь на веранду хлопнула, щелкнул засов. Человек внизу прошаркал, что-то бормоча, и все стихло.

Мальчики огляделись. Комната на втором этаже походила и на лабораторию и на кабинет. Здесь было много книг, некоторые валялись прямо на полу. Большой письменный стол загроможден приборами. Перед письменным столом огромное венецианское окно, за ним сад, зеленый луг и вал, приведший их к Карлову замку.

— Что делать? — прошептал Сережа.

— Тсс,— Юра прижал палец к губам. Они стояли, боясь пошевелиться, взволнованные, сознавая, что попали в скверную историю. Они забрались в чужой дом, как воришки, и каждую минуту их могли поймать.

На цыпочках они подошли к письменному столу. Меньше всего он напоминал стол школьного учителя. Скорее это было рабочее место радиолюбителя. Электрический паяльник, канифоль, олово, раствор кислоты в бюксе, старые радиолампы и батареи. Несколько мудреных радиосхем с надписями на немецком языке. Изорванные, закапанные иностранные журналы, чертежи, расчеты.

Ох, и упрямый этот Юрка. Ведь могли же просто прийти к своему учителю. Задача трудная, никак решить не можем, объясните, пожалуйста. Сережа зябко поежился.

— Юрко, давай тикать.

Юрка сердито посмотрел на него.

— Накроют нас. Тикать надо, пока Генчик не вернулся.

— Зачем? — горячо зашептал Юра. — Зачем тикать? Мы сейчас спрячемся, а когда придет Генчик, все подслушаем. Даром мы что ли сюда залезли?

— Куда спрячешься?

— Да хоть сюда! — Юрка указал на массивный темный шкаф.

— А Генчик придет да откроет?

— Он только посмеется над нами,— убежденно прошептал Юрка.

Вдруг снова раздались шаркающие шаги.

Мальчики бросились к большому платяному шкафу. К счастью, дверца не заперта. Она скрипнула только один разик и, может, не было слышно, так как лестница уже потрескивала под тяжестью грузного тела. В шкафу одежды оказалось немного, и два друга поместились там между сильно пронафталиненными костюмами. Дверцы остались приоткрыты ровно на Юркин палец. Сережины ноги топтали мягкие податливые узлы с бельем. Юра почти вплотную придвинул лицо к щели. В комнате щелкнула зажигалка и запахло табачным дымом.

Сережа попытался придвинуться ближе, но потерял равновесие и с ужасом подумал, что сейчас упадет. Оперся рукой о заднюю стенку шкафа и... провалился в пустоту. В шкафу не было задней стенки, ее заменяла черная плотная штора. Сережа попал в чуланчик, из которого можно было подняться на чердак. Он просунул руку в шкаф, нащупал Юрку и потянул к себе.

На чердаке они отдышались.

— Ну и ну,— прошептал Сережа.

Юрка ткнул пальцем вниз.

— Бандит,— сказал он, прижавшись к самому уху Сережи.

— Тикать надо,— тоскливо сказал Сережа.

Юрка согласно кивнул головой.

Они направились было к слуховому окну, но их внимание привлек странный предмет возле одного окошка. Накрытый темным покрывалом, он напоминал алтарь. Спутанные провода уходили от него в пол чердака и к шпилью Карлова замка. Юрка не утерпел, подошел и сдернул покрывало.

Ребята ахнули. Блестящая штука на колесиках походила на огромный фотоаппарат. Ее объектив смотрел на городок, который громоздился своими развалинами сразу же за бывшим крепостным валом.

Сережа прищурился и увидел вдали тонкую ленточку Главной улицы, зеленый пух городского парка, готический остов костела.

— Съёмки ведет,— прошептал Сережа.

Юрка скептически пожал плечами.

— А чего там фотографировать? — прошептал он в ответ. — Развалины? Аэродром все равно сюда не попадает. Нет, тут что-то другое. Пошли. Накрой, а то заметит.

Они высунули головы в слуховое окно и тотчас отпрянули. К Карлову замку подъезжала машина. В виллисе сидели Генчик и трое военных с малиновыми погонами. Они оживленно переговари-

вались, пока машина въезжала во двор. Сережа успел хорошо рассмотреть белокурый чуб Генчика, его крепкие белые зубы. Он рассказывал что-то веселое. Военные смеялись. Голосов не было слышно.

Внизу, в кабинете Генчика слышались польские и русские проклятия, упал стул. Человек тяжело затопал вниз.

— Испугался энкаведешников,— сказал Юрка.

— А как же нам?..

— Погодим малость. Посмотрим, что будет. Может, этот бандит сам забрался к Генчику.

Сережа был здорово напуган, но сейчас ухмыльнулся.

— Сам! Держи карман шире. Он Генчика поджидает.

Двое военных вошли в дом. Третий остался за рулем. До ребят доносились глухие голоса и раскаты смеха. Никогда в школе не видели они своего учителя таким веселым. На уроках и на переменах он был ужас какой постный и серьезный.

Сидели долго. Солнце склонилось к закату. Тени на лугу стали острыми и глубокими. Похолодало. У Сережи по спине побежали мурашки, руки заledenели; Юра развлекался, ощупывая и разглядывая «фотоаппарат».

Солдат в виллисе дремал, развалившись на сиденье. Внизу кто-то пытался запеть.

— Выпизают, должно быть,— заметил Юрка.— Им сейчас не до нас. Давай двигать, уже стемнело.

— Только бы на глаза солдату не попасться,— сказал Сережа.

— А мы спустимся с другой стороны, там я видел водосточную трубу.

Путешествие по крутому скату крыши оказалось нелегким делом. Хорошо, что многие черепицы лежали неровно и было куда поставить ногу. Юра первым скользнул вниз. Ржавая труба загромычала. Сережа несколько мгновений болтал в воздухе ногами, затем нащупал трубу и, обдирая ладони, стал спускаться. Жесть вибрировала и дрожала, издавая ухающие звуки. Сережа спрыгнул и притаился. Рядом на корточках сидел Юрка.

— Тихо!

Несколько секунд, задержав дыхание, они прислушивались. Вокруг них стояла тишина, только из дома доносились приглушенные возгласы гостей. Пригибаясь, чтобы их не могли увидеть из окон, они обогнули дом.

И тут что-то заставило ребят обернуться. Прямо за их спиной из окошка подвала смотрел человек. Стремясь разглядеть их получше, он буквально прилип к грязному стеклу. Ребята увидели широкий белый расплющенный нос и черные усы. И до того был

страшен этот безмолвный испытующий взгляд, шедший, казалось, из глубины земли, что Сережа, вскрикнув, бросился в сад. Юрка затопал вслед за ним.

Они перемахнули через ограду и побежали к валу, не разбирая дороги. Уже совсем стемнело, и они порядком забрали в сторону. До вала добежали, вымокнув по пояс, уставшие, с дрожащими коленями.

Погони не было. В Карловом замке зажглись огни.

Юрка сел на землю, снял ботинки и вылил из них воду. Сережа проделал то же самое.

— Чтобы я еще раз играл в сыщики-разбойники...— раздраженно сказал он, очищая со штанов комья грязи.— Что я скажу матери?

— А я что скажу батьке и матери?— философски заметил Юра.— Что-нибудь скажу. И ты что-нибудь скажешь. Придумаем. А наведаться в Карлов замок еще придется.

— Ты что?

— А как же? Ничего не доказано.

— Вот те раз! Как так не доказано? Ты видел бандита? Кстати, почему ты решил, что он бандит?

— Ты на меня положишься. Если я говорю, это уж точно.

Они шагали по аллейке, ведущей к городу.

— Это тот самый, что смотрел?

— Не знаю, у того, наверно, я видел только спину. А лица не видел. Может, и тот, а может, и другой.

— Ну, хорошо,— рассудительно сказал Сережа,— если это бандит, тогда нужно пойти заявить на Генчика, и все в порядке.

— Ты пойдешь?

— Нет.

— То-то. Надо же проверить, что и как. Видишь, у Генчика и среди военных есть друзья. Может, он для наших работает? А мы тут заявимся, вот выискались какие умные, умнее всех на свете, скрытого фашиста, дескать, обнаружили. Да нам, если что не так, потом на край света придется бежать. Ведь засмеют. В школе пальцами будут показывать. Нет, я за самостоятельность. Давай понаблюдаем. Что страшного? Ну руки поцарапали, ноги промочили. Эка невидаль!

— Ладно,— сказал Сережа,— занимайся самостоятельностью. Только без меня.

— Как так?

— А так! Я тебе не помощник.

— Э,— сказал Юра,— я знаю, ты меня одного не бросишь.

Сережа поморщился. Юрка был прав.

— Как ты думаешь, что у него за аппарат? — спросил вдруг Сережа.

— Не знаю. Но, по-моему, — сказал Юрка, — преступник не станет заниматься наукой. Ему не до радиосхем.

— А может, у него шпионский радиопередатчик?

— Давно бы засекли.

Они вошли в город и, стараясь держаться подальше от света, направились по домам...

Сережа принес для Саши домашние задания, чтобы он не отстал от класса. Тетя Зоя, завитая, нарядная, даже красивая, встретила Сережу радостно:

— Наш гарный хлопчик пийшов на шпацир! Йому покращало.

— Где ж он шпацирует? — улыбнулся Сережа. Ему нравилась эта веселая женщина. Как-то не верилось тому, что о ней говорили.

— Так где завжды. На валах.

Сережа нашел Сашу на скамейке под старым вязом.

— Ожил?

Саша сидел, запрокинув лицо к солнцу.

— Греюсь, как видишь. Солнце меня не берет, зато я его беру терпением. Принес задания?

Странное дело, почему с Сашкой всегда так тревожно? Может быть, за это его и не любят ребята. Их раздражает его внутреннее напряжение. Сидит, молчит, а чем-то волнует. Что-то такое в нем происходит, невидимое для глаза, но... Они его не понимают; они не понимают, а человек мучится у них на глазах, и никто не хочет замечать. А я понимаю? Понимаю, поэтому я с ним, хотя и не знаю, как могу ему помочь. Может быть, это только любопытство? Может быть... Ну и что? Это хорошее любопытство. Если пойму, сделаю что нужно. Он молчит, значит, так надо, пусть помолчит.

Сережа вытянул ноги, теплые солнечные лучи навевали лень и покой. Если закрыть глаза, можно услышать, как поют деревья, земля и небо. Особенно небо. Песня неба была далекая и ласковая. Может, там поют птицы? Нет, так поет само небо. Облака и бездонная синяя глубина звучали, как далекие скрипки.

— Как Юрка? — И в вопросе, простом и естественном, все то же скрытое напряжение.

Почему он интересовался Юркой? Он никогда ни о ком не расспрашивал.

— Ничего.

— Не знаю, чего ты с ним водишься?

— Он хороший парень. Надежный друг и... в общем, мне с ним нравится.

— Он неплохой,— заметил Саша.

Чего в нем Сережа терпеть не мог, так вот этого снисходительного тона. Тоже мне, бывалый человек.

— Он не неплохой, он просто хороший,— сердито сказал Сережа.

Саша чуть улыбнулся.

И улыбка у него бывает иногда не очень приятная.

— Пусть будет по-твоему. Юрка хороший. Только... он еще очень сырой, ему еще ой-ой сколько головой работать надо, пока он поймет, что это за штука жизнь.

— Ну и пусть,— возразил Сережа,— у него еще есть время. А кто из нас не сырой? Я? Ты?

— Ты не сырой,— засмеялся Саша,— ты мягкий, теплый и сухой. Об тебя можно греться. И я не сырой.

Он помолчал и добавил:

— Я злой, Сережа, я очень злой. Потому, что у меня есть одна заветная мечта и нету сил эту мечту исполнить.

— Наговариваешь на себя, Сашок...

— Брось ты! Не наговариваю, а недоговариваю. Ты меня не знаешь. Ты ребенок, мальчишка, а я старик. Мне с вами на одной парте сидеть смешно. Все эти игры и забавы для меня так, тьфу! Да и сил у меня для них нет. Я свои силы для другого берегу.

— Поэтому на тебя ребята зуб имеют, что ты перед всеми заносишься и самым умным себя считаешь.

— Не заношусь я, просто мне не до них. А на уроках я занимаюсь делом. Мне нужно получить четкие правильные знания. Мне некогда в морской бой играть, я из-за своей головы да нервов месяцами в школу не заглядываю, сам знаешь. У меня все рассчитано, у меня цель в жизни есть. А что у вас? Ну что с вас спрашивать? Вам пятнадцать лет, а мне тридцать, сто тридцать!

Саша замолчал, закрыл сверкающие черные глаза и подставил лицо солнцу. Они молчали, и молчание длилось бесконечно долго, время текло медленной и густой медовой струей. И не было конца вязкому молчанию, льющемуся теплу из синих небес, назойливому жужжанию невидимых мух.

— Саша,— робко попросил Сережа,— ты обещал досказать мне про черные очки. Это те самые? Неужели они могут убивать? Ты пробовал?

— Ишь ты какой... А впрочем, сказавший «а», да скажет «б». Он нахмурил брови.

— Так получилось, что я был в другом лагере, не там, где отец. И, как ни странно, ближе, чем он, к гибели. Я не изнывал от непосильного труда в каменоломнях, меня везли прямо в газовые камеры. Это был Освенцим, будь он проклят отныне и навсегда! Спасло меня чудо — меня не сожгли сразу, а дали возможность умереть от дизентерии и голода, ну, а если бы я это выдержал, тогда бы, конечно, сожгли. Потом немцы ударились в бегство, не забыв прихватить с собой и уцелевших узников. Начались мои скитания по лагерям. Но до окончательной ликвидации дело не дошло. В одно прекрасное утро немецкая охрана исчезла. А вскоре подошли американцы. Я тогда уже был очень болен. А месяцы, проведенные в Западной зоне, меня окончательно доконали. Нервы стали совсем никудышные. Я не буду рассказывать, что мне пришлось вынести потом, это слишком много, да и вредно слушать детям. Одним словом, я выбрался оттуда и вернулся сюда, подо Львов, в родные места. Я знал, что не найду своей матери, она погибла в газовой камере. Но я не знал, что случилось с отцом. Он скрывался у чужих людей, он был блондин с голубыми глазами, и его не могли схватить на улице. В концлагерь его привело предательство. Вот так...

Саша замолк.

— Дай сигарету, Сережа.

— У меня с собой нет.

— Ладно, черт с ними, с сигаретами. Да, дома меня ожидала огромная радость. Это даже не радость, а счастье. Меня встречал живой и почти здоровый отец. Что тут было! Я узнал, что своим вызволением из Западной зоны обязан в значительной мере усилиям отца. Он разыскал меня... Мы попытались жить заново. Ведь мы были не только родственники, но и товарищи по страданию. Все шло отлично. Отец с головой влез в работу, он хорошо знал людей и наши условия. Выезжая в село, он не клал в коляску мотоцикла автомат, как это делает наш уполномоченный, что живет напротив, но... в кармане его лежали черные очки.

— Как? Они же были у геолога?

— Из семерых, покинувших концлагерь, в живых остался только отец. Остальные погибли. Кто в партизанах, кто умер в дороге от истощения. Геолог передал отцу очки как память о славном побеге.

— Они ими пользовались?

— Отец говорил, что пуля в тех обстоятельствах была вернее, чем стреляющие очки. Тем более, что только у геолога все получалось очень здорово. Наверное, он был какой-то особенный. Так или иначе, отец возил с собой очки, как талисман. Но заклинания

бессильны перед коварством. Отец получил письменное приглашение от старого знакомого из одного села. Однажды он как раз проезжал мимо по райкомовским делам и решил навестить своего бывшего приятеля. Он пошел один. Его уже там ждали «лесные братья». Три часа они мучили...

— Не рассказывай.

— Нет, не думай, я уже прошел через это. Предатель потом рассказывал, что слышал все, сидя в каморке, рядом с горницей, где бандеровцы истязали моего отца. Он слышал, как его били, как накачивали водой, как ломали ребра, раздавливали досками органы, он слышал все. Он поседел, потому что бандиты угрозой вынудили его написать записку и ему было жалко моего отца. Но еще больше ему было жалко своих детей и жену, которым грозила в случае отказа смерть. Итак, однажды домой привезли тело моего отца, которого не смог убить Гитлер и которого убили свои, а в кармане у него лежали черные очки. Я думаю, он просто не успел ими воспользоваться.

Саша отвернулся. Сережа молчал.

— Вот какой грустный конец у этой истории,— сказал Саша.— Ты не горюй, Сержик. Теперь уж ничему не поможешь. А очки я тоже ношу с собой. В нагрудном кармане. Вот здесь.

Он хлопнул себя по груди.

— Они... работают? — тихо спросил Сережа.

— Нет, никогда я не замечал, чтобы они работали. Впрочем, сам понимаешь, я не могу проверить их на людях.

— На плохих можно,— убежденно сказал Сережа.

— И на плохих нельзя. Только когда я встречу тех... я надену очки.

— А что, очки ни разу не стреляли?

— Нет, Сержик, может, они вообще никогда не будут стрелять, может, в них должен смотреть особый человек, как тот геолог, не знаю. Сколько я на кошек и собак ни смотрел, ничего с этой жизнью не происходило. У нашего Кабысдоха, по-моему, после выстрела из очков только аппетит прибавился. Жрать стал раза в полтора больше.

— Слушай! — заволновался Сережа.— Нужно показать учителям, ученым, это ж интересная штука!

— Не надо,— жестко сказал Саша,— никому ничего не надо показывать. Сначала я рассчитаюсь с отцовскими убийцами, а потом будем показывать.

Они опять замолчали. И было в этом молчании какое-то затаенное кипение.

— Я, Сережа, мечтаю быть прокурором. Большим прокурором.

Как, скажем, Руденко. Выступать на международных судах, там, где судят страшных преступников, которых судили, например, на Нюрнбергском процессе. Я мстить хочу, Сережа. Не только за отца, а вообще за всех убитых, замученных. Я вот думаю, поймут тех, кто истязал отца, и что будет? Что? Ну, может, расстрел или там двадцать лет, если найдется какой-то оправдательный повод. Пуля для убийцы? Это что? Мгновенная смерть, почти незаметное избавление от страданий. У нас в лагерях люди мечтали о пуле! На совести у преступников годы, не часы, а годы мучения людей, и мгновенная смерть — в расплату. Годы преступлений — и миг наказания. Тысячи, десятки тысяч часов насилий и зверств — и секунда возмездия. Несправедливо это, Сережа! Наказание должно быть соизмеримо с преступлением! Преступник должен знать, что возмездие — это всего лишь обмен ролями, и чем страшнее мучения жертвы, тем страшнее кара. Подумаешь, приговорили Геринга к виселице!

— Он отравился,— тихо сказал Сережа.

— Да. Это что? Насмешка над всеми павшими по воле этого выродка! Когда я найду отцовых убийц, они у меня пройдут все ступени, которые прошел отец. Три года постоянного страха смерти и три часа нечеловеческих мучений. Они у меня узнают...

Саша говорил отрывисто, взволнованно. Было странно, что белое лицо его даже не порозовело под солнцем.

— Ты не прав, Саша,— тихо сказал Сережа,— мы не фашисты. Мы не можем мучить человека, даже если он большой преступник. А убийцам всегда дорога своя шкура, поэтому смерть для них — самое большое наказание.

— Нет! — Саша отчаянно замотал головой.— Это мы так думаем. И это неправильно. Для того, чтобы скончался Гитлер, пришлось смерти скосить пятьдесят миллионов человек. За одну жизнь сумасшедшего пятьдесят миллионов невинных? Нет, ты это понимаешь, Сережа?

Он повернулся к Сереже, его широко распахнутые, как окна, глаза излучали недоумение и боль.

— Я этого не понимаю,— говорил Саша уже глухо, устало, почти безнадежно,— я думаю, думаю и не понимаю. Но знаю, что если б Гитлер... знаешь, смерть от пули, от цианистого калия для таких убийц все равно что палочка-выручалочка. Нагадил, накровянил, наследил и... на тот свет.

Саша стукнул кулаком по колену. Словно кастаньетами щелкнул, подумал Сережа.

— Теперь понял, почему я хочу выучиться на прокурора?

— Почему? — наивно заметил Сережа.

— Эх ты, детеныш. Я сделаю боль наказания равной боли преступления. Вот тогда убийцы всех мастей и масштабов будут долго чесать затылок, прежде чем решиться на что-либо. Я их...

Внезапно он задохнулся и схватился за виски. Лицо его помертвело.

— Что с тобой?

— Пойдем отсюда, — он медленно приподнялся, — немного перегрелся.

Сережа проводил его домой. Руки у Саши были холодные и липкие, он держался за Сережино плечо, тяжело дышал.

В своей кровати он быстро успокоился и подмигнул Сереже:

— Вот такой я, старик. Не гожусь ни к черту.

— Чего там. Ты еще ничего, — неуверенно отозвался Сережа. Саша улыбнулся и закрыл глаза. Они молчали.

Вот он, оказывается, какой, Сашка. Что ж, так оно и должно быть. Если человек страдает, он быстро становится взрослым. Вот почему он так зол. И черные очки...

Сережа взглянул на друга. У того по-прежнему веки были опущены, но глаза под ними шевелились, значит, не спит.

— Саша, — тихо сказал Сережа, — дай мне посмотреть в очки.

— Только на меня не смотри, гляди в окно, на солнце, в угол, чтоб блестело, куда хочешь, — улыбнулся он. Это была странная улыбка с закрытыми глазами. Странная и немного жуткая.

Сережа взял очки. Теперь он хорошо рассмотрел их. Диски шлифовались вручную, края их в нескольких местах были отбиты. Сережа приблизил очки к глазам.

— Слушай, а почему они светятся? Это тоже от солнца?

— Нет, они светятся и ночью. И вечером, и утром. Если только не глядеть прямо на солнце. Такое уж у них свойство. Я не знаю, почему они светятся. Свечение остается, даже если закрыть глаза. Попробуй, если хочешь.

— Да, правда! Вот здорово! — воскликнул Сережа, прижимая диски к векам. — Это необыкновенные очки!

— Еще бы! Я часто так... смотрю в них с закрытыми глазами. Похоже, словно смотришь из-под воды на солнце. Правда?

— Да, вроде того, — согласился Сережа, — только ярче. Какие-то маленькие молнии пробегают, и точки, и круги. Вот интересно!

— Ты только не очень увлекайся, — сказал Саша, — а то голова начнет болеть. У меня уже был приступ из-за них.

Повертев еще очки, Сережа спрятал их в шкатулку.

— Когда ты выйдешь?

— Не знаю. Думаю, к майским праздникам. Ты уже пошел?
Передавай привет своему Юрке.

— Ладно.

●

Маленькая трибуна и маленькая площадь перед нею были заполнены народом. Шествие праздничных колонн еще не началось, знамена и транспаранты лениво покачивались, люди громко говорили, пели песни, смеялись. Школьники в ожидании парада бродили по улице, выходящей на площадь.

Сережу кто-то дернул за рукав. Он резко обернулся.

— А, это ты, Юрка? Чего тебе?

У Юрки был загадочный вид.

— Слухай, пошли отсюда, погуляем. Нас пропустят часа через два, не раньше.

— Идет.

Шли молча. Сначала вверх по Главной улице, затем у ресторана «Бристоль» повернули направо и вышли на валы.

— Куда мы идем?

— К Генчику в гости.

— Я не хочу! — Сережа остановился.

— Ну что ты? — горячо заговорил Юрка. — Генчика нет дома, он на демонстрацию пошел. Я видел, он на мотоцикле к школе подъезжал. Хозяева тоже, наверное, пошли посмотреть, так что...

— А тот? Бандит с усами? Ты же сам говорил, что видел у него автомат, когда подглядывал из шкафа. Загудим к нему прямо в лапы. Пристрелит, как щенят.

— Брось ты! Этого бандита там уже давно нет. Я думаю, он не имеет никакого отношения к нашему Генчику. Он, должно быть, приходил к хозяевам.

— Выгораживаешь ты своего Генчика!

— Не похож Генчик на человека, у которого связь с бандеровцами. У него много знакомых среди военных, даже среди оперативников.

— Генчик ведет двойную игру, — сердито сказал Сережа. — И нашим, и вашим. Хитрый он. А военные тоже, наверное, переодетые бандеровцы. — Ему пришла в голову здравая мысль: — Юрка. А что нам делать в Карловом замке, если там никого нет? За кем следить?

— Э! — махнул Юрка. — Нам не надо следить. Мы стацим ту штуку, что на чердаке, и узнаем, передатчик это или нет.

— Да ты в своем уме? Она полтонны весит, ее с места не сдвинуть!

— Ну-ну, не полтонны, от силы центнер. Но мы ее трогать не будем. Мы вывернем кое-какие детали и покажем специалистам.

— Ерунда это,— сказал Сережа,— я тебе без специалистов скажу, что ничего мы не узнаем. Пустая это затея. Ребячество.

— Ты что, боишься?

Сережа помолчал. Потом тряхнул головой. Знала б мама...

— Ладно, пошли.

В Карлов замок они проникли уже опробованным путем: через пролом в каменной ограде. Юрка заметил возле одного дерева небрежно присыпанный землей труп кошки.

— Смотри, Сережа, это тот кот, что был в прошлый раз.

— Да. Ну и страшилище. Кто мог его так замордовать?

На этот раз они не полезли на веранду, а обошли замок со всех сторон. Все двери были закрыты. Юрка присаживался и осторожно заглядывал в окошки подвала.

— Ну, что?

— Ничего не видно. Дрова да уголь.

Сережа взобрался на дерево и заглянул в окно второго этажа.

— Кто-нибудь есть?

— Ничего. Никого.

Они потоптались перед парадной дверью. Постучали. Позвонили. Снова постучали, снова позвонили. Молчание.

— Ну, ладно, пошли на веранду.

На веранде оказалось, что дверь в комнаты заперта. Ребята переглянулись.

— Что делать?

— Пошли домой,— сказал Сережа.

— Я придумал.— Юрка подошел к водосточной трубе.— Полезли?

— Соседи увидят...

— Где те соседи? За километр? Увидят, если будут смотреть в бинокль. Полезли.

Труба скрипела и стонала, но выдержала. Через несколько минут они уже были на крыше и, распластавшись, поползли к слуховому окну.

— Юрко, окно закрыто!

— А, сто чертей ихней маме! Разбей стекло, только осторожно, локтем, не поранься.

Дзень!.. Черная звезда вела в пыльную темноту чердака. Юрка легонько обломал острые края.

После солнечного дня чердак показался им черным подзе-

мельем. Некоторое время они приглядывались. Ничего не изменилось, возле одного из окошек темнела массивная установка.

— Ну, давай,— шепнул Юра,— нужно действовать быстро.

Они начали стаскивать чехол. Вдруг сзади раздался голос:

— Осторожно! Поломаете аппарат. Не оборачиваться! Стреляю. Затем голос скомандовал:

— Поднимите руки вверх и сделайте шаг назад! Еще шаг, еще, так, ложитесь.

На головы ребят упала черная тряпка. Кто-то прошел рядом с ними и сказал:

— Будете так лежать. При попытке двинуться стреляю без предупреждения. Молчать, не переговариваться, отвечать на мои вопросы. Отвечайте: фамилия, имя?

Они сказали.

— Учитесь, работаете?

На это ответил только Юра, Сережа не мог, он задыхался под тяжелой накидкой.

Юра начал врать. Сереже показалось, что он врет довольно складно. Забежала, дескать, любимая мамина кошка, и они отправились ее искать. Им сказали, что ее видели рядом с Карловым замком, и они решили...

— Врешь,— прервал голос,— лежи, молчи и постарайся придумать что-нибудь поинтереснее. А правду я из тебя все равно добуду.

Сережа лежал, уткнувшись носом в пол, и слышал, как рядом посапывает Юра.

— Я задыхаюсь,— сказал Сережа.— Можно лечь удобнее?

— Ложись,— ответил голос,— но не пытайся бежать или подсмотреть, пристрелю.

Сереже казалось, что уши у него заложены ватой. Голос едва проникал сквозь сукно. Бу-бу-бу.

На кого он похож? Говорит по-украински с едва уловимым акцентом, скорее немецким, чем польским. Но это не тот, с усами. У того голос был хриплый и акцент чисто местный, галицийский...

Сережа повертел головой, освобождаясь от тяжести тряпки. Юркино сопение резко усилилось, и Сережа понял, что он находится совсем рядом под одним воздушным колоколом со своим испытанным другом. Страшная слабость, которая владела его телом с той минуты, как они услышали голос, стала уходить, на смену ей пришло напряженное нервное возбуждение.

Он почувствовал удар по ногам.

— Ты что, не слышишь? Я сказал тебе, вытяни руки по швам! Сережа вытянул, и от этого лежать стало еще неудобнее. Ще-

ка упиралась в какой-то колючий предмет, который вонзался в тело, как нож.

Почему я не услышал, что сказал бандит? Это тряпка... Она мешает, она изолирует голос, вот в чем дело. Недослышишь, а он тебя пристрелит, с него станется. Нужно было сказать ему, что я не слышу, а то всадит пулю. Но раз так, можно говорить тихо, и он тоже не услышит...

— Юрко... Юрко, ты меня слышишь?

— Да...

— Что нам делать?

— Не знаю.

Они замолчали. Раздался шум, на чердаке появился еще кто-то. Два голоса забубнили по-польски. Сережа услышал, как называли его и Юркину фамилии. Топот ног. Ругань. Опять шаги. Кто-то бегал по чердаку.

— Это Генчик,— зашептал Юрка,— тот ему сказал, что задержал нас при очень странных обстоятельствах. Генчик ругается. Говорит, не до нас, уже началась демонстрация. Сейчас пойдут летчики. Нужно начинать...

Сережа слышал, как двое мужчин, переговариваясь, суеились где-то совсем рядом. Послышался скрип открываемого окна. Генчик (теперь Сережа узнал его голос) бросал короткие фразы на немецком языке. Второй отвечал на смеси украинского и польского.

— Ну, что они говорят, Юрка?

— Сейчас... плохо слышно, я немецкий хуже знаю, чем польский. Вот... второй хочет нас пристрелить, а Генчик говорит, что сейчас нельзя привлекать внимания и времени нет, пусть лежат... После опыта... Волна пройдет по Главной улице до площади, трибуны тоже захватит... Это все же не луч, а волна... Конечно, жертвы будут и среди населения... Это посильнее атомной бомбы, за нее там руками и ногами ухватятся... Но мы должны навести сначала порядок здесь... Первый опыт на такое расстояние может и не удасться. Он что-то включил.

Ребята слышали гудение высоковольтного трансформатора, Генчик крикнул, и его помощник бросился в дальний угол чердака. Пробегая мимо ребят на обратном пути, он наступил на тряпку, покрывавшую их головы. Завеса сползла с их глаз, и они увидели...

Ярослав Генчик без пиджака, в праздничной рубашке и новых брюках яростно вертел сверкающий штурвал установки. Окно на крыше было открыто, и никелированный ствол аппарата смотрел на город. Помогавший Генчику бандеровец был в форме сержанта войск НКВД. Он присел возле аппарата на корточки и смотрел в бинокль.

Генчик снова сказал что-то непонятное, гудение усилилось. Сережа видел только напряженные спины людей, возившихся у аппарата.

— Они там и не подозревают, что уже умерли,— сказал человек с биноклем.

— Бесшумная и невидимая,— отрывисто бросил Генчик.

Гудение в аппарате усилилось, оно постепенно перешло в вой.

Генчик только пожимал плечами, его слов уже не было слышно. Аппарат визжал, как пила на лесопильном заводе. Визг вздымался выше, выше, чердак наполнялся воем, воздух густел и сотрясался, на головы мальчишек сыпалась пыль и куски черепицы.

Генчик рывкнул и взмахнул рукой. Из аппарата вырвалась короткая белая молния и ударила учителя физики в грудь. Корпус аппарата краснел, краснел, словно наливался кровью, и вдруг лопнул. Вспыхнуло яркое пламя, и Сережа закрыл глаза. А когда открыл, увидел над собой Юрку в клубах дыма.

— Давай, давай. Дом горит...

Мальчишки кубарем скатились с крыши. Они бежали еще быстрее, чем в прошлый раз.

— Проклятый замок, все время из него драпать приходится,— прокричал Сережа на бегу. На валах они впервые перевели дух. Тонкие струйки дыма соединялись над домом в большое синеватое облако.

К замку уже мчалась пожарная машина.

Дойдя до дома, Сережа спросил:

— Так кто, по-твоему, Генчик?

— Фашист,— убежденно сказал Юра.

Дома Сережу ждала неприятная новость. Мать сказала ему, что с Сашей случилось несчастье...

— Когда? — удивился Сережа.— Он же все время лежал дома?

— А сегодня взял и вышел на демонстрацию, и с ним там случился приступ, не то еще что-то, какой-то взрыв... Я точно не знаю, но он очень плох сейчас. Ты сходил бы, проведал его, как-никак без отца и матери.

— Меня все же пустили в палату к Саше,— рассказывал потом Сережа Юрке.— Тетя Зося поплакала и ушла. Я долго сидел у него. Голова вся забинтована, он ничего не видел, но говорил довольно внятно, только голос был глухой и слабый.

Говорил он очень медленно. Слова падали, как капли из закры-

того крана. Я и сейчас помню каждое слово. Я держал его за руку и чувствовал неровный пульс.

В тот день Саша очень хорошо себя чувствовал и решил пойти на демонстрацию.

Из дому он вышел часов около десяти. Захотелось побродить по праздничному городу, потолкаться среди людей, смотреть, смеяться. Был он еще очень слаб, голова кружилась от крепкого воздуха.

На Главной улице было еще шумнее, еще веселее и теснее, изредка его окликали знакомые. От света и гама у него кружилась голова, заболели глаза. Он достал черные очки и надел. Сразу стало легче.

Парад уже начался, шли летчики. Торжественно играл духовой оркестр. Он повернулся и посмотрел вверх, туда, где Главная улица переходила в разрушенный пригород. Деревья над далекими домами казались похожими на темные облака. Оттуда, из-за города, веяло душистой прохладой весенней земли.

Он стоял, наслаждаясь теплым весенним днем и близкой человеческой радостью.

Внезапно все изменилось. На горизонте, куда он смотрел, возникла ярко-красная точка, от нее побежали концентрические кольца, они становились все больше, больше... Вскоре он очутился внутри огромной трубы из плотных разноцветных колец. Все вокруг — люди, дома, мостовая, небо, деревья, машины — пришло в движение и, сплющиваясь, деформируясь, вытягивалось в виде колец, превращалось в стенки этой трубы.

Он сорвал очки в испуге. Рядом бурлил людской поток. Никому не было дела до его странной галлюцинации.

Он опять надел очки. Видение повторилось. Он встревожился, потом его охватил настоящий страх. Он понимал, что происходит что-то ужасное. Опасное для людей, которые беззаботно смеялись и весело шли, взявшись за руки. Ведь этого раньше не было. А потом оно возникло. И оно менялось.

Он видел, как концентрические круги пришли в движение. Они перемещались с бешеной скоростью. Наслаивались друг на друга, уменьшались, уменьшались, пока не обратились в дьявольскую красную точку. Труба, в которой он стоял, вертелась, ввинчивалась в горизонт. Его затошнило, и он вновь снял очки, а потом вновь их надел и вновь попал в гигантский водоворот, в котором уже ничего нельзя было различить: ни земли, ни неба. Перед ним была суживающаяся воронка, и он стоял внутри нее.

Тогда он решил, что мираж рожден его большим мозгом. Он подумал, что так начинается безумие и он сейчас сойдет с ума.

Стиснув зубы, он заставил себя бороться с миражем. «Тебя нет, тебя нет»,— твердил он, уставившись в точку, откуда ползли кольца. Он собрал всю волю, он напряг все силы. Он неистово желал исчезновения дьявольского видения. Он заклинал и молил его исчезнуть. Но труба не исчезала. Она становилась плотнее и уже.

Его охватило отчаяние и злость, что он не может справиться с собственной слабостью.

И вдруг из центральной точки вырвался тонкий, как игла, луч и ужалил его. Больше он ничего не помнил. А люди потом говорили, что у него вдруг взорвались черные очки.

Юра слушал, не перебивая. Они только что похоронили Сашу и подавленные, суровые возвращались домой. День угасал. Ржавое небо и багровый осколок солнца только подчеркивали немоту и неподвижность черных станционных столбов...

●

День угасал. Ржавое небо и багровый осколок солнца только подчеркивали немоту и неподвижность черных станционных столбов. Сергей Александрович невидящим взглядом уставился в окно. Недопитое пиво осело. В нем угасал последний свет дня.

Что же тогда произошло? Какая битва состоялась на глазах ничего не подозревающих зрителей?

После смерти Саши он долго ломал над этим голову, но, увы, наука в те дни еще не занималась подобными вещами. Да и где им с Юркой было разобраться во всем! А потом было недосуг, и все постепенно забылось, сгладилось, быльем поросло.

Но однажды совершенно случайно Сергею Александровичу попала статья видного советского биолога. В ней шла речь о взаимодействии радиоволн и живого организма. Сначала Сергей Александрович лениво пролистал ее, потом заинтересовался. Даже сделал некоторые выписки:

«...В биологической активности электронных полей главную роль играет не энергетическое взаимодействие (преобразование энергии в другие формы), а какое-то иное.

...Мы сталкиваемся здесь со взаимодействием электромагнитных полей и химической информации живых организмов, то есть с влиянием полей на преобразование, передачу, кодирование и хранение биологической информации, ответственной за воспроизводство белковых структур.

...Периодически изменяющиеся электромагнитные поля различных частот могут навязывать биологическим процессам несвойственный им ритм или, иначе говоря, вводить в организм вредную ин-

формацию. Она искажает нормальные информационные процессы. Вместе с тем периодически изменяющиеся электромагнитные поля определенных частот могут служить источником полезной для организма информации (такими, наверное, являются природные поля).

...Сантиметровые же волны вызывают колебания частиц в едином ритме, а следовательно, не только увеличивают общее тепловое движение частиц, но и навязывают им несвойственный режим движения. А это может привести к нарушению нормального порядка перемещений ионов и молекул, которыми обуславливаются информационные процессы (например, возникновение и распространение биотоков в нерве).

...дают основание полагать, что периодически изменяющиеся электромагнитные волны в большей степени влияют на информационные процессы в живых организмах, чем поля, хаотически изменяющиеся...»

И события двадцатилетней давности ожили и предстали перед внутренним оком Сергея Александровича, будто все случилось вчера.

Прошлое выросло вдруг и вытеснило и привычные заботы, и тот несколько ленивый скептицизм, который приходит вместе с жизненным опытом.

Строй его мыслей был прост. Он подумал тогда, что аппарат Генчика мог быть именно таким электромагнитным излучателем, обладающим вредным, смертельно опасным для человека действием. Может, Генчик и не сам его придумал, ведь он во время войны, как потом выяснилось, работал в Яновском концлагере, а там нацисты ставили опыты на людях. Какие опыты, это и до сих пор не известно, но Генчик имел к ним отношение. После разгрома фашизма он притаился и решил совершенствовать новый вид оружия.

Очевидно, он продолжил эти опыты на растениях, животных, на том самом несчастном коте, который сначала напугал их, а потом, уже мертвый и полужасыпанный землей, вызвал смутное чувство страха и отвращения. Конечно, Генчик мог бы работать и на Западе. Но он был ярый националист, ему нужна была победа дома.

Черные очки тоже могли быть своего рода излучателями, созданными самой природой. Они усиливали радиоизлучение мозга и превращали его в пучок направленных радиоволн.

Если это действительно так, то становились понятны все чудеса, которые геолог продельывал с нацистами в лагере. У него был своеобразный гиперболоид инженера Гарина, только работающий не в световом, а в радиодиапазоне.

Что же произошло тогда, 1 Мая, в тихом закарпатском городке?

Странное, почти невероятное совпадение. Но сколько в жизни

бывает еще более странных и невероятных совпадений? И так, поединок между двумя излучателями. Генчик направил искусственно на первомайскую демонстрацию генерируемый пучок радиоволн, который встретился с волной, идущей от черных очков. Саша победил ценой колоссального нервного напряжения, ценой жизни...

Конечно, рассуждения Сергея Александровича могли быть ошибочными. Он не ученый. И все же на чердаке Карлова замка не мог взорваться просто какой-нибудь миномет неизвестной конструкции или сверхдальний огнемет, по тем или иным причинам оказавшийся у бандеровцев. Конечно, насчет «невидимой или бесшумной смерти» они с Юркой могли ослышаться. Слишком перепугались. Но вот все остальное... И эти больные растения, и несчастный покалеченный кот...

Сергей Александрович взял отпуск на несколько дней, простился с женой и семилетним сынишкой и сел в поезд Москва — Ужгород, отходящий с Киевского вокзала в 17.36.

Вот и сидит он теперь за кружкой пива, смотрит в окно, за которым садится солнце, и думает, как быть дальше. По лицу его пробежал оранжевый отсвет, потом опять тень и снова свет. Все быстрее, быстрее... Это отошел поезд 19.03 на Москву.

Буфетчик отворил дверь и придержал ее, чтобы дать пройти помощнику, согнувшемуся под тяжестью металлических сеток с бутылками. С последними прямыми лучами солнца в дверь ворвался запах железной дороги.

И, как живой, встал перед ним Сашка! Худой нервный «шкетик» с черными очками — последним оружием обреченных.

Вспомнил он Зосю, ее соседей, Юркиных родителей... Не может быть, чтобы не осталось никаких следов! Не может быть. Надо задержаться хотя бы еще на один день. Может, кто и отыщется...

Последнее оружие обреченных, последнее оружие твоих глаз, Саша.

ПЛАТА ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ

1. АДАЖИО ВМЕСТО СКЕРЦО

Когда прибрежные камешки зазвенели под ногами, Вольд остановился и прикрыл глаза ладонью: противоположный берег скрылся где-то между средним и безымянным пальцами, блестящие темные пятна запрыгали на воде. Полная иллюзия безбрежности. Кое-где песок размыло, и обнаженная пластмасса торчала белыми заплатами. Вольд бросил несколько камней подальше от берега — спугнуть сонных рыбешек, совсем потерявших счет времени. Глухо булькнуло, пузыри с клетотом вырвались вверх, камни стукнули в дно. Круги от них разошлись и сомкнулись, ударив в берег и встретившись в центре.

При некоторой доле фантазии этот тридцатиметровый аквариум все же можно было считать озером. Но об удочке и думать не приходилось. Вольд достал из кармана маленькую сетку и, накрошив хлеба, бросил ее в воду, снова заколебавшуюся. Как только пойманным рыбкам стало тесно в банке, он выпустил их у самого берега, и они долго копошились там, лениво шевеля хвостами. Вольд прикинул, что с того самого дня, как он здесь, каждая рыбка была поймана его сеткой в среднем не меньше трех раз (если считать, что всего их здесь около тысячи). Отсюда следовало, что в один прекрасный день такая охота потеряет остатки спортивного интереса для обеих участвующих в ней сторон.

Вольду неожиданно захотелось разбудить профессора или Копнина, тихо войти в комнату и сорвать одеяло, плеснуть холодной водой, а когда Копнин спросонья начнет ругаться и натягивать на себя одеяло, прокричать какую-нибудь чепуху, например, что он

проспал сто миллионов релятивистских суток и пора выходить, потому что они уже вернулись на Землю.

Потолок постепенно стал голубым и засветился, как небо, розовые облачка бросили вниз тени. Из-под веток, из лепестков выпорхнули пестрые бабочки. Загудели пчелы, тишина растворилась в шорохе редкой травы, в мягких аккордах утренней музыки. Нужно было уходить. Скоро все встанут — и Копнин, и профессор... и Анна.

Вольд дернул бечевку. Но нет, зацепилось. Он шагнул за сеткой — по щиколотку в прохладную воду, по колена, и остановился на шершавом песке, словно задумавшись, и рыбки скользко били по ногам.

Он как раз, присев на камень, бросал их в воду — одну за другой, — когда почувствовал прикосновение к плечу. Глянул вверх — Анна. Конечно, она все видела... и костюм — вот не везет! — весь в мокрой рыбьей чешуе. На берегу билось еще несколько рыбешек. Вольд поспешно смахнул их в воду и выпрямился, повернувшись к Анне.

— Знаете, Анна, лет десять назад я так же ловил уклейек в парке. Мы с товарищем убежали тогда с уроков. Я держался за ветку и соскользнул в воду. Мы долго бродили по парку, чтобы просохла одежда — не появившись же дома в таком виде.

— Конечно, — сказала Анна серьезно. — Но здесь-то уж вас никто не отругает за то, что вы испортили костюм. За десять лет все изменилось к лучшему.

Вольд понял, что Анне очень хочется рассмеяться — такое у нее было совсем серьезное лицо — и что она этого ни за что не делает.

— Вы всегда просыпаетесь раньше всех, Вольд?

— Н-нет, но сегодня я действительно рано встал. А вы поднимаетесь в одно и то же время? Всегда? А я не могу. Почему? Как бы объяснить... Может быть, я слишком быстро привык ко всему. Звезды в иллюминаторе кажутся просто пятнышками белил на черной бумаге. Они как будто застыли на месте. И корабль тоже. Трудно представить, что мы несемся с такой скоростью... Все так обычно, слишком обычно. Облака, ветер, трава, озеро. Совсем как дома. И все так неизменно, понимаете? Хочется иногда почувствовать себя выбитым из привычной колеи. Помните, на днях мы приблизились к границе разрешенных скоростей, и нас чуть трясло и качало? По крайней мере было ясно, что мы на настоящем корабле и вокруг — пространство, а не детские раскрашенные кубики. А потом — опять мертвая тишина. Я слышу ее, когда вечером чи-

таю в своей комнате... Вам не кажется, что конструкторы зашли слишком далеко? Сделать корабль непохожим на корабль? Я понимаю — привычная обстановка, психология... Но порой хочется слышать рев двигателей, пульс автоматов или видеть струю энергии, выдыхаемую рефлекторами в пустоту. Этого-то не учили. Все изолировано, скомпенсировано, шумы складываются в противофазах, излучения фильтруются и тоже гасятся. Ни единого рабочего звука. Ни намек. Нас учили работать в реальной обстановке. Так где же она? Сплошная фикция. Не корабль, а бабушкин палисадник. Тоска. Разве я не прав?

— Не знаю. Не забывайте: впереди еще длинный путь. Даже в музыке после адажио может последовать аллегро или скерцо.

— Да, так. Не хватает скерцо. Знаете, Анна, я хотел сказать... то-есть спросить...

— Пойдемте. Посмотрите, какая сегодня чудная погода. Вам нужно переодеться. У вас и ботинки совсем мокрые. Милый Вольд, вы ведь так можете простудиться. Вы хотели спросить, как всегда, буду ли я вечером на семинаре профессора Гамова? Я не ошиблась?

2. НЕБОЛЬШОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОФЕССОРА ГАМОВА

Профессор Гамов четкой, нестарческой походкой прошел вперед и окинул комнату взглядом — только стекла очков блеснули. Разговор смолк. Вольд то и дело поглядывал на дверь: Анна задерживалась. Кто-то сел рядом на стул, он хотел было вежливо сказать, что место занято, повернул голову — да это же Анна! — «Как это я просмотрел вас?» Анна прижала палец к губам: «Ох, попросит нас сейчас профессор говорить вместо него».

Гамов отвечал сейчас на чей-то вопрос.

— Представьте,— говорил он,— что мы тщательно изготовили копию... гм, ну, скажем, будильника, копию в одну десятую натуральной величины. Будет ли она работать? В принципе — да. Значит, весь вопрос в масштабе. Вот тут-то и дает себя знать релятивистский парадокс. В самом деле, если масштаб уменьшения не сказывался бы качественно, нужно ли было бы ограничивать скорость космических кораблей? В принципе — нет. Возросла скорость — тотчас же в полном согласии с теорией относительности уменьшились размеры. Близка скорость к световой — размеры корабля со всем его содержимым и экипажем становятся микроскопическими. На время. Убавили скорость — все пришло в норму. Очень просто. Но только, оказывается, до некоторых пределов. Строго доказано, что

за порогом разрешенных скоростей должен произойти качественный скачок. Можно ли после этого снова вернуться, так сказать, в исходное состояние? Восстановятся ли нормальные размеры, пропорции, если скорость снизить? На это не так-то просто ответить. Совсем не так просто... Мы переходим, таким образом, в новое устойчивое состояние. В микросостояние. Случись такое с космическим кораблем — его не удалось бы рассмотреть и в самый сильный микроскоп.

Меня иногда спрашивают, что это за состояние и как это мы — вместе с атомами, нас составляющими, и электронами, бегающими по их орбитам, можем стать частью, скажем, того же электрона? Ведь именно так и обстоит дело. В микросистеме электрон становится для нас как бы новой галактикой — так велик масштаб преобразования. Нет ли тут противоречия, спрашивают меня. Разумеется, нет. Игрушечный автомобиль отличается от настоящего не только размерами. Так и в нашем случае. Атомы в том смысле, как мы их обычно понимаем, перестают существовать. Все, что нас окружает, да и мы сами, сразу лишается, так сказать, строительных деталей в старом понимании — их место займут гораздо более мелкие кирпичики. Они во столько же раз мельче прежних «строительных блоков», во сколько электрон меньше галактики. Привычные понятия исчезнут или преобразятся. Но формы сохраняются. Внешние формы не изменятся. Все остается как будто на своих местах: по трубам продолжает течь вода, гвозди по-прежнему крепко держат доски, стекло разбивается от удара камнем. Только вот трубы уже сделаны не из атомов, в воде мы не найдем привычных молекул, гвозди — лишь по форме гвозди, в стекло попадает не камень, а мизерная копия с него, к тому же неизвестно из чего изготовленная. Вещи словно отразятся в волшебном зеркале гномов. Если бы нам, людям, удалось посмотреть в это зеркало, мы увидели бы в нем себя — крошечных лилипутов, пытающихся решить задачу о пылинках и галактиках.

Но зеркало это обманывает. Знаки, — знаки в некоторых физических уравнениях изменятся на обратные. Где был минус, появится плюс. Например, в законе Кулона. Возможно, что одноименные заряды будут не отталкиваться, а наоборот, притягиваться. Другой пример: центробежная сила... Может показаться, что в некоторых случаях причина и следствие как бы поменяются местами, но это очень сложный вопрос. Некоторые самые простые эксперименты будут выглядеть очень странно. Листочки электроскопа притянутся. Кусочки фольги, наэлектризованные одной расческой, прилипнут друг к другу. Все как будто останется на местах, уменьшенное в миллиарды раз, а действия и противодействия поменяют знаки.

...Гамов рассеянно смолк. В заднем ряду кто-то от нечего делать попытался освежить в памяти курс школьной физики. В тишине раздался удивленный возглас. Вольд приподнялся. Справа от него на маленьком столике блестело «золотце» от конфет.

— В чем дело? — спросил Гамов.

Кто-то показал ему расческу.

— Что, что? — переспросил он, не поняв.

— Не выходит опыт с расческой.

— Не может быть. Это делается так... заряжаются две маленькие... минутку... две маленькие полоски папиросной фольги. Вот они, видите. Я прикоснулся расческой к каждой бумажке. У них теперь одинаковый заряд, и, как видите, они отталкиваются друг от... гм...

Профессор мельком взглянул на узенькие полоски фольги и поблел. Они плотно прижались друг к другу.

3. ЖЕЛТЫЕ ЗВЕЗДЫ

Вольд захлопнул за собой дверь. Темнота встретила его тихим шепотом, бульканьем, словно пузырьки лопались в тесте — это по уцелевшим каналам управления кораблем, в хемотронах, в усилителях бежали сигналы.

В иллюминаторе горели звезды — тусклые желтые пятна, совсем как маленькие фонари. Серебристые блики дрожали на полу, в углах черные тени прятали паутину трубок-каналов.

Вольд включил сигнализаторы. «Все в порядке, все в порядке, — тихо пропели они. — Полет идет нормально, скорость 0,8 с». Подумать только — эти искусственные живые ниточки, эти полимерные цепочки, по которым сновали электроны, управляя кораблем, никогда не смогут понять, что для людей-то все изменилось, что желтые звезды за окном уместятся в одном-единственном атоме какой-нибудь детской игрушки. Для них по-прежнему все в порядке.

Собственно, электроны — это уже не электроны, а что-то другое... Что там профессор говорил о биотоках?.. Ах, да, биотоки не причина, а скорее следствие процессов в организме. И тем не менее... Логика... Должна измениться сама человеческая логика. Странно. Вряд ли.

Теперь Вольд на две минуты должен заменить отключенный аппарат курса, этот слепой искусственный мозг.

Такая малость — две минуты. Но за сто двадцать секунд он успевает отдать все, что он знает, все, что записано, как на ленте, в маленьких клетках его мозга.

Вольд сосредоточился. Ему казалось, что он спокоен. Только вот руки сжались так, что костяшки пальцев побелели.

Пора... Только сохранить сознание, пусть две минуты начнутся в этот миг.

Тысячи гибких струящихся ниток прильнули к его голове, ко лбу, к темени, они склонились над ним, лежащим на полу, словно хоботки бабочек. Они извивались. Они брали у него все — сознание, мозг, душу, знания — клетку за клеткой, нейрон за нейроном.

На миг в памяти всплыли знакомые лица. Анна. Гамов. Они будто что-то говорят, но он знает — сейчас их слушать нельзя. И они вдруг исчезли, затерялись среди желтых пятен звезд. И звезды — уже не звезды, а снежинки в пургу. Сквозь снег бегут навстречу огни — желтые, красные, зеленые. Они, как светящиеся ягоды. Вот они, рядом, только шагни — и достанешь рукой.

...Вольд уже не слышал, как через час по центральному коридору застучали две пары ног. Они загрели и остановились перед дверью. Никто не открыл ее, и стало тихо, как в погребке. Но если бы профессор и Копнин вошли внутрь, они ничего не смогли бы изменить. И Вольд не услышал бы и не узнал их. Профессор и Копнин вышли из своей комнаты примерно полутора часами раньше. Так как Вольда не было дома, они пошли по коридору к отсеку управления, и Гамов по пути развивал гипотезу, с которой он еще раньше успел познакомить Вольда.

По его словам, теперь у корабля была скорость меньшая, чем в момент перехода в микросистему. Для возвращения нужно было использовать законы микрогалактики. Неумолимый кодекс физики привел их сюда, и если бы этот кодекс не изменился, то стоило увеличить скорость выше порога, как они оказались бы в третьей системе пространства, еще более микроскопической, потом в четвертой, и так до бесконечности. Но теперь, после перехода в микросистему, изменился знак в уравнении движения. Уравнение получало совсем другой смысл: при увеличении скорости корабля выше порога физические законы микромира обеспечивали переход в старую систему координат. Иными словами: чтобы возвратиться в свою Галактику, достаточно было увеличить скорость.

— Но прежде, чем это произойдет, — говорил профессор, легонько взяв Копнина под руку, — прежде, чем мы вернемся туда, откуда мы прибыли, пройдет порядочно времени. Почему? Видите ли, строго говоря, мы должны вернуться в наш мир — если нам удастся это сделать — в тот самый момент, когда мы исчезли, когда корабль оказался в микрогалактике. Но для этого, как ни странно, время должно изменить свой ход на обратный, иначе ведь мы не

вернемся в тот самый момент. Что-то вроде киноленты, пущенной не с того конца. Но этот странный фильм будет хорошим предзнаменованием, он будет означать, что мы возвращаемся. Вам хочется вернуться?

— Не вижу разницы, все осталось прежним.

— Не шутите. Не шутите так... мы сами изменились, поэтому трудно заметить разницу. Самое интересное то, что в нашей памяти не останется ни малейшего следа от этого приключения, если только оно когда-нибудь кончится. Никто не сохранит о нем даже малейших воспоминаний — ведь время пойдет назад, строго говоря, не время, а процессы. Мы забудем об этом. В памяти сотрется все, как на магнитной ленте... У меня сейчас такое чувство, как будто я очень устал, как будто на меня свалилась гора времени. Вы ничего не чувствуете?

— Да, что-то случилось, у меня... едва разжимаются губы. Вот дверь, мне почему-то кажется, что Вольд там. Но я не могу... поднять... руку.

Когда Копнин произнес эту фразу перед закрытой дверью, Вольд как раз начал осуществлять план, вытекавший из гипотезы Гамова. В этот момент он включился в систему управления.

ЭПИЛОГ

Анна — вот она, перед ним. Ее глаза улыбаются — не губы, не лицо, а глаза. Вольд прячет мокрую сетку в карман. Маленькие утренние волны бегут по озеру. «Странное чувство, — думает Вольд, — как будто это со мной уже когда-то случилось. Давно, давно». Вольд даже приложил руку ко лбу — что-то совсем знакомое есть в выражении лица Анны. Такое знакомое, что он, кажется, может прочесть на этом лице все, что Анна сейчас скажет ему...

Но он так и не вспомнит ничего. Стерлись в его памяти желтые звезды. Расскажи ему сейчас кто-нибудь всю правду — Вольд не поверит. Как на киноленте, пущенной с конца, кадр за кадром прошло все в обратном порядке — начиная с того момента, когда Копнин с профессором остановились у закрытой двери. И кадр за кадром, повинувшись законам физики, стерлись все воспоминания о стране желтых звезд. Это была плата за возвращение.

Они вернулись в свой мир, в наш мир в то самое утро, из которого они исчезли, растворились внутри какого-нибудь затерявшегося в галактике электрона. Возможность перехода в микрогалактику вследствие резкого скачка скорости из-за местного искривления

пространства снова стала для них вероятностным математическим символом, не больше.

Время вернулось в свое начало. Анна спросила:

— Вы всегда раньше всех встаете, Вольд?

— Н-нет, но сегодня я действительно рано встал. Иногда хочется выбиться из привычной колеи... Подумать только: сделать корабль не похожим на корабль... И почему это с нами ничего не случается? Копнин сказал как-то, что в космосе от скуки можно умереть, на Земле гораздо интересней.

ГОВОРЯЩАЯ ДУША

Алик шел по тропинке и ревел. Никто его не видел и не слышал, но он ревел все громче. Вдруг — голос:

— Зачем мальчик так бурно выражает свои чувства?

Незнакомцу было лет... Судя по лысине, он мог быть отцом такого мальчика, как Алик. Но его внимательные карие глаза были непохожи на отцовские. В руках он держал что-то напоминающее одновременно револьвер и мясорубку.

— А чего они...— всхлипнул Алик.

— Не надо слов,— перебил незнакомец, надевая какие-то ди-ковинные очки, сквозь которые глаза казались совсем черными. Проводки тянулись от очков к револьверно-мясорубочному устройству.

— Да, мальчик, обида, горькая обида: так хотелось поиграть в мяч... да, в мяч, верно...

— Как вы угадали? — Алик глядел то на незнакомца, то на снятые очки, подключенные к странному устройству.

— И ты угадал: с помощью этих очков. Все это очень даже просто. Так же, как слетать на Марс. Взять и слетать.

Встречный протянул руку — дескать, ясно, как на ладони. Ух, если б глаза его в этот момент не насмехались...

— А зовут тебя...

— Алик. По-настоящему — Валик, только мне так не нравится.

— Валик... Валентин?.. Отлично! А я — Сергей, продолжение не обязательно...

Сергей внезапно опустился перед мальчиком на колени, так

что стала видна вся солнечная лысина и странно грустные глаза, если глядеть на них сверху.

— Будешь, Алик, моим спутником и помощником. А то я нынче как-то совсем одинок. Ну?

— Можно,— согласился Алик.

— Добро. Писать быстро ты еще не умеешь, впрочем, кажется, и медленно тоже. Но зато всей душой откровенно переживать и говорить искренне ты не разучился. Лгать и притворяться тебе пока ник чему... Ты прекрасно чувствуешь жизнь. Кстати, знаешь, что такое жизнь?

— Знаю.

— Я не сомневался. Главное ты, конечно, знаешь, понимаешь. Всякое живое жадно стремится жить и по-своему радуется полноте жизни, и по-своему страдает от лишений. А уловить это можешь только ты, человек, вооруженный этим...— Сергей бережно надел мальчику очки, закрепил прибор. Мальчик покорно стоял на месте.

— Ну, Валя, взглядись в какую-нибудь жизнь: дуба, лягушки, ежа, слона, инфузории, магнолии. Приступай!..

Алик смотрел перед собой. Понемногу он начал всматриваться и вслушиваться в одну тоненькую травинку, ярко озаренную солнцем. Ему сделалось как-то душновато, томительно, и он непроизвольно протянул:

— Пи-ить...

— Великолепно! Ты ухватил душу травинки!— Глаза Сергея разбрасывали бойкие солнечные искры.— Тебя не удивляет это слово — душа? Душа, бог,— возможно, ты и не слышал этих старых слов?..

Алик промолчал. Ему сейчас вовсе не хотелось выяснять, что такое бог. И Сергей не стал вдаваться в подробности. Заметил мельком:

— Большая часть человечества доныне верит в бога. Правда, смешно?

Жаль, что сейчас на месте Алика не находилась большая часть человечества — один вид Сергея убедил бы всех, что и впрямь смешно...

Алик весь нацелился на муравья.

«...Несу, несу, несу,— торжествовала муравьиная душа.— Несу добычу!» — объявлялось собратьям на муравьиной тропке. А дом, муравейник в двух шагах человеческих, в тысяче муравьиных,— далековато, впрочем.

«...Устал малость... Перекусить бы...— это едва-едва, будто скрипочка в шторм. А звучно: — Несу — домой, несу — домой...»

Донес и запропастился в какой-то муравьиной пещерке. Алик чуть тронул палочкой, и тут поднялась муравейная буря:

«Тревога! Эй! Тревога! Что? Где? В бой! На кого? А? Что? Ничего? Ничего страшного. Прошло. Порядок. За работу...»

— Молодчина, Алик, так она и познается — настоящая жизнь...

«...Дети, дети,— кричала перепелка,— за мной, милые. Стоп! Подсолнечник исподлобья глядел на Солнце:

«Хватит, довольно мне жарких лучей, голова моя отяжелела, черные семечки вызрели и готовы пасть на землю».

Встрепенулся паук:

«Что там бьется?..»

«Что со мной... Почему не улетаю! Что меня удерживает?»

— Ага, муха,— прокомментировал Сергей,— видит она мир обобщенно, большими грубоватыми кусками, и не замечает таких поразительных, роковых подробностей, как паутинка...

«Рванусь-ка,— продолжала муха,— надо же мне лететь. Ой, кто это мрачный ползет ко мне? Как жутко! Вырваться любой ценой. Нет, я как будто запутываюсь все сильнее...»

— Дядя Сережа, спасем?

— Нельзя вмешиваться. Мы наблюдатели. Факты, только факты, исключительно факты. Иначе...

«Ай! Кольнула иголочка в грудь, и я уже не могу шевельнуть ни одной лапкой: ни задней, ни средней, ни передней. У, как темнеет белый свет...»

Молчал трухлявый пенёк. Молчал обкатанный в незапамятные времена камень — неужто ему нечего рассказать о себе? Тихие облака лениво плыли в бесконечном синем безмолвии.

«Скорей»,— чирикнул воробей.

Молчал журчащий ручеек. Невидимая личинка пискнула:

«Иду на свет...»

И желтый полдень легкой тенью раскачивался по опушке: спать, пить, спать, пить...

Сергей валялся на траве, и облака плыли по его глазам. Алик загляделся на старшего друга, и мальчика охватила истома, ему показалось, что он сто лет не видал кого-то милого, наверное, мамы, и, когда ее увидит, расплачется и станет целовать добрые руки. Но ему еще представилось, что мама уходит от него, и все кругом немило без нее...

У Алика бешено забилося сердце, и он, осознав, что нечаянно воспринял дядю Сережу, поспешил перевестись в другой мир.

«...Уф! какой нектар»,— упивалась пчела.

«...Дозревают желуди и в этом году»,— вздыхал старый-старый дуб.

«Что за маленький человечек?» — любопытствовала белочка.

«Забрали все мое ясное солнышко!» — всхлипывала березка в елочной тени.

«...Неведомо — опасно», — кружилась стрекоза...

«...Здесь я, — трепетала бабочка, — спешите, милые, далекие рыцари ко мне, здесь я!..»

«...Сплю, — лепетала фиалка, — посплю...»

— Алик!

— Что, дядя Сережа?

— Пора нам, пойдем в институтскую столовую, перекусим.

На людях глаза Сергея стали совсем растерянными. Суетливое он занял столик. Чего-то ждал, непрерывно поглядывал на вход. И вдруг озарился:

— Валентина! Валя, Валя, сюда...

Снисходительно подплыла, села.

— Так как вам работалось на воздухе, мужчины?

— Неплохо... Благодаря ему... Я сейчас, только возьму... Что тебе, Валуша?

— Тебе должно быть известно, что я люблю.

— Любишь... — Сергей побежал.

— А меня тоже зовут Валентин, — представился мальчик. — И мне очень нравится дядя Сергей.

— Да? — она скривилась и стала смотреть в сторону очереди у раздачи. — Он?..

Алик, словно между прочим, нацелил на нее очки, и сходу перенесся в ее забаву. В ее внутреннюю улыбку по поводу того лысого чудака с полной талией, короткими волосатыми руками, крючковатым носом, недоуменными глазами.

«Нельзя вмешиваться... Факты, только факты...» — припомнилось Алику.

Но это же дядя Сережа!..

Тот прибежал с подносом, поставил тарелки на стол, взглянул на Алика и понял. Понял, что мальчик невзначай успел перенестись в чужую, ее, Валину душу. Наклонился, попрощал:

— Говори, Валик...

— Сережа, — выдохнул Алик. И прикрыл глаза. Чтобы говорить самому. От себя. Только от себя. — Ты, Сережа, очень добрый и любимый. Мне страшно хочется с тобой дружить...

Прибор с очками валялся рядом на стуле, совсем ненужный в шумливой, многоголосой, переменчивой институтской столовке...

ЗНАК РАВЕНСТВА

Василий Васильевич уходил с вечеринки недовольный и много раньше, чем другие гости-сослуживцы. Слишком много там пили, по его мнению, а кассир Государственного банка должен быть воздержанным, как спортсмен. С похмелья и обсчитываются. Весь вечер Василий Васильевич помнил, что завтра в институтах день полочки, и незаметно удалился при первой же возможности.

Он повздыхал, стоя на полутемной площадке, и стал спускаться, оглядываясь на блестящие дверные дощечки,— дом был «профессорский», строенный в начале столетия. Слишком высокие потолки, слишком большие комнаты, широкие лестничные марши.

— А не водился бы ты с начальством, Поваров,— бормотал он, выходя на улицу.

Каменные львы по сторонам подъезда таращили на него пустые глаза. У правого была разбита морда.

— Разгильдяи,— сказал Василий Васильевич, имея в виду не только тех, кто испортил скульптуру.

Вечер был разбит, испорчен. Василий Васильевич был неприятно взбудоражен всем этим — потолками, бутылками, орущим магнитофоном,— и разбитая львиная морда оказалась последней каплей. Домосед Василий Поваров внезапно решил пойти в кино на последний вечерний сеанс, чтобы отвлечься.

Он плохо знал этот район и побрел наудачу, высматривая постового милиционера. Как назло, всех постовых будто ветром сдуло. Василий Васильевич начал плутать по старому городу, сворачивал

в узкие переулки, неожиданно возникающие между домами, и все более раздражался, не находя выхода на проспект. Фонари мигали высоко над головой, в подворотнях шаркали невидимые подошвы, и белые лица прохожих поворачивались к нему и опять исчезали в темноте. Впервые за много месяцев он был ночью вне дома. Он осторожно оглядывался и убыстрял шаги, проходя мимо темных подворотен и молодых людей, неподвижно стоявших у подъездов, и совсем уже отчаялся, когда увидел, наконец, постового.

Милиционер стоял на мостовой в двух шагах от фонаря. Он держал в руке спичечный коробок и папиросу и смотрел вверх на освещенные окна. Привычно официальный вид милиционера — фуражка, темный галстук и белые погоны — вдруг успокоил Поварова. Он понял, что время еще не позднее, и вовсе не ночь глухая, а вечер как вечер.

Василий Васильевич решительно шагнул с тротуара на мостовую.

— Будьте добры сказать, есть ли поблизости кинотеатр?

Милиционер повернул к нему голову. Он не взял под козырек, и это тоже рассердило Василия Васильевича.

— Кинотеатр? — милиционер потряс коробком, зажег спичку и быстро, внимательно посмотрел Поварову в лицо. Спичка погасла. — Нет здесь кинотеатра. — Он затянулся папиросой, держа ее в горсти так, чтобы осветить лицо Василия Васильевича. — Ближайший кинотеатр на проспекте.

Василий Васильевич пожал плечами и двинулся к проспекту. Как только он свернул в очередной переулок, кто-то догнал его и пошел рядом. Поваров с испугом оглянулся.

— Извините, конечно, — вполголоса сказал низкорослый человек. Он покачивался и беспокойно шуршал подошвами. — Кинотеатр имеется. Я вижу, милиционер-то нечуждый... И провожу, если желаете. По этой стороне, один квартал всего...

— Нет, нет, я сам дойду, большое спасибо, — сказал Василий Васильевич.

Человек отстал, но его шаги шуршали неподалеку, и за перекрестком он снова оказался под рукой.

— Вот, вот он, кинотеатр. Вот дверь, здесь.

Что-то в нем было нарочитое. Вином не пахнет, но говорит, как пьяный.

— Спасибо, я не разберу... Темно совсем.

— Электроэнергию экономят, заходите.

— Спасибо, — сказал Поваров и вошел.

Видимо, сеанс уже начался. В кассовом вестибюле светил

пыльный желтый плафон. Кассирша пересчитывала деньги за окошечком.

— Один билет,— сказал Василий Васильевич.— Не слишком далеко и в середине, если можно.

— Зал пустой. Выдумали кино в такой глуши,— сказала кассирша.— Сборов нет, сиди здесь до полуночи. Какой вам ряд?

Опять что-то ненастоящее мелькнуло в ее голосе и в звоне монет на столе.

— Десятый-двенадцатый,— нерешительно сказал Поваров.— Какой фильм у вас идет?

— Не слышу. Говорите в окошко.

Василий Васильевич нагнулся, посмотрел через окошко на кассиршу. У нее были круглые руки, блестящие от загара; волосы глянцево отливали под яркой лампой. Она перестала считать деньги, подняла глаза и вдруг охнула.

— Я сейчас.— Она быстро повернулась, приоткрыла дверь и поговорила с кем-то, встряхивая головой и указывая назад, на Василия Васильевича. Он с удивлением следил за этими странными действиями. Он уже не ощущал тревоги или недовольства и даже напротив — ему было приятно смотреть на спину кассирши, округлую и тонкую, и на черные волосы, затянутые в гладкий пучок.

Нелюдим и домосед был Василий Васильевич. Вечерний поход в кино представлялся ему приключением каким-то, авантюрой, и потому его не удивляло, что авантюрное настроение как бы передавалось окружающим, что усталая красавица-кассирша была встревожена его появлением. Женщины любят пьяных и одиноких — эта старая ложь сейчас не казалась Поварову пошлой. В ней было утешение.

Кассирша обернулась, покинула Василию Васильевичу и исчезла. Скрипнула дверь, каблучки простучали по кафелю, она уже стояла рядом с ним в вестибюле.

— Вы уходите? — он спрашивал с надеждой и некоторым испугом.

— Я провожу вас в зал.

— А билет?

— Вам билета не нужно. Пойдемте.

Рядом кто-то хихикнул. Поваров повернулся. Совсем близко к нему стояла еще одна женщина — пожилая, в шляпке — и хихикала, прикрывая рот ладонью.

— В чем дело?

— Вот шутник! — хихикала шляпка.

— Что здесь происходит?! — вскрикнул Василий Васильевич.

— Идемте, — решительно сказала кассирша.

Настолько рискованным и неприличным показалось ему положение, что он попятился к выходу и растерянно спросил:

— Куда вы меня приглашаете?

— Конечно, в зал. Сеанс уже начался.

— Я не хочу, — отказывался Василий Васильевич.

Шляпка задыхалась от смеха.

— Идемте, идемте, — сказала кассирша. — Не надо скромничать, — она взяла его за руку и потянула за собой. — Идемте, ничего...

— Почему без билета, почему — ничего?

— Конечно, ничего. — Они уже вошли в зал.

— Вот. Здесь будет удобно, — сказала кассирша. Она разжала пальцы, легко толкнула его в плечо и исчезла.

— Сумасшедшая компания, — сказал Поваров.

Аппарат стрекотал, как цикада, белый экран неясно освещал ложу. Справа и слева блестели спинки пустых стульев. Василий Васильевич сидел, как в густом тумане, приходил в себя и поглядывал на дверь — ему все еще хотелось уйти. В ложе тонко пахло духами. Он понюхал свою руку — те же самые духи. Потом все-таки пригляделся к экрану.

Широкое белое полотно было исчерчено неровными строчками.

Формула, понял Василий Васильевич. Вот оно что, это формула.

Он внезапно успокоился, хотя формула была совершенно ему неясна, и сосредоточенно потер подбородок мизинцем. Длинные крючки интегралов, жирная прописная сигма... Каждый знак в отдельности был понятен, но все вместе выглядело сущей абракадаброй, и старая, забытая тоска уколола его. Как в те времена, когда он влюбился, бросил учебу и был счастлив, но все равно тосковал.

— ...Неизбежное разложение при переходе, — сказали за экраном.

— Правильно, — ответил низкий, ровный голос. «Удивительно знакомый голос», — подумал Василий Васильевич. Он все смотрел на формулу — как будто в ней была разгадка этих странностей.

Луч прожектора мигнул, стало темно. На экране — комната. Просторный кабинет, книжные полки по трем стенам, переносная лестница. На большом столе горит неяркая лампа, и людей почти не

видно. Они прячутся в тени глубоких кресел и ждут чего-то, опустив седые головы. Неподвижные, туманные, как на любительской фотографии. Стучат часы, и в светлом круге на столе — рукопись, надкусанное яблоко и стопочка чистой бумаги.

— Все равно,— говорит тот же знакомый голос.— Дело надо закончить. Переход человек — человек...

Дальше Василий Васильевич не расслышал — то ли хмель его закружил, то ли что другое, непонятное,— как будто его стул стремительно проваливался в бездонную шахту, и вдоль гулкой ее черноты отдавались гулкие голоса — ухали, бормотали, грохотали в самые уши... И, единым мигом пролетев мимо них, Василий Васильевич опять сидел твердо на стуле и переводил дух.

На экране что-то изменилось. То, чего ждали эти двое, наступило. Они стояли посреди кабинета на толстом ковре, глядя друг на друга в упор. Справа — Бронг, слева — Риполь. Их имена Василий Васильевич узнал неизвестно откуда — ничего не выражающие, птичьи имена...

— Повторяю,— говорит Бронг.— Я хочу опробовать на себе трансляцию человека.

Он отходит в глубину комнаты, и, когда аппарат показывает крупным планом его лицо — неясное, как скверное клише, с темными глазницами,— Поваров вздыхает и сжимает подлокотники.

Несколько секунд тишины, потом Риполь говорит просительно.

— Это шутка.

— Нет.

— Я отказываюсь слушать. Безответственность, безумие...

— А, бросьте, Рип. Разве я похож на сумасшедшего? — легко отвечает Бронг.

— Не знаю,— угрюмо говорит Риполь.

— Ну, вот, не знаю. Ладно. Я не надеялся, что вы согласитесь сразу. Давайте по пунктам. Первое. Мы передавали всю гамму — от амебы до шимпанзе. Передавали кроликов на пятьсот километров. Приспело время проверить аппараты на Homo Sapiens? Да или нет?

— Не знаю, говорю вам — не знаю!

— Врете. Давно пора. Вы надеялись, что я выкручусь, обойду принцип дополнительности, найду способ передавать, не уничтожая образец? Так? Молчите? Вы проверили формулу? Созидание — знак равенства — уничтожение. Кого же нам уничтожить во имя науки? Симплицию? Ваш ответ, Риполь...

— Господи! — говорит Риполь с отчаянием.— Зачем все доводить до абсурда? Нельзя — значит, нельзя.

— И опять врите. Можно. Это назрело, как фурункул. Если мы завтра не разобьем аппарат кувалдой, послезавтра туда засунут бедняка — за деньги. Или каторжника. Проверят! Рип, мы же не фашисты, мы врачи в конце концов. Надо уж нам, если начали, дружок... Будет Бронг-дубль. И ничего страшного.

Он улыбается и заканчивает церемонно:

— Я бы вас не беспокоил просьбами, но кто-то должен управлять аппаратом.

— Хорошо... Назрело, как фурункул... краснобаиство! Я должен управлять процессом, который превратит великого ученого в полудиота. Это ужасно, разве вы не понимаете?

— Ужаснее отступить у самой цели. Мы двадцать лет работали на одну цель... Послушайте, как это звучит: «Передача человека на расстояние», доктора медицины Бронг и Риполь. Передача человека... Сегодня же ночью поставим опыт, Риполь.

— Бред... Бред и бред! В конце концов почему вы, а не я?

— Мое право,— отвечает Бронг, и Риполь пожимает плечами: все верно, это его право.

...Поварова опять закружило, но не так сильно, как первый раз, и он различает голоса в гулком пустом пространстве:

— Что... делать... дальше...— грохочет голос Риполя.

— Клиника Валлона... место оплачено... потеря памяти... потеря памяти...

— Старческая потеря памяти,— слышит Василий Васильевич. Он вытирает лоб рукавом пиджака. Кажется, прошло...

— Невинный диагноз,— продолжает доктор Бронг.— Через год-два я вылечусь, Валлон прославится... Я не верю, что интеллект исчезнет при переходе. Что-то должно остаться, какие-то следы. Кот Цезарь меня узнал, бедняга шимпанзе не разучился есть ложкой, а Бронг...

— Начнет говорить по-русски или на санскрите.

— Хотя бы. Я неплохо знаю русский...

Стучат в дверь. Врачи поспешно садятся — старший слева у стола, младший немного поодаль.

— Ритуальное действие,— ворчит Бронг.— Войдите, сестра.

Девушка в белом халате ставит поднос на письменный стол.

— Кофе... Доктор, вы не съели свое яблоко!

— Не съел. Как всегда.

Девушка смеется. Она очень хорошенькая, и Василий Васильевич первый раз легко вздыхает и поднимает брови. Удивительно милое личико!

— Придется съесть, доктор,— она решительно включает верхний свет и берет яблоко со стола.

— Предложите доктору Риполю.

— Опять! Такое превосходное яблоко...

— Сестра Симплиция, скажите, кто это? — Риполь встает, руки в карманах.— Вот, вот, этот господин, который отказывается от вашего яблока.

— О! — Симплиция улыбается. Крупным планом ее хорошенькое личико, а потом хмурое лицо Бронга.

— Этот господин — мой шеф, величайший ученый нашего времени. Создатель машины «Диадор», биологического диссоциатора-ассоциатора. Но это секрет. Угодно спросить что-нибудь еще?

Бронг поворачивает лицо, и Василий Васильевич в изумлении, почти в ужасе смотрит на свои худые пальцы, трогает свои щеки, закрывает глаза, чтобы не видеть, потому что лицо на экране — его лицо, и его пальцы лежат на его щеке. Он открывает глаза и, как в дурном затяжном сне, ясно видит свои морщины, резко прочерченные от носа вниз, и тонкие губы, и даже свою повадку — доктор Бронг задумчиво водит мизинцем по подбородку.

— Никогда бы не поверил,— бормочет Василий Васильевич и внезапно находит различие. Конечно! Полного сходства не бывает, это исключено, и вот, пожалуйста, у двойника прямые брови, а сам Василий Васильевич всегда гордился одной своей черточкой — левая бровь у него приподнята и чуть изогнута, и это придает его лицу тонко-скептическое выражение. «Нечто дьявольское», — как говорила Нина, и сейчас он будто слышит ее голос: «Ты у меня — красивый».

«Боже мой, это сущий бред,— думает Поваров,— шляпка, касирша, двойник, и причем тут Ниночка?»

— ...Я уверена, конечно, так и будет! — говорит тем временем Симплиция.— «Диадор» — ключ к счастью человечества, мы все в этом уверены!

— Ладно, девочка, идите. Нам ничего не понадобится, до свидания.

— Я посижу на всякий случай.

— Ступайте домой, до свидания.

Она подходит к двери, оглядывается и в непонятной тревоге смотрит и смотрит на него и чуть не плачет.

— Ступайте! — Бронг почти кричит. Испуганное детское личико прячется за дверью. Повернулась тяжелая медная ручка — львиная лапа с кривыми когтями.

— Устами младенца! — Риполь очень доволен.— Глас народа — глас божий.

— А, глупости! Ключи счастья... Почему мы не остановились на амебе? Глупая, детская недалёковидность!

— Никто не смог бы остановиться.

— Кто знает? Был у меня период сомнений, Рип, но я легкомыслен и сентиментален. Куча предрассудков! Я слишком любил старика, Риполь. Я говорю о Винере. Знамя, выпавшее из рук, и прочее. И вот что еще. Передать человека по радио — это великолепно, дух захватывает, но зачем, какой будет толк? Мало нам телевизоров? Не передать надо, а создать по образцу, не разрушая его. Оживлять мертвых, дружище. Мгновенно заращивать раны, твсрить заново глаза, вытекшие из глазниц; ноги, оторванные снарядами и отрезанные машинами. Люди в долгу перед наукой, и наука в долгу перед людьми. Плутоний, напалм, лучи смерти созданы в таких кабинетах. Око за око, зуб за зуб! Я хотел заплатить общий долг ученых.

Бронг ходил по кабинету кругами, не останавливаясь, легким, широким, размашистым шагом, и Василий Васильевич залюбовался им и подумал, что сам он давно так не ходит, и давно уже знакомые дети на бульваре говорят ему: «Здравствуйте, дедушка». Двойник... Боже мой, какой я ему двойник! Месячный отчет, пенсия близко — вот и все мои тревоги. Мелкие заботы, ничтожные дразги...

— ...Не удалось, не вышло — пусть так, но бесполезность — вот это отвратительно! Простой пользы, и той нет... Мой дед был акушер, на прогулках показывал мне тростью — смотри, внук, этот парень родился почти что мертвым. А что умеем мы с вами? Играть в кошки-мышки?

На экране белая эмаль и стеклянные стены лаборатории. И кролики. Без конца кролики. Руки, обезличенные резиновыми перчатками, держат их за уши — мертвых кроликов, живых кроликов, мокрых, сухих, опутанных проводами, испуганных и безразличных. Горят газовые горелки, отражаются огни в лабораторном стекле, и снова рука в хирургической перчатке поднимается над рамкой экрана. Полосатый кот свисает с руки, мокрая шерсть дыбом. Мелькает веселая обезьяна, хохочет, раскачиваясь и выставляя здоровенные клыки...

— ...Кошки-мышки,— угрюмо повторил двойник.

До чего похож, какое редкое сходство! Не удивительно, что кассирша приняла Василия Васильевича за актера и провела без билета прямо в ложу. Одна из загадок решилась, к его удовлетворению. Но появились другие. Голос. Актер говорит с экрана его голосом — еще одно совпадение? Тогда как объяснить удивительное чувство тождества ощущений? Встряхивая головой, Пóваров убеждал себя, что фильм художественно очень слаб и тема неин-

тересная. Фантастика! Не любит он фантастику. Не хочет на это смотреть. Не хочет, не верит!

Тщетно. Отчуждение рушилось. Как будто он сам смотрел на себя с экрана захудалого кинотеатрика. Как будто он сам готовился пройти последний путь, признав бесполезным весь труд своей жизни. И говорил, убеждал, толковывал: «Послушай... Жаль разрушать такой аппарат, не испробовав... Послушай! Другого выхода нет. Использовать его на благо невозможно. Использовать во вред очень легко. Смотри! Подойди к окну, посмотри из-за портьеры — вот они, двое в штатском...»

Василий Васильевич стоит с Риполем у портьеры и смотрит вниз. Напротив, в тени подъезда — двое в штатском, чины Особой канцелярии, и ничего нельзя поделать. Нет спасения. Двадцать лет они работают с Риполем и умеют только транслировать, и ничего больше. Не могут заживить самой малой раны, не могут созидать, нет! Только разрушение сопутствует трансляции...

— Я сам понимаю, шеф,— говорит Риполь.— На чистой науке долго не продержишься. Когда появились... эти?

— Сегодня утром. Завтра они будут здесь и начнут распоряжаться. Будет поздно, Рип. И будет вот что...

Рваная лязгающая музыка стучит за экраном, будто захлопываются тяжелые двери и падают крышки, окованные железом, и барабаны вдалеке тянут дробь тревоги или казни.

Наплыв. Человек в полосатой тюремной одежде валяется на каменном полу. Слышен голос: «Убрать! В «Диадор» его, мерзавца! Возьмете дубль на воспитание...»

Хохот. Голос договаривает, захлебываясь отвратительным смехом:

— Будет палачом, палачиком... Перевоплощение!

Наплыв. Легковая машина идет по шоссе, водитель курит. В зеркале видно, что далеко позади идет крытый грузовик.

В кабине грузовика офицер опускает бинокль и говорит в переговорную трубу:

— Включить. Дистанция триста метров.

Впереди на шоссе водитель исчезает, пустая одежда падает на сиденье. На воротнике рубашки дымится сигарета. Машина вылетает в кювет, переворачивается, горит. Мимо проезжает грузовик, офицер смотрит прямо перед собой, на дорогу.

— ...Понятно, Риполь? Проведете процесс. «Диадор» уничтожить, дневники сжечь... Кувалду возьмете в мастерской.

— Не могу, учитель. Я слабодушен, не могу. Пригласите другого ассистента.

— Не выйдет. Я хочу достойно уйти от этой мерзости. Первая проба «Диадора» на человеке в честь Винера. Вы это сделаете с блеском, Рип. Никто другой не справится.

Разговор идет спокойно, на приглушенных тонах. Так же тихо, почти неслышно, откинув голову и закрыв глаза, Риполь отвечает:

— Знаете, что? Идите к черту... учитель.

— Вот как... Дружище Рип, заставить я не могу никого, но вас я могу просить... Не понимаете? А вы знаете, что они сделают с тем, кто уничтожит аппарат? Кого, кроме вас, я пошлю на такой риск? Тюрьма, пытки и дилемма: восстановить аппарат или сгнить заживо? Подумайте, и не надо плакать. Подумайте, взвесьте еще раз. Нынешней ночью Валлон ждет нас обоих. Я уплатил ему за двойной риск, сегодня же он сделает вам пластическую операцию. Все готово — документы, одежда. Будете работать в его клинике. Отвечайте, я жду.

Опять двое сидят в кожаных креслах, и яблоко по-прежнему лежит на столе. Риполь вытирает глаза и складывает платок — внимательно и аккуратно, как было заглажено. Разворачивает, подносит к глазам и опять складывает...

— Идемте,— говорит Бронг.— Пора. Не нужно тянуть. Идемте, Рип. Я приказал поставить приемник и передатчик рядом, чтобы вы могли наблюдать их одновременно.

...В пустом кабинете раздувает ветром занавески, блестит колпачок авторучки, лежащей наискось у бювара, а врачи проходят приемную и спускаются по темной лестнице — Бронг впереди и в двух шагах позади Риполь. Они идут мимо стеклянных дверей по широкому больничному коридору. Сестры в монашеских чепцах встают из-за белых столиков. Они кланяются и смотрят вслед, и с ними смотрит Василий Васильевич. Вместе с сестрами и подслеповатой санитаркой в холщевом халате он смотрит вслед доктору Бронгу и одновременно чувствует, что все эти люди, двери и стеклянные столики смотрят вслед ему — как он идет, чтобы принять то последнее, что ему отмерено в жизни, и пусть это — последнее, но почему это — последнее, и ничего нельзя сделать насовсем, навсегда, а двое идут и идут, и глянцевый линолеум поскрипывает под их каблуками.

Открывается дверь. Седой человек, не оглядываясь, входит в нее, и Василий Васильевич понимает теперь, что путь ведет Бронга в будущее. Из прошлого в будущее. Есть прошлое у доктора Бронга, и поэтому есть будущее, но что есть у Поварова Василия Васильевича?

...Дверь закрывается медленно, как будто время пошло медленней, и он вглядывается в свое прошлое, и ничего не видит. Об-

рывки, кусочки. Университет, оставленный вовсе не из-за любви великой, а от лени и слабости. Потом одна работа, другая, и вот ему уже пятьдесят два, и что он такое? Кассир... Разве в том дело, что он простой служащий? «Спиноза шлифовал камни, Сервантес был солдатом», — думает Василий Васильевич, и почему-то его обдает безнадежностью. «Сервантес был простым солдатом, и у него была великая любовь, о которой теперь никто не знает», и он снова пытается вспомнить что-нибудь о себе, но тщетно. Ничего значащего нет позади, только короткие годы с Ниной и потом длинные годы без нее, и все уже потеряло смысл. Он хочет вспомнить ее лицо и видит только фотографию, ту, что стоит в нише буфета — смущенную улыбку и потускневшую ореховую рамочку.

Но поздно вспоминать. Путь окончен. Двое вошли в лабораторию, прогрохотала дверь, затянулись винтовые затворы на косяках. Поздно, поздно...

Высокий зал. Стекланные стены, за которыми городская ночь мечется и прыгает огнями. Два блестящих длинных ящика посреди зала. Бронг осторожно кладет шприц и говорит голосом Василия Васильевича:

— Ну, вот. До свидания, дружище Рип. Спасибо. Не грусти. Я засыпаю... Начали...

Резкими, ловкими движениями Риполь укладывает его в правый ящик, швыряет вниз прозрачную крышку и сейчас же рывком посылает вперед рукоятку, а сам смотрит, вытянув шею... правый ящик, левый, и вот в правом мутнеет прозрачная жидкость, скрывая тело, а в левом мутная светлеет. Что-то лежит на дне.

Крышка отскакивает в пространство между ящиками. Риполь быстро, осторожно ведет рукоятку к себе. Он стоит у приборного пульта и напряженно следит за стрелками. Внезапно он оставляет пульт и перебегает к ящику. Рука в высокой резиновой перчатке ныряет под голову тому, кто лежит на дне...

Василию Васильевичу вдруг стало нехорошо — мутно, тошно. Он смотрел, вцепившись в подлокотники, как Риполь поднимает над дымящейся жидкостью его плечи и слепую голову. Со лба и редких волос стекала мутная жижа.

Человек открыл глаза. Они были туманные, и веки еще закрывали зрачки наполовину, но левая бровь была приподнята и чуть изогнута, и это придало бессмысленному лицу скептическое и насмешливое выражение.

...Василий Васильевич вскочил и ударил ногой в дверь. Он еще успел почувствовать, что сидит в горячей ванне, голый, а Риполь смотрит прямо ему в лицо, но дверь ложки распахнулась, и он про-

бежал через вестибюль и очутился на улице. Послышалось хихиканье, замок защелкнулся со звоном и стуком.

Луна висела прямо над переулком. Поваров один стоял у подъезда, окрашенного в грязно-бурый цвет. Он подергал ручку — заперто. Он посмотрел вверх — никакого намёка на вывеску кино. Старинный дом, ветхий, желтовато-серый.

Было совсем тихо, лишь стучали твердые шаги за углом. Маленькая вывесочка блестела у подъезда, но муть плыла в глазах — ничего не прочесть... Василий Васильевич дернул ручку — раз, другой, третий. Массивная медная ручка в виде львиной лапы с кривыми когтями...

— А, это вы... Что вам здесь нужно?

Милиционер шел по мостовой, придерживая полевую сумку.

— Не знаю,— сказал Василий Васильевич.— Как называется этот кинотеатр?

Милиционер смотрел на него с непонятным выражением в глазах:

— Кинотеатр? Пойдемте-ка отсюда...

Лейтенант бросил папироску и уже приготовился взять его за локоть, но тут дверь открылась, и целая толпа сразу выскочила на мостовую и окружила Василия Васильевича.

— Пойдешь под суд,— сказал Терентий Федорович.

Римма Ивановна вздохнула и ответила:

— Вместе с вами, директор.

— Я в уголовщине не повинен, почтеннейшая...

— Ну, Терентий Федорович, ну какая это уголовщина?

— Молчать! Гнать тебя надо из врачебного сословия! Девчонка...

Римма Ивановна вздохнула в трубку. Вдох был усталый и виноватый, и Терентий Федорович смягчился.

— Где он сейчас, твой кассир?

— Спит в лаборатории.

— Опять гипноз? — прямо-таки взревел директор и не дожидаясь ответа, приказал: — Ждите. Через полчаса приеду.

Он тут же опустил трубку, чтобы не слышать вздохов Риммы Ивановны; посмотрел на часы. Шесть тридцать утра — Давид Сандлер с шести за работой, к восьми тридцати отбывает в свою клинику, следовательно, ловить его надо сейчас. Он снова взял трубку и услышал встревоженный голос Рахили Сандлер.

— Рушенька,— льстиво и решительно сказал Терентий Федоро-

вич.— Да, это я, и совершенно ничего не случилось. Давид работает, конечно? Пригласи его к аппарату... ничего, совершенно ничего не случилось... экстренная консультация... хорошо, перезвоню.

Он выждал две минуты, пока Рахиль перенесет аппарат в кабинет — у Сандлеров телефонные штепсели в каждой комнате.

— Давид? Слушай, Додик... и не подумаю оставлять тебя в покое. Одевайся, почисти сюртучок веничком... да помолчи! Через четверть часа я заеду за тобой, да, очень важно. Выручай.

Он выглянул в окно — машина чинно стояла двумя колесами на тротуаре. Каждое утро он удивлялся, увидев ее на месте, — рано или поздно она сломается, наконец, и он сможет ходить пешком. Сегодня же пойдет обедать на своих двоих. Без прогулок — в его то годы!

— Юбилей, — проворчал Терентий Федорович. — «Тот, чей сегодня юбилей, мне всех других друзей милей...»

В этом году им с Давидом исполнилось по семидесяти пяти лет.

Постукивая тростью по лестнице, и отпирая машину, и прогревая двигатель, он готовился к тяжелому, длинному дню — ох, в недобрый час он согласился на директорское кресло!

...Он предвидел неприятности уже тогда, когда в подвале его института появилась новая табличка: «Лаборатория электрогипноза» — в несчастливом соседстве со студией кинолюбителей. У него были принципы. Одним из первых значился: «Только молодость способна на истинное творчество». В соответствии с этим правилом он и подписывал им ассигнования — немного, очень немного, скромно. Он разрешил им работать по ночам. Студентам-медикам, студентам-психологам, молодым инженерам. Отпустил к ним Римму — очень, очень способная девочка и красавица! Талант в сочетании с обаянием. Он знал, что молодые инженеры, энтузиасты, все поголовно влюблены в молодую начальницу и что окрестные радиоинституты платят тяжелую дань новой лаборатории. Хитростью, просьбами, обаянием они собрали в своем подвале такое количество электронного оборудования, что пришлось нанять нового завхоза, отставного флотского радиста. И спустя пять лет, когда «электронный гипнотизер» по всем критериям перекрыл любого живого и Римма Ивановна закончила докторскую диссертацию, тогда начались неприятности.

К тому времени лаборатория захватила уже весь подвал, оставив место лишь для киностудии. Возможно, это соседство и навело их на мысль — снять экспериментальный гипнофильм под названием «Транслятор Винера». В сущности, примитивная идея. На кино-

пленку, рядом со звуковой дорожкой, записывается программа для электронного гипнотизера, и каждому зрителю внушается автоматически, что он не только сидит в зале, но и действует на экране. Перевоплощается, так сказать, в любое действующее лицо, на выбор... По возрасту и наклонностям. Х-м... Незачем теперь утверждать, якобы он, Терентий Трошин, предвидел недоброе. Ничего он не предвидел! Резвился он, вот что. Резвился. Хихикая, предлагал сделать главным героем собаку — ему, дескать, хотелось бы перевоплотиться в хорошенького песика и перекусать своих милых сотрудников поголовно. Великодушно разрешил съемки в своем кабинете, в вивариях, в клиническом корпусе. Дальше — больше, сам согласился поиграть в главной роли... старый дурень... юбиляр. Но этой глупости — показывать гипнофильм неподготовленному пациенту — этой глупости он не санкционировал.

Точно через пятнадцать минут он подъехал к Сандлерам. Главный психиатр республики стоял у подъезда, задрав массивную голову, и оглядывался с крайним недовольством.

— Что случилось, Терентий?

— Садись, Давид, расскажу по дороге, — он перебросил трость на заднее сиденье.

— Никогда не езжу рядом с шофером, — сказал Сандлер.

— Садись, садись... Слушай. Нынешней ночью Римма Ивановна с компанией решили испробовать гипнофильм на неподготовленном пациенте. Заманили какого-то кассира с улицы...

— Возраст?

— Около пятидесяти.

— Дебил?

— Господь с тобой, Давид! Нормальный обыватель.

— Почему же такое легкомыслие? Зачем пошел?

— Обманом завлекли, убедили его, что в здании института кинематограф.

Сандлер гулко засмеялся.

— Смешно и грустно, Давид. Он вообразил себя Бронгом. Якобы он и есть ретранслированный ученый, понимаешь?

— Ein großischer Skandal*, — сказал Сандлер. — Криминал налицо... Посмотрим, что можно сделать, старый хитрец.

Терентий Федорович пожал плечами. Почему же хитрец? В таком щепетильном деле естественно заручиться поддержкой сановного друга.

* Огромный скандал (нем.)

— Я запретил им предпринимать что-либо до нашего приезда. Пока что он спит.

Они вышли из машины и в полутемном вестибюле миновали кабинку вахтера, в которой прошлым вечером сидела Олечка-Симплиция, изображавшая кассиршу. Об этой подробности профессор уже слышал, но про балаган с «узнаванием» около кассы ему не рассказали — не осмелились. Прошли через конференц-зал — экран еще не успели убрать со сцены. Было слышно, как ночная вахтерша запирает за ними входную дверь, придурковато хихикает — бывшая пациентка, так и прижилась в институте.

— Богадельня,— сказал Терентий Федорович.

Еще по-ночному тихо было в здании. Из вивария доносился смутный лай собак и визгливое уханье двух шимпанзе. Но когда они подошли к подвальной лестнице, раздались громкие голоса и навстречу выбежала бледная Римма Ивановна. Увидев начальство, остановилась — слезы брызнули из глаз.

— Ein großischer Skandal,— величественно повторил Сандлер.— Успокойтесь, коллега. Образуется, как сказал Лев Толстой...

— Все пропало,— всхлинула Римма Ивановна.— Он проснулся и ушел через черный ход, через двор...

— А, чепуха,— воскликнул директор,— давно ли... едем вдогонку!

И тут его перебил Давид Сандлер:

— Насколько я понимаю, молодым людям неизвестен ни адрес, ни фамилия испытуемого... не так ли?

Римма Ивановна плакала. Профессор Трошин в гнев стучал тростью по каменным плитам. Все было так, как сказал Сандлер. Они нарушили психику здорового человека и потеряли его в большом городе безвозвратно. Как его найти? В городе несколько тысяч кассиров, а кроме того, что он кассир, равным счетом ничего не было известно...

В городе было несколько тысяч кассиров, и для пятой их части начинался горячий день. Василий Васильевич, собственно, даже во сне помнил, что утром к нему явятся три десятка инкассаторов из институтов и прочих мест, а он выдаст им круглым счетом два миллиона рублей новыми деньгами. Проснувшись, он глянул на часы — без пяти семь! Поскорее он спустил ноги с кушетки, приоткрыл одну дверь, другую, неожиданно попал во двор и удалился через незапертые ворота: Банк открывался в девять — Василий Васильевич как раз успеет зайти домой, позавтракать и побриться и,

как обычно, прогуляться пешочком до банка. Вчерашние события вспоминались ему довольно смутно, забор и ворота института, выходящие в проулок, не вызывали никаких ассоциаций. Хмурясь и пожимая плечами, Поваров одернул помятый пиджак, подтянул галстук и направился к дому.

В этот самый момент к институту подкатил «москвич» с двумя профессорами, и вахтерша в шляпке отпирала им дверь. В этот самый момент Толик Погосьянц метнулся по двору и, как черная молния, понесся по проулку, но в сторону, противоположную той, куда направился испытуемый. А Василий Васильевич степенно шагал к дому, удивляясь про себя — как так получилось. Он отлично помнил вчерашнее, но до какого-то момента. Как он рассердился неизвестно на что и отправился коротать вечер в кино — помнил. Милиционера тоже помнил, и желтый свет плафона... стоп, стоп! Пусто. Воспоминание тренькнуло, как балалаечная струна, и исчезло. Растворилось в теплом асфальтовом запахе июльского утра — надвигался жаркий день. И в его горячем ритме, в деловом напряжении, в суетоке людей у кассового окошечка Поваров окончательно пришел в нормальное состояние, как будто он провел эту ночь в своей постели, а не на жесткой кушетке, покрытой белой медицинской клеенкой. Можно было считать, что Римма Ивановна беспокоилась напрасно — Погосьянц был отличный гипнотизер. Это он уверенным, жестким, повелительным голосом своим вверх Поварова в забытье и приказал: «Вы не помните, вы ничего не помните, спите! Проснувшись, вы ничего не будете помнить».

...День получки миновал. Отшумели во дворе казначейские фургоны. Разъехались кассиры, сопровождаемые молчаливыми охраняющими. Захлопнулись кассовые окошечки, улетели со столов глупые листки чеков, поручений и прочей бухгалтерской фанатерии. Василий Васильевич вымыл руки, взял с крючка кошелку с двумя пустыми бутылками из-под кефира и обычным маршрутом зашагал домой. Все, как обычно: любезное «будьте здоровы» милиционеру у подъезда; две булочки и половину «бородинского» — в угловой булочной; две бутылки кефира и сырок — в маленькой прохладной молочной. Все, как обычно. Давно знакомые лица улыбаются из-за прилавков постоянному покупателю. «Мне как всегда. Доброго вечера, Анна Петровна. Усталое удовлетворение — день зарплаты позади, завтра будет полегче. Лестница. Узкое пыльное окошко — нет, мимо, мимо! Не надо воспоминаний. Старость — время воспоминаний, но что толку вспоминать, как двадцать пять лет назад они стояли с Ниной на этой лестнице и смотрели в это окошко? И тогда оно было пыльное... Мимо.

Василий Васильевич поспешно управлялся в жаркой квартире —

спрятал кефир в холодильник, переменял пиджак и аккуратно к своему сроку явился на бульвар играть в домино с пенсионерами. Когда он усаживался на скамью, то все еще не помнил о вчерашнем. Лишь невзначай его облила безнадежность: еще день прошел, и лето в разгаре, и горячо пахнут липы. Он смиренно ставил кости, поглядывая на лица партнеров. Скрипели качели на детской площадке, и было все, как обычно. А потом по дорожке прошел седой человек в чесучевом пиджаке и с тяжелой блестящей тростью.

Звонко стукнуло сердце — Василий Васильевич узнал его, узнал эту легкую, мощную походку и прямую спину. Он играл Бронга, его лицо Василий Васильевич подменял своим! О, теперь он вспомнил! Как они вернули его с улицы, извинялись, успокаивали. Объясняли, что он смотрел гипнофильм, что он — вовсе не Бронг... Что же было потом?

— Козлы! — рывкнули жаждущие за спиной. — Вылезай!

Поигрывая, взблескивала трость. Седая голова сверкнула на повороте. Василий Васильевич подвинулся на край скамьи и смотрел, не решаясь пойти вдогонку. Что он ему скажет? Что Спиноза шлифовал камни? Что ему опостылело в четверть шестого заходить в булочную? Что он прикоснулся к их жизни и отныне не в состоянии жить по-старому? Ведь он — жесткий и самокритичный человек и понимает, что стар и мало образован для новой жизни. Потеряно, потеряно! Прошла жизнь, каюк...

Он взял бумажку с записью очков, огрызок карандаша. Перевернул чистой стороной вверх. Нет, жизнь не перевернешь на чистую сторону... А постой-ка, Поваров... Неужто история Бронга, навивная фантастика, растревожила тебя так сильно?

Василий Васильевич сидел у стола, чертил карандашом по бумажке. Уже давно Терентий Федорович скрылся за липами, знакомые шахматисты устроились на соседней скамье. «Что же было потом? — думал Василий Васильевич. — Когда Бронг-дубль вышел в ночной город, под свет реклам? А-а, в клинику его отвез Риполь, в клинику Валлона... Но после клиники?»

Кто я такой?! — гулко рвануло в сердце.

Он огляделся, чтобы утвердить себя в реальном мире. Вот будочка, где выдают игры, вот постылые доминошники стучат по всей аллее. Малыш в синих трусишках перебирает сандалиями по вертящейся бочке. И вот он сам. Кто он такой, чего ему надо, почему его тянет неизвестно куда? Он скомкал и отбросил бумажку. Невозможно было сидеть и ждать неизвестно чего. Бронг он или Поваров, или кто-то неведомый — теперь все равно. Пуще смерти он страшился, что дверь больше не откроется, что над ней окажется вывеска кинотеатра, что переулочка такого нет...

— Пойду. Будь что будет,— произнес он, поднимая левую бровь.

Поднялся, пошел по аллее — сразу, с места широким размахистым шагом. Вдоль лунок — следов от трости.

Горячий июльский ветер заносил следы песочком, сдул со стола бумажку с записью очков. Покатил в траву. На обороте бумажки четким банковским почерком — рондо была выписана формула. Красивая формула с интегралами, сложными степенями и прописной сигмой за знаком равенства.

HAPPY END

Посетитель, средних лет розовощекий голубоглазый сангвиник, решительно, даже слишком решительно, минуя профессора и ассистента, прошел в лабораторию. Скользнул любопытствующим, но не слишком заинтересованным взглядом по белым панелям и цветной орнаментике и задержался на стекловидном, вращающемся и чуть подсвеченном изнутри экране, похожем на телевизорный.

— В этом лиловом аквариуме я увижу будущее? — засмеялся он.

— Не увидите, — сказал ассистент. — Увидим мы.

— А я?

— Вы будете спать. Сначала — просто гипносон, потом мы переведем его в более глубокий — летаргический, вроде коматозного состояния.

— Зачем?

— Сонное торможение обычного гипносна для нас недостаточно. Необходимо освободить рецепторы сложного действия, не требующие конструктивной работы сознания. Уяснили?

— Сложно.

Профессор и ассистент переглянулись. Предстоял затяжной разговор с изрядно надоевшими пояснениями.

— Попробуем упростить, — вздохнул профессор. — Любое воспоминание — это как бы сигнал из прошлого. Вспоминаете ли вы

* Happy end (англ.) — счастливый конец.

детство, юность, события десятилетней давности или вчерашний разговор — все это впечатления прошлого, закодированные в каких-то ячейках памяти. Когда вспоминаешь нужные слова или образы, приводится в действие вся конструктивная система сознания. Но есть в мозгу центры, не требующие такой сознательной конструктивной работы. Это область предчувствий, подсознательных восприятий, телепатических передач и, как мы говорим, сигналов из будущего.

Посетитель, как и подобает сангвинику, засмеялся по-детски звонко, без всякой иронии.

— Не обижайтесь, профессор,— сказал он,— не верю. Ей-богу, не верю.

— Зачем же вы пришли тогда?

— Вам же нужна морская свинка для опытов, а мне любопытно.

— И непонятно,— колко добавил ассистент.— Как это — сигналы из будущего? Будущего ведь еще нет. Оно еще только будет.

— Верно,— согласился посетитель, даже не поняв колкости.— Вот оно, время. Двигается,— он показал на часы-браслет.— Другого не знаю.

Профессор опять вздохнул. Сколько у него было таких разговоров, и как все они, в общем, похожи. Например, о времени.

— А что такое время, мой друг, до сих пор никто не знает. Есть время Ньютона и время Эйнштейна. А Стоун вообще считает, что никакого движения времени нет. Нет ни вчера, ни завтра, ни прошлого, ни будущего. И время существует все целиком, как Вселенная, и многофазно, как кинолента. Сognите ее, и кадры соединятся: вчера и сегодня, сегодня и завтра. Мы сгибаем здесь ленту вашего времени. Открываем тайны предчувствий и пророчеств. Когда-то считали их шарлатанством, сейчас это область научных психкоммуникаций.

— Спасибо за лекцию,— сказал посетитель.— Дальнейшее умудрение произойдет, как я понимаю, в этой веселенькой сурдокамере? — и он указал на открытую белую кабину, от которой во все стороны тянулись к стенным панелям разноцветные провода.

— У вас ассоциативное видение,— опять уколол ассистент: посетитель ему явно не нравился.

— Так не я же увижу, а вы,— засмеялся тот.— Только одно примечание к тому, что увидите. Идет?

— Какое?

— Happy end.

Ассистент опять не удержался.

— Гончаровская Марфинька, между прочим, тоже обожала романы со счастливым концом.

— И Дарвин,— вмешался профессор.— У вас хороший пример, мой друг,— сказал он посетителю, по-приятельски подталкивая его в кабинет.

Последнее, что увидел тот, погрузившись в санаторное кресло кабины, была молния, сверкнувшая в глазах профессора, и последнее, что он услышал, были слова, прозвучавшие как приказ:

— Спите!

И для него уже все исчезло, а профессор, плотно закрыв дверь кабины, бросил на ходу ассистенту:

— Включайте.

Мгновенное напряжение воли было так велико и так изнуряюще,— а профессор был уже стар,— что ему хотелось скорее расслабиться.

— Надо иметь фонограммы таких разговоров, чтобы в дальнейшем пациенты прослушали их без нашего вмешательства,— устало сказал он, присаживаясь к экрану, и закрыл глаза.

Ассистент уже включил управление.

— Годовую шкалу? — спросил он.

— Давайте,— согласился профессор.— Лет на пять вперед. Тот же день.

Он думал о том, что никогда не интересовался своим будущим и никто не видел его на экране. Да и что они увидели бы? Только вероятностный вариант, обусловленный законом причинности. Можно изменить условия, но нельзя изменить закона. И никакая вычислительная машина не подсчитает все варианты будущего, если многократно изменять условия настоящего. Наука еще не преодолела этого барьера. Профессор вспомнил вероятностный вариант его коллеги — бионика Сергиевского — авиакатастрофу во время перелета через Атлантику. Сергиевский тотчас же перестал пользоваться услугами воздушного транспорта. И что? Умер тремя годами позже от опухоли в мозгу. Профессор вздохнул и открыл глаза.

— Ну, как? — спросил он ассистента, колдовавшего у регуляторов.

— Пусто,— откликнулся тот.— Нет видимости.

— Может, поломка?

— Аппаратура в идеальном порядке.

— Тогда можно предположить...— начал было профессор.

Ему очень не хотелось это предполагать, но ассистент уже закончил:

— ...что нашего пациента к этому времени уже не будет на свете.

— Что же предпримем?

— Пройдемся по годам, благо их не так много. Начнем с первого.

Ассистент передвинул стрелку на будущий год. Минуту оба молчали. Экран по-прежнему был девственно чист.

— Н-да,— сказал профессор.— Рановато. Такой молодой.

— И такой розовый,— прибавил ассистент и спросил.— Поцупаем месяцы. В конце концов их всего двенадцать.

Он быстро переключил регулятор и подвинул стрелку к концу текущего месяца. Ни тени изображения не возникло в лиловой глубине экрана.

— Не доживет даже до конца месяца,— флегматично заметил ассистент.— Что ж теперь остается? Дни.

У профессора мелькнула догадка, даже ему самому еще не ясная.

— Поставьте стрелку на завтра.

Но и тут экран не отозвался на движение стрелок.

— Может он... того? — косноязычно спросил профессор.

— Что «того»?

— Уже.

Ассистент взглянул на показатели датчиков.

— Видите: дышит. Воловье сердце. И давление, как у спортсмена-перворазрядника.

Профессор подумал и сказал:

— Давайте проследим, что с ним может случиться после ухода от нас. Ну, сколько отнимет предварительная процедура? Хватит десяти минут. С этого и начинайте.

— Придется переключиться на минутную шкалу,— поморщился ассистент.— Первый случай в нашей практике.

Он переключил регуляторы, проверил, не помутнел ли экран и поставил стрелку на цифру 10.

На экране тотчас же возникло цветное изображение двери, открывавшейся на лестничную площадку. Спящий в настоящее время появился на экране в своем ближайшем вероятном будущем. С недоуменной улыбкой он закрыл дверь, пожал плечами, как бы выражая этим недоверие к опыту и сожаление о потерянном времени, спустился по широкой мраморной лестнице к выходу и смешался с прохожими на людной улице. Ни профессор, ни ассистент не боялись потерять его из виду, посетитель сам подсознательно все время находился в зоне экрана. Он подошел к обочине и поглядел по сторонам, нет ли поблизости милиционеров-орудовцев. Переход со светофорами находился в двухстах метрах впереди, но человек, видимо, торопился. Он поспешно обошел стоявший у тротуара автобус, но обошел его не сзади, а спереди и не видел поэтому уже поравнявшейся с автобусом пятитонки с арбузами. Трагедия длилась какую-то долю секунды. На экране мелькнуло иска-

женное лицо водителя, пытавшегося затормозить, хотя никакие тормоза уже не смогли бы приостановить катастрофы, и темное пятно поглотило изображение. Экран погас.

— Все ясно,— сказал ассистент.— Отключаем датчики. Скажем ему?

— Зачем пугать человека? — подумав, ответил профессор.— Того же эффекта можно добиться и другими средствами.

Посетитель вышел из кабины очень довольный.

— Мировой сон,— еле выговорил он сквозь зевоту,— лучше санаторного. Ну, как happy end?

— Ничего не вышло,— сказал профессор.— Какие-то неполадки в аппаратуре. Экран показал только ваше будущее непосредственно после опыта. И погас.

— Ну и что ж вы увидели?

— Что мы могли увидеть за три минуты? Вы спустились по лестнице, вышли на улицу и начали переходить ее в неположенном месте.

— А я плюю на все светофоры,— засмеялся посетитель.— Переход далеко, а как раз напротив остановка моего троллейбуса.

— А почему бы вам не поехать на метро? Оно в двух шагах от института. И на этой же стороне.

— Не люблю метро,— скривился посетитель,— эскалаторы, тоннели. И троллейбус меня к самому дому подвозит.

— Все-таки я посоветовал бы вам метро,— настойчиво повторил профессор.— Не люблю, когда аппарат портится: плохая примета.

— Для вас будущее точняк, а вы — примета! — опять засмеялся посетитель и хлопнул профессора по плечу.— Ладно, доктор, будь по-вашему.

Профессор и ассистент вышли на балкон. Все выглядело, как на экране, только в натуральную величину,— и улица, и прохожие, и автобус у тротуара. Но посетитель не подошел к обочине, а решительно зашагал вперед.

— Пошел к метро,— предположил ассистент.

— Погодите,— осторожно заметил профессор,— впереди еще светофорный переход.

В этот момент знакомый до ужаса грузовик с арбузами мирно подрулил к тротуару. Из кабины вышел водитель и побежал к табачному киоску за папиросами.

— Привет,— сказал ассистент.— Вот и последнее условие закона причинности. Можем сматывать удочки.

Но не успели они отойти от балкона, как шум на улице пригвоздил их к месту. Он доносился издали, но угадывался сразу — глухой шум встревоженной толпы.

— Посмотрите,— сказал профессор, держась за косяк балконной двери,— я боюсь.

Ассистент снова вышел и долго не возвращался. Профессор ждал с закрытыми глазами и даже не открыл их, когда ассистент прошел мимо.

— Та же пятитонка с арбузами,— сказал он.— Нагнала его на переходе. Он все-таки пошел через улицу.

— А светофоры? — робко спросил профессор.

— Плевал он на светофоры. Вы же слышали? Должно быть, пошел на красный свет,— пожал плечами ассистент.— Вот вам и другой вероятностный вариант.

— Хирург не имеет права ошибаться,— медленно проговорил профессор.— Мы тоже.

— Хирургия— наука точная. А у нас еще так много непреодоленных барьеров. Никакая вычислительная машина не сможет подсчитать всех вероятностных вариантов будущего,— ассистент буквально повторил мысль профессора.

— И все же сегодня мы могли бы спасти его.

— Сегодня. А завтра? А через неделю?

— И завтра, и через неделю!

«Философские слюни!» — подумал ассистент и сказал вслух:

— Что же вы предлагаете? Карманные предсказатели будущего с ежедневной проверкой? Смешно!

— Не смейтесь,— возразил профессор.— Это совсем не смешно. Каждый человек имеет право на свой happy end!

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

1 — Джек! Ты слышал! Макдональд пустил себе пулю в лоб! У Джека сразу пересохло в горле. Угадав его невысказанное желание, услужливая машина подсунула ему стакан виски. В ту же секунду в его нагрудном кармане раздался слабый щелчок. Это исчезла на портативном счетчике еще одна драгоценная красная цифра.

Залпом осушив стакан, он мысленно пожелал машине провалиться в преисподнюю — он знал, что на желания такого рода машина не реагирует.

Потом он встал и потихоньку пошел к столику с утренними газетами. Он уже давно старался все делать с безразличным видом, чтобы проклятая машина не угадала его желаний. Иногда это удавалось. Но чаще машина опережала его, и тогда на счетчике становилось цифрой меньше.

На этот раз машина не угадала. Но Бил понял сразу.

— Можешь не искать,— сказал он.— У компании везде свои люди. Мак уже пятый из первой сотни. И ни о ком не было ни строчки.

Джек остановился посреди комнаты, и перед ним опять возникло страшное видение: запрокинутое мертвое лицо в космическом шлеме.

И он понял, что это конец.

— Уходи! — сказал он.

Очевидно, Бил тоже понял. Хлопнула дверь. Тогда Джек повернулся к машине и посмотрел на нее так, будто видел ее в первый раз.

2 Началось все пять лет назад. Джек с отличием закончил университет. Профессора говорили, что у него большое будущее. Однако работы по специальности найти не удавалось; в стране наступил очередной «временный спад» — так называли это газеты. С трудом Джек устроился агентом по рекламе искусственных конечностей.

Работа была несложная. Время, когда искусственными органами интересовались только пострадавшие в автомобильных катастрофах да инвалиды колониальных войн, давно миновало. Джек входил в дома и рассказывал, как известный боксер Сандерс Кэй заменил свою левую руку биопротезом фирмы «Дженерал артифишел лимз» и вскоре стал чемпионом мира, и что скрипачу Эдгарду Хиллу удалось добиться мировой известности только с помощью биорук той же фирмы. Джек предлагал приобрести фотоэлементные глаза, нейлоновые желудки, электронные сердца... Но искусственные органы стоили дорого, и найти покупателя удавалось редко. В конце концов он был уволен и несколько месяцев перебивался случайными заработками.

Тогда-то он впервые услышал о компании и ее проекте.

В те дни волнение охватило страну, а за ней весь мир. И было отчего волноваться — за всю историю планеты никто не слышал ничего подобного.

Компания «Золотой век» умела делать дела. Было предпринято все, чтобы ошеломить умы. В бой были брошены печать, радио, кино, телевидение, искусственные спутники.

«Начало золотого века! Всеобщее процветание! Крах коммунистической идеологии!» — такими заголовками запестрели тогда газеты и журналы.

«Сегодня только начало — завтра в стране будут миллионы миллионеров!» — кричали бульварные листки.

«Национальная Ассоциация Экономики заявляет: проект компании «Золотой век» сулит нашей стране небывалый расцвет», — сообщал солидный орган бизнесменов.

«Каждый может приобрести волшебную лампу Аладина!» — пищал Микки-Маус с экранов стереотелевизоров в часы детских передач.

«Чтобы защитить свое процветание, свободный мир должен опередить коммунистов в создании гиперонной бомбы!» — бубнил на весь мир по радио отставной генерал.

«Лига патриотических женщин» призывает всех мужчин заключить договор с компанией «Золотой век»! Путь к семейному счастью — только через конторы компании!»

В прессцентрах журналисты метались, сбивая друг друга с ног.

Международные линии связи были заняты на много дней вперед. На орбиту были выведены три новых связных спутника.

Джек хорошо помнил то утро. Он вышел из дому, размышляя, чем заняться. На углу Триста двадцатой улицы, там, где мигала осточертевшая реклама искусственных носов, толпа обступила разносчиков газет. Это было необычно: писаниям газетчиков мало кто верил. С трудом проложив путь в толпе, Джек схватил газету.

«Хочешь сегодня же стать миллионером? — огромными буквами было напечатано на первой странице. — Хочешь иметь виллу на Лазурном берегу, яхту и самолет? Хочешь пить старинные французские вина в обществе красивейших женщин мира? Немедленно приходи в нашу контору!»

Так начиналось обращение компании «Золотой век». «Очередная утка», — подумал Джек и выбросил газету. Однако куда бы он ни направлялся, слова обращения всюду преследовали его. Они повторялись в воплях радиодикторов, в цветных вихрях развешенной по небу люминорекламы, в надписях на асфальте пешеходных дорожек, на упаковке сигарет...

Что побудило его пойти в контору компании — тщетные поиски работы, грустные глаза Энн, свадьба с которой все время откладывалась, или простое любопытство? Попасть в контору оказалось не просто. Полиция оказалась бессильной. Лишь когда в толпу врзались, завывая сиренами, тяжелые бронированные авиадесантные машины, удалось навести какой-то порядок.

Джеку повезло — он попал в начало очереди и через каких-нибудь три часа вошел в контору. Любезные служащие в голубых костюмах с золотой короной на груди объясняли: компания делает свои первые шаги. Поэтому договор она может заключить только с вполне здоровыми мужчинами не старше двадцати пяти лет, если они успешно пройдут обследование. Но дела идут хорошо, и мы уверены, что через год-два услугами компании сможет пользоваться каждый желающий.

Миловидная девушка с прической голливудской кинозвезды подала Джеку голубую карточку, на которой надо было подчеркнуть ответы. Затем анкета исчезла в пасти электронной машины. Та замигала разноцветными глазами — очевидно, что-то благоприятное для Джека, потому что девушка тут же выдала ему регистрационный талон и подробный проспект компании с золотым обрезом. Тем не менее Джек не особенно надеялся на успех — было объявлено, что для начала компания заключит только что до- говоров.

3 Дома Джек прочитал проспект. То, что он узнал, ошеломило его. Это было похоже на сказку.

Компания брала на себя обязательство выполнять все желания своего клиента без ограничений — конечно, те, что под силу современной технике. Для этого в доме клиента будет установлена машина, регистрирующая и выполняющая эти желания. После заключения договора клиенту делают пустяковую операцию: в его черепную коробку вставляют крохотный датчик, воспринимающий желания клиента и по радио передающий их машине. Для гарантии работа всех машин контролируется Большим Электронным Мозгом компании.

Небольшая статья знаменитого психолога показывала, как облегчит жизнь людям компания «Золотой век». Психика людей, писал ученый, складывалась под гнетом противоречия между нашими желаниями и невозможностью их осуществления. Из-за неудовлетворенных желаний уменьшалась продолжительность жизни, снижалась деловая активность, возрастали агрессивные наклонности каждого индивидуума, что, в свою очередь, вело к росту преступности, забастовкам и войнам. К счастью, ученые нашли путь к искоренению извечного проклятия человеческого рода.

Машина не только выполняла желания. При помощи датчика она определяла способность клиента производить доллары. Сумма всех долларов, которые он был способен заработать в течение всей жизни, устанавливалась на счетчиках машины и Большого Мозга. Портативный контрольный счетчик клиент мог носить в кармане. Сумма эта непрерывно корректировалась машиной.

На счетчиках было еще две шкалы. Вторая показывала стоимость исполнения желаний, третья красными цифрами отмечала разницу между двумя первыми числами.

Свои услуги машина оказывает не бесплатно. Весь доход клиента поступает в распоряжение компании. Но деньги ему не нужны — машина доставит абсолютно все, что клиент пожелает. Впрочем, для непредвиденных расходов он мог получить у машины любую сумму.

Выкладки видных экономистов свидетельствовали, что клиент сможет пользоваться всеми благами жизни не менее двухсот пятидесяти лет. А так как люди редко доживают даже до девяноста лет, то перспектива выглядела заманчиво.

Выкладки были безукоризненны, Джек не поленился проверить их. Было похоже, что в проспекте сказана чистая правда.

Компания ставила клиенту только два условия. Во-первых, он должен обязательно работать, конечно, там, где пожелает. «Компания предоставит вам любую работу по вашему выбору и в соответствии с вашими способностями! — говорилось в проспекте. — Неогра-

нические возможности бизнеса в сочетании с разумным образом жизни позволят вам до конца своих дней пользоваться услугами компании!»

О втором условии говорилось кратко. В том маловероятном случае, если клиент истратит больше, чем может заработать, компания все же не оставит его в беде. Но тогда клиент будет обязан работать только на предприятиях компании. О характере этой работы ему будет сообщено особо — после вступления в силу второго условия.

Короче говоря, когда Джеку объявили, что его кандидатура принята и назвали умопомрачительное число долларов, которые он способен заработать, он не колебался. Слишком мало было надежды найти работу и слишком много желающих занять его место в сотне счастливчиков.

Вскоре ему был выдан голубой билет с золотой короной в углу и с цифрой 37.

4 Операция и в самом деле оказалась пустяковой.

Уже через несколько дней Джек смог осмотреть свой новый дом с уютным садом и бассейном, с роскошным лимузином в гараже, с электродушем, автокухней и маленькой физической лабораторией. На счетчике машины, которая занимала полстены в гостиной, красовалось многозначное число. Джек с удивлением отметил, что, несмотря на расходы по постройке дома, оно не уменьшилось, а даже несколько увеличилось. Очевидно, машина учла вполне понятный эмоциональный подъем своего клиента и оценила его в долларах.

Дальше все разворачивалось как в сказке. Джек получил трудную и интересную работу в физическом центре компании, а через несколько дней он и Энн обвенчались. Через год у них родился ребенок.

Машина действовала безукоризненно. Она была предупредительна, вежлива, скромна, подобострастна. Могла мгновенно подать зажженную сигару или новый костюм. На доставку бриллиантового кольца для Энн ей понадобилось всего сорок минут. Помятый в аварии автомобиль был обменен за пятнадцать минут.

Джек начал забывать, что такое деньги. Он носил с собой только мелочь для случайных расходов в пути — на сигареты или сода-виски. Когда Энн хотела купить что-нибудь сама, машина тотчас выдавала Джеку новенькие хрустящие банкноты, которых в ней было видимо-невидимо.

Однажды ночью Джек проснулся от странных звуков. Войдя в гостиную, он увидел в темноте человека, возившегося у пульта. Успел ли Джек пожелать чего-то или сработало защитное устройство, но грабитель упал, а машина соединила Джека с полицией. Полицейские опознали известного взломщика сейфов.

Падкие на сенсации журналисты несколько дней после этого одолевали Джека. Один репортер даже залез в окно.

Журналисты осточертели Джеку давно — в первые дни они только что не ночевали у него. Портреты ста счастливиц и их рассказы о новой жизни месяцами не сходили со страниц газет и журналов.

— Считаете ли вы, что только договор с компанией позволил вам достигнуть своего идеала? — спрашивали его.

И Джек, поглядывая на радостную Энн, кивал головой — да, только компания дала ему счастье.

5 Безоблачная жизнь продолжалась почти два года. Потом пошли неприятности.

Как всегда, началось с пустяка.

Какая-то левая газета позволила себе обратить внимание на следующий факт: все сто счастливиц по странному совпадению оказались подающими надежды физиками. Проныра корреспондент не поленился собрать о них отзывы среди преподавателей и ученых и утверждал, что подобной коллекцией могла бы гордиться любая лаборатория мира. Газета вызывающе намекала на связь одного из директоров компании с концерном, ведущим бешеную разработку гиперонной бомбы.

Недостойное выступление левой газеты потонуло в хоре славословия. Пресса сообщила о предстоящем открытии филиалов компании. Сенатор Липтон потребовал для компании новых крупных ассигнований. Ходили туманные слухи о таинственном исчезновении нескольких известных физиков и о планах строительства ракетных баз на Луне.

Вскоре разразился сенсационный скандал. Шведский траулер подобрал в океане обломки межконтинентальной ракеты, в кабине которой был обнаружен труп человека. При вскрытии у него в голове нашли крохотный прибор. Шведская печать опубликовала заявление, подписанное крупным ученым, профессором Рингом.

«Камикадзе» ядерного века! — закричали газеты разных стран. — Случайность или преступление? Кто из «Золотой сотни» нашел свою смерть в ракете? Допустимы ли опыты на людях?»

Правление компании выступило с опровержением. Все счастливы налицо, убедительно говорилось в нем. Они по-прежнему благоденствуют в своих виллах. Адреса их хорошо известны, и каждый может сам убедиться, что ни один из них не попал в подозрительную — очевидно, русскую — ракету. Они ждут, что новые тысячи счастливых в ближайшие дни присоединятся к ним. Успех первого опыта и помощь правительства позволяют компании расширить свою деятельность.

В тот же день было объявлено о предстоящей пресс-конференции профессора Ринга.

6 Вечером в стокгольмском аэропорту приземлился межконтинентальный стратоплан, доставивший одного-единственного пассажира. Его ждала машина, за рулем сидел господин, хорошо известный в деловом мире. Пожалуй, только шеф полиции знал, что среди знакомых господина есть и такие, отпечатки пальцев которых хранятся в картотеке уголовной полиции. Конечно, сам господин был вне всяких подозрений, и шеф полиции не раз следовал его советам в финансовых вопросах, в свою очередь, дружески снабжая его некоторыми неофициальными сведениями. Последняя их встреча произошла незадолго до посадки стратоплана.

О чем шел разговор в машине, никто никогда не узнал. Известно только, что поздно вечером пассажир стратоплана позвонил у дверей директора Института мозга профессора Свенсона и подал слуге свою голубую визитную карточку с золотой короной. Через пятнадцать минут он был принят хозяином.

— Господин профессор, я буду краток, — сказал гость. — Компания «Золотой век» учредила ежегодную премию в сто тысяч долларов за исследования в области бионики. Я счастлив, господин профессор, сообщить вам, что ученый совет компании присудил эту премию вам за выдающийся труд «Поля головного мозга».

— Я польщен честью, господин вице-директор, — сухо ответил Свенсон, — но вынужден отклонить эту награду. Серьезные работы последних лет выполнены мною вместе с профессором Рингом, моим научным руководителем. Поэтому я не могу принять награду единолично. Вторую причину моего отказа вы, очевидно, знаете из газет.

— Увы! — вздохнул гость. — В нашем мире радость и горе идут рядом. Хочешь принести радость, но являешься вестником смерти.

— Не понимаю вас...

— Господин Свенсон, премия присуждена двоим. Профессор Ринг безусловно был выдающимся ученым...

— Почему вы говорите «был»? — нервно спросил хозяин.

— Несколько часов назад профессор Ринг погиб в автомобильной катастрофе. Знаете, когда человек тяжело болен, одно неверное движение руля при нынешних скоростях...

— Какой ужас! — прошептал Свенсон.

— Компания «Золотой век» скорбит вместе с вами. К счастью для науки дело, начатое профессором Рингом, будет продолжать профессор Свенсон. Поэтому я прошу вас не отказываться от премии. Профессор Ринг был одинок, наследников у него нет.

— Почему вы сказали, что профессор был болен? — спросил Свенсон. — Это неправда.

— Увы, — вздохнул гость. — Человек в здравом уме не мог сделать заявления, настолько не соответствующего истине, — он кивнул на газеты. — Я сочувствую газетчикам — узнав об этом на завтрашней пресс-конференции, они будут разочарованы.

— Я тоже присутствовал на вскрытии, — сказал профессор. — Я-то, наверное, в здравом уме. И я, безусловно, выступлю на пресс-конференции. А теперь прошу извинить меня. Я потрясен гибелью шефа. — И профессор поднялся.

Но гость не обратил на это внимания.

— Компания весьма сожалеет, — сказал он, — что руководимый вами Институт мозга закрывается. Для нас это тоже неожиданный удар, как и для вас. Сочувствую вам — наверное, трудно расставаться со стенами, в которых провел пятнадцать лет. Но для лауреата премии «Золотого века» двери наших лабораторий всегда распахнуты.

Профессор почувствовал, что ему душно. Он давно понял, что гость знает больше, чем говорит. И вот доказательство — второй неожиданный и очень чувствительный удар.

Соглашаться или не соглашаться? Неужели придется принять эту проклятую премию?

— Поверьте, господин профессор, для меня самого это крупная неприятность, — сочувственно произнес гость. — Кто бы мог подумать, что «Северное объединение» — это оно, если не ошибаюсь, финансировало ваш институт? — вдруг прекратит платежи. Я теряю десять тысяч долларов. Потери крупных держателей акций будут гораздо ощутимее.

Я разорен, подумал Свенсон. Если это правда, то у меня нет ни кроны. Все разыграно, как по нотам. От Ринга они избавились, я у них в лапах. Интересно, что предлагали моему шефу? Впрочем,

ему вряд ли предлагали — это была бы напрасная потеря времени. Значит, мне еще повезло.

Гость правильно понял молчание профессора и наконец встал.

— Господин профессор, — сказал он. — Официальное объявление о премии будет опубликовано послезавтра. Завтрашнюю пресс-конференцию придется проводить, очевидно, вам. Я хотел бы известить вас утром, чтобы обсудить некоторые детали.

И гость откланялся.

7 Пресс-конференция открылась ровно в двенадцать. Зал глухо гудел. Неожиданная гибель профессора Ринга сама по себе была событием. Выступления Свенсона ждали нетерпеливо.

— Дамы и господа! — начал он. — Трагическая гибель моего шефа... Заявление, которое он сделал позавчера... человек безукоризненной честности... Никто из вас, я уверен, не допускал мысли о какой-либо мистификации. Поэтому сообщение о якобы найденном в мозгу неизвестного пилота таинственном приборе пробудило законное любопытство. Увы! Профессор Ринг ввел вас в заблуждение! (Дружный вопль присутствующих). Профессор Ринг не щадил себя на работе... Крайнее переутомление, истощение нервной системы... Тяжело больной профессор принял за прибор обыкновенную пистолетную пулю! (Шум и крики в зале). — Оратор поднял над головой маленький металлический конус.

— Господа! — продолжал Свенсон, когда шум утих. — Профессор Ринг безукоризненно водил машину. В молодости он был гонщиком-профессионалом и трижды завоевывал победу в крупнейших состязаниях, в том числе Гонках столетия! Лишь допустив, что профессор Ринг был тяжело болен, мы поймем, что было причиной аварии и невольной дезинформации... Профессор Ринг интересовался деятельностью компании «Золотой век». Недавно он долго беседовал с представителем компании и чрезвычайно лестно отзывался о ней. Мы можем допустить, что мысли профессора были всецело заняты этой беседой, поразившей его воображение. Мне представляется вполне логичным, что эта пуля, пущенная себе в голову русским космонавтом при аварии ракеты, могла трансформироваться в большом мозгу профессора в тот «датчик счастья», о котором он много слышал и думал.

Сообщение о пресс-конференции в газетах было короткое, а официальное опровержение русских о национальной принадлежности космонавта не было напечатано вовсе. О таинственном «камикдзе» забыли.

О нем забыли все, кроме Джека.

Незадолго до находки в океане он вспомнил, что давно не заглядывал к Майклу Динкеру. Майкл был тоже клиент компании, известный всему миру как номер третий. Джек позвонил, но ему ответили, что тот вместе с семьей отправился в кругосветное путешествие на яхте и вернется не скоро.

Джек удивился, что Майкл уехал в разгар работы — он не так давно жаловался на неудачи своих исследований и делился новыми планами. Оба они работали в смежных областях. Майкл даже мрачновато пошутил однажды, что если сложить вместе полученные ими результаты, то может получиться скелетная схема гиперонной бомбы. Мысль об этом приходила снова и снова.

Решив разведать хоть что-нибудь о Майкле у прислуги, Джек поехал на загородную виллу Динкеров. За два часа он добрался до побережья и остановил машину у ворот виллы. Его удивила веселая музыка за забором. Он нажал звонок, ворота распахнулись.

— Хозяин просит извинить его, — раздался голос секретаря-автомата. — Сейчас он выйдет к вам.

«Какой еще хозяин, — подумал Джек, — он же в плавании», — и увидел незнакомого мужчину.

— Я приехал узнать о Майкле Динкере, — сказал Джек.

— К сожалению, я ничего не знаю о прежнем владельце. Я даже не встречался с ним.

— Как, он продал вам виллу? — удивился Джек.

— Нет, я приобрел ее у компании «Золотой век».

Джек вернулся ни с чем. Затем новая серия опытов захватила его с головой, и он забыл о Динкере. Забыл до того дня, когда на глаза ему попала шведская газета с фотографией таинственного космонавта. Фото было неважное, крупная сетка раstra искажала детали, но Джек мог бы поклясться, что перед ним в космическом скафандре Майкл Динкер...

С этого дня Джека начали преследовать неудачи. Он пытался бешеной работой заглушить сомнения. Но работа не клеилась. Опыты не подтверждали виртуозных расчетов.

А компания «Золотой век» процветала. Новые счастливицы получали голубые билеты с золотой короной. Газетчики, когда-то неделями караулившие Джека, теперь охотились за новичками. Впрочем, ему было не до газет. Работа шла в бешеном темпе. И когда сынишка заболел, Джек не смог вырваться из лаборатории, где в сотый, тысячный раз пытался осуществить неуловимый кси-омега-распад...

9 С тех пор прошло два года. Два года изматывающей работы, два года разочарований и неудач. После смерти сына Энн возненавидела бомбу, отнимавшую у нее и мужа,— то, что Джек работал над гиперонной бомбой, давно не было для нее секретом.

Вскоре после похорон маленького Джона Джек заметил, что красное число на счетчике сильно уменьшилось. Это встревожило его, и он с удвоенной энергией принялся за работу. В свободные часы на помощь приходило виски... Энн пыталась бороться. Повинуясь вспышке нежности, Джек становился ласковым и внимательным, устраивал сумасшедшие поездки по красивейшим местам мира, дарил ей драгоценности, давал обеды, стоившие баснословных денег. И все чаще он слышал в своем нагрудном кармане зловещее шелканье. Тогда в припадке меланхолии он пил. Пьяному было легче, не надо было ни о чем думать, к тому же это обходилось дешево.

Но в лаборатории он появлялся каждое утро, хотя порой голова раскалывалась. Однажды он не вышел на работу, но счетчик среагировал на это так, что Джек решил никогда этого не повторять.

Когда-то Джек любил долгие вечерние споры с Макдональдом — за высокий рост его называли Длинным Маком. Они дружили еще в школе, затем разошлись и снова столкнулись в лабораториях компании. Мак тоже был «счастливчиком». Вспыльчивый и решительный, он мог обрушиться на собеседника с яростью, но это не мешало им оставаться друзьями.

В последнее время Джек избегал встреч с другом — слишком мрачны стали его шутки, слишком много боли и душевной растерянности скрывалось за внешне кипучей энергией. Макдональд впервые в жизни что-то недоговаривал. Но однажды они выпили, и Мак спросил его:

— Ты никогда не задумывался над тем, что за проклятый прибор запятан у тебя в черепе? Неужели ты всерьез воображаешь, что это невинный «датчик удовольствий» — так, кажется, его называют? А тебе не кажется, что в схеме машины заложены обратные связи? И в один прекрасный день...

— Не может этого быть! — пытался возражать Джек.

— Не может? А почему это ты вдруг стал покрывать машину чехлом? Сколько лет она обходилась без чехла, и вдруг ты воспылил нежной заботой. Сколько у тебя там на счетчике? Маловато? И скоро будет совсем пусто! А тогда... — И Мак, подражая говорящим роботам, закричал: — Счастливчик номер 37! Вы израсходовали свой бюджет и поступаете в полное подчинение машине. Не пытайтесь уклониться, иначе мы прибегнем к болевым импульсам. Мы можем

даже убить вас в случае необходимости. Итак, смир-р-но!

— Ты сошел с ума! — с негодованием вскричал Джек.

— Нет, я просто пьян. Но ты знаешь, что я говорю правду. Если не будет еще хуже — ведь нами просто могут управлять по радио.

И Джек поверил, что так может быть.

С этого дня в жизнь Джека вошел страх. Он судорожно всматривался в истертую газетную вырезку — мертвое запрокинутое лицо в космическом шлеме среди обломков телеуправляемой ракеты... И протягивал руку к машине, которая немедленно подавала ему стакан виски...

Однажды он застал Энн в слезах. Перед ней лежала раскрытая книжка, старинный французский роман. Он раздраженно отшвырнул книгу.

Энн подняла к нему мокрое от слез лицо.

— Джек, милый, давай уедем куда-нибудь! Я не могу больше. Мне страшно здесь.

— Не говори глупостей, девочка, — сказал Джек. — Я не могу уехать. Ты же знаешь, что у меня договор с компанией.

— Джек, ты скажешь, что я глупая, но я верю этой книге. — Энн подняла томик. — Здесь сказано про тебя, про всех нас. Ты, наверно, не читал ее. Она написана давно, но она про вас и про эту проклятую машину.

— Ты что-то путаешь, дорогая, — сказал Джек. — Как она называется? «Шагреновая кожа»?

— Да, милый. И ты прочти ее. Тогда ты поймешь, что я права и надо бежать отсюда.

Джек прочитал роман. Он не мог не признать, что нашел в книге много общего со своей судьбой. Конец он читал почти с ужасом.

10 Если бы можно было графически изобразить его жизнь в эти месяцы, на чертеже появилась бы фантастическая синусоида — взлеты и падения, взлеты и падения. Судорожные попытки примириться с Энн, обрывавшиеся щелчком счетчика. Запрокинутое мертвое лицо, приступы пьяного отчаяния и не менее отчаянная работа. Он ненавидел машину и боялся ее. Ему казалось, что она высасывает из него силы, молодость, ум. Однажды после бессонной пьяной ночи он схватил в гараже тяжелую кувалду и бросился к машине, чтобы сокрушить ее... Очнувшись он через несколько часов со страшной болью в голове.

Однажды в минуту просветления он попытался встретиться с Макдональдом. Тот отказался открыть ему дверь. Но на следующий день он прислал Била — своего ближайшего друга, бывшего журналиста, летчика и партизана Сопротивления, работавшего с ним в одной лаборатории. Бил не принадлежал к «счастливчикам», и поэтому его иронические высказывания в адрес компании Джек всегда в шутку объяснял завистью.

Сейчас Бил был серьезен.

— С Маком плохо,— лаконично сказал он и высыпал на стол кучу газетных вырезок. Джек начал читать строчки, подчеркнутые красными чернилами.

«Современные системы помехозащиты позволяют перехватывать и возвращать любое автоматическое средство воздушного нападения. Имея в своем распоряжении мощные ракеты, способные уже сегодня нести ядерные заряды до ста мегатонн, а завтра — гиперонную бомбу, мы никогда не можем быть уверенными, что посланные нами снаряды достигнут цели. Скорее всего, следует ожидать, что инерциальные, гироскопические, телеуправляемые, рефлексные и лазерные системы наведения будут выведены противником из строя еще на активном участке полета, а ракеты повернуты на наши же головы. Мы знаем только одну безотказную систему, абсолютно помехоустойчивую и к тому же недорогую — это человек».

«В случае военного конфликта запуск ракет с лунных баз будет производиться при помощи био-эчного управления,— говорилось в другой статье.— Специальная аппаратура для этой цели уже разрабатывается фирмой «Линкольн авиэйшн» на основе тех изумительных технических решений, которыми мы обязаны компании «Золотой век».

«Машинное управление биологическими объектами средствами телеметрии» — так называлась большая статья, вырезанная из специального журнала.

— Эту коллекцию Мак перечитывает десятый раз. Мак боится. Он уверен, что скоро его посадят в ракету, как беднягу Динкера. У него на счетчике пусто. Ему надо помочь.

— Поздно,— пробормотал Джек, опускаясь в кресло, которое пододвинула ему машина.— Нам всех поздно спасать. Мы конченные люди.

Джек пил все больше. По утрам голова раскалывалась от боли, но он пунктуально появлялся на работе, где дела у него шли все хуже и хуже. На счетчик он глядел с ужасом. Он стал подавлять в себе все желания. Он почти не выходил из дома в свободные часы, не читал, не говорил с людьми, ел только самое необходимое.

Он отказался от любимых сигар. Телевизор и радиоприемник были выключены давно. Тем не менее однажды утром он увидел на контрольном счетчике трехзначное число...

11

Сколько времени прошло с тех пор — день, неделя, год — он не помнил. Кажется, он перестал даже умываться. Долгими часами он сидел один на один с машиной и поносил ее ужасными словами. Когда от длинной тирады пересыхало в горле, Джек протягивал руку, и машина подавала ему стакан виски. Иногда он с трудом подавлял в себе вспышку ярости — он прекрасно помнил, чем кончилось его нападение на машину.

Несколько раз в дверь стучали. Он не открывал. Но однажды он узнал знакомый голос. Джек открыл дверь и сразу понял, с каким известием пришел Бил...

Джек не знал, когда пришло к нему решение — после известия о самоубийстве Макдональда или гораздо раньше. После нескольких стаканов виски оно показалось ему удивительно простым и разумным. Он подошел к машине и долго пытался рассмотреть, сколько заветных красных цифр осталось на счетчике. Потом направился в лабораторию, отрезал от какого-то прибора кусок гибкого провода в яркой изоляции. Забрался на стул и укрепил на кронштейне контрольного счетчика петлю. Затем затянул ее на шее и шагнул вперед.

Услужливая машина подхватила падающий стул и аккуратно поставила его рядом...

ТРАНЗИСТОР АРХИМЕДА

ГЛАВА I, В КОТОРОЙ АРХИМЕД ЗАДАЕТ ЗАДАЧУ УЧЕНЫМ XX ВЕКА

Лаборатория расшифровки триплетного кода давно уже перешла на круглосуточный график. Она работает, как скорая помощь,— в любое время суток, хотя так называемой жизненной необходимости в этом нет никакой. Продукция лаборатории касается одного — прошлого, а разве можно чем-нибудь всерьез помочь прошлому? Сожалениями не поможешь. Свершилось, и баста!

Однако, что может волновать так, как волнует прошлое? Разве что будущее. Настоящее и так хорошо известно. Но будущее — оно за семью печатями, а прошлое, пожалуйста, на экранах лабораторий. Заходите в любое время суток, над входом плакат: «Добро пожаловать любителям старины!» В три часа ночи, в семь утра — заходите. На экранах вспыхивают видения. Триста лет назад, тысяча, пять тысяч...

Веками человеческие гены, хранители информации, автоматически зашифровывали эту наследственную информацию, запоминали происходящее и транспортировали новым поколениям все более тяжелый груз памяти. Триплетный код насыщался новыми точками и тире. Здесь, в лаборатории, клубок разматывался в обратную сторону, автоматически расшифровывался, и на экранах загорались отпечатки картин, прошедших перед глазами деда, прадеда, пра... пра... спускаясь по генеалогическому древу все ниже и ниже.

Погружение в прошлое. Оно как погружение батискафа в темные недра океана. Все сумрачней его картины, нарастает давление пространства, скоро ли дно? Но дна нет...

Один из прошловековых отпечатков порастил воображение специалистов. Казалось бы, в снимке ничего грандиозного. Ни Помпеи, заливаемой лавой, ни конницы Чингис-хана. На первый взгляд, про-

сто бытовая сцена. И все же, как только на сфероида серебрящегося экрана туманно засиял кадр, зрители застыли, а с галерки, заполненной мало сдержанными любителями, донесся сдавленный полувыкрик:

— Да ведь это же!..

Какой-то благоразумный сосед тотчас зажал рот любителю.

— Может быть и так,— внушительно, после солидной паузы отозвался кто-то из титулованных экспертов.— Может быть, там, на галерке, и не ошиблись. Но... Впрочем, беру свои слова обратно!

Последние слова эксперт произнес торопливо, будто обрывая сам себя, отчего общее впечатление правоты того, с галерки, только усилилось.

Когда посторонние разошлись, древний академик по триплетному вопросу внушительно обратился к эксперту:

— Что ж вы, батенька, так сразу? Может быть, может быть... В жизни все может быть! Да только... Эх, вы! Авторитета вашего только может не быть.

— Так ведь взял же слова обратно,— оправдывался эксперт.

Снимок, вызвавший столько противоречивых чувств, был, в общем-то, незамысловат. Скамейка, человек в хитоне с прутиком в руках да меч, занесенный над головой сидящего. Меч без насечек, без узоров, лишенный служебного кокетства и двусмысленности; видно, в руках владельца он был просто орудием производства. Человек в хитоне не смотрел на меч, он смотрел куда-то вверх, вероятно, в глаза тому, кто пожелал разрубить его на части. А по песку вились какие-то узоры, только что вычерченные прутиком. Линии, треугольники, кружочки, сплетенные в непонятную для геометра фигуру. Похоже, человек в хитоне увлечен решением задачи, целиком углубился в нее и вдруг заметил, что его убивают. Все было так, как в известном предании о гибели Архимеда. Отсчет кадра по времени сходилась с календарными датами Архимеда. Самое поразительное заключалось в рисунках на песке — под ногами Архимеда отчетливо прорисовывалась схема серийного транзисторного приемника. «Спидола» не «Спидола», но что-то в этом роде...

ГЛАВА II, В КОТОРОЙ АРХИМЕД ОТКРЫВАЕТ ЗАКОН АРХИМЕДА

«Эврика!» — закричал он и пулей вылетел из ванны. «Эврика! Эврика!» — пульсировало в голове, пока хрустящие простыни сушили бронзовое, тренированное тело Архимеда.

— Впрочем, эврика ли? — Архимед опасливо глянул на зелено-

ватую, со сломавшимися в ней лучами солнца воду бассейна. Эврика ли? — Вода по-прежнему играла солнечными зайчиками, легко, как соломенные пучки, ломая вошедшие в бассейн копны солнечного света.

Будь на месте Архимеда личность попроще, с менее организованным мышлением, внимание личности, может быть, переключилось бы на игру ломающихся лучей, и человек задумался бы над загадкой их преломления, а то взбрела бы ему на ум другая задача, что-нибудь вроде «Из бассейна А вода льется в бассейн Б», и он забыл бы о только что открытом фундаментальном физическом законе, променял бы его на другой. Но теперь перед бассейном стоял он, не кто-нибудь другой, а именно он, тренированный в несбивчивом мышлении Архимед, обвитый напряженными мышцами, замкнувшийся на одном, как атлет перед броском диска. Мысль поймана за хвост, она бьется, вырывается из рук, но хватка Архимеда железна. Вот он стоит, смотрит в бассейн. Нет, он не видит причудливых изломов ныряющих под воду лучей, и лихие зайчики, срывающиеся с водной глади в зрачки Архимеда, не спят его глаза. Преломление света — потом, кто-то другой... Сейчас он весь в одном.

— В воде мне было легко... Значит, и любому телу легко... Значит, помещенное в жидкость тело настолько теряет в своем весе, насколько... Впрочем, насколько?

И Архимед вдруг разбегается — прыжок — летят брызги, он снова в бассейне. Эксперимент продолжается. Без жертв, без риска, но — на самом себе.

ГЛАВА III, В КОТОРОЙ ЖИТЕЛИ МНОЙ ПЛАНЕТЫ РЕШАЮТ ПРОВЕСТИ ОПЫТ НАД АРХИМЕДОМ. ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ — III ВЕК Н. Э.

— Штурман, куда девался наш главный любитель неточных наук? — спросил командир. — Арбузо-кактус плачет по нем.

— Главный? — на секунду задумался штурман. Все они, космонавты, специалисты в физике и математике, как и все углубленные специалисты этих дисциплин, были любителями наук неточных.

— Вы имеете в виду специалиста по мыслящим существам?

— Да, по мыслящим. Веществам, естествам, субстанциям, существам... И все мыслящим. — Разнообразие форм братьев по разуму сидело, видно, в капитанских печенках.

— Он снова ушел на диспут софистов, — ответил штурман, — хочет докопаться, мыслящие здесь или так, подкорковые.

— Да, загвоздочка,— отозвался командир,— но, знаете, все-таки приятно, что хоть существа, а не мыслящие грибы. Надоели грибы. Существо, пусть даже без шариков в голове, ей-богу, приятнее этих высокомыслящих веществ, соцветий, неустойчивых сублимаций. А как по-вашему?

— Да, командир. Точно. Не могу забыть случая на Кассе. Этот обдумывающий что-то арбузо-кактус. Ну и мыслишки у него завертелись при виде нас! Сразу понял, что течет в жилах человека калорийный продукт. И ведь едва увернулись.

— Да, мы-то увернулись. А вот практикант... Н-да...— И в морщинах лица командира легли траурные тени.

— А ведь что ужасно? Проглочен, а будет жить! Только вырваться из чрева не сможет. Ужасно жить проглоченным. Лучше уж... Да как?

— А помните этот чувственный суглинок? На Эрбунде. Прилег, понимаешь, только вздремнул — и готово, прут в глаза видения. Гарем, да и только. Стыдно перед семьей. Гадость. Не-ет, существа нам понятнее.

— Да, на Эрбунде все могло кончиться полным моральным разложением. Тогда конец.— Командир поиграл желваками и сжал кулаки.

На самом деле штурман несколько иначе относился к приключениям на Эрбунде. В другой компании он рассказал бы о них смелее, с шутками и подмигиваниями. Но командир — нет. Он отвечал не только за материальную часть, но и за дух экипажа.

— Привет! — Хлопнула дверь, и в рубку ввалился третий, крепкий парень с могучей шеей и какими-то прямо таранами вместо рук.

— Как диспут? — Командир хозяйским взглядом окинул всю эту гору мышц.

— А! — существовед безнадежно махнул рукой.— Схоласты. Кошмар. Не с кем словом перекинуться. Опять передрались.

Специалистов по мыслящим существам всегда подбирали в экспедиции из таких вот здоровяков, из тех крепышей, каким любая эпидемия нипочем. Мыслящие существа на всех планетах — это мыслящие существа: вспыльчивые, а то и склонные к крайностям. Особенно те, что имеют дурную привычку прикидываться безмозглыми стволами, ручейками, игривыми дуновениями, недвижимыми арбузами. Так что, несмотря на геркулесовские возможности, существоведам приходилось частенько улепетывать. Но сегодня, видно, все кончилось сносно. Наметанный глаз командира отметил это сразу. Намял, видно, схоластам бока, и привет, до следующего выяснения.

— Вот,— искатель мыслящих существ показал руку,— укусил, мерзавец. На китах, говорит, все покоится, а потом — бац, и укусил.

Командир улыбнулся, а штурман захохотал.

— Вот молодец! Надо же, укусил. За правду стоял. За китов,— постанывая от смеха, выдавил из себя штурман.

— Я, правда, и сам малость начудил. Подхожу к ним, спорят они. Все в хитонах. Солнце, между прочим, во всю печет. А я с факелом в руках. Зачем, спрашивают, факел? И так светло. А я, говорю, освещаю, человека ищу. Здравомыслящего. Днем с огнем. Ну, они в амбицию, мол, а мы что, не люди? А вы схоласты, говорю. Обиделись.

— Войдешь в эпос,— покачал головой командир.

— Войду,— радостно подтвердил здоровяк.

— Значит, ищешь человека! — Командир, видно, уже что-то обдумал.— Есть у меня на примете один человек. Есть. Схоласты, воины — это все не то. Понимаю, нужен кто-то другой. Вопрос перспективности мышления на схоластах не решишь. Но вот есть один; говорят, на днях, не выходя из ванны, он открыл закон плавления в жидкости. Представляете? Может быть, здесь этот закон будет извечно называться его именем. Законом Архимеда. Вдруг этот парень и есть то, что нужно?

— Попробовать можно,— попытался согласиться специалист,— шанс есть шанс.

— Архимед не укусит. Предчувствие,— вставил словечко штурман.

— Погодите,— нахмурился командир, и штурман осекся.— По какой системе поведете опыт над Архимедом? Не забывайте, опыт должны вести мы над ним, а не он над нами.

— Я думаю, так,— атлет задумчиво уставился в иллюминатор.— Он только что открыл закон... Архимеда.

— Ну, ну,— подбодрил командир,— предположим, так этот закон и назовут.

— Так вот. Я сразу перескочу в другую эпоху. В эпоху других законов. Я объясню ему, положим... Да, объясню радиотехнику, сразу транзисторную. Если он сможет понять, то... Понимаете меня? Своеобразный тест на умственную выносливость, взгляд вперед. Поиск умственных пределов. Идет?

— Ну, радиотехника еще ничего,— облегченно вздохнул командир.— На Зигпее вы объясняли кино. Теперь там жизнь забыта, развитие кончено, зигпейцы смотрят кино. Радиотехника — согласен! — И командир хлопнул специалиста по спине. Он любил эту спину, покрытую пластами мышц. Он любил хлопать по ней. По ней можно было очень сильно хлопать.

ГЛАВА IV, В КОТОРОЙ ДЕЙСТВИЕ СНОВА ПЕРЕНОСИТСЯ В XX ВЕК

— Да, не помогла Архимеду радиотехника,— печально сказал начальник отдела древних времен.

— Зарубили,— подтвердил аспирант лаборатории триплетного кода.— И Архимеда зарубили, и схему зарубили. Как на защите диплома.

— А может, триплетный код наврал,— смущаясь, спросил молоденький репортер вестника «Наука — всегда».

— Триплетный код не врет никогда! — отрезал эксперт.

— А может, помехи ворвались? — смеясь, наступал репортер.

— Может, может,— раздосадованно перебил эксперт,— все может быть,— и покраснел, потому что в испытательном зале собственной персоной появился академик.

— Ну-с, друзья. Какие вести из Греции? Что от Архимеда? — сказал академик так, будто Архимед числился его соседом по заседаниям в Академии.— Включите Архимеда,— кивнул он аспиранту, и на экране снова замерцала нашумевшая картина.

Академик обошел экран, потрогал его рукой, простежки улыбнулся, развел руками. Все молчали. Весь вид академика говорил: «Вот, батенька Архимед. Неприятность. Будь я с вами, уж мы вдвоем что-нибудь придумали бы. Отбились бы от римских варваров. Будьте покойны! И в схемочке разобрались бы. А так — абсурд. Непонятно. Архимед — и «Спидола»! Зачем?»

— Мы вот что тут думаем,— кашлянув в кулак, сказал эксперт.— Сам Архимед схемы такой не изобрел. Не мог дойти он до этого на своем уровне знаний. В развитии своем дошел он только до закона Архимеда..

— Он его открыл, этот закон,— сухо усмехнулся академик, и все усмехнулись, хотя несколько иначе.— Зпатентовал на века. А вы говорите — дошел, дошел. Как ученик шестого класса. Ну, а что скажете вы, дорогой аспирант? — И академик всем корпусом повернулся к аспиранту.

— Что ж, зарубили Архимеда, легенда не обманывает.— Трудно было понять, серьезно ли он говорит.— И схему зарубили. А схему передали ему марсиане. Больше никому.— Аспирант выжидательно замолчал, твердо глядя в глаза академику.

— Марсиане! Не хватало нам еще и марсиан! Да и кто видел этих ваших прекрасных марсиан? Вы видели? — сердито, но уже без прежней сухости возразил академик.

— Я не видел. Но... если действительно марсиане передали схему Архимеду, мы их найдем. Увидим! — И во взгляде аспи-

ранта мелькнула некая загадочность, да, обещающая загадочность.

— Так.— Академик направился к выходу.— Увидите, тогда докладывайте.

— Обязательно доложим! — крикнул аспирант, но дверь за академиком захлопнулась.— Мы найдем второе видение смерти Архимеда. Кто-то из детей пришел за телом отца и видел схему транзистора своими глазами. Мы наткнемся на схему вторично. Картина, которая у нас уже есть, снята с триплетного кода праправнука римского легионера. Прадед завоевывал и убивал, внук — мирный поселянин, вечерами сидит в деревенском кафе, тянет кислое вино. Теперь будем искать праправнуков Архимеда. Код Архимеда даст нам все, что нужно.

— Так,— подхзатил эксперт. В отсутствие начальства он чувствовал себя увереннее и приобретал способность увлекаться.— Найдя такой снимок, мы начнем трясти все генеалогическое древо Архимеда.

— Да, начнем трясти,— аспирант решил сам докончить свою мысль,— и вытрясем другой кадр. Архимед беседует с марсианином. Получает от него схему. В этот момент грек пережил сильное потрясение. Эта сцена не могла не врубиться в код. Тогда мы увидим марсиан.

— Вот, убивали, убивали,— вмешался вдруг паренек из газеты,— посмотрите, весь род этого итальянца — воины. А он отдыхает в кабачке на Ривьере, попивает натуральное вино.— Репортер мечтательно задумался.— Будто его предок и не убивал Архимеда. Никакой ответственности.

— Сын за отца не отвечает,— убежденно сказал институтский юриконсульт.

— Ну, этого мы еще не знаем,— возразил эксперт,— триплетный код тоже имеет свою чашу терпения. Пределы напряжения. Где-то переполнится чаша, и — взрыв, вырождение. Неполноценное потомство. Новорожденный расплачивается за грехи отцов. Ведь и так может оказаться.

— Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина. Сказано в писании,— поддержал юрист. Он мыслил правовыми категориями почти всегда.— Впрочем, успел ли Архимед обзавестись детьми? Вдруг он был из стойков. Что тогда?

— Дети, дети, дети, шкаф 17, полка, ящик...— вдруг забубнил начальник древних времен, отбивая костяшками пальцев по столу.— Ага, есть. В таблицах плательщиков налога за бездетность Архимед не значится.

— Возможно, уклонялся,— репортер вспомнил, как один ответчик уклонялся, а потом попал в фельетон и выплатил сполна.

Начальник времен тихо и как-то осуждающе посмотрел на репортера. Веки начальника набежали на глаза. Он впал как бы в сомнамбулическое состояние, и только костяшки пальцев, как метроном, отстукивали по столу.

— Нет, не уклонялся,— наконец отозвался начальник.— Есть запись ходатайства Архимеда насчет яслей. Да, хлопотал.

ГЛАВА V, ОПАТЬ III ВЕК Н. Э.

— Ну как, постигаете? — спросил командир. Человек в хитоне продолжал чертить на песке, насыпанном в специальный ящик. Он не услышал вопроса, не заметил подошедших космонавтов.

— Неладно,— сказал существовед.— Как только понял, о чем идет речь, все на свете позабыл. Лепит схему за схемой. Встряхнет ящик и снова за свое. Ничего не замечает. Хоть из пушки стреляй.

— Что же его убедило?

— Теоретическим предпосылкам отказывался верить,— объяснил существовед,— пришлось демонстрировать действие. Помните, я уносил аппаратуру. Результат налицо.

Архимед по-прежнему сидел, согнувшись над ящиком.

— До самой смерти просидит. Хоть убивай, не встанет.

— Отлет назначен? — спросил существовед, отрывая взгляд от чертежа.

— Через два часа. Больше тянуть нельзя. Все ясно. Выяснено,— командир кивнул на ящик со схемой.

— Не хочется мне улетать. Клад для экспериментов,— существовед вздохнул, и легкие его зашумели, как меха.

— Прощай, Архимед! — Атлет положил руку на плечо человеку в хитоне.— Прощай.

— А! — Архимед очнулся.— Вот, не знаю как заземлить...

— Улетаем,— сказал командир, и Архимед все понял.

— Брата четыре равны,

Соревнуясь как будто друг с другом,

Ровно и чинно бегут,

И от века их труд неразделен.

Близко один от другого,

Коснуться ж друг друга не могут,—

продекламировал Архимед.— Правду говорите. Не боги ли вы посланные? — Он переводил взгляд с одного на другого.

— Увы, нет,— улыбнулся атлет.— Просто мы из другого племе-

ни. Хотели и тебя с собой прихватить, да нельзя. Здесь, в своем времени, ты нужнее.

— Да, я нужен им, — задумчиво согласился Архимед.

— И вот что. Обязательно обзаведись детьми. Говорим как другу,— космонавты переглянулись.

— Дети? Для чего размышляющему наследники? Примут ли они от меня мое? Река впадает в море, река не разливается на ручейки.

— Это нужно. Нужно для будущего,— торопливо произнес специалист по поиску разумных.

— Вам верю. Обещаю,— Архимед сумрачно кивнул.

— Ну, пора,— командир бросил последний взгляд на ящик. Космонавты медленно пошли прочь. Только штурман задержался на какое-то мгновение.

— Слушай, говорю не как друг, а как бог,— шепотом сказал он,— обзаведись! Обзаведись потомством.

— Уже обещано.— Архимед презрительно усмехнулся.— Не я, тиран Гиерон изрек: «Архимед сказал — достоверно для всех».

ФАНТАСТИКА В ЗЕРКАЛЕ НАУКИ

Подобно некоторым новейшим научным дисциплинам, фантастика возникла «на стыке», только не на стыке научных ветвей, а на взаимооближении различных по методам, но единых по цели путей человеческого познания.

Научное творчество немыслимо без полета фантазии, без логического исследования самых парадоксальных и отнюдь не самоочевидных проблем. На роль фантастики в выборе своего научного пути неоднократно указывал пионер звездоплавания К. Э. Циолковский. Так, книгой, оказавшей на него большое влияние, была «Из пушки на Луну» Жюль Верна. Примечательно, что книги писателей-фантастов не раз упоминались на пресс-конференциях наших космонавтов.

В пропаганде научных знаний этот жанр оказывается не менее действенным, чем научно-популярная литература, хотя они друг друга отнюдь не подменяют. Научно-популярная книга предназначена для читателя с уже пробудившимся интересом к науке. Она призвана удовлетворить уже возникшее любопытство и дать конкретные сведения по определенному вопросу. Главным действующим лицом научно-популярной литературы обычно является сама наука, ее идеи, достижения. Человек, творец научных открытий, представлен на страницах научно-популярных книг только результатами своего труда.

Образ современного ученого, человека и гражданина, составляет предмет художественной литературы, неотъемлемой частью которой является научная фантастика.

К науке и научным знаниям приобщены теперь миллионы людей. Печать, телевидение, радио постоянно сообщают о новых блистательных открытиях ученых. И все яснее вырисовываются кон-

туры однозначной связи между интересом к науке и к научной фантастике. Это, по сути, две стороны одного и того же явления — постоянно растущего интереса к коренным проблемам существования.

Фантастика, как правило, отражает сегодняшний день науки, независимо от века, в котором протекает действие произведения. Основные ее герои — ученые нашего времени, люди, с которыми мы встречаемся постоянно: на заводе или животноводческой ферме, в учебном заведении или больнице. Воображение писателя наделило этих людей волшебной властью над природой. Они могут делать то, о чем сегодня только еще мечтают ученые — наши современники. В этом специфика фантастики. Герои научно-фантастических книг не просто творят чудеса, подобно магам и чудотворцам сказок. Их чудеса вполне объяснимы либо законами существующих сегодня дисциплин, либо законами воображаемых наук будущего. Это рационалистические чудеса. Поэтому читатель может легко проследить весь путь научной идеи — от ее возникновения до конкретного воплощения в какие-то, пусть совершенно невероятные формы. В этом еще одна важная черта, характеризующая фантастику как мощный инструмент, формирующий научное мышление.

Обходные пути, пути ассоциаций и образных аналогий, пути намека и эмоциональной подсказки не менее важны в научном творчестве, чем последовательное и планомерное накопление научной информации. И здесь неопределима роль научной фантастики, самой сутью которой является смелый поиск нового, лежащего за пределами сегодняшних знаний.

Фантастика — прежде всего литература. Она зачастую не задается целью прямой популяризации научных идей, но в своей внутренней логике, в принципах анализа она непосредственно приближается к науке. Для нее характерно как бы размышление вслух о путях и превращениях идеи. Писатель-фантаст всегда ставит эксперимент. И цели такого эксперимента могут быть различны.

Фантастика вносит в научную проблему недостающий ей человеческий элемент. Она становится или должна стать своеобразным эстетическим зеркалом науки. Точно так же, как наука является гносеологическим зеркалом фантастики.

Недаром фантастика так популярна даже среди ведущих ученых нашего времени. Знаменитый географ академик В. Обручев, физик-ядерщик Л. Сциллард, профессор биохимии А. Азимов, прославленный астрофизик Ф. Хойл, сподвижник Эйнштейна Л. Инфельд, создатель кибернетики Н. Винер, палеонтолог И. Ефремов, астроном и крупный популяризатор науки А. Кларк — вот далеко не полный перечень ученых, отдавших немало сил научной фантастике,

Можно, конечно, спорить, насколько случаен или, напротив, закономерен такой синтез науки и искусства. Скорее всего, он не случаен. Во всяком случае он точно отражает одну из главных особенностей современной науки — соединение отдельных, часто очень далеких друг от друга ветвей. Может быть, в этом заключается то общее, что заставило обратиться к фантастике многих, отличающихся друг от друга и по научным интересам и по литературному стилю, писателей-ученых.

Посмотрим теперь, как отражаются в научном зеркале идеи, затронутые в произведениях этого сборника.

Рассказ Щербакова «Плата за возвращение» — типичный пример собственно научной фантастики. В смысле развития научной идеи и только в этом смысле, так как для художественного произведения в целом подходят эстетические и идейные, и не допустимы физические критерии, в этом рассказе найдено образное выражение известных закономерностей специальной теории относительности. С приближением скорости тела к световой, линейные размеры его стремятся к нулю, а масса — к бесконечности. Этот математический парадокс, имеющий конкретный физический смысл, и оказался в центре внимания молодого фантаста, которому удалось найти для его иллюстрации новые изобразительные средства. Рассказ «Плата за возвращение» принадлежит к таким произведениям научной фантастики, которые нельзя проверить простым вопросом: может ли так быть? Его логический аппарат нацелен на такие явления, которые только-только становятся объектом экспериментальной проверки. Поэтому ответ, как и результат научного эксперимента, может быть самым неожиданным.

Рассказ А. Мирера «Знак равенства», в котором зритель вдруг обретает обратную связь с тем, что происходит на экране, затрагивает коренные проблемы кинематографа будущего. Усиление эмоционального воздействия искусства, вовлечение зрителя в трансляционный процесс давно стоит на повестке дня. Мы не можем сейчас сказать, как и какими средствами будет решена эта проблема, но несомненно, что она будет решена. Обратная связь с экраном многократно увеличит силу воздействия, воспитательное и образовательное значение искусства.

В фантастическом памфлете В. Фирсова «Исполнение желаний» человек становится придатком безжалостной машины. Дистантно соединенная со встроенным в его мозг прибором, машина эта превращается в символ машины государственной, бездушного бюрократического механизма капиталистической сверхцивилизации. Тенденции такого процесса подметил еще Джек Лондон в своей великолепной утопии «Железная пята». И если уже сегодня в жур-

налах проскальзывают сведения о работах по вживлению электродов в человеческий мозг, направленных на то, чтобы сделать людей послушными роботами, идеальными солдатами, в конечном счете, то, право, можно забыть о том, что перед нами фантастический рассказ. Наука лежит вне сферы морали. Ее достижения могут принести и величайшее благо и непоправимое зло. Все зависит от того, в чьих руках находятся эти достижения.

Биологическим аспектам науки посвящены рассказы «Транзистор Архимеда» В. Григорьева и «Оружие твоих глаз» М. Емцева и Е. Парнова. Научная проблематика их достаточно отчетлива и базируется на вполне конкретных положениях современного естествознания. В первом случае речь идет о так называемой «генетической памяти», из поколения в поколение передаваемой молекулами нуклеиновых кислот, а во втором — о воздействии сантиметровых волн на биологические объекты. Подобные опыты уже неоднократно ставились и обещают в будущем весьма интересные результаты. Но сантиметровые волны, как и мозговые электроды, могут сделаться объектом невиданного насилия над человеческой личностью. Поэтому далеко не безразлично, какие социальные силы владеют сегодня плодами научного поиска. Эта тема давно уже сделалась лейтмотивом советской научной фантастики, пропагандистское значение которой очень велико.

Проблематика небольшой повести Ольги Ларионовой «Планета, которая ничего не может дать» лежит в сфере социологии. Автора интересуют пути и принципы развития инопланетных цивилизаций. Здесь для фантастики просторы необъятные. Смысл повести Ларионовой заключается в том, что прогресс цивилизации определяется не только уровнем науки и техники, не только мощностью производительных сил, но и гуманизмом общества. Без теплоты человеческих чувств мертвы самые хитроумные машины. Они ничего не способны сделать для счастья людей, как, впрочем, и создавшая их холодная мысль.

Кроме научной, технической и даже эстетической информации, каждая цивилизация накапливает и нравственную, этическую информацию. Роль ее трудно оценить в конкретном количестве битов. Она не сказывается прямо ни на развитии производительных сил, ни на проникновении в еще неизведанные тайны природы. И все же жизнь цивилизации без этой, передаваемой из поколения в поколение «неписаной» информации была бы невозможна.

Может быть, поиски именно такого нравственного начала и бросил звездолет логитан в долгое плавание по космическим просторам. Какую планету посетили логитане?

Автор верит, что духовная мощь человечества могла бы возро-

дять к жизни зашедшую в тупик техноцивилизацию. Люди никогда не жили только рассудком, живое чувство согревает и одухотворяет любые плоды человеческой деятельности. Именно это и хотела сказать Ларионова в своей повести.

Говоря словами Лема, писатель-фантаст всегда пишет о современниках и для современников, но только облачает повествование в «галактические одежды».

Короткие новеллы «Happy end» Абрамовых и «Говорящая душа» Г. Филановского подчеркивают широчайшие возможности фантастики.

Так представленные на суд читателя фантастические произведения сборника отражаются в научном зеркале.

Зарубежная фантастика

СЕСТРА ЗЕМЛИ

...Много времени спустя в бухте Сан-Франциско всплыл утопленник в поношенном костюме. Полиция пришла к выводу, что он в какой-нибудь туманный день прыгнул в воду с моста Золотых ворот. Тут слишком чисто и пустынно, не совсем обычное место выбрал неведомый пьяница, чтобы свести счеты с жизнью, но над этим никто не задумался. За пазухой у мертвеца оказалась Библия, а в ней закладка, и на заложенной странице отчеркнуто несколько строк. От нечего делать один из полицейских стал разглядывать размокшие листы и, наконец, разобрался: отчеркнуты были третий и четвертый стихи седьмой главы книги порока Иезекииля.

1 Шквал налетел, когда Малыш Мак-Клелан уже совсем было пошел на посадку. Он рванул ручку на себя; взревели двигатели, рейсовый бот стал на хвост и подскочил вверх. Миг — и его завертело, закружило, как сухой лист. В иллюминаторах почернело. Перекрывая вой ветра, забарабанил ливень. Сверкнула молния, прокатился гром, и Нат Хоуторн, ослепленный, оглушенный, перестал что-либо воспринимать.

С приездом! — подумал он. А может быть, он сказал это вслух? Опять загромыhalo, словно исполинские колеса раскатились по мостовой — или это просто хохот? Бот перестало швырять. Перед глазами уже не плавали огненные пятна, и Хоуторн различил облака и спокойную водную гладь. Все окутано синеватой дымкой, зна-

чит, время близится к закату. К тому, что на Венере называется закатом, напомнил он себе. Еще долгие часы будет светло, ночь никогда не станет по-настоящему темной.

— Еще бы чуть — и крышка,— сказал Малыш Мак-Клелан.

— А я думал, эта посудина приспособлена для бурь,— сказал Хоуторн.

— Верно. Но это же все-таки не субмарина. Мы были слишком низко, и уж больно неожиданно это налетело. Чуть не нырнули, а тогда бы...— Он пожал плечами.

— Тоже не страшно,— возразил Хоуторн.— Выбрались бы в масках через люк и наверняка продержались бы на воде, а со Станции нас бы заметили и подобрали. А может, Оскар с компанией еще раньше нас выручил бы. Здешняя живность нам ничем не грозит. Мы для них так же ядовиты, как они для нас.

— Называется «не страшно»! — передразнил Мак-Клелан.— Конечно, ты за бот не в ответе, а только ему цена пять миллионов монет.

Фальшиво насвистывая, он описал круг и снова пошел на посадку. Он был маленький, коренастый, веснушчатый и рыжий, двигался быстро, порывисто. Много лет Хоуторн только и знал, что Малыш — один из пилотов, постоянно перевозящих грузы с кораблей на орбите к Станции «Венера» и обратно: бойкий малый, вечно сыплет к месту и не к месту непристойными стишками да болтает невесть что о своих похождениях по части «женской нации», как он выражается. А тут они летели вместе с Земли, и под конец Мак-Клелан смущенно показал всем спутникам стереоснимки своих детишек и признался, что мечтает, когда выйдет на пенсию, открыть небольшой пансион на берегу Медвежьего озера.

«Слава тебе, господи, которого нет, что я биолог,— подумал Хоуторн.— В моей профессии пока еще не становишься перед этим веселеньким выбором — в тридцать пять лет выйти в отставку, либо засесть где-нибудь в канцелярии. Надеюсь, что я и в восемьдесят буду проследживать экологические связи и любоваться северным сиянием над Фосфорным морем!»

Бот наклонился, и внизу стала видна Венера. Казалось просто невероятным, что сплошной, без единого клочка суши, океан, покрывающий всю планету, может быть так живописен. Но тут свои климатические зоны, и у каждой — миллионы изменчивых цветов и оттенков: это зависит от освещения, от того, какие где существуют живые твари, а они всюду разные, так что море на Венере — не просто полоса воды, но лучезарный пояс планеты. Да еще каждый час под другим углом падают солнечные лучи, и совсем по-иному

все светится ночью, и опять же ветерки, ветры и вихри, смена времен года, валы прилива, что катятся по двадцать тысяч миль, не встречая на пути ни единой преграды, и еще какой-то ритм органической жизни, людям пока не понятный. Нет, тут можно просидеть сто лет на одном месте — и все время перед глазами будет что-то новое. И во всем будет красота.

Фосфорное море опоясывает планету между 55-м и 63-м градусами северной широты. Сейчас, вечером, с высоты оно было густо-синее, в косых белых штрихах; но на севере, на самом горизонте, оно становилось черным, а на юге переходило в необыкновенно чистую, прозрачную зелень. Там и сям под поверхностью извивались алые прожилки. Мелькал плавучий остров — джунгли, разросшиеся на исполинских пузырчатых водорослях, вздымались огненно-рыжими языками, окутанные своим отдельным облачком тумана. На восток уходил шквал — иссиня-черная туча, пронизанная молниями, — и оставлял за собою полосу kloкочущей вспененной воды. На западе нижний слой облаков нежно розовел и отсвечивал медью. Верхний, постоянный слой переливался на востоке жемчужно-серым и постепенно светлел, а на западе еще горел спящей белизной — там пылало за горизонтом только что закатившееся солнце. Небосклон пересекала двойная радуга.

Хоуторн глубоко вздохнул. Как славно вернуться!

Маленькая ракета планировала, выпустив крылья, под ними зашвистел ветер. Потом она коснулась поплавок воды, подскочила, снова опустилась и подрулила к Станции. Поднятая ею волна разбилась среди кессонов, плеснула к верхней палубе и строениям, но они даже не дрогнули, удерживаемые в равновесии гироскопами. По обыкновению, весь экипаж Станции высыпал навстречу прибывшему боту. Корабли с Земли прилетали всего раз в месяц.

— Конечная остановка! — объявил Мак-Клелан, отстегнул ремни, поднялся и стал надевать кислородное снаряжение. — А знаешь, мне всегда как-то не по себе в этой сбруе.

— Почему? — Хоуторн, прилаживая за плечами баллон, удивленно поглядел на пилота.

Мак-Клелан натянул маску. Она закрывала нос и рот, пластиковая прокладка не давала воздуху планеты никакого доступа внутрь. Оба уже надвинули на глаза контактные линзы, не пропускающие ультрафиолетовых лучей.

— Никак не забуду, что тут на двадцать пять миллионов миль нет ни глотка кислорода, кроме нашего, — признался Мак-Клелан. Маска приглушала его голос, и от этого он прозвучал для Хоуторна привычно, по-домашнему. — В скафандре мне как-то спокойнее.

— *De gustibus non disputandum est** — сказал Хоуторн. — Что в переводе означает: всякий гусь что хочет, то и ест. А по мне, все скафандры воняют чужой отрыжкой.

В иллюминатор он увидел: в воде изогнулась длинная синяя спина, нетерпеливо плеснула пена. Губы его тронула улыбка.

— Бьюсь об заклад, Оскар знает, что я прилетел, — сказал он.

— Ага. Закадычный друг, — пробурчал Мак-Клелан.

Они вышли из люка. В ушах щелкнуло: организм приспособлялся к небольшой перемене давления. Удобства ради маска задерживала часть водяных паров, а главное, не пропускала двуокись углерода, которой здесь было довольно, чтобы убить человека в три вдоха. Азот, аргон и небольшое количество безвредных газов проходили в заплечный баллон, смешивались с кислородом, и этой смесью можно было дышать. Существовали и аппараты, которые путем электролиза добывали необходимый землянам кислород прямо из воды, но они пока были слишком громоздки и неудобны.

На Венере всегда надо иметь этот аппарат под рукой в лодке ли, на пристани ли, чтобы каждые несколько часов перезаряжать заплечный баллон. Новичков с Земли эта вечная забота до черта раздражает, но, побыв подольше на Станции «Венера», привыкаешь и становишься спокойнее.

И разумнее? — не раз спрашивал себя Хоуторн. Последний полет на Землю, кажется, окончательно убедил его в этом.

Жара оглушала, точно удар кулака. Хоуторн уже переоделся по-здешнему: свободная, простого покроя одежда из синтетической ткани защищала кожу от ультрафиолетовых лучей и притом не впитывала влагу. На минуту он приостановился, напомнил себе, что человек — млекопитающее, вполне способное переносить жару и посильнее, и его отпустило. Он стоял на поплавке, вода плескалась о его босые ноги. Ногам было прохладно. Он вдруг перестал злиться на жару, попросту забыл о ней.

Из воды высунулся Оскар. Да, конечно, это был Оскар. Других дельфоидов — их тут было с десятков — больше занимал бот, они тыкались в него носами, терлись гладкими боками о металл, поднимали детенышей лапами, чтоб тем было лучше видно.

Оскар был занят одним только Хоуторном. Он вскинул грузную тупорылую голову, обнюхал ноги биолога и тотчас выбил лапами на воде веселую дробь за двадцать футов от понтона.

Хоуторн присел на корточки.

— Здравóво, Оскар! А ты уж думал, я больше не вернусь?

* О вкусах не спорят (лат.).

И почесал зверя под подбородком. Да, черт возьми, у дельфоида есть самый настоящий подбородок. Оскар перевернулся вверх брюхом и фыркнул.

— Ты, верно, решил, что я там, на Земле, подцепил какую-нибудь дамочку, а про тебя и думать забыл? — бормотал Хоуторн. — Ошибаешься, кот-котище, безобразный зверище, я об этом и не мечтал. Дудки! Стану я тратить драгоценное земное время — мечтать, как бы променять тебя на женщину! Я не мечтал, я дело делал. Поди-ка сюда, скотинка.

Он почесал упругую, как резина, кожу возле дыхала. Извиваясь всем телом, Оскар с силой ткнулся в поплавок.

— Эй, хватит вам! — вмешался Мак-Клелан. — Мне сейчас не до купанья.

Он кинул перлинь. Вим Дикстра поймал конец, обмотал вокруг кнехта и стал подтягивать. Бот медленно двинулся к пристани.

— Ну-ну, Оскар, ладно, ладно, — сказал Хоуторн. — Вот я и дома. Не будем по этому случаю распускать слюни. — Он был рослый, сухощавый, темно-русые волосы, лицо изрезано ранними морщинами. — Я и подарок тебе привез, как всем нашим, только дай сперва распаковать вещи. Я тебе привез целлулоидную утку. Ну, пусти же!

Дельфоид нырнул. Хоуторн уже хотел подняться по трапу, как вдруг Оскар вернулся. Тихонько, осторожно ткнулся человеку в щиколотки, потом неуклюже — у обычной, не приспособленной к торговле пристани ему было трудно это проделать, — вытолкнул что-то изо рта прямо к ногам Хоуторна. Потом снова нырнул, а Хоуторн изумленно вполголоса выругался, и глаза у него защипало.

Он получил сейчас в подарок такой великолепный самоцвет-огневик, каких, пожалуй, еще и не видывали на Станции «Венера».

2 Когда стемнело, стало видно северное сияние. До солнца так близко, а магнитное поле Венеры так слабо, что даже над экватором в небе порой перекрещиваются гигантские световые полотнища. Здесь, на Фосфорном море, ночь бархатно синяя, в ней колышутся розовые завесы и вздрагивают узкие снежно-белые вымпелы. И вода тоже светится от каких-то фосфоресцирующих микроорганизмов, гребень каждой волны оторочен холодным пламенем. Каждая капля, брызнув на палубу Станции, долго рдеет, прежде чем испариться, словно кто-то раскидал по всему тускло отсвечивающему кольцу золотые угольки.

Хоуторн смотрел на все это сквозь прозрачную стену кают-компаний.

— А славно вернуться,— сказал он.

— Видали чудака? — отозвался Малыш Мак-Клелан.— На Земле выпивка, женщины наперебой ухаживают за гордым исследователем космоса, а ему приятно от такой роскоши вернуться сюда. Этот малый просто спятил.

Вим Дикстра, геофизик, серьезно кивнул. Это был высокий смуглый голландец — чувствовалось, что в его жилах течет и кастильская кровь. Быть может, из-за нее-то среди его соплеменников так много вечных бродяг и скитальцев.

— Кажется, я тебя понимаю, Нат,— сказал он.— Я получил письма и кое-что прочел между строк. Значит, на Земле совсем худо?

— В некоторых отношениях...— прислонясь к стене, Хоуторн всматривался в ночь.

Вокруг Станции резвились дельфониды. Живые торпеды весело выскакивали из воды, все обдавая струями света, описывали в воздухе дугу и ныряли в огненные фонтаны. Потом вспенили воду и, кувыркаясь, подскакивая, пошли вокруг хороводом в милю шириной. Но и на этом расстоянии, точно пушечные выстрелы, доносились гулкие хлопки о воду огромных тел и ластов.

— Я этого боялся. Даже не знаю, поеду ли в отпуск, когда настанет мой черед,— сказал Дикстра.

Мак-Клелан смотрел на них во все глаза.

— О чем это вы, ребята? — растерянно спросил он.— Что такое стряслось?

Хоуторн вздохнул.

— Не знаю, с чего и начать,— сказал он.— Понимаешь, Малыш, беда в том, что ты видишь Землю постоянно. Возвращаешься из рейса и живешь там неделями, а то и месяцами, только потом опять летишь. А мы... мы не бываем там по три, по пять лет кряду. Нам перемены заметнее.

— Ну, понятно.— Мак-Клелан неловко поерзал в кресле.— Понятно, вам это не в привычку... ну, то есть шайки, и патрули, и что, покуда вас не было, в Америке ввели норму на жилье. А все-таки, ребята, жалование у вас отличное и работа почетная. Вам всегда и честь и место. Чего уж вам-то жаловаться?

— Скажем так: воздух не тот,— ответил Хоуторн. Он через силу улыбнулся.— Будь на свете бог (а его, слава богу, нет), я бы сказал, что он забыл Землю.

Дикстра густо покраснел.

— Бог ничего не забывает! Забывают люди.

— Прости, Вим,— сказал Хоуторн.— Но я видел... не только Землю. Земля слишком велика, это просто цифры, статистика. А я побывал на родине, в тех местах, где я вырос. В озере, где я мальчишкой удил рыбу, теперь разводят съедобные водоросли, а моя мать ютится в одной комнатенке с полоумной старой каргой, от которой ее просто тошнит. Мало того, Скворцовую рощу вырубili, а на ее месте построили, с позволения сказать, многоквартирные дома—самые настоящие трущобы, и шайки бесчинствуют уже среди бела дня. Больше всего народу занято не в промышленности, а в вооруженных патрулях. Зайдешь в бар—ни одного веселого лица. Уставятся, как бараны, на экран телевизора и...— он оборвал себя на полуслове:— Да вы не слушайте. Я, наверно, преувеличиваю.

— Да уж,— сказал Мак-Клелан.— На природу тебе захотелось? Могу тебя доставить в такую глушь, туда со времен индейцев ни одна живая душа не заглядывала. А в Сан-Франциско ты когда-нибудь бывал? Так вот, могу сводить тебя в один кабачок на Норс Бич, тогда узнаешь, что значит повеселиться всласть.

— Ну, ясно,— сказал Хоуторн.— Вопрос только: долго ли еще протянут эти остатки былого величия?

— Есть такие, что им вовек конца не будет,— возразил Мак-Клелан.— Их хозяева—корпорации. А по нынешним временам ответственность корпораций—это все равно, что какие-нибудь графские угодья.

Вим Дикстра кивнул.

— Богачи богатеют,— сказал он,— бедняки беднеют, а средние слои исчезают. И под конец образуется самая допотопная империя. Я когда-то учил историю.

Темные глаза его задумчиво смотрели на Хоуторна.

— Средневековый феодализм и монашество развились в рамках римского владычества, и, когда империя развалилась, они остались. Может быть, и сейчас возможно такое параллельное развитие. Самые крупные и мощные организации на Земле—феодалы, а на таких вот межпланетных станциях, как наша,—монастыри.

— Самые настоящие, с обетом безбрачия,—поморщился Мак-Клелан.— Благодарю покорно, я предпочитаю феодализм!

Хоуторн снова вздохнул. За все приходится платить. Пилюли, усыпляющие секс, и воспоминание о пылких поцелуях и страстных объятиях, что были на Земле, подчас мало утешают.

— Не очень удачное сравнение, Вим,— возразил он.— Начать с того, что мы держимся только торговлей драгоценными камнями. Она выгодна, поэтому нам разрешают заниматься и научной рабо-

той, кого какая интересует; в сущности, это тоже плата за наш труд. Но если дельфониды перестанут приносить нам самоцветы, мы и оглянуться не успеем, как нас вернут на Землю. Ты и сам знаешь, никто не станет давать бешеные деньги на межпланетные перелеты и перевозки ради науки, дают только ради предметов роскоши.

— Ну и что из этого? — пожал плечами Дикстра. — Экономика к нашему монашескому житью никакого отношения не имеет. Может, ты никогда не пил бенедиктин?

— Что?.. А-а, понимаю. Но холостяки мы только по необходимости. И леем надежду, что когда-нибудь и у нас будут жены.

Дикстра улыбнулся.

— Я не говорю, что тут полное сходство. Но все мы сознаем, что служим бóльшей цели, делу культуры. Наше призвание — не религия, а наука, но все равно это — вера, во имя которой стоит идти и на отшельничество, и на иные жертвы. Если в глубине души мы считаем, что отшельничество — это жертва.

Хоуторн поморщился. Дикстра подчас чересчур увлекается анализом. Что и говорить, мы, работники Станции — настоящие монахи. Тот же Вим... но он однодум, натура страстная, целеустремленная, и это его счастье. Самому Хоуторну не так повезло, пятнадцать лет он пытался избавиться от пуританских взглядов и предрассудков, с детства въевшихся в плоть и кровь, и, наконец, понял, что это безнадежно. Он убил жестокого бога, в которого верил его отец, но призрак убитого будет вечно его преследовать.

Теперь он решился вознаградить себя за долгое самоотречение и отпуск на Земле превратил в непрерывную оргию, но все равно под видом горечи и ожесточения его терзает чувство, что он тяжко согрешил. На Земле я впал в беззаконие. Ergo*, Земля — вертел.

А Дикстра продолжал, и в голосе его вдруг зазвучало странное волнение:

— И еще в одном смысле наша жизнь напоминает средневековое монашество. Монахи думали, что бегут от мира. А на самом деле они служили рождению нового мира, новой ступеньки развития общества. Может быть, и мы, еще сами того не сознавая, изменяем историю.

— Гм... — покачал головой Мак-Клелан. — Какая же история, когда у вас не будет потомства? Женщин-то на Венере нету!

— Сейчас об этом идет разговор в Правлении, — стараясь уйти от собственных мыслей, поспешно вставил Хоуторн. — Компания рада бы это устроить, тогда люди будут охотней работать на Венере.

* Следовательно (лат.).

Думают, что, пожалуй, это можно уладить. Если торговля будет развиваться, нашу Станцию придется расширить, и с таким же успехом можно присылать новых ученых и техников — женщин.

— Ну и начнутся скандалы,— сказал Мак-Клелан.

— Не начнутся, лишь бы прислали, сколько надо,— возразил Хоуторн.— А что до романтической любви и отцовства, так ведь кто подрядился здесь работать, те давным-давно не мечтают о такой роскоши.

— А она вполне доступна,— пробормотал Дикстра.— Я говорю об отцовстве.

— Какие же дети на Венере? — изумился Хоуторн.

По лицу Дикстры промелькнула ликующая, победоносная улыбка. Они столько лет прожили бок о бок, что научились слышать друг друга без слов, и Хоуторн понял: у Дикстры есть какой-то секрет, о котором он рад бы закричать на весь мир, но пока еще не может. Видно, сделал какое-то поразительное открытие.

Хоуторн решил закинуть удочку.

— Я все пересказываю слухи да сплетни и даже не спросил, что у вас тут делается. Что новенького вы узнали об этой почтенной планете, пока меня не было?

— Появились кое-какие надежды,— уклончиво сказал Дикстра все еще немного нетвердым голосом.

— Открыли способ фабриковать огневики?

— Избави бог! Если б их удавалось делать самим, мы бы сразу прогорели, верно? Нет, не то... Если хочешь, поговори с Крисом. Насколько я знаю, он установил только, что они — биологический продукт, что-то вроде жемчуга. Видимо, тут участвуют несколько видов бактерий, которые могут существовать только в условиях венерианского океана.

— Узнали что-нибудь новое про то, как они тут живы? — спросил Мак-Клелан.

Как все космонавты, он жадно, до одержимости интересовался всякими живыми существами, способными обходиться без кислорода.

— Да, Крис, Мамору и их сотрудники довольно точно исследовали обмен веществ в здешних организмах,— сказал Дикстра.— Я в этом ничего не смыслю, Нат. Но ты, конечно, захочешь разобраться, а им позарез нужна твоя помощь, ты же эколог. Знаешь, обычная история: растения (если их тут можно называть растениями) используют солнечную энергию и создают ненасыщенные смеси, а твари, которых мы называем животными, их окисляют. Окисление может идти и без кислорода, Малыш.

— Уж настолько-то я в химии разбираюсь,— обиделся Мак-Клелан.

— Ну вот, вообще-то связанные с этим процессом реакции не настолько сильны, чтобы породить животных такой величины, как Оскар. Не удалось отождествить ни одного фермента, который был бы способен...— Дикстра нахмурился, помолчал.— Как бы там ни было, Мамору ищет ключ в брожении, это самый близкий земной аналог. И похоже, что тут и впрямь участвуют микроорганизмы. Здесь, на Венере, ферменты не отличить от... от вирусов, что ли? Более подходящее название покуда не подобрали. А некоторые формы, видимо, даже исполняют функции генов. Каков симбиоз, а? Классическим образцам до этого далеко!

Хоуторн присвистнул.

— Очень увлекательная новая теория, скажу я вам,— заметил Мак-Клелан.— При всем при том я бы хотел, чтоб вы поскорей погрузили все, что надо, нам пора домой. Все вы славные ребята, но мне с вами малость неуютно.

— На погрузку уйдет несколько дней,— сказал Дикстра.— Это ведь известно.

— Ладно, пускай несколько, лишь бы земных, а не венерианских.

— Возможно, я передам с тобой одно очень важное письмо,— сказал Дикстра.— У меня еще нет решающих данных, но ради одного этого тебе придется подождать.

Внезапно его даже в дрожь бросило от волнения.

3 Долгими ночами они изучали материал, собранный за день. Когда Хоуторн вышел навстречу рассвету, в туман, клубящийся над подернутыми багрянцем водами, под перламутровым небом, все обитатели Станции устремились в разные стороны, будто раскиданные взрывом. Вим Дикстра со своим новым помощником, маленьким улыбчивым Джимми Чен-туном, уже умчался на двухместной субмарине куда-то за горизонт подбирать придонные зонды-автоматы. А сейчас от причала отходили во всех направлениях лодки: Дил и Мацумото отправлялись за псевдопланктоном, Васильев — на Гряде Эребуса, которая славилась необычайно красивым кораллитом, Лафарж продолжал составлять карты течений, Гласс в космоскафе взвился в небо: еще слишком мало исследованы венерианские облака...

За ночь в рейсовый бот перенесли первую партию груза. И теперь Малыш Мак-Клелан с Хоуторном и капитаном Джевансом прошел по опустевшей пристани.

— Ждите меня обратно к вашему закату,— сказал он.—

Какой мне толк прилетать раньше, когда тут все в разгоне.

— Да, пожалуй, никакого,— согласился почтенный, седовласый Джевонс и задумчиво поглядел вслед легкому суденышку Лафаржа.

За кормой резвились пять дельфоидов — прыгали, пускали фонтаны, описывали вокруг лодки круги. Никто их не звал, но теперь мало кто из людей решался уходить далеко от Станции без такого эскорта.

Когда случалось какое-нибудь несчастье,— а они не редкость на этой планете, такой же огромной и разнообразной, как Земля,— дельфоиды не раз спасали людям жизнь. В самом худшем случае можно было просто сесть на дельфоида верхом, но чаще они вчетвером, впятером ухитрялись поддержать поврежденную лодку на плаву, будто знали, во что это обходится — переправить с Земли на Венеру хотя бы гребную шлюпку.

— Я бы и сам не прочь поискать что-нибудь новенькое,— сказал Джевонс и усмехнулся: — Но надо ж кому-нибудь сторожить нашу лавочку.

— Да, а как здешние рыбки приняли последнюю партию товара? — поинтересовался Мак-Клелан. — Берут они побрякушки из пластика?

— Нет,— сказал Джевонс. — Ноль внимания. По крайней мере ясно, что у них неплохой вкус. Возьмете эти бусы обратно?

— Нет уж, дудки! Швырните их в воду. А что вы еще подскажите? На что они, по-вашему, скорее клюнут?

— Знаете,— вмешался Хоуторн,— я подумываю насчет инструмента. Что-нибудь такое, специально для них приспособленное, чтобы они могли работать, держа оружие во рту...

— Надо сперва испробовать то, что есть под рукой, а уж потом запросим образцы с Земли,— сказал Джевонс. — Я-то мало в это верю. На что дельфоиду нож или молоток?

— Нет, я думаю, прежде всего им пригодятся пилы. Нарезать кораллит на плиты и строить подводные убежища.

— За каким дьяволом? — изумился Мак-Клелан.

— Не знаю,— сказал Хоуторн. — Мы вообще слишком мало знаем. Возможно, укрытия от непогоды на дне океана и не нужны... хста, может, и это не такой уж бред. На больших глубинах наверняка есть холодные течения. Но у меня другое на уме... я у многих дельфоидов видел шрамы — как будто следы зубов, но тогда хищник, должно быть, незеротная громадина.

— А это идея! — Джевонс улыбнулся. — Как славно, что вы уже вернулись, Нат, и по обыкновению полны новых идей. И очень благородно с вашей стороны, что вы в первый же день вызвались дежурить по Станции. С вас бы никто этого не спросил.

— Э, у него хватит приятных воспоминаний, чтоб скрасить унылые будни! — съязвил Мак-Клелан. — Я видел, как он развлекался в одном притоне в Чикаго. Ух, и весело же проводил времечко!

За кислородной маской трудно разобрать выражение лица, но Хоуторн чувствовал, что у него побагровели уши. Джевоис не любит путаться в чужие дела, но он немного старомодный... И он как отец, его чтишь куда больше, чем сурового человека в черном, о котором с детства осталось лишь далекое, смутное воспоминание. При Джевоисе неуместно хвастать тем, что вытворяешь в дни отпуска на Земле.

— Я бы хотел обмозговать новые биохимические данные и в свете их набросать программу исследований, — поспешно сказал Хоуторн. — И еще возобновить дружбу с Оскаром. Он очень трогательно преподнес мне этот самоцвет. Я чувствую себя просто гнусно оттого, что отдал такой подарок Компании.

— Еще бы! За него такую цену можно заломить... я бы на твоём месте тоже чувствовал себя гнусно, — подхватил Мак-Клелан.

— Да нет, я не о том. Просто... Э, ладно, пилот, тебе пора!

Хоуторн и Джевоис еще постояли, провожая бот глазами.

Ракета оторвалась от воды и пошла вверх — поначалу медленно, грохоча и изрыгая пламя, потом все быстрее. Но к тому времени, как она вонзилась в облака, она уже походила на метеорит, только летящий не вниз, как положено, а вверх. Все увеличивая скорость, она пробивала слой облачности, вечно окутывающий планету, и вот уже совсем потонула в этом покрывале, которое изнутри, в иллюминатор, кажется не серым, но ослепительно белым.

На высоте стольких миль даже воздух Венеры становится разреженным и жгуче холодным, водяные пары замерзают. Вот почему с Земли астрономы не могли обнаружить по спектрам поглощения, что вся Венера — это один безбрежный океан. Первые исследователи думали найти здесь пустыню, а нашли воду... А Мак-Клелан, межпланетный извозчик, все мчится на своем огненном коне — еще стремительней, еще выше, среди слепящих созвездий.

Рев его ракеты затих, и замечтавшийся Хоуторн очнулся.

— Да, сколько мы ни мудрили, сколько ни изобретали, а из всего, что нами создано, только одно прекрасно — межпланетные перелеты. Уж не знаю, сколько уродства и разрушений это искупает.

— Не будьте таким циником, — сказал Джевоис. — Мы создали еще и сонаты Бетховена, и портреты Рембрандта, и Шекспирову драму... и уж кто-кто, а вы могли бы восславить и красоту самой науки.

— Но не техники, — возразил Хоуторн. — Наука, чистое, строгое знание — да. Это для меня ничуть не ниже всего, что сотворили

ваши Бетховены и Рембрандты. А вот всякая эта механика — пере-
тряхнуть целую планету, лишь бы в мире кишело еще больше
народу...

А славно вернуться, славно поговорить с капитаном Джевонсом!
С ним можно позволить себе разговаривать всерьез.

— Что-то вы после отпуска захандрили, — заметил старик. — Он
должен бы оказать на вас обратное действие. Молоды вы еще
хандрить.

— Я ведь родом из Новой Англии, — Хоугорн через силу усмех-
нулся. — Такая уж наследственность, хромосомы требуют, чтоб я был
чем-нибудь да недоволен.

— Мне больше посчастливилось, — сказал Джевонс. — Я, как
пастор Грундтвиг лет двести назад, сделал чудесное открытие:
бог — добр!

— Хорошо, когда можешь верить в бога. А я не могу. Эта
концепция никак не согласуется с мерзкой кашей, которую челове-
чество заварило на Земле.

— Бог должен был предоставить нам свободу действий, Нат.
Неужели вы бы предпочли оказаться всего лишь толковой и по-
слушной марионеткой?

— А может быть, ему все равно? — сказал Хоугорн. — Если,
допустим, он существует, разве весь наш опыт дает основание ду-
мать, что он к нам как-то особенно благоволит? Может быть, чело-
век — это просто еще один неудачный эксперимент, наподобие
динозавров: на нем уже поставлен крест, и, пожалуйста, пускай
обращается в прах и вымирает. Откуда мы знаем, что Оскар и его
сородичи не наделены душой? И откуда мы знаем, что у нас она
есть?

— Не следует чересчур превозносить дельфоидов, — заметил
Джевонс. — Они в какой-то мере разумны, согласен. Но...

— Да, знаю. Но — не строят межпланетных кораблей. И у них
нет рук и, само собой, они не могут пользоваться огнем. Все это я
уже слышал, капитан. Сто раз я с этим спорил и здесь и на Земле.
Но почему знать, что могут и что делают дельфоиды на дне океана?
Не забудьте, они способны оставаться под водой по нескольку дней
кряду. И даже здесь, на поверхности, я наблюдал, как они играют
в пятнашки. Их игры в некоторых отношениях просто замечательны.
Могу поклясться, что в этих играх есть система — слишком слож-
ная, мне трудно ее понять, но тут явно — система. Это вид искусства,
вроде нашего балета, только они танцуют еще и в согласии с вет-
ром, с течениями и волнами. А как вы объясните, что они так
разборчивы в музыке? Ведь у них явно разные вкусы — Оскар
предпочитает старый джаз, а Самбо на такие пластинки и не смот-

рит, зато платит самыми лучшими самоцветами за Букстехуде*. И почему они вообще торгуют с нами?

— Некоторым породам крыс на Земле тоже известна меновая торговля,— сказал Джевонс.

— Нет, вы несправедливы. Когда первая экспедиция, прибыв на Венеру, обнаружила, что дельфоиды хватают с нижней палубы всякую всячину, а взамен оставляют раковины, куски кораллита и драгоценные камни, наши тоже решили, что тут налицо психология стадных крыс. Знаю, отлично все знаю. Но ведь это развилось в сложнейшую систему цен. И дельфоиды по этой части очень хитрые — честные, но и хитрые. Они до тонкости усвоили наши мерки и отлично понимают, какая чему цена, от конхоидной раковины до самоцвета-огневика. Вызубрили весь прейскурант до последней запятой, шутка сказать!

И еще: если это просто животные, с какой стати им гнаться за музыкальными записями в пластиковой упаковке, работающими от термоэлемента? И на что им водоупорные репродукции величайших созданий нашей живописи? А что у них нет орудий труда — сколько раз мы видели, как им помогают стаи разных рыб: одна порода окружает и загоняет всякую морскую живность, другая убивает и свежует, третья снимает урожай водорослей. Им не нужны руки, капитан. Они пользуются живыми орудиями!

— Я работаю здесь не первый день,— сухо заметил Джевонс. Хоуторн покраснел.

— Простите меня. Я так часто читал эту лекцию на Земле людям, которые понятия не имеют о простейших фактах, что это превратилось в условный рефлекс.

— Я вовсе не хочу унижить наших водяных друзей,— сказал капитан.— Но вы знаете не хуже меня, сколько раз за эти годы мы пробовали установить с ними общий язык, переговариваться при помощи каких-либо знаков, символов, сигналов — и все зря.

— Вы уверены? — спросил Хоуторн.

— То есть, как?

— Откуда вы знаете, что дельфоиды по этим грифельным доскам не изучили наш алфавит?

— Но ведь... в конце концов...

— А может быть, у них есть веские причины не брать в зубы масляный карандаш и не писать нам ответные письма. Почему бы им не соблюдать некоторую осторожность? Давайте смотреть прав-

* Букстехуде Дитрих (1637—1707) — композитор и органист, оказавший большое влияние на Иоганна Себастьяна Баха.

де в глаза, капитан. Мы для них — чужаки, пришельцы, чудовища. Или, может быть, им просто не любопытно: наши лодки и мотоботы забавны, с ними можно поиграть; наши товары тоже занимательны настолько, что с нами стоит меняться; ну, а сами мы нудны и неинтересны. Или же — и это, по-моему, самое правдоподобное объяснение, — у нас и у них слишком разный склад ума. Подумайте, как несхожи наши планеты. Если две формы разумной жизни настолько различны, у них и мышление едва ли может быть схожим — вам не кажется?

— Интересное рассуждение, — заметил Джевонс. — Впрочем, такое уже приходилось слышать.

— Ладно, пойду разложу для них новые игрушки, — сказал Хсуторн.

Но, отойдя на несколько шагов, остановился и круто обернулся.

— А ведь я болван! — сказал он. — Оскар вступил с нами в переговоры, и не далее, как нынче вечером. Самое недвусмысленное послание: самоцвет-огневик.

4 Хоуторн прошел мимо тяжелого пулемета, заряженного разрывными пулями. До чего гнусный порядок — мы держим в постоянной боевой готовности целый арсенал! Как будто Венера когда-нибудь угрожала людям... Разве только без чьей-либо злой воли, безличными опасностями, которых мы не умеем избежать просто по собственному невежеству.

Он пошел дальше по торговой пристани. Металлическая поверхность сверкала почти вровень с водой. За ночь с пристани опустили плетеные, вроде корзин, контейнеры с обычными ходовыми товарами. Тут были музыкальные записи и картины, уже хорошо знакомые дельфоидам, но, видно, никогда им не надоедавшие. Может быть, каждый хотел обзавестись собственным экземпляром? Или они распространяют эти вещи у себя под водой в каком-то подобии библиотек и музеев?

Затем тут были небольшие пластиковые контейнеры с поваренной солью, нашатырным спиртом и другими веществами, которые, видимо, служили для дельфоидов отменным лакомством.

Венера лишена материков, которые мог бы омывать океан, поэтому он гораздо меньше насыщен различными минералами, чем земные моря, и все эти химические вещества здесь в диковинку. И однако от пластиковых мешочков с иными составами дельфоиды отказывались — например, от соли марганцевой кислоты, — и по-

следние биохимические исследования обнаружили, что для всех форм венерианской жизни марганец ядовит.

Но как дельфоиды это узнали, ведь ни один не раздавил непроницаемый пластиковый мешочек зубами? Они просто знали — и все тут. Человеческие чувства и человеческая наука еще далеко не исчерпывают возможных во вселенной способов познания.

В стандартный список товаров постепенно были включены кое-какие игрушки — например, плавучие мячи, которыми дельфоиды пользовались для каких-то свирепых игр; и особым образом изготовленные перевязочные материалы, чтобы накладывать на раны...

Никто и не сомневался, что Оскар куда разумнее, чем шимпанзе, думал Хоуторн. Вопрос в том, настолько ли он разумен, чтобы сравняться с человеком?

Хоуторн вытащил корзины из воды и извлек столь же обычную, установившуюся плату, оставленную дельфоидами. Тут были самоцветы-огневики, либо маленькие, но безупречные, либо большие, но с изъянами. Один был большой и притом безукоризненно круглый — словно большая круглая капля радуги. Были и особенно красивые образчики кораллита, из которого на Земле выделяют украшения, и несколько видов раковин удивительной красоты.

Были здесь и образчики подводной жизни для изучения, почти все — еще невиданные человеком. Сколько миллионов разновидностей живых существ населяют эту планету? Были кое-какие инструменты, когда-то оброненные за борт и погребенные в иле, а сейчас вновь открытые переменчивыми подводными течениями; был какой-то непонятный комок — легкий, желтого цвета, жирный на ощупь, возможно — вещество биологического происхождения, вроде амбры; быть может, оно мало интересно, а быть может, это ключ, открывающий совершенно новую область химии. Добыча со всей планеты болталась сейчас в коробках Хоуторновой коллекции.

Для всех новинок была установлена определенная, довольно скромная цена. Если люди и во второй раз возьмут такой же образчик, они заплатят дороже, и так будет опять и опять, пока не установится постоянная цена, не слишком высокая для землян и не настолько низкая, чтобы дельфоидам не стоило трудиться, поставляя товар. Просто удивительно, какую подробную и точную систему товарообмена можно разработать, не прибегая к помощи речи.

Хоуторн посмотрел вниз, на Оскара. Огромный морской зверь недавно вынырнул поблизости и теперь лежал на воде, носом к пристани, лениво поплескивая хвостом. Приятно посмотреть, как блестит темно-синим глянцем круто выгнутая спина.

— Знаешь, дружище, — пробормотал Хоуторн, — уже сколько лет на Земле хихикают над вашим братом — мол, экие простофили,

отдают нам невиданные драгоценности в обмен на какие-то дрянные побрякушки. А вот я начинаю думать — может, мы с вами квиты и еще неизвестно, кто кого дурачит? Может, на Венере эти самые огневики не такая уж редкость?

Оскар, легонько фыркнув, пустил из дыхания фонтанчик и повел блестящим лукавым глазом. Престранное выражение мелькнуло на его морде. Конечно же, было бы чистейшим легкомыслием, недостойным ученого мужа, назвать это усмешкой. Но хоть убейте, а внутренне Оскар именно усмехнулся!

— Ладно,— сказал Хоуторн,— ладно. Теперь поглядим, какого вы мнения о наших новых р-роскошных изделиях. Мы столько лет соображали, чем бы скрасить ваше житье-бытье — и вот привезли всякой всячины. Все эти изделия вместе и каждое в отдельности, господа и дамы дельфоиды, испытаны и проверены в наших безупречных лабораториях, и не думайте, что это так просто — испытать, к примеру, патентованный пятновыводитель. Итак...

Мелодичное журчанье Шенберга было отвергнуто. Возможно, другие композиторы-атоналисты пришлось бы местному населению по вкусу, но, учитывая, что в межпланетных кораблях каждая кроха груза на счету, опыт повторится не скоро. С другой стороны, запись старинных японских песен исчезла, взамен оставлен был самоцвет в два карата — вдвое больше, чем платят обычно за новинку; это означало, что какой-то дельфоид хочет получить еще одну такую же запись.

По обыкновению картины всех современных художников были отвергнуты, но, признаться, Хоуторн и сам не очень жаловал эту живопись. Ни один дельфоид не польстился и на Пикассо (средний период), но Мондриан и Матисс шли недурно. Куклу взяли за самую низкую цену — обломок минерала. Дескать, ладно уж, эту мы (я?) возьмем, но не трудитесь — больше такого не требуется.

Опять же отвергнуты были непромокаемые книжки с картинками; после первых немногих проб дельфоиды никогда не брали книг. Среди прочего именно их неприязнь к книгам заставляла многих исследователей сомневаться в том, что это действительно разумные, мыслящие существа.

И ничего из этого не следует,— думал Хоуторн.— У них нет рук, поэтому для них неестественно пользоваться печатным текстом. Некоторые лучшие образцы нашего искусства стоят того, чтобы утащить их под воду и сохранить просто потому, что они красивы или интересны, или забавны, или кто знает, что еще находят в них дельфоиды. Но если нужно запечатлеть факты и события, у дельфоидов вполне могут быть для этого свои, более подходящие способы. Какие, к примеру? Кто его знает! Может быть, у них отличная память.

А может быть, при помощи, скажем, телепатии они записывают все, что требуется, в кристаллической структуре камней на дне океана.

Оскар кинулся вдоль пристани, догоняя Хоуторна. Тот присел на корточки и потрепал дельфида по мокрому гладкому лбу.

— Ну, а ты что обо мне думаешь? — спросил он вслух. — Может, в свой черед гадаешь, способен ли я мыслить? Ну да, ну да. Мое племя свалилось с неба и построило плавучие металлические поселки и доставляет вам всякие занятные и полезные штучки. Но ведь и муравьи и термиты живут по каким-то своим законам, и у вас на Венере тоже есть твари в этом роде, с очень сложными правилами общежития.

Оскар пустил фонтанчик и ткнул носом в щиколотки Хоуторна. Далеко на воде резвились его сородичи, высоко взлетали, описывая в воздухе дугу, и снова ныряли, взбивая на фиолетовых волнах ослепительную ярко-белую пену. Еще дальше, в дымке, едва различимые глазом, трудились несколько взрослых дельфоидов: при помощи трех разных видов прирученных (так, что ли?) водяных жителей загоняли косяк «рыбы». Судя по всему, они делали свое дело с истинным удожеством.

— Ты не имеешь никакого права быть таким умницей и хитрецом, Оскар, — сказал Хоуторн. — Согласно всем теориям, разум развивается в быстро изменяющейся среде, а океан, согласно всем теориям, недостаточно изменчив. Да, но, может быть, это справедливо только для земных морей. А тут Венера — много ли мы знаем о Венере? Скажи-ка, Оскар, может быть, ты — что-то вроде собаки, а рыба, которую вы тут пасете, это просто тупой скот, и она так же покорно служит вам, как травяная тля — муравьям? Или это настоящие домашние животные, которых вы сознательно приручили? Наверняка именно так. Я буду стоять на этом до тех пор, пока муравьи не начнут увлекаться Ван Гогом и Бидербеком.

Оскар фыркнул, обдал Хоуторна углекислой океанской водой. Она живописно запенилась, защекотала кожу. Чуть повеял ветерок, сдувая влагу с одежды. Хоуторн вздохнул. Дельфоиды, совсем как дети, ужасные непоседы — еще одно основание для многих психологов ставить их лишь чуточку выше земных обезьян.

Не слишком логично, мягко говоря. Темп жизни на Венере куда быстрее земного, каждую секунду на тебя сваливается что-то неожиданное и неотложное. И даже если у дельфоидов просто непостоянный нрав, разве это признак глупости? Человек — животное, тяжелое на подъем, он давно забыл бы, что значит играть и резвиться, если бы ему об этом вечно не напоминали. Очень может быть, что здесь, на Венере, жизнь сама по себе доставляет куда больше радости.

Напрасно я унижаю собственное племя,— подумал Хоутори. Суди все века, кроме нынешнего, и все страны, кроме своего отечества. Мы непохожи на Оскара, только и всего. Но разве из этого следует, что он хуже нас?

Ладно, давай лучше сообразим, как бы сконструировать такую пилу, чтобы дельфоиду удобно было с нею управляться. Управляться? Орудовать? Когда у тебя нет рук, а только рот? Если дельфоиды станут выменивать у людей такие инструменты, это будет веским доказательством, что по уровню развития они совсем не так далеки от человека. А если не пожелают, что ж, это будет лишь означать, что у них иные желания, и вовсе не обязательно более низменные, чем наши.

Вполне возможно, что племя Оскара в умственном отношении стоит выше человечества. Почему бы и нет? Их организм и их окружение таковы, что они не могут пользоваться огнем, обтесанным камнем, кованым металлом и графическими изображениями. Но, может быть, это заставило их мысль искать иных, более сложных путей? Племя философов, которое неспособно объясняться с человеком, ибо давно позабыло младенческий лепет...

Да, конечно, это дерзкая гипотеза. Но одно бесспорно: Оскар отнюдь не просто смышленное животное, даже если его разум и не равен человеческому.

И, однако, если племя Оскара достигло, скажем, уровня питекантропа, это произошло потому, что в условиях жизни на Венере есть что-то особенно благоприятное для развития разума. Это особое условие будет действовать и впредь. Пройдет еще, скажем, полмиллиона лет — и дельфоид духовно и умственно наверняка ничуть не уступит современному человеку. (А человек к тому времени, пожалуй, выродится или сгинет вовсе.) Возможно, у них будет куда больше души... больше чувства красоты, больше доброты и веселости, если судить по их нынешнему поведению.

Короче говоря, Оскар либо (а) уже равен человеку, либо (в) уже обогнал человека, либо (с) быстро и несомненно растет, и его потомки рано или поздно (а) сравняются с человеком и затем (в) обгонят его. Милости просим, брат!

Пристань дрогнула. Хоутори опустил глаза. Оскар вернулся. Он нетерпеливо тыкался носом в металлическую стенку и махал передним ластом. Хоутори подошел ближе и посмотрел на дельфоида. Не переставая махать ластом, Оскар изогнул хвост и хлопнул себя по спине.

— Э, постой-ка! — Хоуторна осенило. В нем вспыхнула надежда. — Постой-ка, ты что, зовешь меня прокатиться?

Дельфоид мигнул обоими глазами. Может быть, для него миг-

нуть — все равно, что для меня — кивнуть головой? А если так, может быть, Оскар и впрямь понимает по-человечьи?!

Хоуторн бросился за электролизным аппаратом. Скафандр хранился тут же в ящике, Хоуторн натянул его на себя — гибкий, как трико, с равномерным обогревом. Задержал дыхание, отстегнул маску от резервуара и смесителя и вместо них надел два кислородных баллона, превратив обычное снаряжение в акваланг.

На минуту он замялся. Предупредить Джевонса? Или хотя бы отнести коробки с очередными приношениями дельфоидов? Нет, к черту! Это вам не Земля, где пустую бутылку из-под пива и ту нельзя оставить без призора — непременно свистнут. А Оскару, пожалуй, надоест ждать. Венериане — да, черт подери, вот так он и будет их называть, и провалились она в тартарары, высокоученая осмотрительность в выборе терминологии! — венериане не раз выручали людей, терпящих бедствие, но никогда еще не предлагали покатасть их просто так. Сердце Хоуторна неистово колотилось.

Он бегом кинулся обратно. Оскар лежал в воде совсем рядом с пристанью. Хоуторн сел на него верхом, ухватился за маленький затылочный плавник и прислонился спиной к мускулистому загривку. Длинное тело скользнуло прочь от Станции. Заплескалась вода, лаская белые ступни. Лицо там, где оно не было прикрыто маской, освежал ветер. Оскар взбивал ластами пену, будто завилась снежная метель.

Низко над головой неслись радужные облака, небо на западе прошивали молнии. Мимо проплыл маленький полипоид, килевой плавник его был погружен в воду, отливающая всеми цветами радуги перепонка-парус влекла его вперед. Какой-то дельфоид неподалеку ударил хвостом по воде в знак приветствия.

Они скользили так ровно, незаметно, что, оглянувшись, Хоуторн внутренне ахнул: от Станции уже добрых пять миль! И тут Оскар ушел под воду.

Хоуторн немало работал под водой и просто в водолазном костюме, и подолгу — в субмарине, либо в батискафе. Его не удивила фиолетовая прозрачность верхних слоев воды, переходящая во все более сочные, густые тона по мере того, как они опускались глубже. И светящиеся рыбы, что проносились мимо, будто радужные кометы, были тоже ему знакомы. Но никогда прежде он не ощущал меж колен этой живой игры мускулов; вдруг он понял, почему на Земле иные богачи все еще держат лошадей.

Наконец они погрузились в прохладную, безмолвную, непроглядную тьму — и вот тут-то Оскар пустился полным ходом. Хоуторн чуть не сорвало встречным током воды, но какое это было наслаждение — так мчаться, держась изо всех сил! Не зрение, какое-то

шестое чувство подсказывало ему, что они петляют по пещерам и ущельям в горах, скрытых глубоко под водой. Прошел час, и впереди замерцал свет — далекая слабая искорка. Еще полчаса — и он понял, откуда исходит этот свет.

Он часто бывал у светящихся кораллитовых гряд, но эту видел впервые. По масштабам Венеры этот риф был не так уж далеко от Станции, но даже радиус в двадцать миль охватывает огромную площадь, и люди сюда пока не добрались. Притом обычные рифы не так отличались от своих коралловых собратьев на Земле: причудливая мешанина шпилей, зубцов, откосов, пещер, колдовская, но дикая красота.

А здесь кораллит не был бесформенным. Глазам Хоуторна открылся подводный город.

Позже он не мог в точности припомнить, каков был этот город. Непривычный мозг не умел удержать странные, чуждые очертания. Но ему запомнились изящные рифленые колонны, сводчатые помещения с фантастическими узорами на стенах; здесь высился массив с чистыми, строгими линиями, там изгибалась варварская прихотливая завитушка. Он видел башни, витые, точно бивень нарвала; тончайшие филигранные арки и контрфорсы; и все объединял общий стройный рисунок, легкий, точно брызги пены, и в то же время мощный, точно прибой, опоясывающий целую планету, — грандиозный, сложный, безмятежно спокойный.

Город был построен из сотен пород кораллита, каждая светилась по-своему, и так тонко подобраны были цвета, что на черном фоне океанской глубины играли и переливались все мыслимые тона и оттенки огненно-красного, льдисто-голубого, жизнерадостно зеленого, желтого. И откуда-то, Хоуторн так и не понял откуда, лился слабый хрустальный звон, неумолчная многоголосая симфония — в переплетении этих голосов он не мог разобраться, но вдруг вспомнилось детство и морозные узоры на окнах...

Оскар дал ему поплавать здесь самому и оглядеться. Тут были и еще дельфоиды, они двигались неторопливо, спокойно, многие — с детенышами. Но ясно было, что они здесь не живут. Может быть, это какой-то памятник, или художественная галерея, или ...как знать? Город был огромен, опускался отвесно вниз, ко дну океана, по меньшей мере на полмили, ему не видно было конца — вздумай Хоуторн уйти так далеко в глубину, давление убило бы его. И однако это чудо зодчества, несомненно, создано было не ради каких-либо «практических» целей. А быть может, не так? Быть может, венериане постигли истину, давно забытую на Земле, хотя древним грекам она была известна: что тому, кто мыслит, созерцать красоту столь же необходимо, как дышать.

Чтобы под водой соединилось в одно гармоническое целое столько прекрасного — это, конечно, не могло быть просто капризом природы. И однако этот исполинский дворец не был вырезан, вырублен в древнем подводном хребте. Сколько Хоуторн ни присматривался (а при ровном безогненном пламени видно было превосходно), нигде он не обнаружил следов резца или отливки. Напрашивался единственный вывод: каким-то неведомым способом сородичи Оскара попросту вырастили этот город!

Он совсем забылся. Наконец Оскар легонько толкнул его в бок, напоминая, что пора возвращаться, пока не иссяк кислород. Когда они подплыли к Станции и Хоуторн шагнул на пристань, Оскар мимолетно ткнул носом ему в ногу, будто поцеловал, и шумно пустил огромный водяной фонтан.

5 К концу дня — на Венере он тянется сорок три часа — стали вразброд возвращаться лодки. Почти для всех просто минула еще одна рядовая, будничная вахта: сделан десяток-другой открытий, записи и показания инструментов пополнились новыми данными, над которыми будешь теперь ломать голову и, возможно, что-нибудь в них поймешь. Люди устало причаливали, разгружали свои суденышки, собирали находки и шли поесть и отдохнуть. А уж после настанет пора копать во всем этом и спорить до хрипоты.

Вим Дикстра и Джимми Чен-тун вернулись раньше других и привезли кучу измерительных приборов. Хоуторн в общих чертах знал, чем они занимаются. При помощи сейсмографов и звуковых зондов исследуя ядро планеты, делая анализы минералов, измеряя температуру, радиоактивность и изучая еще многое множество всяческих показателей, они пытались разобраться во внутреннем строении Венеры.

Это была часть извечной загадки. Масса Венеры составляет 80 процентов земной, химические элементы здесь те же. Земля и Венера должны бы быть схожи, как сестры-близнецы. А между тем, магнитное поле Венеры так слабо, что обычный компас здесь бесполезен; поверхность планеты такая ровная, что суша нигде не выступает над водой; вулканические и сейсмические процессы не только гораздо слабее, но и протекают, неизвестно почему, совсем иначе, у потоков лавы и у взрывных волн, расходящихся по толще планеты, какие-то свои, неясные законы; горные породы здесь непонятных типов и непонятно распределены по подводной поверхности. И есть еще насчетное множество странностей, в которые Хоуторн даже не пытался вникать.

Джевонс упомянул, что в последние недели Дикстру все сильнее обуревают тайное волнение. Голландец — из тех осторожных ученых, которые словом не обмолвятся о своих выводах и открытиях, пока не установят все до конца твердо и неопровержимо. По земному времени он проводит за вычислениями целые дни напролет. Когда кто-нибудь, потеряв терпение, все-таки прорывается к электронному вычислителю, Дикстра нередко продолжает считать с карандашом в руках. Нетрудно догадаться: он вот-вот разрешит загадку геологического строения планеты.

— Или, может быть, афродитологического? — пробормотал Джевонс. — Но я знаю Вима. За этим кроется не просто любопытство или желание прославиться. У Вима на уме что-то очень серьезное и очень заветное. Надеюсь, он уже скоро доведет дело до конца.

В этот день Дикстра бегом ринулся вниз и поклялся, что никого не подпустит к вычислителю, пока не кончит. Чен-тун еще повертелся тут же, притащил ему сэндвичей и, наконец, вышел со всеми на палубу: на Станции снова ждали Малыша Мак-Клелана.

Здесь его и нашел Хоуторн.

— Послушайте, Джимми, хватит напускать на себя таинственность. Тут все свои.

Китаец расплылся в улыбку.

— Я не имею права говорить. Я только ученик. Вот получу докторскую степень, тогда начну болтать без умолку, все вы еще пожалеете, что я не выучился восточной непроницаемости.

— Да, но, черт возьми, в общем-то всем ясно, чем вы с Вимом занимаетесь, — настаивал Хоуторн. — Как я понимаю, он заранее вычислял, какие примерно показатели получит, если его теория верна. И теперь сопоставляет свои предположения с опытными данными. Так в чем же соль его теории?

— По существу тут никакого секрета нет, — сказал Чен-тун. — Это просто подтверждение гипотезы, выдвинутой сто с лишком лет назад, когда мы еще сидели на Земле и никуда не летали. Смысл в том, что ядро Венеры не такое, как у нашей Земли, отсюда и все другие коренные различия. Доктор Дикстра разработал целую теорию, и до сих пор все полученные данные подтверждают ее. Сегодня мы доставили сюда кое-какие измерения, пожалуй, они решат вопрос; это больше по части сейсмического отражения, полученного при взрыве глубинных бомб в океанских скважинах.

— М-мда, кое-что я об этом знаю.

Застывшим взглядом Хоуторн смотрел вдаль. На воде не видно было ни одного дельфида. Может быть, они ушли в глубину, в свой прекрасный город? А зачем? Хорошо, что на вопросы дале-

ко не всегда получаешь ответ,— подумал он.— Если бы на Венере не осталось больше ни одной загадки, уж не знаю, как бы я стал жить.

— Предполагается, что ядро Венеры гораздо меньше земного и далеко не такое плотное, так ведь? — продолжал он вслух.

По правде говоря, это его не слишком занимало, но, пока не пришел рейсовый бот, он хотел потолковать с Джимми Чен-туном.

Молодой китаец прибыл на Венеру с той самой ракетой, на которой Хоуторн улетал в отпуск. Теперь им долго придется жить бок о бок и хорошо бы сразу завязать дружеские отношения. При этом он как будто славный малый.

— Все верно,— кивнул Чен-тун.— Хотя «предполагается» не то слово. В основном это уже доказано вполне убедительно и довольно давно. С тех пор доктор Дикстра изучал всякие частности.

— Помнится, я где-то вычитал, что у Венеры вообще не должно быть никакого ядра,— сказал Хоуторн.— Масса недостаточно велика, чтобы возникло достаточное давление, или что-то вроде этого. Она должна бы, как Марс, вся, до самого центра, состоять из однотипных горных пород.

— Ваша память вам чуточку изменяет,— заметил Чен-тун с мягкой, ничуть не обидной иронией.— Но, по правде сказать, не так-то все просто. Видите ли, если при помощи законов количества вывести кривую соотношения между давлением в центре планеты и ее массой, мы не получим спокойной плавной линии. Пока не дойдет примерно до восьми десятых земной массы, кривая нарастает равномерно, но потом, в так называемой точке Игрек, картина меняется. Кривая изгибается так, как будто с возросшим давлением масса уменьшилась, и только после этого провала (он соответствует примерно двум процентам земной массы) опять неуклонно идет вверх.

— Что же происходит в этой точке Игрек? — немного рассеянно спросил Хоуторн.

— Сила давления возрастает настолько, что в центре начинается распад вещества. Первые кристаллы, уже достигшие возможного предела плотности, разрушаются полностью. Далее, с возрастанием массы планеты, начинается уже распад самих атомов. Еще не ядерный распад, конечно,— для этого потребовалась бы масса порядка звездной. Но электронная оболочка сжимается до предела. И только когда достигнута эта стадия количественного перерождения... когда атом больше не поддается и налицо уже настоящее ядро со специфической силой тяготения больше десяти... вот только после этого возрастание массы опять влечет за собой равномерный и неуклонный рост внутреннего давления.

— Угу... да, припоминаю, когда-то Вим об этом толковал. Но он обычно не ведет профессиональных разговоров, разве что со своим

братом-геологом. А вообще он предпочитает порассуждать на исторические темы. Значит, если я правильно понял, в ядре Венеры распад зашел не так далеко, как следовало бы?

— Да. При теперешней внутренней температуре Венера только-только миновала точку Игрек. Если бы каким-то способом подбавить ей массы, ее радиус уменьшился бы. Это не случайно — и неплохо объясняет разные здешние странности. Ясно видно, как с самого начала, со времени образования планеты, вещества все прибавлялось, количество его росло до той критической точки, когда Венера начала сжиматься — и тут-то рост прекратился и ядро не достигло наибольшей плотности, за которой последовал бы дальнейший непрерывный рост объема, как было с Землей. А тем самым и получилась планета с гладкой поверхностью, без круто поднимающихся массивов, которые могли бы выступить из океана и образовывать материки. Раз нет обнаженных горных пород, нет и растительности, способной извлечь из воздуха почти всю углекислоту. А стало быть, жизнь развивается в иной атмосфере. При относительно мощной мантии и не слишком плотном ядре, естественно, сейсмическая, вулканическая деятельность и минералы здесь не те, что на Земле. Ядро Венеры не такой хороший проводник, как земное, — ведь с распадом вещества проводимость возрастает, — а значит, циркулирующие в нем токи гораздо слабее. Поэтому и магнитное поле у Венеры незначительно.

— Все это очень интересно, — сказал Хоуторн. — Но к чему такая таинственность? Вы отлично поработали, это верно, но доказали всего-навсего, что на Венере атомы подчиняются законам количества. Едва ли столь неожиданное открытие перевернет мир.

Чен-тун едва заметно повел плечом.

— Это было труднее, чем кажется, — сказал он. — Но все правильно. Наши новые данные недвусмысленно подтверждают, что ядро Венеры именно такого типа, какой может быть в существующих условиях.

Во время долгой венерианской ночи Чен-тун, превосходно говоривший по-английски, как-то попросил Хоуторна поправлять его ошибки в языке, и теперь американец заметил:

— Вероятно, вы хотели сказать — такой тип ядра и должен быть в этих условиях.

— Нет, я сказал именно то, что хотел сказать, это не тавтология. — Чен-тун ослепительно улыбнулся. Обхватил себя руками за плечи и сделал несколько легких, скользящих шагов, словно танцевать собрался. — Но это детище доктора Дикстэя. Пусть уж он сам поможет младенцу появиться на свет.

И Джимми Чен-тун круто переменял разговор. Хоуторн даже

смутился от неожиданности, но решил не обижаться. А вскоре в облаках засверкала и медленно опустилась на воду ракета Мак-Клелана. Зрелище великолепное, но Хоуторн поймал себя на том, что почти и не смотрит. Он все еще мысленно был в толще океана, в живом храме венериан.

Через несколько часов после захода солнца Хоуторн положил на стол пачку отчетов. Крис Дил и Мамору Мацумото совершили чуть ли не подвиг. Даже сейчас, на самых первых подступах к серьезным исследованиям, их теория ферментного симбиоза открывала просто фантастические возможности. Тут новой науке хватит работы по меньшей мере на столетие. И эта работа поможет так глубоко проникнуть в тайны жизненных процессов не только на Венере, но и на Земле, как люди еще недавно не смели и надеяться.

И можно ли предсказать, сколько все это принесет человечеству прямых, ощутимых благ? Открываются такие горизонты, что дух захватывает. У него ведь и у самого зреют кое-какие планы... да, да, и теперь он даже догадывается, хоть и смутно, каким образом венериане создали тот чудесный подводный город... Но когда час за часом напряженно и сосредоточенно работаешь головой, требуется передышка. Хоуторн вышел из своего крохотного кабинета и побрел по коридору в кают-компанию.

Станция гудела, как улей. Едва ли не все пятьдесят человек сейчас работали. Одни несли очередную вахту, проверяли аппаратуру, разбирали и укладывали товары для обмена и занимались всякой иной обыденщиной. Другие с упоением хлопотали над пробирками, микроскопами, спектро스코пами и прочей уж вовсе непонятной снастью. Иные, примостясь у лабораторного стола, варили на бунзеновской горелке кофе и яростно спорили, либо с трубкой в зубах, задрав ноги повыше и закинув руки за голову, в муках рождали новую идею. Кое-кто заметил проходящего мимо Хоуторна и дружески его окликнул. И сама Станция привычно бормотала что-то: приглушенно гудели машины, жужжали вентиляторы, вокруг дышал не знающий покоя океан — и от этого все тихонько вздрагивало.

Славно вернуться домой!

Хоуторн поднялся по трапу, прошагал еще одним коридором и вошел в кают-компанию. В углу Джевонс читал своего излюбленного Монтеня. Мак-Клелан и Чен-тун играли в кости. В просторной комнате больше никого не было. За прозрачной стеной открывался океан, сегодня он был почти черный, в мутных разводах и кружеве золотого свечения.

Небо как бы расслаивалось на бесчисленные серые и голубые пласты, низко повисшую над водой дымку пронизывали лучи север-

ного сияния, запад чернел и вспыхивал молниями — надвигалась буря. И нигде ни признака жизни, только на горизонте, извиваясь, стремительно скользил сорокафутовый морской змей, зубастая пасть роняла фосфоресцирующие брызги.

Мак-Клелан поднял голову.

— А, Нат! Сыграем?

— Я же только из отпуска,— напомнил Хоуторн.— Чем мне прикажешь расплачиваться?

Он подошел к самовару и налил себе чашку чая.

— А ну, друзья,— возгласил Джимми Чен-тун,— проверим закон распределения старика Максвелла.

Хоуторн подсел к столу. Он все еще не решил, как бы поосторожнее рассказать об Оскаре и о подводном храме. Надо было сразу доложить Джевонсу, но, возвратясь, он несколько часов ходил как шальной и не мог опомниться, и потом — тут просто не подберешь слов. Вот если бы можно было вовсе не говорить... Когда смолodu приучен к сдержанности, больше всего боишься выдать свои чувства.

Впрочем, он подготовил кое-какие логические выводы. Венериане по меньшей мере столь же разумны, как строители Тадж Махала; они наконец решили, что двуногим пришельцам стоит кое-что показать и, возможно, понемногу откроют людям богатства и тайны своей планеты. Хоуторна обожгло горечью и яростью.

— Капитан,— начал он.

— Да?

Терпеливо, как всегда, когда его прерывали, Джевонс опустил толстый, потрепанный том.

— Сегодня случилось нечто неожиданное,— сказал Хоуторн.

Джевонс не сводил с него пронизательного взгляда. Чен-тун кинул кости и словно забыл об игре, Мак-Клелан тоже. Слышна была тяжкая поступь волн за стеной, ветер усиливался.

— Рассказывайте,— подбодрил наконец Джевонс.

— Я стоял на торговом причале, и в это время...

Вошел Вим Дикстра. Башмаки его гремели по металлическому полу. Хоуторн запнулся и умолк. Голландец бросил на стол с полсотни скелотых вместе листов бумаги. Казалось, эта пачка должна зазвенеть, точно меч, вызывающий на поединок, но слышен был только голос ветра.

Глаза Дикстры сверкали.

— Кончил! — сказал он.

— Ах, черт возьми! — вырвалось у Чен-туна.

— Что нового в подлунном мире? — по-стариковски мягко спросил Джевонс.

— Да не в подлунном,— вставил Мак-Клелан. У него пересохло в горле, он уставился на Дикстру во все глаза и ждал.

Несколько секунд геофизик молча смотрел на них. Потом коротко засмеялся.

— Я пробовал сочинить подобающее случаю торжественное изречение,— сказал он,— да ничего не пришло на ум. Вот так оно и бывает в исторические минуты.

Мак-Клелан взял было бумаги Дикстры и, передернувшись, положил на место.

— Послушайте, математика хорошая штука, но все-таки не до бесчувствия. Что означают эти загогулины?

Дикстра достал сигарету, не торопясь закурил. Глубоко затянулся и сказал нетвердым голосом:

— Последние недели я разрабатывал в подробностях одну старую, мало известную гипотезу, ее впервые выдвинул Рэмси еще в тысяча девятьсот пятьдесят первом году. Я применил ее к условиям Венеры. И добыл здесь такие данные, которые непреложно доказывают мою правоту.

— Кто же на этой планете не мечтает о Нобелевской премии! — заметил Джевонс.

Он был мастер охлаждать страсти, но на сей раз его суховатый тон не подействовал. Дикстра уставил на него рдеющую сигарету, словно револьвер, и ответил:

— Плевать я хотел на премию. У меня на уме техническая задача такого размаха и значения, какой еще не знала история.

Все ждали. Непонятно отчего, Хоуторн весь похолодел.

— Колонизация Венеры,— докончил Дикстра,

6 Слова его канули в молчание, как в глубокий колодезь. Потом донесся всплеск — Малыш Мак-Клелан сказал:

— А может, Море Минданао все-таки поближе к дому?

Но Хоуторн расплескал чай и обжег пальцы.

Коротко, нервно затягиваясь сигаретой, Дикстра принялся шагать из угла в угол. Заговорил отрывисто:

— Земная цивилизация все больше приходит в упадок, и главная причина та, что мы задыхаемся, мы стиснуты, как сельди в бочке. С каждым днем народу на Земле становится все больше, а природных ресурсов все меньше. Не осталось никаких экзотических чужеземцев, некому объявить войну, чтоб захватить новые территории... вот мы и варимся в собственном соку и готовим себе самую распоследнюю атомную гражданскую войну. Вот если б нам было

куда податься — другое дело! Ну, конечно, Земля так перенаселена, что от эмиграции на другую планету станет не намного легче... Хотя, раз понадобятся такие перевозки, наверняка будут построены лучшие, более экономичные ракеты. Но уже одно то, что людям есть куда податься — пускай в самые трудные условия, зато чтоб была свобода и возможность действовать... уже от одного этого и те, кто останется дома, почувствуют себя совсем иначе. На худой конец, если уж земная цивилизация разваливается, лучшие люди будут на Венере, они сохраняют и разовьют все, что было на Земле хорошего, отбросят и забудут все плохое. Человечество сможет начать все сначала, понимаете?

— Слов нет, теория приятная, — медленно произнес Джевонс. — Но что до Венеры... Нет, не верю я, что постоянная колония может чего-то достичь, когда колонисты вынуждены жить на плотях сложной конструкции и не смеют высунуть нос наружу без маски.

— Ну, конечно, — подтвердил Дикстра. — Потому я и говорю: техническая задача. Превратить Венеру во вторую Землю.

— Погодите! — крикнул Хоутори и вскочил.

Никто и не поглядел в его сторону. Для всех сейчас существовал только смуглый темноволосый голландец с его пророчествами. Хоутори стиснул руки и сверхчеловеческим усилием, напрягая каждую мышцу, заставил себя сесть.

Сквозь облако табачного дыма Дикстра сказал:

— Известно вам строение этой планеты? Ее масса только-только перевалила за точку Игрек...

Даже и тут Мак-Клелан не стерпел:

— Нет, мне неизвестно. Что за точка такая?

Но это сорвалось у него непроизвольно и осталось без ответа. Дикстра смотрел на Джевонса; тот кивнул. И геофизик торопливо стал объяснять:

— Так вот, когда кривая «масса — давление» вдруг падает, это показатель не однозначный. В центре планеты с такой массой, как у Венеры, может существовать тройное давление. Одно, какое сейчас налицо, соответствует малому ядру сравнительно невысокой плотности, при состоящей из горных пород мантии большого объема. Но возможен ведь и случай более высокого давления, когда у планеты большое переродившееся ядро, а соответственно больше общая плотность и меньше радиус. С другой стороны, в точке Игрек возможен и случай еще более низкого давления в центре. Тогда мы получаем планету без настоящего ядра, состоящую, наподобие Марса, из перемежающихся слоев горных пород и магмы.

Так вот, это двусмысленное состояние неустойчиво. Существующее сейчас небольшое ядро может перейти в иную фазу. Это по-

ложение неприменимо ни к Земле — ее масса слишком велика, — ни к Марсу, у которого масса недостаточна. Но у Венеры она очень близка в критической точке. Если нижний слой мантии спадется, ядро станет больше, общий радиус планеты — меньше, а высвобождаемая энергия проявит себя в сотрясениях и в последнем счете в разогреве.

Дикстра чуть помолчал, будто хотел, чтобы следующие слова его прозвучали еще весомей.

— С другой стороны, если уже разрушенные атомы нынешнего малого ядра возвратить к уровню более высокой энергии, к поверхности двинутся волны разрушительных колебаний, произойдет взрыв поистине астрономических масштабов и, когда все снова успокоится, Венера станет больше, чем теперь, но менее плотной — ПЛАНЕТОЙ СОВСЕМ БЕЗ ЯДРА!

— Постой, приятель! — сказал Мак-Клелан. — Так что ж, по-твоему, этот чертов мячик того и гляди взорвется у нас под ногами?

— Нет, нет, — сказал Дикстра спокойнее. — При теперешней температуре масса Венеры несколько выше критической. Ее ядро сейчас во вполне устойчивом состоянии, и на этот счет можно не волноваться еще миллиард лет. Притом, если температура и возраст настолько, чтобы вызвать расширение, оно не будет таким бурным, как полагал Рэмси, потому что масса Венеры все-таки больше установленной им для точки Игрек. Взрыв не выбросит значительного количества материи в пространство. Но, разумеется, он поднимет на поверхность океана материи.

— Ого! — Джевонс вскочил. (Хоутори словно проваливался в гнетущий кошмар. За стенами усиливался ветер, океан кипел: шторм надвигался ближе.) — Так значит, по-вашему... радиус планеты увеличивается, резко обозначаются неровности коры...

— И на поверхность выносятся более легкие горные породы, — докончил Дикстра и кивнул. — Вот, все это у меня рассчитано. Я даже могу предсказать, какова примерно получится площадь суши — почти равная земной. Вновь поднятые из океана горные породы станут в огромном количестве поглощать двуокись углерода, образуя углекислые соли. И в то же время для фотосинтеза можно все засеять специально выведенными видами земной растительности — вроде хлореллы и прочего, чем мы сейчас поддерживаем воздух на межпланетных кораблях.

Все это буйно пойдет в рост, высвобождая кислород, и довольно скоро будет достигнуто необходимое соотношение. Я вам покажу, что состав атмосферы можно установить точно такой, как сейчас на Земле. Кислород образует слой озона, он преградит доступ ультрафиолетовым лучам, — сейчас, конечно, уровень облучения

убийственный. И в конце концов — еще одна Земля! Разумеется, более теплая, с более мягким климатом — для человека нигде не будет чересчур жарко, — все еще окутанная облаками, потому что ближе к солнцу, — но все равно: Вторая Земля!

Хоуторн встряхнулся, пытаясь собраться с силами, — ему казалось, он выжат, как лимон. И подумал тупо: один веский практический довод против — и все это кончится, и тогда можно будет проснуться.

— Постой-ка, — сказал он каким-то чужим голосом. — Это блестящая мысль, но все процессы, о которых ты говоришь... ну, в общем, материки, наверно, можно поднять за сколько-то часов или дней, но изменить атмосферу — на это уйдут миллионы лет. Слишком долго, чтобы люди могли этим воспользоваться.

— Ничуть не бывало, — возразил Дикстра. — В этом я тоже разобрался. Существуют катализаторы. Притом выращивать микроорганизмы в благоприятных условиях, когда у них нет никаких естественных врагов, проще простого. Я рассчитал: даже не изобретая ничего нового, пользуясь только той техникой, которая уже создана, мы за пятьдесят лет приведем Венеру в такой вид, чтоб человек мог преспокойно разгуливать по ней нагишом.

А если мы захотим вложить в это больше труда, денег, больше научно-исследовательской работы, это можно проделать еще быстрее. Ну, конечно, придется попотеть над плодородием почвы, удобрять, сажать, медленно и мучительно устанавливая экологию. Но опять-таки, лиха беда начало. Первые поселенцы устроят для себя на Венере оазисы площадью в несколько квадратных миль, а уж потом на досуге их можно расширять, сколько душе угодно. Можно вывести специальные виды растений и возделывать даже первозданную пустыню.

В океане, понятно, жизнь будет развиваться куда быстрее и без помощи человека. Так что скоро венериане смогут заняться рыбной ловлей, разводить всякие водоросли и тюленей. Развитие планеты пойдет даже быстрее, чем будет расти ее население, я вам это докажу с цифрами в руках! Первопоселенцам есть на что надеяться — их внуки станут богачами!

Хоуторн выпрямился на стуле.

— Тут уже есть венериане, — пробормотал он.

Его никто не услышал.

— Обождите-ка, — вмешался Мак-Клелан. — Первым делом растолкуйте мне, как вы взорвете этот шарик?

— Да разве непонятно? — удивился Дикстра. — Возросшая температура ядра даст энергию, чтоб привести еще сколько-то тонн материи в более высокое квантовое состояние. Тем самым давление

снизится достаточно, чтобы дать толчок всему остальному. Довольно было бы взорвать одну хорошую водородную бомбу в самой сердцевине планеты — и готово! К сожалению, туда не доберешься. Придется пробурить на дне океана несколько тысяч глубоких скважин и устроить во всех одновременно солидный ядерный взрыв. И это никакая не хитрость. Радиоактивных осадков выпадет ничтожно мало, а то, что попадет в атмосферу, за несколько лет рассеется. Атомных бомб у нас хватит. Честно говоря, их уже наготовлено куда больше, чем тут потребуется. И право же, куда лучше использовать их таким способом, чем копить и копить, чтоб потом уничтожить одним махом все человечество.

— А кто даст деньги? — неожиданно спросил Чен-тун.

— Любое правительство, у которого хватит ума заглянуть вперед, если уж все правительства на Земле не сумеют для этого объединиться. Да не все ли равно! Государства и политические режимы переходящи, нации вымирают, культуры исчезают бесследно. Но человечество должно выжить — вот что мне важно! Обойдется вся эта операция не так дорого, не дороже, чем стоит один военный спутник, а выгоды, даже выраженные в самых грубых приблизительных цифрах, огромны. Прикиньте, сколько тут можно добывать урана и других материалов, которые на Земле почти истощились!

Дикстра обернулся к прозрачной стене. Буря уже навалилась на Станцию. Под кессонами дыбились волны, ярились, разбивались светящейся пеной. Мощные неотвратимые удары сотрясали сталь и бетон, словно некий исполин, играя каждым мускулом, поводил могучими плечами. На палубу шквал за шквалом обрушивался ливень. Непрестанные вспышки молний отражались на худом лице Дикстры; перекатывался гром.

— Новая планета, — прошептал он.

Хоуторн снова встал. Подался вперед, уперся кончиками пальцев в стол. Пальцы ооченели. Собственный голос опять показался ему чужим.

— Нет, — сказал он. — Это невозможно.

— А? — Дикстра обернулся, словно бы неохотно отрываясь от созерцания бури. — Что такое, Нат?

— Ты убьешь планету, на которой есть своя жизнь, — сказал Хоуторн.

— Ну... верно, — согласился Дикстра. — Да. Впрочем, вполне гуманно. Первая же взрывная волна уничтожит все живые организмы, они просто не успеют ничего почувствовать.

— Но это убийство! — крикнул Хоуторн.

— Да брось ты, — сказал Дикстра. — К чему излишняя чувствительность. Согласен, жаль погубить такую интересную форму жизни,

но когда дети голодают и один народ за другим попадает во власть деспотизма...

Он пожал плечами и улыбнулся.

Джевонс все еще сидел, поглаживая худой рукой свою книгу, будто хотел пробудить к жизни друга, умершего пять веков назад. В лице его была тревога.

— Все это слишком внезапно, Вим,— сказал он.— Дайте нам время переварить вашу идею.

— О, времени хватит, впереди не год и не два! — Дикстра рассмеялся.— Пока еще мой доклад дойдет до Земли, пока его напечатают, обсудят, предадут широкой гласности, пока будут переругиваться и ломать копья... да потом еще снарядят солидные ученые экспедиции, и они проделают всю мою работу сызнова, и станут цепляться по пустякам, и... не бойтесь, по меньшей мере десять лет ничего путного нельзя будет начать. А вот потом мы, вся Станция, с нашим опытом, будем совершенно необходимы для этого дела.

— Ух, ты! — сказал Мак-Клелан, легкомысленным тоном прикрывая волнение.— Четвертого июля будет мне праздник: вы подпалите эту планету, а я буду любоваться фейерверком.

— Не знаю...— Джевонс невидящим взглядом смотрел прямо перед собой.— Тут еще вопрос... благоразумия, осторожности — назовите, как угодно. Венера — такая, как она есть — может нас многому научить. Столько нового, неизвестного... хватит на тысячу лет. А вдруг мы приобретем два-три континента, зато никогда не поймем секрета жизни, или не найдем ключа к бессмертию (если к нему стоит стремиться), или к каким-то философским открытиям... Не слишком ли дорогая цена за новые материки? Не знаю...

— Ну, тут можно спорить,— согласился Дикстра.— Так пусть спорит все человечество.

Джимми Чен-тун улыбнулся Хоуторну.

— По-моему, капитан прав. И я понимаю, вы как ученый и не можете думать иначе. Несправедливо отнимать у вас дело всей вашей жизни. Я, конечно, буду стоять за то, чтобы подождать по крайней мере сто лет.

— Пожалуй, это многовато,— возразил Дикстра.— Если не открыть какой-то предохранительный клапан, вполне возможно, что земная цивилизация, основанная на технике, столько не протянет.

— ВЫ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЕТЕ! — выкрикнул Хоуторн.

Он стоял и смотрел им в глаза. Но свет падал на лицо Дикстры так, что глаза отсвечивали, точно бельма: не лицо, а череп со слепыми белыми пятнами вместо глаз. Хоуторну казалось — он обращается к глухим. Или к мертвецам.

— Вы ничего не понимаете! — повторил он.— Я хлопочу не о

своей работе и не о науке, ничего похожего. Это же прямое, бесспорное убийство. Убить целый разумный народ! А если к нам нагрянут какие-нибудь жители Юпитера и вздумают переделать атмосферу Земли на водородную? Как вам это понравится? Нет, мы просто чудовища, только чудовища могут задумать такое!

— Ох, увольте! — пробормотал Мак-Клелан. — Снова-здорово. Лекция номер двадцать восемь-бис. Я уж наслушался, пока летели сюда с Земли, мне все уши прожужжали.

— Извините, — заметил Чен-тун, — но это очень важный вопрос.

— С дельфоидами и в самом деле все очень непросто, — согласился Джевонс. — Впрочем, мне кажется, ни один ученый никогда не высказывался против вивисекции даже в отношении наших ближайших родичей обезьян, если это делалось во имя человечества.

— Дельфоиды — не обезьяны! — побелевшими губами сказал Хоуторн. — Они больше люди, чем вы!

— Одну минуту, — вмешался Дикстра. Он оторвался от созерцания молний и подошел к Хоуторну. Радость победы в его лице померкла, оно стало серьезное, озабоченное. — Я понимаю, Нат, у тебя сложилось свое мнение на этот счет. Но, в сущности, у тебя же нет доказательств...

— Нет, есть! — выдохнул Хоуторн. — Все-таки я их получил. Весь день я не знал, с чего начать, но теперь я вам скажу!

И меж раскатами грома он, наконец, нашел слова для того, что показал ему Оскар.

Постепенно даже ветер будто притих, и какое-то время слышался только говор дождя да ропот волн далеко внизу. Мак-Клелан опустил глаза и уставился на игральные кости, которые машинально вертел и вертел в пальцах. Чен-тун потирал подбородок и улыбался невесело. Зато Джевонс был теперь невозмутимо спокоен и решителен. Прочесть что-либо по лицу Дикстры было трудней, выражение его поминутно менялось. Наконец он принялся деловито раскуривать новую сигарету.

Молчание стало нестерпимым.

— Так как же? — надтреснутым голосом выговорил Хоуторн.

— Безусловно, это еще больше осложняет дело, — сказал Чен-тун.

— Это ничего не доказывает, — отрезал Дикстра. — Посмотрите, что строят на Земле пчелы и птицы-беседочницы.

— Э-э, Вим, ты поосторожней! — сказал Мак-Клелан. — Не вздумай доказывать, что мы и сами просто загордившиеся муравьи.

— Вот именно, — сказал Хоуторн. — Завтра возьмем субмарину, и я вам это покажу, а может быть Оскар сам нас поведет. Прибавьте это открытие ко всем прежним намекам и догадкам — и,

черт подери, попробуйте после этого отрицать, что дельфоиды разумны! Они мыслят не совсем так, как мы, но уж никак не хуже!

— И вне всякого сомнения могут нас многому научить,— сказал Чен-тун.— Вспомните, как много переняли друг у друга мой народ и ваш; а мы ведь все — один и тот же род человеческий.

Джевонс кивнул.

— Жаль, что вы не рассказали мне все это раньше, Нат. Тогда, конечно, не было бы этого спора.

— Ну, ладно,— вздохнул Мак-Клелан.— Придется мне четвертого июля запалить самые обыкновенные шутихи!

Косой дождь хлестал в стену. Еще вспыхивали иссиня-белые молнии, но гром уже откатывался дальше. Океан сверкал языками холодного пламени.

Хоуторн посмотрел на Дикстру. Голландец был весь как натянутая струна. И у Хоуторна, которого, было, чуть отпустило, тоже вновь напрягся каждый нерв.

— Итак, Вим? — сказал он.

— Да-да, конечно! — отозвался Дикстра. Он побледнел. Вырвал изо рта сигарету и даже не заметил.— Не то чтобы ты меня окончательно убедил, но, наверно, это просто потому, что уж очень горько разочарование. Нет, риск совершить геноцид слишком велик, на это идти нельзя.

— Умница,— улыбнулся Джевонс.

Дикстра стукнул кулаком по ладони другой руки.

— Ну, а мой доклад? Что мне с ним делать?

В его голосе прозвучала такая боль, что Хоуторн был потрясен, хоть и ждал этого вопроса.

Мак-Клелан спросил испуганно:

— Но ведь твое открытие хуже не стало?!

И тогда Чен-тун высказал вслух то, о чем с ужасом думал каждый:

— Боюсь, доклад посылать не придется, доктор Дикстра. Как это ни прискорбно, нашим сородичам нельзя доверить такие сведения.

Джевонс прикусил губу.

— Мне очень не хотелось бы так думать. Мы не истребим расчетливо и хладнокровно миллиард с лишком жизней ради... ради своего удобства.

— В прошлом мы не раз и не два поступали именно так,— угасшим голосом произнес Дикстра.

Я ПРОЧИТАЛ ДОСТАТОЧНО КНИГ ПО ИСТОРИИ, ВИМ, И У МЕНЯ НА ЭТОТ СЧЕТ ОСОБОЕ МНЕНИЕ,— подумал Хоуторн.

И стал считать про себя, загибая пальцы: — ТРОЯ. ИЕРИХОН. КАРФАГЕН. ИЕРУСАЛИМ. АЛЬБИГОЙЦЫ. БУХЕНВАЛЬД.

ХВАТИТ! — подумал он, его замутило.

— Но ведь... — начал Джевонс. — Уж конечно, в наши дни...

— В лучшем случае соображения человечности удержат Землю лет на десять, на двадцать, — сказал Дикстра. — А потом она наверняка нанесет удар. Жестокость и озверение распространяются с такой быстротой, что и на двадцать лет надежды мало, но допустим. Ну, а дальше? Сто лет, тысячу — сколько времени мы устоим, когда перед нами такой соблазн, а мы все больше задыхаемся в нищете? Едва ли мы сможем вечно бороться с таким искушением.

— Коли дойдет до выбора, — завладеть Венерой или смотреть, как пропадает человечество, скажу по-честному — тем хуже для Венеры, — заявил Мак-Клелан. — У меня жена и детишки.

— Тогда скажи спасибо, что мы до этого не доживем, выбирать придется нашим детям, — сказал Чен-тун.

Джевонс кивнул. Он словно разом постарел, теперь это был человек, чей путь близится к концу.

— Вам придется уничтожить доклад, Вим, — сказал он. — Совсем. И никто из нас никогда ни словом о нем не обмолвится.

Хоуторн готов был разреветься, но не мог. Какая-то преграда выросла внутри, невидимая рука взяла за горло.

Дикстра медленно перевел дух.

— По счастью, я все время держал язык за зубами, — выговорил он. — Никому и полсловечка не сказал. Хоть бы только меня не уволили, еще решат — лодырь, столько месяцев там торчит, а толку ни на грош.

— Уж об этом я позабочусь, Вим, — промолвил Джевонс. В шуме дождя голос его прозвучал бесконечно мягко и ласково.

Руки Дикстры заметно дрожали, но он оторвал первый лист своей работы, скомкал, бросил в пепельницу и поджег.

Хоуторн сломя голову бросился вон из комнаты.

7 Снаружи — по крайней мере после дневной жары — было прохладно. Буря пронеслась, моросил дождь, он брызнул на обнаженную кожу. Когда солнца не было, Хоуторн обходился шортами да кислородной маской. От этого возникало странное ощущение легкости, как будто опять стал мальчишкой и бродишь летом по лесу... Но те леса уже давно вырублены. Падая на палубу Станции и на воду, дождь звучал совсем по-разному, но обе ноты были на удивление чисты и звонки.

А океан еще не утих, вода со свистом и грохотом била о кесоны, завивалась черными воронками. В воздухе слабо сквозило северное сияние, от него небо чуть подернулось розовой дымкой. Но когда Нат Хоуторн отошел подальше от освещенных окон, больше всего света стало от океана: крутые валы излучали зеленое сияние и, рассыпаясь пеной, вспыхивали белизной. Там и сям воду словно испарывал черный нож: на миг возникал из глубин какой-нибудь океанский житель.

Хоуторн прошел мимо пулемета к торговому причалу. Тяжелые волны перекатывались тут, доходя ему до колен, и обдавали его зеленоватыми искрящимися брызгами. Он ухватился за поручень и напряженно вглядывался в завесу дождя: хоть бы приплыл Оскар!

— Хуже всего, что у наших-то намерения самые, что ни на есть, благие,— сказал он вслух.

Над головой пролетело что-то живое: тень, шелест крыльев.

— Врет эта пословица,— пробормотал он. И вцепился в поручень, хотя можно бы, пожалуй, надеяться, что его смоем волной... когда-нибудь венериане разыщут на дне его кости и доставят на Станцию... и не возьмут за это платы.

— Кто будет сторожить сторожей? Очень просто: сами же сторожа, ибо что проку от сторожей бесчестных. Но вот как быть с тем, что сторожишь? Оно само — на стороне врага. Вим и капитан Джеванс, Джимми Чен-тун и Малыш... и я. Мы-то можем сохранить тайну. А природа не может. Рано или поздно кто-нибудь проделает ту же работу. Мы надеемся, что Станция будет расширена. Тогда здесь появятся и еще геофизики, и... и... Оскар! Оскар! Где тебя носит нелегкая, черт возьми!

Океан ответил, но на языке, Хоуторну незнакомом.

Его трясло, зуб на зуб не попадал. Никакого смысла тут околаваться. Совершенно ясно, что надо делать. И если сперва поглядеть на безобразную добродушную морду Оскара, еще вопрос, легче ли потом будет сделать дело. Возможно, станет куда трудней. А пожалуй, и вовсе невмочь.

Может быть, поглядев на Оскара, я соберусь с мыслями, подумал Хоуторн, чувствуя, как в мозгу отдается эхо громов с высот Синая. Я не могу. Еще не могу. Боже правый, ну почему я такой фанатик? Подождал бы, пока все это предадут гласности и начнут обсуждать, заявил бы особое мнение, как пристало всякому порядочному борцу за справедливость, организовал бы парламентские группы нажима, воевал бы, как положено по всем правилам и законам. А может быть, секрет не раскроется до конца моей жизни — и какое мне дело, что будет после? Я-то этого уже не увижу.

НЕТ. ЭТОГО МАЛО. МНЕ НУЖНА УБЕЖДЕННОСТЬ. НЕ В ТОМ,

ЧТО ВОСТОРЖЕСТВУЕТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ — ЭТО НЕВОЗМОЖНО, —
НО ЧТО НЕ СОВЕРШИТСЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ. ПОТОМУ ЧТО Я
ОДЕРЖИМЫЙ.

Никто, ни один человек не в силах все предусмотреть, — думал он в ту дождливую, ветреную ночь. Но можно сделать расчеты и соответственно действовать. Голова стала ясная, мысль работает быстро и четко — теперь обдумаем, что нам известно.

Если Станция перестанет приносить доход, люди больше сюда не полетят. Во всяком случае, полетят очень не скоро, а тем временем мало ли что может случиться... Венериане станут больше готовы к самозащите, или даже, чем черт не шутит, человечество научится держать себя в руках. Быть может, люди никогда не вернуться. Возможно, цивилизация, основанная на технике, рухнет и уже не возродится. Пожалуй, так будет лучше всего, каждая планета сама по себе, каждая сама определит свою судьбу. Но это все рассуждения. Пора заняться фактами.

Пункт первый: если Станция «Венера» сохранится, а тем более, что очень возможно, будет расширена, кто-нибудь наверняка повторит открытие Дикстры. Если нашелся один человек, который после нескольких лет любопытства и поисков разгадал секрет, то уж, конечно, не позже, чем через десять лет, кто-то другой, или двое, трое сразу ощупью придут к той же истине.

Пункт второй: Станция сейчас экономически зависит от добровольной помощи дельфоидов.

Пункт третий: если Станция будет разрушена и Компании доложат, что разрушили ее враждебные людям дельфоиды, очень мало вероятно, чтобы Компания стала ее восстанавливать.

Пункт четвертый: даже если бы такую попытку и сделали, от нее очень скоро вновь откажутся, при условии, что дельфоиды и впредь станут избегать людей.

Пункт пятый: в этом случае Венеру оставят в покое.

Пункт шестой: если верить в бога, в грех и прочее, во что он, Хоуторн, не верит, можно бы доказывать, что человечеству это будет только на благо, ибо оно не отягчит совесть свою бременем гнуснейшего деяния, которому равного не видано со дня некоего события на Голгофе.

Беда в том, что на человечество мне, в общем-то, наплевать, — вдруг подумал Хоуторн. — Главное — спасти Оскара. А быть может, оттого и начинаешь так горячо любить чужой народ, что втайне возненавидел свой?

Наверно, все-таки можно как-нибудь бежать от этого кошмара. Но у человека нет лап, и он не может дышать без кислорода, человеку остается лишь один путь — назад, через Станцию.

Он поспешно пошел по безмолвному, ярко освещенному коридору к трапу, ведущему глубоко вниз, в самые недра Станции. Вокруг ни души. Словно весь мир обратился в прах, и он — последний из живых.

Он вошел в кладовую — и отшатнулся, как от удара: тут кто-то был. Призраки, тени... какое право имеет тень того, кто еще не умер, явиться здесь в такую минуту?

Человек обернулся. Это был Крис Дил, биохимик.

— Это ты, Нат? — удивился он. — Что ты тут делаешь в такое время?

Хоуторн облизнул пересохшие губы. Обычный воздух, такой же, каким дышишь на Земле, обжигал и душил.

— Мне нужен инструмент, — сказал он. — Дрель, вот что... Небольшая электрическая дрель.

— Бери, сделай милость, — разрешил Дил.

Хоуторн достал дрель со стеллажа. Руки так затряслись, что он ее тут же выронил. Дил удивленно посмотрел на него.

— Что случилось, Нат? — мягко спросил он. — Какой-то у тебя кислый вид.

— Нет, ничего, — еле слышно ответил Хоуторн. — Все в порядке. Он подобрал дрель и вышел.

Арсенал, всегда запертый, помещался глубоко в трюме Станции. Хоуторн ощущал, как под ногами, под днищем корпуса, вздымается океан Венеры. Это придавало ему силы, он дрелью вскрыл замок, вошел в арсенал, взломал ящики с взрывчаткой и приладил запал. Но потом никак не мог вспомнить, как он установил дистанционный взрыватель на срок. Он знал только, что сделал и это.

Затем какой-то провал, — он не помнил, как очутился в помещении, где хранились лодки, и вот он стоит здесь и грузит в маленькую субмарину океанографические глубинные бомбы. И опять вокруг ни души. Некому спросить, что он тут делает. Чего опасаться его братьям на Станции «Венера»?

Хоуторн скользнул в субмарину и через шлюз вывел ее в океан. Спустя несколько минут его потрянуло. Взрыв был не очень силен, но отдался во всем существе Хоуторна таким громом, что он, оглушенный, не заметил, как пошла ко дну Станция «Венера». Лишь потом он увидел, что от нее ничего не осталось. Над тем местом кружил сверкающий фейерверком водоворот, среди пены и брызг крутились, подскакивали какие-то обломки.

Он определился по компасу и пошел на погружение. Вскоре перед ним засветился кораллитовый город. Долгие минуты он смотрел на чудесную гармонию шпилей и гротов, потом ужаснулся: вдруг не хватит сил сделать то, что нужно... И он поспешно сбросил

бомбы, и ощутил, как содрогнулось его суденышко, и увидел, как храм обратился в развалины.

А потом он всплыл на поверхность. Он вышел на палубу субмарины и всей кожей ощутил прохладу дождя. Вокруг собирались дельфоиды. Он не мог их разглядеть, лишь урывками мелькали то ласт, то спина, зеленоватой вспышкой разрезая огромные волны, да один раз у низких поручней вынырнула голова — в этом неверном фосфорическом свете у дельфоида было почти человеческое лицо, лицо ребенка.

Хоуторн припал к пулемету и закричал, но они не могли понять, да и ветер рвал его слова в клочки.

— Я не могу иначе! — кричал он. — Поймите, у меня нет выбора! Как же еще объяснить вам, каково мое племя, когда его одолеет жадность? Как заставить вас избегать людей? А вы должны нас избегать, иначе вам не жить! Вы погибнете — можете вы это понять? Да нет, где вам понять, откуда. Вы должны научиться у нас ненавиди, ведь сами вы ненавидеть не умеете...

И он дал очередь по теснящимся перед ним, застигнутым врасплох дельфоидам.

Пулемет неистовствовал еще долго, даже когда вблизи не осталось ни одного живого венерианина. Хоуторн стрелял, пока не кончились патроны. Тут только он опомнился. Голова была спокойная и очень ясная, будто после яростного приступа лихорадки. Такую ясность он знал в детстве, мальчишкой, — проснешься, бывало, ранним летним утром, и косые солнечные лучи весело врываются в окно, в глаза... Он вернулся в рубку и спокойно, взвешивая каждое слово, вызвал по радио орбитальный корабль.

— Да, капитан, это дельфоиды, тут не может быть ни тени сомнения. Не знаю, как они это проделали. Возможно, разрядили какие-то наши бомбозонды, притащили их назад к Станции и тут взорвали. Как бы то ни было, Станция уничтожена. Я спасся на субмарине. Видел мельком еще двух человек в открытой лодке, хотел их подобрать, но не успел — на них напали дельфоиды. Прямо у меня на глазах проломили лодку и убили людей... Да нет же, просто ума не приложу, почему! Не все ли равно, почему да отчего! Мне лишь бы ноги отсюда унести!

Услыхав, что скоро за ним придет рейсовый бот, он включил автосигнал локации и без сил растянулся на койке. Вот и конец, — подумал он благодарно и устало. Никогда ни один человек не узнает правды. А быть может, когда-нибудь он и сам ее забудет.

Рейсовый бот приводнился на рассвете, небо уже отливало перламутром. Хоуторн вышел на палубу субмарины. У самого борта покачивались на волнах десятка полтора мертвых венериан. Видеть

их не хотелось, но они были тут, рядом — и вдруг он узнал Оскара.

Невидящими глазами Оскар изумленно смотрел в небо. Какие-то крохотные рачки пожирали его, разрывая клешнями. Кровь у него была зеленая.

— О господи! — взмолился Хоуторн. — Хоть бы ты существовал! Хоть бы создал для меня ад!

Перевела с английского
Нора Галь

Пол Андерсон — один из тех писателей-фантастов, которых глубоко тревожат судьбы западной цивилизации, завтрашний день мира и человечества.

В рассказе «Сестра Земли» тревога эта звучит пронзительно и страстно. Проблемы, поставленные в нем, отнюдь не фантастичны. Политика силы, безудержная агрессия, геноцид — это, к сожалению, не фантастика, а реальность. Те, кто выжигает напалмом поля или сбрасывает водородную бомбу на город с миллионами женщин и детей, — те, конечно, не постесняются ради своей выгоды взорвать и целую планету, уничтожить целую цивилизацию — мирную, прекрасную, быть может, более высокую, но чужую.

Конечно, не этого хотят ученые, нашедшие способ изменить облик планеты. Нет, ученый во имя человечности готов отказаться от своего открытия. Но Пол Андерсон знает, что и сегодня на Западе ученый почти всегда играет роль подчиненную. И это положение он, естественно, переносит в завтрашний день. Физики Лос Аламоса, за редчайшими исключениями, отнюдь не хотели трагедии Хиросимы, но не сумели ее предотвратить. Ибо они раскрепостили силы атома, а распорядился этими силами, обратил их во зло Пентагон.

Пол Андерсон интересно ставит и чисто научные проблемы — физические, геологические, биологические. Его волнуют огромные возможности познания и преобразования природы, могущество разума. И все это раскрывается в художественных образах, с большой глубиной психологического проникновения в пафос и поэзию Науки.

Но в рассказе Андерсона, как и в стране, где он живет, наука — только служанка. Станция на Венере существует не ради научных открытий, а ради выгоды монополистов. И герой рассказа и его собраты слишком хорошо знают свое общество и не доверяют ему. Они сомневаются в его завтрашнем дне, они понимают: на Земле непременно найдутся политики и военные, которые обратят научное открытие в орудие убийства и в средство наживы.

В рассказе Андерсона отчетливо проступает контраст между представлениями о встрече с иным разумом, свойственными советской фантастике и фантастике Запада. У наших фантастов братья по разуму стараются понять друг друга. У фантастов Запада такая встреча, как правило, рождает страх, вражду, убийство. Убийством, наперекор желанию героя, кончается и рассказ Андерсона.

Чтобы предотвратить чудовищное преступление — гибель целой планеты, целого народа, пусть совсем чужого, но умного и доброго, герой Андерсона и сам совершает страшное преступление. В сущности, он идет на жестокую провокацию. Но ценой гибели своих друзей и товарищей он пытается спасти жителей Венеры, а заодно и уберечь все человечество, которое оказалось бы повинно в новом геноциде, если бы он — герой — не спас всех ценой гибели немногих.

Страшная цена. Герой гибнет и сам, не вынеся тяжести своего деяния. Он не нашел иного, менее страшного выхода. Но этой судьбой, всем рассказом автор не просто пугает читателя. И не просто уверяет его в безнадежности будущего. Он взывает к лучшему, человеческому и человеку, к силам добрым, противостоящим корысти и убийству. Даже не видя настоящего выхода из тупика, Пол Андерсон, безусловно, пробуждает и в своем читателе на Западе желание — найти выход, достойный человека.

ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...

1 На посту было холодно. Я было захлопал в ладоши, чтобы согреться, но тут же остановился, испугавшись потревожить Пророка. В ту ночь я стоял на часах как раз у его личных апартаментов — эту честь я заслужил, выделяясь аккуратностью на поверках и смотрах. Но сейчас мне совсем не хотелось привлекать его внимания.

Был я тогда молод и не очень умен — свежее испеченный легат из Вест Пойнта, один из ангелов господ, личной охраны Воплощенного Пророка.

При рождении мать посвятила меня Церкви, а когда мне исполнилось восемнадцать, дядя Абсолон, старший мирской цензор, припал к стопам Совета Старейшин, дабы они рекомендовали меня в военное училище.

Вест Пойнт меня вполне устраивал. Конечно, я, так же как и мои однокурсники, ворчал на военную службу, но уж если говорить честно, мне нравилась монашеская жизнь — подъем в пять, два часа молитв и размышлений, потом лекции и занятия разнообразными военными дисциплинами: стратегией, тактикой, теологией, психологией толпы, основами чудес. После обеда мы практиковались в стрельбе и укрепляли тело упражнениями.

Я не был в числе лучших кадетов и не надеялся стать ангелом господ, хотя и мечтал об этом. Но у меня всегда были отличные отметки за послушание и неплохие по практическим дисциплинам. И меня выбрали. Я был почти греховно горд. Еще бы, попасть в

самый святой из всех полков Пророка, в котором даже рядовые были в ранге офицеров и которым командовал Разящий Меч Пророка, маршал войск. В день, когда я получил блестящий щит и копье, положенные ангелу, я поклялся готовиться к принятию сана, как только достигну звания капитана, которое позволяло на это надеяться.

Но в эту ночь, спустя несколько месяцев с того первого дня, несмотря на то что щит мой блестел как прежде, в сердце моем появилось тусклое пятнышко. Жизнь в Новом Иерусалиме оказалась не совсем такой, как я представлял ее в Вест Пойнте. Дворец и Храм были пронизаны интригами и политиканством. Священники, дьяконы, государственные министры, дворцовые функционеры — все были заняты борьбой за власть и благорасположение Пророка. Даже офицеры нашего полка не избежали этого. Наш славный девиз «*Non Sibi Sed Dei*»^{*} приобрел кисловатый привкус.

Я и сам был не без греха. Хоть я и не вмешивался в драку за мирские блага, я совершил нечто такое, что было греховнее: я посмотрел с вожделием на посвященную особу другого пола.

Прошу вас, поймите меня лучше, чем я сам себя тогда понимал. По возрасту я был мужчина, а по опыту — ребенок. Единственная женщина, которую я хорошо знал, была моя мать. Мальчишкой, в семинарии, прежде чем попасть в Вест Пойнт, я почти боялся девочек. Мои интересы ограничивались уроками, матерью и военным отрядом нашего прихода. В военном училище я попросту не видел женщин. Мои человеческие чувства были заморожены, а случайные соблазнительные сны я расценивал как искушения дьявола.

Но Новый Иерусалим — не Вест Пойнт, и ангелам не запрещалось жениться, хотя большинство из моих товарищей не стремились к этому, ибо женитьба вела к переводу в один из обычных полков, а многие из нас лелеяли надежду стать военными священниками.

Не запрещалось выходить замуж и мирским дьяконессам, которые работали во Дворце и в Храме. Но чаще всего они были старушками, напоминавшими мне моих тетушек и вряд ли способными вызвать романтические чувства. На увлекался я и более молодыми сестрами, пока не встретил сестру Юдифь.

Я стоял на том же посту месяц назад, впервые охраняя личные апартаменты Пророка, и, разумеется, волновался, ожидая обхода дежурного офицера.

^{*} Ничего для себя — все богу (лат.).

Во внутреннем коридоре напротив моего поста вспыхнул на мгновение свет, и я услышал звуки шагов. Я взглянул на хроно: конечно, это девственницы, обслуживающие Пророка. Каждую ночь, в десять часов, они сменялись. Я никогда не видел этой церемонии и не надеялся увидеть. Я знал только, что девственницы, заступающие на суточное дежурство, тянули жребий — кому выпадет честь лично прислуживать священной особе Воплощенного Пророка.

Я не стал больше прислушиваться и отвернулся. Минут через пятнадцать фигура в темном плаще проскользнула мимо меня, пошла к парапету, остановилась там и стала смотреть на звезды. Я выхватил пистолет, но тут же смущенно сунул обратно в кобуру, потому что понял, что это всего-навсего дьяконесса.

Сначала я решил, что она — мирская дьяконесса, могу поклясться, мне и в голову не пришло, что она может быть священной дьяконессой. В уставе не было пункта, запрещавшего им выходить из покоев, но я никогда не слышал, чтобы они это делали.

Не думаю, что она меня заметила прежде, чем я сказал: «Мир тебе, сестра».

Она вздрогнула, подавила крик, но потом собрлась все-таки с духом и ответила: «Мир тебе, маленький брат».

И только тогда я увидел на лбу ее звезду Соломона, знак семьи Пророка.

— Простите, старшая сестра,— сказал я.— Я не увидел в темноте.

— Я не оскорблена.

Мне показалось, что она завязывает разговор. Я понимал, что нам не следовало говорить наедине: ее смертное тело было посвящено Пророку, так же как душа — господу, но я был молод и одинок, а она — молода и очень хороша собой.

— Вы прислуживаете Его святейшеству этой ночью, старшая сестра?

Она покачала головой.

— Нет, я не удостоилась чести. Жребий пал не на меня?

— Должно быть, это великая честь — лично служить Пророку...

— Разумеется, хотя я не могу судить об этом по своему опыту. Жребий еще ни разу не пал на меня.

Она добавила с горячностью:

— Я немного волнуюсь. Поймите, я здесь совсем недавно.

Несмотря на то что дьяконесса была выше меня по чину, проявление женской слабости тронуло меня.

— Я уверен, что вы проявите себя с честью.

— Спасибо.

Мы продолжали беседовать. Выяснилось, что она пробыла в Новом Иерусалиме даже меньше, чем я. Она выросла на ферме в штате Нью-Йорк и была отобрана для Пророка в семинарии Элбени. В свою очередь я рассказал ей, что родился на Среднем Западе, в пятидесяти милях от стены Истины, где был посвящен Первый Пророк. Я сказал ей, что меня зовут Джон Лайл, а она ответила, что ее зовут сестра Юдифь.

Я совсем забыл и о дежурном офицере и о его неожиданных проверках и готов был болтать всю ночь, когда вдруг услышал, как мой хроно прозвенел четверть первого.

— Боже мой,— воскликнула сестра Юдифь,— мне давно пора быть в келье.— Она бросилась бежать, но остановилась...

— Вы на меня не донесете... Джон Лайл?

— Я? Никогда.

Я думал о ней до конца дежурства.

Я так и не смог выкинуть из головы сестру Юдифь. За месяц, прошедший с тех пор, я видел ее раз пять-шесть. Однажды на эскалаторе. Она ехала вниз, а я вверх. Мы не сказали ни слова, но она узнала меня и улыбнулась. Всю ночь после этого мне снился эскалатор, но я никак не мог сойти с него, чтобы поговорить с ней. Другие встречи были так же мимолетны. Как-то я услышал ее голос: «Здравствуй, Джон Лайл!» и, обернувшись, заметил только закутанную в плащ фигуру, проскользнувшую к двери. Однажды видел, как она кормила лебедей в крепостном рву. Я не подошел к ней, но, по-моему, она меня заметила.

И вот, через месяц, снова стоя на посту, уже не надеясь, что она выйдет из дворца, я услышал:

— Добрый вечер, Джон Лайл.

Я чуть не выскочил из сапог. Сестра Юдифь стояла в темноте, под аркой. Я с трудом выдавил из себя:

— Добрый вечер, сестра Юдифь.

— Шш-ш! — прижала она палец к губам.— Нас могут услышать. Джон... Джон Лайл — это, наконец, произошло. На меня пал жребий.

Я сказал:

— А! — и потом добавил растерянно: — Поздравляю вас, старшая сестра, да прояснит господь лицо Пророка в то время, когда вы будете ему прислуживать.

— Да, да, спасибо,— ответила она быстро...— Джон... мне хотелось выкроить несколько секунд, чтобы поговорить с вами. Но теперь я не могу, мне нужно получить напутствие и помолиться. Я должна вас покинуть.

— Вы лучше поспешите,— согласился я. Я был разочарован от-

того, что она не может побыть со мной, но счастлив, что она отмечена высокой честью, горд, что она не забыла меня даже в такой момент.

— Да пребудет с вами господь,— добавил я.

— Мне так хотелось сказать вам, что меня выбрали,— сказала она. Ее глаза блестели, и я решил, что это — радость. Но ее следующие слова поразили меня.

— Я боюсь, Джон Лайл.

— Бойтесь? — Я почему-то вспомнил, как дрожал мой голос, когда я впервые командовал взводом.— Не бойтесь. Вы проявите себя достойно.

— О, я надеюсь. Молитесь за меня, Джон Лайл.

И она исчезла в темноте коридора.

Я не молился за нее, а старался представить, где она, что она делает... Но так как я знал о том, что творится внутри дворца Пророка не больше, чем корова знает о военном трибунале, то вскоре отказался от этого и стал думать просто о Юдифи.

Позже, через час или даже больше, мои размышления были прерваны пронзительным криком внутри дворца. Тут же послышался топот шагов и возбужденные голоса. Я бросился внутрь коридора и натолкнулся на кучку женщин, столпившихся у портала апартаментов Пророка. Трое из них выносили что-то из апартаментов. Они остановились, выйдя в коридор, и опустили свою ношу на пол.

— В чем дело? — спросил я и вытащил из ножен меч.

Пожилая сестра повернулась ко мне.

— Ничего особенного. Возвращайтесь на пост, легат.

— Я слышал крик.

— Это вас не касается. Одна из сестер лишилась чувств, когда Пророк обратился к ней.

— Кто она?

— Да вы, я посмотрю, любопытны, младший брат.— Пожилая сестра пожала плечами.— Если это вас так интересует — сестра Юдифь.

Я не успел подумать, как у меня вырвалось:

— Пустите меня к ней!

Пожилая сестра загрозила мне дорогу.

— Вы сошли с ума? Сестры отнесут ее в келью. С каких это пор ангелы приводят в себя нервных девственниц?

Я мог отбросить ее одним пальцем, но уже понял, что она права. Я отступил и вернулся на пост.

С этого дня я не мог не думать о сестре Юдифи. В свободные часы я обшаривал те части дворца, куда я имел право заходить, в надежде ее увидеть. Она могла быть больна, может быть, ей запре-

щено покидать келью за то, что она нарушила дисциплину. Но я ее так и не увидел.

Мой сосед по комнате Зебадия Джонс заметил мое настроение и пытался развлечь меня. Зеб был на три курса старше меня и в Вест Пойнте я был его подопечным. Теперь он стал моим ближайшим другом и единственным человеком, которому я полностью доверял.

— Джонни, дружище, ты на покойника стал похож. Что тебя грызет?

— А? Ничего особенного. Может быть, несварение желудка.

— Так ли? Пройдемся? Свежий воздух очень помогает.

Я дал ему вывести себя наружу. Он говорил о пустяках, пока мы не вышли на широкую террасу, окружающую южную башню. Здесь мы были вне пределов досягаемости подслушивающих и подглядывающих устройств. Тогда он сказал:

— Давай выкладывай все.

— Кончай, Зеб. Тебе еще моих забот не хватало.

— Почему бы и нет? На то и друзья.

— Ты не поверишь. Ты будешь потрясен.

— Сомневаюсь. Последний раз это со мной случилось, когда я в покере прикупил четырех королей к джокеру. Тогда ко мне вернулась вера в чудеса, и с тех пор ее довольно трудно поколебать. Давай начинай. Мы назовем это задушевной беседой между старшим и младшим товарищами.

Я дал ему себя уговорить. К моему удивлению, Зеб совсем не был шокирован, узнав о святой дьяконессе. Тогда я рассказал ему все по порядку, сознался в сомнениях и тревогах, касающихся не только сестры Юдифи, но и всего, что мне пришлось услышать и увидеть после приезда в Новый Иерусалим.

Зеб кивнул головой и сказал:

— Зная тебя, я могу представить, как ты на все это реагируешь. Послушай, ты на исповеди не повинился?

— Нет,— ответил я в растерянности.

— Ну и не надо. Держи язык за зубами. Майор Багби человек широких взглядов, его этим не удивишь, но он может счесть необходимым доложить по инстанции. Не думаю, что тебе доставит удовольствие встреча с инквизицией, даже если ты трижды невинен... Каждому порой приходят в голову греховные мысли. Но инквизитор ищет грех, и если он его не находит, он продолжает копать, пока не найдет.

При мысли, что меня могут вызвать на допрос, у меня подвело кишки. Я старался не показывать страха перед Зебом, а он тем временем продолжал:

— Джонни, дружище, я преклоняюсь перед твоей чистотой и наивностью, но я им не завидую. Порой избыток набожности скорее недостаток. Тебя поразило, что для управления нашей страной недостаточно распевать псалмы. Для этого надо также заниматься политикой. Я ведь тоже прошел сквозь все это, когда приехал сюда, но, честно говоря, я и не ожидал увидеть ничего другого, так что пережил первое знакомство с действительностью довольно спокойно.

— Но...— начал я и замолчал. Его слова звучали как ересь.

Я переменял тему разговора:

— Зеб, как ты думаешь, что могло так расстроить Юдифь, раз она лишилась чувств в присутствии самого Пророка?

— А я откуда знаю?— он взглянул на меня и отвернулся.

— Ну... я полагал, что ты можешь знать. Ты обычно знаешь все сплетни во дворце.

— Хорошо... впрочем, нет, забудь об этом, старина. Это совсем не важно.

— Значит, ты все-таки знаешь?

— Я этого не сказал. Может быть, я могу догадаться, но ведь тебе мои догадки ни к чему. Так что забудь об этом.

Я остановился, глядя ему в лицо.

— Зеб, все, что ты знаешь... или можешь догадываться... Я хочу услышать сейчас. Это мне очень важно.

— Спокойней. Не забудь, что мы с тобой гуляем по террасе, разговариваем о коллекционировании бабочек и размышляем, будет ли у нас на ужин говядина.

Все еще волнуясь, я двинулся дальше. Он продолжал, понизив голос:

— Джон, господь бог не наградил тебя быстрой сообразительностью... Ты не изучал внутренних мистерий?

— Нет. Офицер по психической классификации не допустил меня. Сам не знаю почему.

— Мне надо было бы познакомить тебя с некоторыми положениями этого курса. Хотя я не мог этого сделать — ты еще был тогда первокурсником. Жалко. Понимаешь, они умеют объяснять такие вещи куда более деликатным языком, чем я... Джон, в чем, по твоему, заключаются обязанности девственников?

— Ну, они ему прислуживают, готовят пищу и так далее...

— Ты абсолютно прав. И так далее... А твоя сестра Юдифь, если судить по твоему описанию,— молоденькая невинная девочка из провинции. Очень религиозная и преданная, так?

Я ответил, что ее преданность религии видна с первого взгляда. Это меня к ней и привлекает.

— Понимаешь, она могла лишиться чувств, услышав довольно циничный и откровенный разговор между Воплощенным Пророком и, скажем, одним из его министров. Разговор о налогах и податях, о том, как лучше выжимать их из крестьян. Вполне вероятно, хотя вряд ли они стали бы говорить на такие темы перед девственницей, впервые вышедшей на дежурство. Нет, наверное, это было «и так далее».

— Я тебя не совсем понимаю.

Зеб вздохнул.

— Ты и в самом деле божий агнец. Я-то думал, что ты все понимаешь, но не хочешь признаться. Знай, что даже ангелы общаются с девственницами после того, как Пророк получил свое... Уж не говоря о священниках и дьяконах дворца. Я помню, как...

Он замолчал, увидев выражение моего лица.

— Немедленно приди в себя! Ты что, хочешь, чтобы кто-нибудь нас заметил?

Я постарался это сделать, но не мог справиться с ужасными мыслями, мятущимися в голове. Зеб тихо продолжал:

— Я предполагаю, если это для тебя важно, что твой друг Юдифь имеет полное право продолжать считать себя девственницей как в физическом, так и в моральном смысле этого слова. Она может таковой и остаться при условии, что Пророк на нее достаточно зол. Она, очевидно, так же недогадлива, как и ты, и не поняла символических объяснений, преподнесенных ей. А когда уж ей ничего не оставалось, как понять, она подняла шум...

Я снова остановился, бормоча про себя библейские выражения, которые я и не думал, что помню. Зеб тоже остановился и посмотрел на меня с терпеливой циничной улыбкой.

— Зеб,— взмолился я.— Это же ужасно! Не может быть, чтобы ты все это одобрял.

— Одобрял? Послушай, старина, это все часть Плана. Мне очень жаль, что тебя не допустили до высшего изучения. Давай я тебя вкратце просвещу. Господь бог ничему не дает пропасть даром. Правильно?

— Это аксиома.

— Господь не требует от человека ничего, превышающего его силы. Правильно?

— Да, но...

— Замолчи. Господь требует, чтобы человек приносил плоды. Воплощенный Пророк, будучи отмечен особой святостью, обязан приносить как можно больше плодов. А если Пророку приходится:

снизойти до пошлой плоти, чтобы выполнить указание господя, то тебе ли возмущаться по этому поводу? Ответь мне.

Я, разумеется, ответить не смог, и мы продолжали прогулку в молчании. Мне приходилось признать логику слов Зеба. Беда заключалась в том, что мне хотелось забыть о его выводах и отбросить их как нечто ядовитое. Правда, я утешал себя мыслью, что с Юдифью ничего не случилось. Я чувствовал себя несколько лучше и склонялся к тому, что Зеп прав и потому не мне судить Святого Воплощенного Пророка.

Неожиданно Зеп прервал ход моих мыслей.

— Что это? — воскликнул он.

Мы подбежали к парапету террасы и посмотрели вниз. Южная стена проходит близко от города. Толпа из пятидесяти или шестидесяти человек бежала вверх по склону, что вел к стенам дворца. Впереди них, оглядываясь, бежал человек в длинном плаще. Он направлялся к Воротам Убежища.

Зеп сказал сам себе:

— А, вот в чем дело — забрасывают камнями парию. Он, очевидно, был настолько неосторожным, что показался за стенами гетто после пяти. — Он присмотрелся и добавил: — Не думаю, что он добежит.

Предсказание Зеба оправдалось немедленно. Большой камень попал беглецу между лопаток, и тот упал. Преследователи тут же настигли его. Он пытался встать на колени, но опять несколько камней попало в него, и он снова упал. Он закричал, затем набросил край плаща на темные глаза и прямой римский нос.

Через минуту от него ничего не осталось, кроме кучи камней, из-под которой высовывалась нога. Нога дернулась и замерла. Я отвернулся. Зеп заметил выражение моего лица.

— Что ж, — сказал я, обороняясь. — Разве эти парии не упорствуют в своих ересьях? Вообще-то они кажутся вполне безвредными созданиями.

Зеп поднял бровь:

— Может быть, для них это не ересь. Ты видел, как этот парень отдал себя в руки их богу?

— Но это же не настоящий бог.

— А он, может быть, думает иначе.

— Должен понимать. Им же об этом столько раз говорили.

Он улыбнулся так ехидно, что я возмутился:

— Я тебя, Зеп, не понимаю. — Убей, не понимаю. Десять минут назад ты втолковывал мне установленные доктрины, теперь ты, кажется, защищаешь еретиков. Как это совместить?

Он пожал плечами:

— Я могу выступать адвокатом дьявола. Я любил участвовать в дебатах в Вест Пойнте. Когда-нибудь я стану знаменитым теологом, если Великий Инквизитор не доберется до меня раньше.

— Так... Послушай, ты думаешь, что это правильно — забрасывать камнями людей? Ты так думаешь в самом деле?

Он резко переменял тему.

— Ты видел, кто первый бросил камень?

Я не видел. Я заметил только, что это был мужчина.

— Снотти Фассет,— губы Зеба сжались.

Я хорошо знал Фассета. Он был на два курса старше меня, и весь первый год я был у него в услужении. Хотел бы я забыть этот первый год.

— Так, значит, вот в чем дело,— ответил я медленно.— Зеб, я не думаю, что мог бы работать в разведке.

— Конечно, и не агентом-provокатором,— согласился он.— И все-таки я полагаю, что Священному совету нужны время от времени такие инциденты. Все эти слухи о Каббале и так далее...

Я услышал его последние слова.

— Зеб, ты думаешь, эта Каббала в самом деле существует? Не могу поверить, что может существовать какое-нибудь организованное сопротивление Пророку.

— Как тебе сказать... На Западном берегу определенно были какие-то беспорядки. Впрочем, забудь об этом. Наша служба — сторожить дворец.

2 Но нам не пришлось об этом забыть. Через два дня внутренняя стража была удвоена. Я не понимал, какая может грозить опасность: дворец был неприступнее самой неприступной крепости. Его нижние этажи выдержали бы даже прямое попадание водородной бомбы. Кроме того, человек, входящий во дворец даже со стороны Храма, был бы проверен и узнан десять раз, прежде чем достиг бы ангелов внутренней стражи. И все-таки там, наверху, были чем-то взволнованы.

Я очень обрадовался, узнав, что назначен в напарники к Зебу. Поговорить с ним — было единственной компенсацией за необходимость выстаивать двойные смены. Я, наверное, опротивел бедному Зебу, непрерывно говоря о Юдифи и о моем разочаровании жизнью в Новом Иерусалиме. Наконец он обернулся ко мне:

— Послушай, ты в нее влюбился?

Я постарался уйти от ответа. Я не смел признаться и самому себе, что мой интерес к ней выходит из рамок простой заботы о благополучии знакомой девушки. Он оборвал меня:

— Ты влюблен или ты не влюблен? Решай для себя. Если ты влюблен, мы будем разговаривать о практических вещах. Если нет, тогда не приставай ко мне с глупыми разговорами.

Я глубоко вздохнул и решился:

— Боюсь, что да, Зеб. Это кажется невозможным, я понимаю, что это — смертный грех, но ничего не могу поделать.

— Чепуха. Тебя не перевоспитаешь. Итак, ты влюблен в нее. Что дальше?

— А?

— Чего ты хочешь? Жениться на ней?

Я подумал об этом с такой горечью, что даже закрыл лицо руками.

— Конечно, хочу,— признался я наконец.— Но как?

— Именно это я и хотел выяснить. Тебе нельзя жениться, не отказавшись от карьеры. Ее служба тоже не позволяет ей выйти за тебя замуж. Она не может нарушить принятые обеты. Но если вы посмотрите правде в лицо, не краснея при этом, то выяснится, что можно кое-что сделать, особенно если вы перестанете изображать из себя святош.

Неделю назад я бы не понял, на что он намекает. Но теперь я знал. Я даже не смог рассердиться на него толком за такое бесстыдное и грешное предложение. Он хотел, чтобы мне было лучше. Да и моя душа не была уже так чиста. Я покачал головой:

— Тебе не следовало этого говорить, Зеб. Юдифь не такая.

— Хорошо. Тогда забудем об этом. И о ней. И больше ни слова.

Я устало вздохнул:

— Не сердись, Зеб. Я просто не знаю, что делать.— Я оглянулся и присел на парапет. Мы стояли не у самых апартаментов Пророка, а у восточной стены. Дежурный офицер капитан Питер ван Эйк был слишком толст, чтобы обходить посты чаще чем раз за смену. Я смертельно устал, потому что последнее время не досыпал.

— Прости.

— Не сердись, Зеб. Твое предложение не для меня и тем более не для Юдифи, не для сестры Юдифи.

Я знал, чего хочу для нас с Юдифью. Маленькую ферму, вроде той, на которой я родился. Свиньи, цыплята, босые ребятишки с ве-

сельскими измазанными физиономиями и улыбка Юдифи при виде меня, возвращающегося с поля. Она вытирает полотенцем пот со лба, чтобы я мог поцеловать ее... И никакой церкви, никаких пророков, кроме, может быть, воскресной службы в соседней деревне.

Но этого быть не могло, никогда не могло быть. Я выкинул видение из головы.

— Зеб,— продолжал я.— Ты с самого начала говорил неправду. В каждой комнате дворца есть Глаз и Ухо. И если я даже найду их и постараюсь обрезать провода, через три минуты в дверь ворвутся офицеры безопасности.

— Ну и что? Правильно, в каждой комнате есть Уши и Глаза. А ты не обращай на них внимания.

У меня отвалилась челюсть.

— Не обращай внимания,— продолжал он.— Пойми, Джон, небольшие грешки не есть угроза Церкви — опасны не они, а измена и ересь. Все будет отмечено и подшито к твоему личному делу. А если ты попадешься когда-нибудь на чем-то более серьезном, то тебе пришьют именно эти грешки вместо настоящего обвинения. Они очень любят вписывать в личные дела именно такие грешки. Это укрепляет безопасность. Я даже думаю, что к тебе они присматриваются с подозрением. Ты слишком безупречен. А такие люди опасны. Может быть, поэтому тебя и не допускают к высшему учению.

Я попытался распутать у себя в голове эти цели и контрцели, но сдался.

— Все это не имеет отношения,— сказал я,— ни ко мне, ни к Юдифи. Но я теперь понял, что мне надо делать. Я должен ее отсюда увезти.

— Да... довольно смелое заявление.

— Я должен это сделать.

— Хорошо... Я хотел бы тебе помочь. Я думаю, что смогу передать ей записку.

Я схватил его за руку.

— В самом деле?

Он вздохнул.

— Я хотел бы, чтобы ты не спешил. Но вряд ли это реально, если учесть, что за романтическая каша у тебя в голове. Риск велик именно сейчас, потому что она вызвала немилость Пророка. Ты будешь представлять собой нелепое зрелище на суде военного трибунала.

— Я готов пойти и на это.

Он не сказал мне, что сам шел на такой же риск, если не на больший. Он просто заметил:

— Хорошо, какое же будет послание?

Я подумал с минуту. Послание должно было быть короткое.

— Передай ей, что легат, который говорил с ней в ночь, когда она вытянула жребий, очень беспокоится.

— Еще что-нибудь?

— Да. Скажи, что я — в ее распоряжении.

Сейчас это кажется наивным. Но тогда я чувствовал именно так. Я именно так и думал.

Во время обеда на следующий день я обнаружил в своей салфетке клочок бумаги. Я быстро кончил обед и выскочил наружу, чтобы прочесть записку.

«Мне нужна ваша помощь,— гласила записка,— и я очень вам благодарна. Можете ли вы встретить меня сегодня вечером?»

Записка была без подписи и была напечатана на обычной магнитомашинке, которыми пользовались во дворце. Когда Зеб вернулся в комнату, я показал ему записку, он взглянул на нее и сказал равнодушно:

— Пойдем, подышим свежим воздухом. Я обожрался, спать хочется.

Как только мы вышли на открытую террасу и очутились вне досягаемости глаз и ушей, он выругал меня негромко, но зло:

— Из тебя никогда не получится конспиратор. Половина столовой видела, что ты нашел что-то в салфетке. Так какого же черта ты выскочил как ошпаренный? Потом, как будто нарочно, ты суешь эту записку мне. Я не сомневаюсь, что Глаз зафиксировал ее. Интересно, где ты был, когда господь бог распределял людям мозги?

Я пытался протестовать, но он оборвал меня:

— Забудь об этом. Я понимаю, что ты не желал сунуть обе наши шеи в петлю, но учти, что добрые намерения не принимаются во внимание трибуналом: первое условие любой интриги — вести себя естественно. Ты представить не можешь, как много дает опытному психоаналисту малейшее отступление от норм поведения. Надо было сидеть в столовой, как всегда, покрутиться там после обеда и спокойно обожждать того момента, когда сможешь прочесть записку в безопасности. Ладно. Где она теперь?

— В кармане мундира,— ответил я виновато.— Не волнуйся, я ее сжую и проглочу.

— Не так сразу. погоди.— Зеб исчез и вернулся через несколько минут.

— У меня есть кусочек бумаги такого же размера и цвета, как твоя записка. Сейчас я тебе его осторожно передам. Обмени

их и затем съешь настоящую записку. но смотри, чтобы никто этого не заметил.

— Хорошо. А что на твоём кусочке бумаги?

— Заметки, как выигрывать в кости.

— Да, но это ведь тоже запрещено.

— Конечно, дурья твоя башка. Если они тебя застукают на азартной игре, они не подумают, что у тебя есть грехи потяжелее. В худшем случае начальник прочтет тебе нотацию и даст наряд вне очереди. Запомни на будущее, Джон: если тебя в чем-то заподозрили, постарайся сделать так, чтобы факты указывали на меньший проступок. Никогда не пытайся изображать из себя невинного ягненка.

Я думаю, Зеб был прав: мой мундир был обыскан и записка сфотографирована сразу после того, как я переоделся к смотру. Еще через полчаса я был вызван в кабинет к начальнику. Он попросил меня обратить внимание на то, не играют ли младшие офицеры в азартные игры. Это грех, сказал он, и ему не хотелось бы, чтобы его подчиненные в этот грех впадали. На прощание он похлопал меня по плечу.

— Ты хороший парень, Джон Лайл,— сказал он.— Прислушайся к доброму совету. Понял?

В ту ночь мы стояли с Зебом у южного портала дворца. Юдифь не появлялась, и я волновался, как кот в незнакомом доме, несмотря на то что Зеб пытался урезонить меня. Наконец во внутреннем коридоре послышались легкие шаги и в дверях появилась чья-то тень. Зеб приказал мне знаком остаться на посту и сам подошел к portalу. Он вернулся почти сразу и поманил меня, прижимая палец к губам. Весь дрожа, я подошел. Это оказалась не Юдифь, а незнакомая мне женщина. Я открыл рот, чтобы сказать об этом, но Зеб прижал мне к лицу ладонь.

Женщина взяла меня за руку и повела по коридору. Я оглянулся и увидел силуэт Зеба, оставшегося на посту, чтобы прикрывать тыл. Женщина остановилась и толкнула меня к темному алькову, затем вынула из складок плаща маленький предмет со светящимся циферблатом. Я решил, что это, очевидно, металлоискатель. Она провела им в воздухе, выключила и спрятала.

— Можете говорить,— сказала она тихо.— Здесь безопасно.

И она растворилась в темноте.

Я почувствовал слабое прикосновение к рукаву.

— Юдифь? — прошептал я.

— Да,— ответила она так тихо, что я с трудом услышал.

Тут же она очутилась в моих объятиях. Она сдавленно вскрик-

нула, и руки ее обвили мою шею, и я ощутил ее дыхание на своем лице. Мы поцеловались неловко, но горячо.

Никого не касается, о чем мы говорили тогда, да я и не смог бы рассказать по порядку, о чем. Называйте наше поведение романтической белибердой, если вам так хочется, называйте это щенячьими нежностями. Но разве щенятам не бывает так же больно, как взрослым собакам? Называйте это как хотите, но в эти минуты мы были одержимы безумием более драгоценным, чем рубины и золото, более желанным, чем разумная трезвость. И если вы этого никогда в жизни не испытывали и не знаете, о чем я говорю, мне остается вас только пожалеть.

Наконец мы пришли в себя и смогли разговаривать разумно... Она принялась рассказывать мне о той ночи, когда она вытащила жребий, и заплакала. Я сказал ей:

— Не надо, дорогая. Не надо мне говорить об этом. Я все знаю.

— Но ты не знаешь. Ты не можешь знать... Я... Он...

Я обнял ее.

— Прекрати, прекрати сейчас же. Не надо больше слез. Я все знаю. И я знаю, что тебе грозит... в случае, если мы тебя не выведем отсюда. Так что теперь мы не имеем права плакать, мы должны найти выход.

Она молчала. Молчала, как мне показалось, очень долго. И потом медленно сказала:

— Ты хочешь сказать, что я должна убежать? Я думала об этом. Боже милостивый, как я мечтала об этом! Но как убежать?

— Я не знаю. Пока не знаю. Но мы придумаем. Надо придумать.

Мы обсудили все возможности. Канада была всего в трехстах милях от Нового Иерусалима, и местность к северу от Нью-Йорка Юдифи была знакома. По правде говоря, это была единственная область, которая ей была знакома. Но граница там закрыта и охраняется куда строже, чем в других местах,— там и патрульные суда, и радарные стены на воде, колючая проволока, пограничники на земле... и служебные собаки. Я проходил тренировку с такими собаками и не пожелал бы злейшему врагу встретиться с ними.

Мексика была безнадежно далека. Если бы Юдифь отправилась на юг, ее поймали бы в двадцать четыре часа. Никто не дал бы убежища сбегавшей девственнице. По закону общей вины любой такой доброжелатель совершил бы этим то же преступление, как и укрытый им беглец, а потому погиб бы той же смертью, как и человек, которого он спрятал. Путь на север был по крайней мере короче, хотя значил бы те же ночные переходы, поиски укромных убежищ днем и голод. В Элбени жила тетка Юдифи: Юдифь была

уверена, что та укроет ее, пока не удастся придумать способа перейти границу.

— Она найдет нам безопасное место. Я уверена в этом,— сказала Юдифь.

— Нам? — должно быть, вопрос мой прозвучал глупо. До тех пор пока она не сказала этого, мне и в голову не приходило, что нам придется бежать вместе.

— Ты хочешь послать меня одну?

— Ну... я просто не подумал о другом.

— Нет!

— Но послушай, Юдифь, самое важное, самое срочное сейчас — это вызволить тебя. Двоих людей, путешествующих вместе, значительно легче заметить и задержать, чем одну девушку. Нет никакого смысла...

— Нет. Я не пойду.

Я все еще не мог понять, что если ты сказал «а», то должен сказать и «б». И если я уговариваю ее покинуть службу, то становлюсь таким же дезертиром, как и она. Наконец я сказал:

— Ну, хорошо. Главное убежать тебе. Ты доберешься до тетки и будешь ждать меня там.

— Без тебя я никуда не уйду.

— Но это же необходимо! Ведь Пророк...

— Лучше это, чем потерять тебя сейчас.

Я тогда не понимал женщин. Я их и сейчас не понимаю. Два минуты назад она спокойно рассуждала о том, что лучше riskовать жизнью, чем отдать свое тело в руки Пророка. Теперь она так же спокойно предпочитает сделать это, нежели решиться на временную разлуку со мной. Я не понимаю женщин. Порой я даже подозреваю, что у них ровным счетом нет никакой логики. Я сказал:

— Послушай, дорогая. Мы еще даже не придумали, как нам выбраться из дворца. Вернее всего, нам будет абсолютно невозможно уйти отсюда вместе. Разве ты не понимаешь?

Она ответила упрямо:

— Может быть, и так. Но мне это не нравится. Ну, хорошо, а как отсюда можно выбраться? И когда?

Я вынужден был признаться снова, что не знаю. Нужно было посоветоваться с Зебом.

Тогда Юдифь предложила:

— Джон, ты знаешь девицу, которая привела тебя сюда? Нет? Это сестра Магдалина. Ей можно все рассказать, и она, возможно, захочет нам помочь. Она очень умная.

Я принялся было выражать свои сомнения, но наш разговор был прерван самой сестрой Магдалиной.

— Быстро! — шепнула она мне, заглянув в альков. — Назад, на пост.

Я выскочил и еле успел к обходу. Дежурный офицер обменялся приветствиями со мной и с Зебом и потом — вот старый дурак! — решил поболтать. Он уселся на ступеньках портала и начал хвастливо рассказывать, как на прошлой неделе победил в схватке на мечах. Я беспомощно старался поддерживать беседу.

Наконец он поднялся на ноги.

— Мне уж за сорок, — сказал он. — Я чувствую, что стал тяжелее, чем прежде. И должен признаться, приятно сознавать, что глаз и рука тебя не подводят. Думаю, надо обойти дворец. Приходится быть бдительным. Говорят, Каббала опять активизировалась.

Он вытащил карманный фонарик.

Я замер. Если он начнет осматривать коридор, то без всякого сомнения обнаружит двух девушек в алькове.

Но тут вмешался спокойный Зеб.

— Минутку, старший брат. Вы не могли бы показать мне, каким приемом вы выиграли ту встречу? Я так и не понял.

Офицер схватил наживку.

— С удовольствием.

Он спустился по ступенькам.

— Вытащи меч, сын мой. Встань в позицию. Так. Теперь скрещиваем мечи. Нападай! Стоп. Не так. Я повторю медленно... В тот момент, когда острое приближается к моей груди... (Ничего себе груди! Капитан ван Эйк обладал объемистым животом и был похож на кенгуру с детенышем в сумке.) Я поднимаю меч и заставляю тебя отступить на шаг. Пока все, как в учебнике. Но я не завершаю движение. Ты парень сильный и мог бы парировать удар. Тогда я вот что делаю... Он показал, и столкнувшиеся мечи громко звякнули в тишине. — Теперь ты открыт, и я могу поразить тебя от коленок до горла. Ну, попробуй этот прием на мне.

Зеб послушался его. Офицер отступил. Зеб попросил разрешения повторить прием еще раз. Они повторяли его, каждый раз все быстрее, и каждый раз капитан успевал парировать удар Зеба в самый последний момент. Разумеется, они нарушали все правила, сражаясь настоящими мечами без масок и кирас, но капитан оказался действительно замечательным фехтовальщиком и был полностью уверен в своем мастерстве. Несмотря на состояние, в котором я находился, я не мог оторвать глаз от дуэли — это была изумительная демонстрация когда-то полезного военного искусства. Они окончили бой ярдах в пятидесяти от портала и на столько же ближе к коньегардской. Мне слышно было, как тяжело пыхтел капитан.

— Это было совсем неплохо, Джонс, — прохрипел он. — Ты не-

плохой ученик.— Он попыхтел еще и добавил: — Мое счастье, что настоящие встречи куда короче. Знаешь что, лучше уж осмотри коридор сам.

Он повернул к консьержардской, добавил весело:

— Господь вас хранит.

— Господь хранит и вас, сэр,— ответил Зеб и поднял меч, салютуя начальнику.

Как только капитан исчез за углом, Зеб снова встал на пост, а я поспешил к алькову. Девушки все еще оставались там, прижавшись к стене.

— Он ушел,— успокоил их я.— Бояться пока нечего.

Юдифь рассказала сестре Магдалине о наших проблемах, и мы вместе обсудили их. Магдалина настойчиво советовала не предпринимать пока ничего.

— Я отвечаю за очищение Юдифи,— сказала она.— Я смогу растянуть очищение еще на неделю, и только после этого она снова будет тянуть жребий.

Я сказал:

— Необходимо что-то сделать до этого.

Юдифь, переложив свои беды на плечи Магдалины, заметно успокоилась.

— Не волнуйся, Джон,— сказала она.— Может быть, жребий и не падет на меня в первый же день. Мы должны слушаться умного совета.

Сестра Магдалина презрительно фыркнула.

— Ты совершенно права, Джюди. Как только ты вернешься, жребий падет на тебя немедленно, вне всякой очереди...— она замолчала и прислушалась.— Ш-ш-ш, замрите.— И она бесшумно выскользнула из алькова.

Тонкий луч света вырвал из темноты человека, притаившегося у алькова. Я прыгнул на него раньше, чем он успел выпрямиться. Как ни быстр я был, сестра Магдалина опередила меня. Она повисла у него на плечах, он упал, дернулся и замер.

Подбежал Зеб.

— Джон, Магги,— прошептал он громко.— Что произошло?

— Мы поймали шпиона, Зеб,— сказал я быстро.— Что с ним делать?

Зеб зажег фонарик.

— Вы стукнули его?

— Он не придет в себя,— ответил спокойный голос Магдалины из темноты.— Я вогнала ему виброкинжал между лопаток.

— Ну и ну!

— Зеб, я вынуждена была это сделать. Благодарю бога, что я не воспользовалась обычным ножом — а то весь пол был бы в крови.

Зеб тихо выругал ее, но Магдалина не ответила ни слова.

— Переверни его, Джон. Посмотрим, кто это.

Я повиновался, и луч фонарика уперся в лицо шпиона.

— Так, да ведь это Снотти Фассет.

Зеб замолчал, и мне показалось, что я слышу его мысли: «Его-то мы оплакивать не будем».

— Ну, Зеб?

— Встань у портала. Если кто-нибудь подойдет — я проверяю коридор. Надо от него отделаться.

Юдифь нарушила тишину:

— Выше этажом есть мусоросжигатель. Я вам помогу.

— Молодец, девочка. Иди, Джон.

Я хотел возразить, что это не женское дело, но понял, что меня никто не будет слушать, и пошел к выходу. Зеб взял труп за плечи, женщины — за ноги и унесли. Они вернулись через несколько минут, которые показались мне вечностью. Без сомнения, тело Снотти превратилось в атомы прежде, чем они вернулись, — может быть, нас и не поймают. Правда, мне это не казалось убийством, да и сейчас не кажется. Обстоятельства были сильнее нас.

Зеб был краток:

— С этим покончено. Нас сменяют через десять минут. Нам надо обо всем договориться раньше, чем появятся ангелы...

Наши предложения были непрактичны и даже в этой обстановке нелепы, но Зеб выслушал всех, а затем сказал:

— Слушайте. Теперь дело уже не только в том, чтобы помочь Юдифи. Как только обнаружат, что Снотти пропал, все мы — все четверо, окажемся под смертельной опасностью допроса. Понятно?

— Понятно, — сказал я.

— И ни у кого нет плана?

Никто не ответил. Зеб продолжал:

— Тогда нам надо просить помощи. И есть только одно место, откуда мы можем ее получить. Это Каббала.

3 — Каббала? — повторил я тупо.
Юдифь ахнула от ужаса.

— Как же так... Это значит — продать наши бессмертные души! Они же поклоняются сатане!

Зеб обернулся к ней.

— Я не верю.

Юдифь посмотрела на него со страхом.

— Вы — каббалист?

— Нет.

— Так откуда вы знаете?

— И как,— добавил я,— обратиться к ним за помощью?

Ответила Магалина.

— Я член подполья. Зебадия об этом знает.

Юдифь отшатнулась от нее, но Магалина продолжала:

— Послушай, Юдифь. Я понимаю, что ты чувствуешь. И когда-то я тоже была потрясена самой мыслью о том, что кто-то смеет противоречить Церкви. Но потом я узнала—как узнаешь ты—что на самом деле скрывается за фальшивкой, в которую нас заставляют верить.

Она взяла девушку за руку.

— Мы не поклоняемся дьяволу, моя милая. Мы и не воюем против бога. Мы боремся с Пророком, который делает вид, что представляет бога на земле. Иди с нами, помогай нам, борись вместе с нами—и мы тоже поможем тебе. В ином случае мы не можем рисковать.

Юдифь всматривалась в ее лицо при неверном слабом свете, пробивавшемся от портала.

— Ты можешь поклясться, что это — правда? Что Каббала борется против Пророка, а не против бога?

— Я клянусь, Юдифь.

Юдифь глубоко вздохнула.

— Просвети меня, господь,— прошептала она.— Я иду к Каббале.

Магалина быстро поцеловала ее и затем обернулась к нам.

— Ну?

Я ответил сразу:

— Если Юдифь согласна, то и я согласен.— И про себя подумал: «Боже, прости мне нарушение присяги. Я должен так поступить».

Магалина смотрела на Зеба. Он неловко помялся и сказал со злостью:

— Я сам это предложил, правда? Но все мы идиоты, и инквизитор поломает нам кости.

На следующее утро я проснулся, проведя ночь в страшных снах, в которых действовал инквизитор, и услышал, как в ванной весело жужжит бритва Зеба. Он вошел в комнату, стянул с меня одеяло, болтая о всякой чепухе. Я ненавижу, когда с меня стаски-

вают одеяло, даже когда я себя хорошо чувствую, и ненавижу веселье перед завтраком. Я снова натянул одеяло и попытался не обращать внимания на Зеба, но он схватил меня за руку.

— Вставай, старина! Господь выпустил солнце на небеса, а ты его не видишь. День прекрасен! Как насчет того, чтобы пробежаться вокруг дворца, а потом под холодный душ?

Я попытался вырвать у него руку и охарактеризовал его словами, которые, без сомнения, снизили мне отметку за набожность, если Ухо услышало их. Он не отпускал моей руки, и палец его нервно нажимал мне на ладонь. Я забеспокоился, не свихнулся ли Зeb от напряжения вчерашней ночи. И тут понял, что он говорит со мной по азбуке Морзе.

— Будь естественным,— сказали мне точки и тире. — Не удивляйся нас вызовут на испытание во время отдыха после обеда.

Я надеюсь, что не высказал удивления. Я даже умудрился отвечать что-то на поток чепухи, которую он нес, передавая мне послание. Потом я поднялся и с отвращением проделал все процедуры подготовки собственного тела к наступившему дню. Я даже улучил момент, положил руку ему на плечо и отстукал ответ: Хорошо я понял.

День оказался тягучим и нервным. Я ошибся на утреннем смотре, чего со мной не случалось с училища. Когда занятия кончились, я вернулся в комнату и обнаружил, что Зeb, положив ноги на кондиционер, трудится над кроссвордом в «Нью-Йорк таймс».

— Джонни, мой барашек,— сказал он, обернувшись ко мне. — Подскажи мне, что это может значить — «чистый сердцем» из шести букв, начинается с «п»?

— Тебе этого знать не надо,— проворчал я и сел, чтобы снять амуницию.

— Так ты, Джонни, полагаешь, что я не заслужу вечного блаженства?

— Может, и заслужишь, но сначала просидишь тысячу лет в чистилище.

В дверь постучали, и вошел Тимоти Клайс, старший легат. Он чихнул и сказал:

— Ребята, не желаете прогуляться?

Я подумал, что худшего времени он не мог выбрать. От Тима отделаться было нелегко, а кроме того, он был самым исполнительным и преданным человеком в части. Я старался придумать какую-нибудь причину, чтобы отказаться, когда услышал слова Зеба.

— Ничего не имеем против, при условии, если мы заглянем в город. Мне надо кое-чего купить.

Я был сбит с толку ответом Зеба, но все же попытался отговориться какими-то срочными делами. Зеб оборвал меня:

— Бросай свою работу! Я тебе помогу вечером. Пошли.

Мы пошли через нижние туннели. Я думал, что, очевидно, Зеб решил дойти до города, а там отделаться от Клайса и вернуться во дворец. Мы завернули в узкий проход. Вдруг Клайс поднял руку, как бы желая подчеркнуть слова, с которыми обращался к Зебу. Его рука прошла близко от моего лица, я почувствовал, что-то брызнуло мне в глаза,— и ослеп.

Раньше чем я успел крикнуть, он крепко схватил меня выше локтя. В то же время он продолжал говорить как ни в чем не бывало. Он повел меня налево, хотя, насколько я помнил туннель, поворот здесь был только направо. Однако мы не врезались в стену, и через несколько секунд слепота прошла. Казалось, мы продолжаем идти по тому же туннелю. Тим шагал посередине, держа нас под руки. Он не сказал ни слова. Мы тоже. Наконец он остановился перед дверью, постучал дважды и прислушался.

Я не расслышал, что там сказали, но Клайс ответил:

— Два пилигрима с надежным сопровождением.

Дверь открылась. Он ввел нас внутрь, и мы увидели вооруженного часового в маске с пистолетом, направленным на нас. Он протянул свободную руку назад и постучал во внутреннюю дверь. Оттуда сразу вышел еще один человек в маске. Он по очереди спросил меня и Зеба:

— Желаете ли вы заявить со всей серьезностью, что вы пришли сюда не по просьбе друзей, не по корыстным мотивам, что вы честно и добровольно предлагаете себя в наше распоряжение?

Каждый из нас ответил «да».

— Оденьте и подготовьте их.

На головы нам были надеты кожаные шлемы, которые застегивались под подбородком и оставляли открытыми только рот и нос. Затем нам приказали раздеться. Я быстро терял энтузиазм — ничто так не обезоруживает мужчину, как необходимость снять штаны. Затем я почувствовал укол шприца, и сразу, хоть я и не спал, все вокруг стало казаться мне нереальным. Я почувствовал прикосновение чего-то холодного к спине и понял, что это виброкинжал. Достаточно кому-то за моей спиной нажать кнопку, и я буду так же мертв, как Снотти Фассет, но это меня не испугало. Затем последовали вопросы — много вопросов, на которые я отвечал автоматически, неспособный ко лжи или увиливанию, даже если бы я хотел этого. Я помню только обрывки из этого разговора.

Затем я долго стоял, дрожа на холодном полу, а вокруг шел го-

рячий спор. Он имел прямое отношение к действительным мотивам моего появления здесь. Затем в дебаты вступил низкий женский голос, и я узнал сестру Магдалину. Она говорила что-то в мою пользу, но что — я не разобрал. Мне просто нравился ее голос, как прикосновение чего-то дружеского. Наконец ощущение холода от прижатого к ребрам виброкинжала исчезло, и я опять почувствовал укол шприца. Он быстро вернул меня к реальности. Шлем был снят с головы.

Нет смысла рассказывать о дальнейших инструкциях и порядке приема в группу нового члена. В процедуре была какая-то торжественная красота и никакого следа богохульства или поклонения дьяволу, в котором их обвиняли распространенные сплетни.

Но я должен упомянуть об одной детали, которая меня удивила больше, чем что бы то ни было другое. Когда они сняли с меня шлем, я увидел стоящего передо мной в полной форме с выражением торжественности на круглом лице капитана Питера ван Эйка, толстого офицера. Он был здесь главный!

После заседания мы собрались на военный совет. Мне сказали, что решено не посвящать Юдифь в тайны подполья. Ее переправят в Мексику, и лучше ей не знать секретов, которые ей знать ни к чему. Но Зеб и я, будучи членами дворцовой стражи, могли принести пользу. И нас приняли.

Юдифь уже получила гипнотическое внушение, которое позволит ей забыть то небольшое, что она знала, так что если она даже попадет на допрос, она ничего не скажет. Мне велели ждать и не волноваться. Старшие братья сделают так, что она будет в безопасности раньше, чем придет ее очередь тянуть жребий. Мне пришлось удовлетвориться этим объяснением.

Три дня подряд мы с Зебом являлись сюда после обеда за инструкциями, и каждый раз нас проводили новым путем с новыми предосторожностями. Совершенно ясно, что архитектор, проектировавший дворец, был один из них. Громадное здание заключало в себе ловушки, двери и проходы, явно не зарегистрированные ни на одном официальном плане.

Через три дня мы стали полноправными членами подполья. Такая поспешность объяснялась только серьезностью обстановки. Усилия впитать все, что мне говорили, почти полностью истощили мой мозг. Мне пришлось потрудиться больше, чем когда-либо в школе или училище.

Меня тревожило то, что мы не слышали ни слова об исчезновении Снотти Фассета. Это было подозрительно, настораживало больше, чем гшательное расследование. Офицер безопасности не может пропасть незаметно. Конечно, оставалась слабая надежда на

то, что Снотти столкнулся с нами, выполняя поручение, о котором он не должен был каждый день рапортовать своему шефу. Но все-таки, вероятнее всего, он оказался у алькова потому, что следил за кем-нибудь из нас. Если так, то все это значило, что начальник Службы безопасности продолжал следить за нами, в то время как психотехники тщательно анализировали наше поведение. В этом случае наши ежедневные отлучки после обеда, несомненно, были занесены в соответствующую графу.

Я бы никогда над этим не задумался и чувствовал бы только облегчение от того, что за мной не следят, если бы этот факт не обсуждался с тревогой в подполье. Я даже не знал, как зовут блюстителя морали и где находится управление безопасности, да мне и не положено было это знать. Я знал, что он существует и что докладывает непосредственно великому инквизитору или даже самому Пророку, но и только. Я обнаружил, что мои товарищи, несмотря на почти невероятную осведомленность Каббалы о жизни дворца и Храма, знали немногим больше, чем я сам, о работе безопасности — у нас не было ни одного человека среди блюстителей морали. Причина была простая. Подполье было так же осторожно в отборе людей, как и Служба безопасности в отборе своих сотрудников. Блюститель никогда не примет в свои ряды человека, которого могут привлечь идеалы Каббалы. Мои братья никогда не пропустили бы такого человека, как, скажем, Снотти Фассет.

Было решено, что на четвертый день мы не пойдем в туннель, а будем находиться в таких местах, где обязательно будем замечены.

Я сидел в общей комнате, читая журналы, когда вошел Тимоти Клайс. Он взглянул на меня, кивнул и начал не спеша просматривать кипу журналов. Наконец он сказал:

— Эти ископаемые издания, наверное, попали сюда из приемной дантиста. Ребята, никто не видел последнего «Тайма»?

Слова его были обращены ко всем находившимся в комнате. Никто не ответил. Тогда он обернулся ко мне:

— Джек, я думаю, ты сидишь на нем. Поднимись на минутку.

Я ругнулся, но привстал. Он нагнулся ко мне, чтобы взять журнал, и прошептал: «Доложись Мастеру».

Кое-чему я уже научился, так что продолжал некоторое время читать как ни в чем не бывало. Потом отложил журнал, потянулся, зевнул, поднялся и направился в коридор. Через некоторое время я входил в подземное убежище. Зеб был уже там, и кроме него несколько членов группы. Они окружили Питера и Магдалину. В комнате чувствовалось напряжение.

— Вы посылали за мной?

Питер взглянул на меня и кивнул Магдалине. Та сказала:

— Юдифь арестована.

Мои колени ослабли, я с трудом устоял на ногах. Я не очень нежен, но удар по близким и любимым — удар самый жестокий.

— Инквизиция? — с трудом выговорил я.

В глазах Питера я увидел жалость.

— Мы так полагаем. Они забрали ее утром, и с тех пор с ней не удалось связаться.

— Предъявлены обвинения? — спросил Зеб.

— Официально нет.

— Та-ак. Плохо.

— И плохо и хорошо, — не согласился с ним ван Эйк. — Если это касается того, о чем мы думаем, — Фассета, — у них есть все основания полагать, что она виновата не больше вас. И тогда арестовали бы всех четверых. По крайней мере обычно они делают так.

— Но что дальше? — спросил я.

Ван Эйк не ответил. Магдалина сказала, стараясь меня успокоить:

— Сейчас мы ничего сделать не сможем. Нам не пройти всех дверей, которые к ней ведут.

— Но не можем же мы сидеть и ничего не предпринимать!

Питер сказал:

— Спокойно, сынок. Магги единственная из всех нас может проникнуть во внутренние покои дворца. Придется довериться ей. Я снова к ней повернулся. Она вздохнула и сказала:

— Да, но вряд ли я смогу сделать много.

И она ушла.

Мы ждали. Зеб предложил, чтобы мы с ним вернулись и продолжали «быть на виду», но к моему облегчению ван Эйк запретил.

— Мы не совсем уверены, что гипнотическая защита сестры Юдифи достаточна и она выдержит испытание. К счастью, она может выдать только вас двоих и сестру Магдалину, и потому я хочу, чтобы вы оставались в безопасности, пока Магдалина не выяснит все, что сможет.

Я почти выкрикнул:

— Юдифь нас никогда не выдаст!

Он печально покачал головой:

— Сынок, любой человек может выдать всех на допросе, если он не подвергся предварительно гипнотической защите.

Я не смотрел на Зеба, погруженный в собственные эгоистичские мысли. Он удивил меня, заявив гневно:

— Мастер, вы держите нас здесь, как насадка цыплят, а в то же время послали Магги сунуть голову в мышеловку. А что если Юдифь сломлена? Они же сразу схватят Магдалину!

Ван Эйк кивнул.

— Разумеется. Но это наш единственный шанс. У нас нет другого лазутчика. Но они ее не арестуют — она раньше покончит с собой.

Его заявление меня не потрясло. Я был слишком погружен в мысли о Юдифи. Но Зеб возмутился:

— Скотина! Вы не смели ее посылать!

Ван Эйк ответил мягко:

— Вспомни о дисциплине, сынок. Возьми себя в руки. Мы на войне, и она — солдат.

Он отвернулся.

Итак, мы ждали... и ждали... и ждали. Трудно понять кому-нибудь, кто не жил под тенью инквизиции, каково нам было ждать. Мы не знали деталей, но нам приходилось видеть людей, которые имели несчастье выжить после допроса. Если даже инквизиторы не требовали аутодафе, разум жертвы был обычно поврежден или даже полностью разрушен.

Наконец Питер приказал одному из офицеров проэкзаменовать нас в том, что мы заучили вчера. Мы с Зебом тупо делали все, что от нас требовали, но только сверхчеловеческие усилия преподавателя заставляли нас сосредоточиться. Так прошло почти два часа.

Наконец в дверь постучали, и Тайлер впустил Магдалину. Я вскочил и бросился к ней.

— Ну? — требовал я. — Ну?

— Спокойствие, Джон, — ответила она устало. — Я ее видела.

— Ну и как она?

— Она себя чувствует лучше, чем можно было ожидать. Разум ее не тронут, и она, очевидно, еще никого не выдала. А что касается остального — может, останется шрам или два. Но она молода и здорова, она оправится.

Я начал было требовать подробностей, но капитан оборвал меня:

— Значит, они уже начали допрос. Если так, то как же тебе удалось ее увидеть?

— Да так, — и Магдалина пожала плечами, будто именно это и не стоило упоминания. — Инквизитор, который ведет следствие, оказался моим знакомым. Мы условились обменяться любезностями.

Зеб хотел вмешаться, но ван Эйк крикнул:

— Молчать! — и затем добавил резко: — Значит, Великий Инквизитор порекомендовал допрос другому и сам им заниматься не стал? В таком случае я полагаю, что арест не связан с Каббалой.

Магги покачала головой:

— Не знаю. Ясно одно: Юдифь лишилась чувств в самом начале допроса. Они даже не успели заняться ею как следует. Я умолила прервать допрос под предлогом, что ей необходимо окрепнуть. Они примутся за нее снова с раннего утра.

Ван Эйк постучал кулаком по ладони.

— Они не должны начать снова — мы не можем этим рисковать. Старший офицер, останьтесь. Остальные, все идите. Кроме тебя, Магги.

Я ушел с чувством, будто не сказал чего-то важного. Я хотел сказать Магги, что она может использовать меня в качестве подстилки у двери в любой момент, когда ей этого захочется. Достаточно будет шевельнуть пальцем.

Ужин в тот день казался мне пыткой. Когда капеллан выбрался наконец из молитвенных дебрей, я попытался есть и даже присоединиться к общей болтовне, но мне все время казалось, что горло мое перехвачено стальным кольцом, которое мешает глотать. Рядом со мной сидел Хвала-Богу Биирпе, наполовину шотландец, наполовину индеец. Хвала учился со мной на одном курсе, но никогда не был моим товарищем; мы редко разговаривали, и в этот вечер он был как всегда молчалив и тактичен.

Во время ужина он наступил мне на сапог. Я с раздражением отдернул ногу. Но вскоре снова почувствовал прикосновение его сапога. Он принялся выстукивать:

— Голову выше ты был выбран сегодня ночью во время твоего поста детали позже поешь и принимайся разговаривать захвати клейкую ленту с собой на пост шесть дюймов на фут по-тори.

Я кое-как выстукал «понимаю», продолжая делать вид, что ем.

4

Мы заступили на пост в полночь. Как только разводящий отошел, я рассказал Зебу все, что узнал от Хвалы, и спросил, знает ли он что-нибудь еще. Он не знал. Я хотел поговорить, но он оборвал меня. Мне показалось, что он нервничает даже больше, чем я.

Так что я встал на пост и постарался выглядеть бдительным и

бодрым. Мы стояли на северном конце западного укрепления. Тут же находился один из входов во дворец. Прошел час, и я уловил движение в дверях. Это была женщина. Она была ростом ниже Магдалины, и я так никогда и не узнал, кто была та, что протянула мне клочок бумаги и исчезла снова в коридоре.

Я подошел к Зебу.

— Что делать? Прочесть с фонариком? Это рискованно.

— Разверни ее.

Я развернул записку и обнаружил, что надпись светится в темноте. Я мог прочесть ее, но для Глаза свет ее был слишком слаб, чтобы он мог что-либо различить.

«В середине дежурства, в момент, когда пробьют часы, войдите во дворец через дверь, из которой вы получили эту записку. Через сорок шагов будет лестница налево. Поднимитесь на два пролета. Пройдите еще пятьдесят шагов по коридору на север. Освещенный коридор направо ведет к кельям девственниц. У дверей будет стоять часовой. Он не будет сопротивляться, но вы должны взорвать парализующую бомбу, чтобы у него было алиби. Келья, которая вам нужна, находится в дальнем конце центрального коридора, идущего с запада на восток. Над дверью горит свет, и у дверей сторожит дежурная девственница. Она не из наших. Вы должны нейтрализовать ее, но ни в коем случае не убивать и не причинять ей вреда. Заклейте ей рот и глаза лентой и свяжите ее же одеждой. Возьмите ключи, войдите в келью и вынесите сестру Юдифь. Она, возможно, будет без сознания. Принесите ее на пост и передайте дежурному офицеру.

Действуйте быстро, особенно с того момента, как парализуете часового, так как Глаз может заметить вас в освещенном коридоре, и тогда начнется тревога.

Не глотайте записку — чернила ядовиты. Бросьте ее в дезинтегратор наверху лестницы.

Желаем успеха».

Зеб прочел записку через мое плечо.

— Все, что тебе понадобится, — мрачно сказал он, — так это способность творить чудеса. Боишься?

— Да.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет, думаю, нам лучше выполнять все как приказано.

— Да, насколько я знаю нашего Мастера. А кроме того, может случиться, что мне придется кого-нибудь срочно пристукнуть, пока тебя не будет. Я буду прикрывать тыл.

— Правильно.

— Ну, теперь давай помолчим и вернемся на пост.

Как только часы прозвенели середину дежурства, я прислонил к стене копье, снял меч, кирасу и шлем — всю церемониальную чепуху, которую положено было носить, но которая не помогла бы мне в моем деле. Зеб пожал мне руку. И я пошел.

Два, четыре, шесть, сорок шагов. Я пошарил рукой по темной стене и обнаружил вход. Вот и ступеньки! Я уже оказался в той части дворца, в которой до этого не бывал. Я передвигался в абсолютной темноте, надеясь только на правильность инструкции. Один пролет, второй... Я чуть не грохнулся, наступив на «верхнюю» ступеньку, которой не было.

Где же теперь дезинтегратор? Он должен находиться, как обычно, на уровне пояса наверху лестницы. Я лихорадочно размышлял, не зажечь ли свет, когда неожиданно нащупал крышку и запор. Со вздохом облегчения я выкинул улику, которая могла подвести стольких людей. Я уже было отошел, как вдруг меня охватила паника. Действительно ли это дезинтегратор? Может быть, грузовой лифт? Я снова нащупал в темноте задвижку и сунул внутрь руку. Руку прожгло даже сквозь перчатку. Я с облегчением выдернул ее и дал себе слово доверяться инструкции. Но через сорок шагов коридор раздвоился, о чем в инструкции не было ни слова. Я присмотрелся. И тут увидел шагах в двадцати слабо освещенный проем и стражника перед ним. Стражник был один из наших, но я решил не рисковать. Я достал парализующую бомбу, поставил указатель на минимум, сорвал кольцо и подождал пять секунд. Потом кинул ее и нырнул за угол.

Подождав еще пять секунд, я высунул голову из-за угла. Охранник лежал на полу, и из царапины на лбу — видно, его задело осколком оболочки бомбы — сочилась кровь. Я бросился вперед, перешагнул через него, стараясь одновременно и бежать и казаться неспешно идущим. Центральный коридор общежития девственников был слабо освещен, только синие лампы горели под потолком. Я достиг конца коридора и замер. Сестра, которая должна была ходить у двери дозором, сидела на полу, прислонившись к двери спиной.

Может быть, она задремала, потому что подняла голову не сразу. Но когда она увидела меня, то мне ничего не оставалось, как броситься к ней и зажать ей рот перчаткой. Я несильно ударил ее по шее ребром ладони, и она обмякла.

Сначала половину клейкой ленты на рот, потом столько же на глаза, затем сорвать плащ, чтобы связать ее им, — и быстрее, быстрее, быстрее, потому что чиновник Безопасности мог уже получить сигнал от Глаза над лежавшим без чувств часовым. Я нашел ключи на цепочке, обвязанной вокруг ее кисти, и поднялся, мысленно про-

ся у нее прощения. Она казалась похожей на ребенка и была даже беспомощнее, чем Юдифь.

Но долго размышлять об этом я не мог. Я нашел нужный мне ключ, открыл дверь — и моя любимая оказалась у меня на руках.

Она спала глубоким сном и застонала, когда я ее поднял, но не проснулась. Халат ее распахнулся, и я увидел, что они с ней сделали. Я поклялся самой страшной клятвой отплатить за все семижды, если тот, кто виноват в этом, сможет выдержать.

Стражник лежал там же, где я его оставил. Я уже было решил, что мне удалось провести всю операцию, никого не разбудив и не встревожив, как услышал сдавленный крик из коридора позади. Почему это женщинам не спится по ночам?

Я не мог заставить ее замолчать, я просто побежал. Завернув за угол, я оказался в темноте, пробежал мимо лестницы, и мне пришлось вернуться и нащупывать ее, потом ощупью спускаться по ступенькам. Сзади раздавались крики и женский визг.

В тот момент, когда я добежал до выхода из дворца и, обернувшись, увидел черный портал, всюду зажегся свет и зазвучали сигналы тревоги. Я пробежал еще несколько шагов и почти упал на руки капитана ван Эйка. Он, не говоря ни слова, взял Юдифь на руки и тут же пропал за углом дворца.

Я стоял и, ничего еще не соображая, смотрел ему вслед, когда Зеб вернул меня к реальности, притавив мою амуницию.

— Одевайся! — прошипел он. — Тревога для нас! Ты обязан охранять дворец.

Он помог мне завязать ножны, надеть кирасу и шлем, а потом сунул в руку копье. Затем мы встали спина к спине у портала, вытащили из кобур пистолеты и спустили предохранители, как и было положено по уставу. В ожидании дальнейших указаний мы не имели права двинуться, так как тревога началась не на нашем посту.

Несколько минут мы стояли как статуи. Слышали звуки шагов, голоса. Кто-то из старших офицеров пробежал мимо нас во дворец, натягивая на ходу кирасу поверх пижамы. Я чуть было не застрелил его, прежде чем он успел ответить пароль. Потом мимо пробежали ангелы из резерва во главе с разводящим.

Мало-помалу суматоха стихла. Свет продолжал гореть, но кто-то догадался выключить сирены. Зеб решил прошептать:

— Что случилось, черт возьми? Все в порядке?

— И да и нет, — ответил я и рассказал о беспокойной сестре.

— Да-а-а! Это научит тебя не заигрывать с сестрами, когда находишься при исполнении служебных обязанностей.

— Я не заигрывал. Она просто выскочила из своей кельи.

— Я не имел в виду сегодняшнюю ночь,— сказал Зеб.

Я замолчал.

Через полчаса, задолго до конца смены, мимо нас снова промаршировал резерв. Разводящий остановил его, и нас сменили. Мы зашагали к коньегардской, останавливаясь еще два раза на пути, чтобы сменить другие караулы.

5 Нас построили в зале и продержали по стойке смирно пятьдесят бесконечных минут, тогда как дежурный офицер прогуливался перед строем и рассматривал нас. Один из легатов во втором ряду переступил с ноги на ногу. На это никто бы не обратил внимания на смотре, даже в присутствии самого Пророка, но сейчас командир приказал капитану ван Эйку записать его имя.

Капитан Питер был разгневан точно так же, как и его начальник. Он тоже придирался ко всему и даже остановился передо мной и приказал дать мне наряд вне очереди за то, что сапоги мои плохо блестели. Это была наглая ложь, если, конечно, я не замарал их во время своих походов. Но я не осмелился опустить глаза и проверить, так ли это, и не отрывал взгляда от холодных глаз капитана.

Его поведение напомнило мне слова Зеба об интриге. Ван Эйк вел себя так, как должен вести офицер, которого подвели подчиненные. Как бы я себя сейчас чувствовал, если бы ничего не знал?

Злым, решил я. Злым и несправедливо обиженным. Сначала заинтересовался бы событиями, а затем разозлился бы за то, что меня заставляют стоять по стойке смирно, как плебея. Они хотели взять нас на выдержку. А как бы я думал об этом, скажем, два месяца назад? Я бы был уверен в своей чистоте и, естественно, унижен и оскорблен — ждать, как пария в очереди за продовольственной карточкой! Как кадет-мальчишка!

Через час, к тому времени, когда прибыл командующий охраной, я довел себя до белого каления. Довел я себя искусственно, но эмоции были самые настоящие.

Командующего я не любил никогда. Это был низенький человек с холодными глазами, и он имел привычку смотреть сквозь младших офицеров, вместо того чтобы смотреть на них. И вот он стоит перед нами в распахнутой сутане, положив руки на рукоять меча.

— Помоги мне, боже. И это ангелы господи! — произнес он таяко в полной тишине и затем выкрикнул: — Ну!

Никто не ответил.

— Молчите? — кричал он. — Кое-кто из вас об этом знает. Отвечайте! Или вас всех на допрос отослать?

По рядам пробежал гул, но никто так и не заговорил. Он снова окинул нас взглядом. Встретился с моими глазами. Я не отвел их.

— Лайл!

— Слушаюсь, высокопочтенный сэр.

— Что ты об этом знаешь?

— Я знаю только, что хотел бы присесть, высокочтимый сэр.

Он зарычал на меня, но потом в зрачках его зажглась холодная ирония.

— Лучше стоять передо мной, сын мой, чем сидеть перед инквизитором.

Он отвернулся от меня и подошел к следующему легату.

Он терзал нас до бесконечности, но ни я, ни Зеб не пользовались его особым вниманием. Наконец он сдался и приказал разойтись. Я понимал, что это — не конец. Несомненно, каждое произнесенное здесь слово было зафиксировано, каждое выражение лица снято на пленку и в то время, как мы возвращаемся в свои комнаты, данные уже изучаются аналитами.

Зеб меня восхитил. Он болтал о ночных событиях, рассуждая о том, что могло вызвать такой переполох. Я старался отвечать ему естественно, и всю дорогу ворчал о том, что с нами недостойно обращались.

— В конце концов мы офицеры и джентльмены, — говорил я. — Если они думают, что мы в чем-то виноваты, пусть представят формальные обвинения.

Не переставая ворчать, я добрался до постели, закрыл глаза, но заснуть не смог. Я старался убедить себя, что Юдифь уже в безопасности, а то бы они не темнили так...

Я почувствовал, как кто-то дотронулся до меня, и сразу проснулся. Но тут же успокоился, узнав знакомое условное пожатие.

— Тихо, — прошептал голос, которого я не узнал. — Я должен тебя предохранить.

Я почувствовал укол. Через несколько минут меня охватила апатия. Голос прошептал:

— Ничего особенного ночью ты не видел. До тревоги ты не заметил ничего подозрительного...

Не помню, долго ли звучал голос.

Второй раз я проснулся от того, что кто-то грубо тряс меня. Я зарыл лицо в подушку и проворчал:

— Катись к черту, я лучше опоздаю к завтраку.

Меня ударили между лопаток. Я повернулся и сел, все еще не совсем проснувшись. В комнате находилось четверо вооруженных мужчин. На меня смотрели дула пистолетов.

— Вставай!

Они были в форме ангелоз, но без знаков различия. Головы были покрыты черными капюшонами с прорезями для Глаз. И по этим капюшонам я их узнал: слугители Великого инквизитора.

Я, честно говоря, не думал, что это может произойти со мной. Нет, только не со мной, не с Джонни Лайлом, который всегда хорошо себя вел, был лучшим учеником в церковной школе и гордостью своей матери. Нет! Инквизиция бич, но бич для грешников, не для Джона Лайла.

И в то же время, увидев эти капюшоны, я уже знал, что я — мертвец, если все это не кошмар, и я сейчас не проснусь.

Нет, я еще не был мертв. Я даже набрался смелости притвориться оскорбленным.

— Что вы здесь делаете?

— Вставай,— повторил безликий голос.

— Покажите ордер. Вы не имеете права вытащить офицера из постели, если вам пришло в голову...

Главный покачал пистолетом перед моим носом. Двое других схватили меня под руки и стащили на пол, четвертый подталкивал сзади. Но я не мальчик, и силы мне не занимать. Им пришлось со мной повозиться, в то время как я продолжал говорить:

— Вы обязаны дать мне одеться по крайней мере. Какая бы ни была спешка, вы не имеете права тащить меня голым по дворцу. Мое право ходить в форме.

К моему удивлению, речь возымела действие на главного. Он остановил помощников знаком.

— Ладно. Только быстро.

Я тянул время как мог, стараясь изобразить спешащего человека: сломал молнию на сапоге, не попадал крючками в петли. Как бы оставить знак Зебу? Любой знак, который показал бы, что со мной случилось.

Наконец я понял, что надо сделать. Это был не лучший выход, но другого у меня не было. Я вытащил из шкафа кучу одежды. Заодно вынул и свитер. Выбирая рубашку, я сложил свитер так, что рукава его легли в положение, означающее знак бедствия. Затем я подобрал ненужную одежду и сделал вид, что хочу засунуть ее обратно в шкаф. Главный тут же ткнул мне в ребра пистолет и сказал:

— Нечего. Уже оделся.

Я подчинился, бросив остальную одежду на пол. Свитер остался лежать посреди комнаты как символ, понятный каждому, кто мог прочесть его. Когда меня уводили, я молился, чтобы уборщик не пришел прежде, чем в комнату заглянет Зеб.

Они завязали мне глаза, как только мы вошли во внутренние покои. Мы спустились на шесть пролетов вниз и достигли помещения, наполненного сдавленной тишиной сейфа или бомбоубежища. С глаз сняли повязку. Я зажмурился.

— Садись, сын мой, садись и чувствуй себя как дома.

Я понял, что нахожусь лицом к лицу с самим Великим инквизитором, увидел его добрую улыбку и добрые собачьи глаза.

Мягкий голос продолжал:

— Прости, что тебя так грубо подняли из теплой постельки, но святой церкви нужна срочная информация. Скажи мне, сын мой, боишься ли ты господа? О, разумеется, боишься. Твое благочестие мне известно. Так что ты не откажешься помочь мне разобраться в маленьком деле, прежде чем вернешься к завтраку. И сделаешь это к дальнейшему процветанию господа.

Он обернулся к одетому в длинный черный плащ и маску помощнику и сказал:

— Подготовьте его. Только, ради бога, не причините ему страданий.

Со мной обращались быстро, грубо, но в самом деле не причинили боли. Они вертели меня, как нечто неживое. Они раздели меня до пояса, приладили ко мне электроды и провода, обернули правую руку резиновой полосой, привязали меня к креслу и даже прикрепили миниатюрное зеркальце к горлу. У пульта управления один из них проверил напряжение и работу приборов.

Я отвернулся от пульта и постарался припомнить таблицу логарифмов от одного до десяти.

— Понимаешь ли ты наши методы, сын мой? Эффективность и доброта — вот что их отличает. Теперь скажи мне, милый, куда вы ее дели?

К тому времени я добрался до логарифма восьми.

— Кого?

— Зачем ты это сделал?

— Простите, ваше преосвященство. Я не понимаю, что я должен был сделать?

Кто-то сильно ударил меня сзади. Приборы на пульте дернули стрелками, и инквизитор внимательно присмотрелся к их показаниям. Затем сказал помощнику: «Сделайте укол».

Опять шприц. Они дали мне отдохнуть, пока средство не по-

действовало. Я провел это время, стараясь вспомнить таблицу логарифмов дальше. Но вскоре это стало трудно делать, меня охватило дремотное равнодушное состояние. Я чувствовал детское любопытство по отношению к моему окружению, но страха не было. Затем в мой мирок ворвался с вопросом голос инквизитора. Я не помню, что он спрашивал, но наверняка я отвечал первыми попавшимися словами.

Не знаю, как долго это продолжалось. В конце концов они вернули меня к реальности еще одним уколом. Инквизитор внимательно изучал красную точку на моей правой руке. Он посмотрел на меня:

— Откуда у тебя это, мой мальчик?

— Не знаю, ваше преосвященство.

В ту минуту это была правда.

Он сокрушенно покачал головой.

— Не будь наивным, сын мой, и не думай, что я наивен. Разреши, я объясню тебе кое-что. Вы, грешники, не всегда сознаете, что в конце концов господь всегда побеждает. Всегда. Наши методы основаны на любви и доброте, но они действуют с обязательностью падающего камня, и результат нам всегда известен заранее. Сначала мы беседуем с самим грешником и просим его добровольно отдаться в руки господя, рассказать нам все, руководствуясь остатками добра, сохранившимися в его сердце. Когда наш призыв к доброте не находит отклика в ожесточившемся сердце, как это случилось с тобой, мой мальчик, мы пользуемся знаниями, которые вручил нам господь, чтобы проникать в подсознание. Обычно дальше этого вопрос не идет, за исключением тех редких случаев, когда слуга сатаны встретился с грешником раньше, чем мы, и вмешался в святая святых — в мозг человека. Итак, сын мой, я сейчас вернулся из прогулки по твоему разуму. Я обнаружил в нем много такого, что наказуется. Но я обнаружил там также стену, воздвигнутую каким-то другим грешником, и вынужден признать, что сведения, необходимые церкви, скрываются за этой стеной.

Возможно, я не уследил за своим лицом, и на нем отразилась радость. Инквизитор улыбнулся печальной и доброй улыбкой и добавил:

— Никакая стена сатаны не остановит господя. Когда мы обнаруживаем такое препятствие, в нашем распоряжении два выхода. Если у меня достаточно времени, я могу убрать стену мягко, безболезненно и безвредно для упорствующего грешника. Я желал бы, чтобы у меня было достаточно времени, я действительно очень жалею, что у меня нет времени, потому что верю, что ты, Джон Лайл, хороший мальчик в сердце своем и не принадлежишь к соз-

нательным грешникам. Но хоть время бесконечно, я им сейчас не располагаю. Есть второй путь. Мы можем презреть дьявольский барьер и ударить по тем частям мозга, которые владеют сознанием. Да поведут нас вперед знамена господа бога!

Он отвернулся от меня и сказал:

— Подготовьте его.

Безликие палачи надели мне на голову металлический шлем и сделали что-то с приборами на пульте управления.

— Послушай, Джон Лайл,— сказал инквизитор.— Я сам занялся тобой, потому что на этой стадии допроса мои помощники порой заменяют искусство усердием и приводят грешника к гибели. Я не хочу, чтобы это случилось с тобой. Ты заблудший ягненок, и моя цель — спасти тебя.

— Спасибо, ваше преосвященство.

— Не благодари меня, благодари господа, которому я служу. Однако,— продолжал он, слегка нахмурившись,— прошу тебя учесть, что наступление на разум, хоть и необходимо, может оказаться болезненным. Простишь ли ты меня?

Я колебался не больше секунды.

— Я прощаю вас, ваше преосвященство.

Он взглянул на стрелки приборов и добавил сухо:

— Ложь. Но я прощаю тебе эту ложь, ибо она была сказана с благими намерениями.

Он кивнул своим молчаливым помощникам:

— Приступайте.

Свет ослепил меня, и нечто громом взорвалось в ушах. Моя правая нога дернулась от боли и скрючилась. Перехватило горло. Я задыхался. Что-то раскаленное уперлось мне в солнечное сплетение...

— Куда ты ее дел?!

Шум, начавшийся с низких нот, поднимался до тех пор, пока не превратился в тысячу тупых пил...

— Кто тебе помогал?!

Невероятный жар душил меня. И я никуда не мог от него деться.

— Зачем ты это сделал?!

Я мечтал сорвать с себя жгущую кожу, но руки не повиновались мне.

— Где она?!

Свет... звук... боль... жар... конвульсии... падение... свет и боль... холод и жар, звук...

— Любишь ли ты господа?..

Жгучая жара и боль, трещотки в голове, заставляющие кричать.

— Куда ты ее дел? Кто был с тобой? Сдайся, спаси свою душу!

Боль и беспомощность перед поглощающей темнотой.

Я думаю, что потерял сознание.

Кто-то с размаху бил открытой ладонью по рту.

— Очнись, Джон Лайл, и сознайся! Тебя выдал Зебадия Джонс.

Я ничего не ответил. Не было необходимости стимулировать оцепенение, которого я не мог стряхнуть с себя. Но слова были страшны, и мозг мой старался осмыслить их. Зеб, бедный Зеб! Старина Зеб! Бедняга Зеб! Неужели наши не успели создать преграду в его мозгу? Мне и в голову не пришло, что Зеб мог сознаться под пыткой. Я решил, что они умудрились вторгнуться в его подсознание. Умер ли он уже? Я понимал, что во все это втянул его я.

Голова моя дернулась от нового удара.

— Очнись! Слышишь меня? Джонс выдал твои грехи.

— Выдал что? — пробормотал я.

Великий инквизитор приказал помощникам отойти и наклонил надо мной обеспокоенное доброе лицо.

— Милый сын мой, сделай это для господ... и для меня. Ты молодец, ты отважно пытался защитить своих товарищей, но они-то тебя предали, и твоя отвага уже никому на свете не нужна. Не надо уходить на тот свет с такой тяжестью. Сознайся, и пусть смерть возьмет тебя, прощенного.

— Вы хотите убить меня?

Он возмущился.

— Я этого не говорил. Я знаю, что смерти ты не боишься. Но тебе следует бояться встречи с создателем, раз душа твоя так отягощена грехами. Открой, наконец, свое сердце и сознайся.

Он отвернулся от меня и мягким нежным голосом приказал:

— Продолжайте. На этот раз механическое воздействие. Пока не стоит выжигать его мозг.

Нет смысла рассказывать, что он имел в виду под механическим воздействием. Рассказ мой и так утомителен. Методы инквизитора немногим отличались от средневековых пыток, разве что он куда лучше знал человеческую анатомию и расположение нервных центров и, надо сказать, мастерски использовал свои знания... Сам инквизитор и его помощники вели себя так, будто не получали никакого садистского удовольствия от моих страданий. Это придавало их действиям холодную эффективность. Но давайте опустим детали.

Сколько это длилось? Несколько раз я терял сознание, и помню только, как холодный поток воды снова и снова лился мне на лицо, приводя меня в чувство, а затем следовал новый кошмар. Не думаю, что я сказал им что-то важное, пока был в сознании, а когда терял его, меня предохраняла гипнотическая защита. Помню, как я старался выдумать грехи, которых никогда не совершал, но не могу вспомнить, что из этого вышло.

Помню еще голос, сказавший:

— Он еще выдержит. Сердце крепкое.

...Я был мертв. И это было приятно. Но наконец очнулся, как будто после очень долгого сна. Я попытался повернуться в постели, но тело меня не слушалось. Я открыл глаза и оглянулся: я лежал на постели в маленькой комнате без окон. Круглолицая молодая женщина в халате медсестры подошла ко мне и пощупала пульс.

— Доброе утро.

— Доброе утро,— ответила она.— Как мы себя чувствуем? Лучше?

— Что случилось? — спросил я.— Все кончилось? Или это только перерыв?

— Тихо,— сказала она.— Вы еще слишком слабы, чтобы разговаривать. Но все кончилось, и вы среди своих.

— Меня спасли?

— Да. Но теперь молчите.

Она подняла мне голову и дала напиток. Я снова заснул.

Прошло несколько дней, пока я оправился и узнал обо всем.

Комната, в которой я очнулся, была частью подвалов Ново-Иерусалимского универмага. Эти подвалы были связаны системой ходов с подземельями дворца.

Зеб пришел навестить меня, как только мне разрешили принимать гостей. Я постарался приподняться в постели.

— Зеб, дружище, а я думал, что ты мертв.

— Кто? Я? — он наклонился надо мной и похлопал меня по руке.— С чего ты это решил?

Я рассказал ему о словах инквизитора. Он рассмеялся.

— Меня даже не успели арестовать. Спасибо тебе. Никогда в жизни больше не назову тебя дураком. Если бы не твоя гениальная догадка разложить на полу свитер, никто из нас не выпутался бы из этого живым. А так, поняв в чем дело, я напрямик направился в комнату ван Эйка. Он приказал мне спрятаться в подземелье и затем занялся твоим спасением.

Я хотел спросить его, как им это удалось сделать, но мысли мои перескочили на более важную тему.

— Зеб, а как Юдифь? Нельзя ли мне с ней увидеться? А то моя медсестра только улыбается и велит не волноваться.

Он удивился:

— А они тебе не сказали?

— Что? Я никого не видел, кроме сестры и врача, а они обращаются со мной, как с идиотом. Да перестань темнить, Зеб. Что-нибудь случилось? С ней все в порядке? Или нет?

— Все в порядке. Она сейчас в Мексике, мы получили об этом сообщение два дня назад.

Я чуть не расплакался.

— Уехала? Это же нечестно! Почему она не подождала два дня, пока я приду в себя?

Зеб ответил быстро:

— Послушай, дурачок! Нет, извини, я обещал не употреблять этого слова: ты не дурачок. Послушай, старина, у тебя нелады с календарем. Она уехала до того, как тебя спасли, еще когда мы не были уверены, что спасем тебя. Не думаешь ли ты, что ее вернут только для того, чтобы вы могли поворковать?

Я подумал и успокоился. Он говорил дело, хоть я и был глубоко разочарован. Он переменял тему:

— Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно.

— Они сказали, что завтра снимут гипс с ноги.

— А мне об этом ни слова.

Я постарался устроиться поудобнее.

— Больше всего на свете мечтаю выбраться из этого корсета, а доктор говорит, что придется пожить в нем еще несколько недель.

— Как рука? Можешь согнуть пальцы?

Я попытался.

— Более или менее. Пока стану писать левой рукой.

— Во всяком случае мне кажется, что ты не собираешься умирать, старина. Кстати, если это послужит тебе некоторым облегчением, могу сообщить, что подручных дел мастеришко, который пытал Юдифь, скончался во время операции по твоему спасению.

— В самом деле? Жалко. Я хотел бы оставить его для себя...

— Не сомневаюсь. Но в таком случае тебе пришлось бы встать в длинную очередь. Таких, как ты, немало. Я в том числе.

— Но я-то придумал для него кое-что оригинальное. Я заставил бы его кусать ногти.

— Кусать ногти? — Зеб явно удивился.

— Пока он не обкусал бы их до локтей. Понимаешь?

— Да,— усмехнулся Зеб.— Нельзя сказать, что ты страдаешь избытком воображения. Но он мертв, и нам до него не добраться.

— Ну тогда ему повезло. А почему ты, Зеб, сам до него не добрался?

— Я? Да я даже не участвовал в твоём спасении. Я к тому времени ещё не вернулся во дворец.

— Как так?

— Не думаешь ли ты, что я все ещё исполняю обязанности ангела?

— Об этом я как-то не подумал.

— Не мог я вернуться после того, как скрылся от ареста. Теперь мы оба дезертиры из армии Соединённых Штатов — и каждый полицейский, каждый почтальон в стране мечтает получить награду за нашу поимку.

Я тихо присвистнул, когда до меня дошло все значение его слов.

6 Я присоединился к Каббале под влиянием момента. Правда, в тот момент мне было не до долгих рассуждений. Нельзя сказать, что я порвал с церковью в результате трезвого раздумья.

Конечно, я понимал, что присоединиться к подполью значило порвать все старые связи, но тогда я об этом не задумывался.

А что значило для меня навсегда отказаться от офицерского мундира? Я гордился им, я любил идти по улице, заходить в кафе, магазины и сознавать, что все глаза обращены на меня.

Наконец я выбросил эти мысли из головы. Руки мои оперлись уже на плуг, и лемех вонзился в землю. Пути назад не было. Я выбрал себе дорогу и останусь на ней, пока мы не победим или пока меня не сожгут за измену.

Зеб смотрел на меня испытующе:

— Не понравилось?

— Ничего. Я привыкаю. Просто события разворачиваются слишком быстро.

— Понимаю. Нам придется забыть о пенсии и теперь неважно, какими по счету мы были в Вест Пойнте.

Он снял с пальца кольцо училища, подкинул его в воздух, а потом сунул в карман.

— Надо работать, дружище. Ты, кстати, обнаружишь, что здесь тоже есть военные подразделения. И совсем настоящие. Что касается меня, то мне эта фанаберия надоела, и я рад бы никогда больше

не слышать: «Стройся! Равнение на середину!» Но все равно мы будем работать там, где нужно, главное — борьба.

Питер ван Эйк пришел навестить меня дня через два. Он присел на краешек кровати, сложил руки на брюшке и посмотрел на меня.

— Тебе лучше, сынок?

— Я мог бы подняться, но доктор не разрешает.

— Хорошо, а то у нас людей не хватает. И чем меньше образованный офицер пролежит в госпитале, тем лучше.— Он помолчал, пожевал губами и добавил:

— Но, сынок, я и ума не приложу, что с тобой делать.

— Как так?

— Честно говоря, тебя с самого начала не следовало принимать в организацию: мы не имеем права вмешиваться в сердечные дела. Такие дела нарушают привычные связи и могут привести к скоропалительным и неверным решениям. А уж после того как мы тебя приняли, нам пришлось впутаться в такие авантюры, которых, строго говоря, и быть не должно.

Я ничего не ответил. Нечего было отвечать: капитан был прав. Я почувствовал, что краснею.

— Не вспыхивай, как девушка,— сказал капитан.— Ведь с точки зрения боевого духа нам полезно иногда нападать самим. Но главная проблема — что делать с тобой. Парень ты здоровый, держал себя неплохо, но понимаешь ли ты в самом деле, что мы боремся за свободу и человеческое достоинство? Понимаешь ли вообще, что значат эти слова?

Я ответил, почти не колеблясь:

— Может быть, я и не первый умник, и, право, мне никогда не приходилось размышлять о политике, но я твердо знаю, на чьей я стороне.

Он кивнул головой.

— Этого достаточно. Мы не можем ожидать, что каждый из нас станет Томом Пейном*.

— Кем?

— Томасом Пейном. Но ты о нем никогда не слышал, конечно. Когда будет свободное время, почитай о нем, у нас есть библиотека. Очень помогает. Теперь о тебе. Конечно, нетрудно посадить тебя за стол. Твой друг Зеб проводит за ним по шестнадцать часов

* Пейн Томас (1737—1809) — прогрессивный американский политический деятель, автор памфлета «Здравый смысл» (1776), в котором он призывал к борьбе Северной Америки за независимость.

в день, приводя в порядок наши бумажные дела. Но мне не хочется, чтобы оба вы занимались канцелярщиной. Скажи, что было твоим любимым предметом, твоей специальностью?

— Я еще не специализировался.

— Знаю. Но к чему у тебя были склонности? К прикладным чудесам, к массовой психологии?

— У меня неплохо шли чудеса, но боюсь, что для психодинамики у меня не хватало мозгов. Я любил баллистику.

— К сожалению, у нас нет артиллерии. Мне нужен специалист по пропаганде, но ты не подойдешь.

— Мастер Питер,— сказал я,— я готов служить... служить кем угодно, если это нужно.

— Молодец,— сказал он.— Среди нас нет места таким, кто любит отдавать приказы, но не хочет чистить нужники...

Вскоре мне разрешили вставать и давали нетрудные поручения. В течение нескольких дней я считывал гранки «Иконоборца» — острой, слегка критичной, вызывающей к реформам сверху, газете. Это была газета типа «Да, но...» — внешне беспредельно преданная Пророку и в то же время призванная вызывать сомнения и заставлять задуматься даже самых нетерпимых и прямолинейных из его приверженцев. Значение ее заключалось не в том, что в ней говорится, а в том, как. Ее номера мне приходилось видеть даже во дворце.

Познакомился я немного также с нашим подземным штабом в Новом Иерусалиме. Сам универмаг принадлежал нашему человеку и был очень важным средством сообщения с внешним миром. Полки магазина кормили и одевали нас, через систему связи универмага мы не только общались с другими частями города, но и могли иногда организовывать международную связь, если нам удавалось зашифровать послание так, чтобы оно не вызвало подозрений у цензуры. Грузовики универмага помогали перевозить людей. Я узнал, что именно так начала свой путь в Мексику Юдифь — в ящике, на котором было написано «резиновая обувь». Коммерческие операции магазина служили хорошим прикрытием для наших широких связей.

Успешная революция — огромное дело, нельзя забывать об этом. В современном сложном индустриальном обществе кучка заговорщиков, которые шепчутся за углом и собираются при свече на покинутых руинах, не делает революции. Революции нужны множество людей, запасы современной техники и современного

оружия. И чтобы управлять всем этим, нужны конспирация, преданность делу и тщательно продуманная организация.

Я работал, но, пока не получил назначения, у меня оставалось много свободного времени. Нашлось время и заглянуть в библиотеку, и я прочитал и про Томаса Пейна, и про Патрика Генри, и про Томаса Джефферсона*, и про других. Для меня открылся новый мир. Сначала мне было даже трудно поверить в то, что я прочел. Я думаю, что из всего, что полицейское государство делает со своими гражданами, самое пагубное и непростительное — это искажение исторического прошлого.

Например, я узнал, что, оказывается, перед приходом первого Пророка Соединенные Штаты управлялись не шайкой сатаны. Я не хочу сказать, что их государство было раем из проповедей, но оно не было и тем, чему меня учили в школе. Впервые в жизни я читал книги, не прошедшие цензуру Пророка, и они потрясли меня. Иногда я даже невольно оборачивался, боясь самого себя, ожидая, что кто-то обязательно должен следить за мной, смотреть мне через плечо.

Голова моя была забита новыми идеями, каждая из которых была интереснее предыдущей. Я узнал, что межпланетные путешествия, почти миф в мое время, прекратились не потому, что Первый Пророк запретил их, как противные господу; они прекратились потому, что правительство Пророка привело страну в упадок и не смогло их финансировать. Я узнал даже, что «безмозглые» (я использовал мысленно привычное слово для определения иностранцев) посылали в космос корабли и люди уже покорили Марс и Венеру.

Я был так этим взволнован, что даже забыл о нашем положении. Если бы меня не выбрали в ангелы господа, я, наверное, стал бы работать в области ракетостроения. Я любил такие вещи, которые требовали быстрых рефлексов, совмещенных со знанием математики и механики. Может быть, со временем Соединенные Штаты снова будут иметь космические корабли. Может быть, я...

Но эта мысль была заглушена сотнями других. Например, ино-

* Генри Патрик (1736—1799) — американский общественный деятель, идеолог и активный участник войны США за независимость.

Джефферсон Томас (1743—1826) — американский просветитель, идеолог войны Северной Америки за независимость, президент США в 1801—1809 гг. Автор Декларации Независимости США.

странными газетами. Я даже и не подозревал раньше, что «безмозглые» умеют читать и писать. Лондонская «Таймс» оказалась увлекательнейшей газетой. До меня понемногу дошло, что англичане не едят человеческого мяса и даже, может быть, никогда и не ели. Оказалось, они очень похожи на нас, если не считать, что им было до безобразия много разрешено; я даже видел письма читателей, в которых они осмеливались критиковать правительство. Больше того, в той же газете было напечатано письмо, в котором местный епископ укорял своих прихожан за то, что они редко ходят в церковь. Я не могу даже сказать, какое из писем потрясло меня больше. В одном не было никакого сомнения: письма эти указывали, что в Англии воцарилась полная анархия.

Питер ван Эйк сказал мне, что меня направляют в Главный штаб, где я получу назначение.

— Главный штаб? А где это?

— Узнаешь, когда попадешь туда. А сейчас направляйся к метаморфисту.

Доктор Мюллер был специалист по пластическим операциям. Я спросил его, что он будет со мной делать.

— Не знаю, пока не выясню, что вы собой представляете.

Он меня всего обмерил вдоль и поперек, записал голос, проанализировал походку и проверил все мои психические данные.

— Теперь отыщем вам брата-близнеца.

Я наблюдал, как мою карточку сравнивали с десятками тысяч других, и принялся уже подозревать, что я — личность совершенно уникальная, не напоминающая никого на свете, когда почти сразу из аппарата выпало две карточки. А прежде чем машина закончила работу, на столе перед доктором лежало уже пять карт.

— Неплохой набор,— произнес доктор Мюллер, разглядывая их.— Один синтетический, два живых, один мертвец и одна женщина. Ну, женщину мы отложим в сторону, но запомним для себя, что на свете есть женщина, которую вы могли бы прилично имитировать.

— А что такое синтетический? — спросил я.

— Это личность, тщательно составленная из поддельных документов и придуманного происхождения. Сделать синтетического — задача сложная и рискованная, приходится вносить изменения в государственные архивы. Я не хотел бы пользоваться придуманной личностью, потому что тут не учесть мелких деталей, которые могут оказаться жизненно важными. Я предпочел бы дать вам облик и данные живущего человека.

— А почему вы все-таки создаете синтетические личности?

— Иногда приходится. Например, надо срочно вывезти беглеца

и под рукой нет никого, чью личность мы могли бы ему передать. Поэтому у нас постоянно в запасе широкий выбор синтетиков. Посмотрим теперь, кто же эти живые?

— Минутку, доктор,— перебил его я.— А почему вы сохраняете карточки умерших людей?

— А это те, кто формально считается живым. Когда кто-нибудь из наших умирает и представляется возможность скрыть это от властей, мы сохраняем его данные, чтобы ими мог воспользоваться наш агент. Да, вы поете?

— Неважно.

— Тогда этот отпадает. Он — баритон. Я могу многое в вас изменить, но не смогу научить вас профессионально петь. А не хотелось бы вам стать Адамом Ривсом, представителем текстильной компании?

— Вы думаете, я справлюсь?

— Разумеется. После того, как я с вами позанимаюсь.

Через две недели меня не узнала бы и родная мать. Да, думаю, и мать Ривса не отличила бы меня от своего сына. В течение второй недели я каждый день встречался с настоящим Ривсом. Пока мы с ним занимались, я к нему привык, и он мне даже понравился. Он оказался тихим, скромным человеком, который не любил вылезать на передний план и потому казался мне ниже ростом, хотя он был, конечно, такого же, как и я, роста, сложения и даже немного походил на меня лицом.

Немного — это было вначале. После небольшой операции уши мои несколько оттопырились. Нос Ривса был с горбинкой — кусочек воска, положенный мне под кожу на переносицу, придавал горбинку и моему носу. Пришлось поставить коронки на несколько зубов, чтобы одинаковыми стали наши зубы. Это была единственная часть перевоплощения, против которой я возражал. Пришлось также просветлить мне кожу на лице: работа Ривса не давала ему возможности часто бывать на свежем воздухе.

Но самой трудной частью перевоплощения были искусственные отпечатки пальцев. Подушечки моих пальцев покрыли тонким прозрачным слоем, на котором были выдавлены линии пальцев Ривса. Эта работа была настолько тонкая и точная, что доктор Мюллер заставил переделать один из пальцев семь раз, пока не признал; что трюк удался.

Но все это оказалось только началом. Теперь мне надо было научиться ходить, как ходил Ривс, смеяться, как он смеялся, даже изучить его поведение за столом. Я усомнился, что много зарабатывал бы как актер, и мой тренер полностью со мной согласился.

— Послушайте, Лайл,— повторял он.— Когда вы, наконец, усвои-

те, что жизнь ваша зависит от того, насколько хорошо вы будете имитировать Ривса? Вы обязаны научиться!

— А мне казалось, что я веду себя, как Ривс,— робко возражал я.

— Ведете! В этом-то и беда, что только ведете. И разница между вами и Ривсом, как между настоящей ногой и протезом. Вы обязаны стать настоящим Ривсом. Попробуйте. Беспокойтесь, как и он, о распространении тканей, думайте о вашей последней деловой поездке, о налогах и расцветке... Давайте. Попробуйте.

Каждую свободную минуту я изучал дела Ривса так, чтобы полностью заменить его как специалист по текстилю. Я изучал способы торговли и понял, что мало только развозить образцы и предлагать их розничным торговцам. Еще до окончания работы я научился уважать своего двойника. Раньше я полагал, что продавать и покупать — просто. Оказывается, я и здесь ошибался. Я плохо спал и просыпался по утрам с разламывающейся головой, и уши мои, еще не зажившие после операции, зудели до безобразия.

И вот все кончено. За две недели я стал Адамом Ривсом, путешественником по торговым делам.

7 — Лайл,— сказал мне Питер ван Эйк.— Ривс должен вылететь сегодня на «Комете» в Цинциннати. Ты готов?

— Да, сэр.

— Хорошо. Повтори приказ.

— Сначала я должен проехать отсюда до побережья. Явлюсь в Сан-Францисское отделение фирмы и отчитаюсь там в своих сделках. Потом возьму отпуск и поеду отдыхать. В Аризоне, в городе Фениксе я должен посетить церковную службу. После службы я останусь и поблагодарю священника за вдохновенную проповедь. Затем я скажу ему пароль. Он поможет мне добраться до Главного штаба.

— Правильно. Ты попадешь к месту работы, и, кроме того, я использую тебя как курьера. Зайди сейчас в психодинамическую лабораторию, и главный техник даст тебе указания.

— Слушаюсь.

Питер встал из-за стола и, обойдя его, подошел ко мне.

— До свидания, Джон. Береги себя.

— Спасибо, сэр. А послание, которое я должен доставить, важное?

— Очень важное.

Он больше ничего не сказал и оставил меня в недоумении.

Почему не сказать сразу, если я все равно через несколько минут все узнаю? Но я ошибался. В лаборатории меня попросили сесть и подготовиться к сеансу гипноза.

— Вот и все,— сказали мне после окончания сеанса.— Выполняйте приказание.

— А как насчет послания, которое я должен доставить в Главный штаб?

— Оно уже в вас.

— Гипнотически? Но если меня арестуют?

— Вы в безопасности. Ключ к посланию в двух условных словах. Вы не сможете вспомнить их, пока кто-нибудь их не произнесет. У того, кто будет вас допрашивать, если вы попадетесь, практически нет шансов произнести оба слова в определенном порядке. Поэтому вы не сможете выдать послание ни во сне, ни наяву.

Сначала я думал, что мне дадут какое-нибудь средство покончить жизнь самоубийством, если я попадусь. Но когда узнал, что послание будет в безопасности, то не стал даже просить. Кстати, я не склонен к самоубийству: когда дьявол придет по мою душу, ему придется тащить меня на тот свет силой.

Ракетодром Нового Иерусалима связан с городом подземкой. Станция находится прямо напротив универмага, так что я вышел из его дверей, перешел улицу, разыскал тоннель с надписью «Ракетодром», подождал, пока подъехала пустая повозка, положил туда багаж, сел сам. Служитель закрыл колпак, включил ток, и почти мгновенно я оказался в порту.

Я купил билет и встал в хвост очереди к портовому полицейскому участку. Должен признаться, что я нервничал. За документы Адама Ривса я не боялся, но знал, что полицейские наверняка имеют приказ задерживать всякого, кто напоминает бежавшего преступника Джона Лайла. Но они всегда кого-нибудь да разыскивают, и я надеялся, что список разыскиваемых лиц слишком длинен для того, чтобы на некоего Джона Лайла обратили особое внимание.

Очередь продвигалась медленно. Я принял это за неблагоприятный знак, особенно когда заметил, что нескольких человек вывели из нее и поставили у стены. Но само ожидание позволило мне собраться с силой. Я протянул сержанту свои документы, посмотрел на хроно, потом поднял глаза к станционным часам и снова посмотрел на свой хроно.

Сержант проверял бумаги не спеша. Он взглянул на меня и сказал:

— Не волнуйтесь, не опоздаете. Пока мы всех не проверим, они не полетят.

Он пододвинул ко мне блестящую дощечку

— Отпечатки пальцев, попрошу.

Я без слов протянул руки. Он сверил эти отпечатки с отпечатками в моем разрешении на передвижение по стране, потом с отпечатками пальцев, которые Ривс оставил, когда прилетел сюда неделю назад.

— Все в порядке, мистер Ривс. Приятного пути.

Я поблагодарил его и пошел дальше.

Народу в «Комете» было немного. Я выбрал место у окна, в передней части салона, и только успел развернуть свежий номер «Святого города», как почувствовал прикосновение к плечу.

Это был полицейский.

— Прошу вас выйти.

Меня вывели из ракеты вместе с другими четырьмя пассажирами. Сержант был вежлив.

— Придется попросить всех вас вернуться на участок для дальнейшей проверки. Багаж будет выгружен. Билеты действительны на следующий рейс.

Я возмутился:

— Я обязан быть сегодня вечером в Цинциннати!

— Прошу прощения.— Тут он обернулся ко мне.— А, вы — Ривс! Вроде все сходится. И рост и лицо. Дайте-ка я еще разок посмотрю ваш пропуск. Вы же прилетели в город неделю назад?

— Совершенно правильно.

Он снова внимательно изучил мои документы.

— Ну, конечно, теперь я припоминаю. Вы прилетели утром во вторник на «Пилигриме». И вы не могли быть в двух местах одновременно. Так что, я думаю, против вас мы ничего не имеем. Быстро возвращайтесь в ракету. Остальные следуйте за мной.

Я вернулся в салон и снова развернул газету. Через несколько минут ракета взлетела и взяла курс на запад. Я продолжал читать газету, чтобы успокоиться, но вскоре заинтересовался. Только что утром, в подполье, я читал свежую канадскую газету. Контраст был поразителен. Я снова оказался в мире, для которого не существовало других стран, «иностранные новости» состояли из гордых отчетов наших иностранных представителей и миссий и несколько сообщений о зверствах «безмозглых». Я подумал, куда деваются все деньги, которые ежегодно выделяются на миссионерскую деятельность. Остальной мир, если верить «их» газетам, и не подозревал, что наши миссионеры существуют.

Потом я начал выбирать из сообщений те, что были явно лживыми. К тому времени, когда я кончил их подсчитывать, мы спустились в ионосферу и приближались к Цинциннати. Мы обогнали солнце и из ночи прилетели в вечер.

Очевидно, в моем роду был бродячий торговец. Я не только посетил все пункты, намеченные Ривсом, но даже добился кое-каких успехов. Даже обнаружил, что получаю больше удовлетворения, уговорив несговорчивого торговца, чем от военной службы. Я перестал думать о надежности моего нового лица, а полностью углубился в мир текстиля.

В Канзас-сити я улетел точно по графику и не встретил никаких препятствий в полиции, когда обратился за очередной визой на переезд. Я решил было, что Новый Иерусалим охраняется особо. А здесь уже никто и не разыскивает некоего Джона Лайла, бывшего офицера.

Ракета на Канзас-сити была переполнена. Мне пришлось сесть рядом с другим пассажиром, крепким мужчиной лет за тридцать. Мы поглядели друг на друга, а потом каждый занялся своим делом. Я выдвинул столик и принялся приводить в порядок заказы и другие бумаги, накопившиеся за дни, проведенные в Цинциннати. Сосед откинулся на сидении и смотрел телефильм на экране в передней части салона.

Он толкнул меня в бок и, когда я обернулся, показал пальцем на экран. Там была видна площадь, заполненная народом. Люди бежали к ступеням массивного храма, над которым развевались знамя Пророка и выпел епископства. Первая волна людей разбилась о нижние ступени храма.

Взвод храмовой охраны выбежал из боковой двери и быстро установил наверху лестницы треножки огнеметов. Дальше сцена снималась другой камерой, очевидно, установленной на крыше храма, потому что мы видели лица нападающих, устремленные в нашу сторону.

То, что последовало за этим, заставило меня устыдиться формы, которую я еще недавно носил. Чтобы продлить мучения людей, стражники целились огнеметами по ногам. Люди падали и катались в страшных мучениях по площади. Я увидел, как лучи ударили по ногам парня и девушки, которые бежали, взявшись за руки. Они упали, истекая кровью, но парень нашел в себе силы доползти до девушки и дотянуться рукой до ее лица. Камера покинула их и перешла на общий план.

Я схватил наушники, висевшие на спинке кресла, и услышал: «...аполис, Миннесота. Город находится под контролем местных властей, и присылки подкреплений не понадобится. Епископ Дженнинг объявил военное положение. Агенты сатаны окружены. Проводятся аресты. Порядок восстановлен. Город переводится на пост и молитву. Миннесотские гетто будут закрыты, и все парии переводятся в резервации Вайоминга и Монтаны для предотвращения дальней-

ших вспышек. Да пусть послужит это предупреждением каждому, кто осмелится подняться против божественной власти Пророка.

Передачу вела телестанция «Крылья ласточки» на средства Ассоциации Торговцев, производящих элегантнейшие в мире предметы женского туалета. Покупайте наши товары! Спешите! Новинка. Статуя Пророка, чудесным образом светящаяся в темноте! Высылайте один доллар наложенным платежом...

Я снял наушники и повесил их на место. Я молчал, ожидая, что скажет мой сосед,— и он заговорил с откровенным возмущением.

— Так им и надо, этим идиотам! Штурмовать укрепленные позиции без всякого оружия.— Он говорил очень тихо, склонившись к моему уху.

— Интересно, почему они взбунтовались?

— Да разве предугадаешь действия еретика. Они же все ненормальные.

— Вы могли бы повторить это и в церкви,— согласился я.— Кроме того, даже нормальный еретик — если такие бывают — должен понимать, что правительство очень толково управляет страной. Бизнес процветает.— Я со счастливой улыбкой похлопал по черному портфелю.— По крайней мере мой бизнес хвала господу.

Мы немного поговорили о состоянии дел в стране. Я присматривался к нему. На вид он был обычный преуспевающий горожанин, консерватор, но что-то в его обпике заставило меня насторожиться. Может, просто нервы не в порядке? Или это шестое чувство человека, за которым охотятся?

Взгляд мой упал на его руки, и меня охватило чувство, что я должен что-то увидеть. Но ничего особенного не было. Я пригляделся и заметил все-таки весьма мелкую деталь — на пальце левой руки след от кольца. Такой же след был на моем пальце, когда я снял тяжелое кольцо, которое я носил много лет в Вест Пойнте и после него. Конечно, это ничего еще не значило — многие носили тяжелые кольца. На моем пальце, например, было кольцо с печаткой, принадлежавшее Ривсу.

Но почему он вдруг снял кольцо? Пустяк, конечно, но этот пустяк меня насторожил. В Вест Пойнте я никогда не считался хорошим психологом, но сейчас стоило вспомнить то небольшое, чему меня все-таки научили. Я перебирал в памяти все, что знал о соседе.

Первое, что он заметил, первое, о чем он сказал, увидев сцену подавления восстания,— это то, что нападающие шли невооруженными на укрепленные позиции. Это могло указывать на военную ориентацию его мыслей. Но это еще не доказывало, что он военный.

Наоборот, выпускники академии никогда не снимают кольца и уносят его с собой в могилу. Единственное объяснение в таком случае: он не хочет, чтобы его узнали.

Мы продолжали вежливую беседу, и я размышлял о том, чем бы мне подкрепить свои рассуждения, когда стюардесса принесла чай. Ракета как раз начала спускаться, ее тряхнуло, и стюардесса пролила немного горячего чая на брюки моему соседу. Он вскрикнул и почти неслышно выругался. Сомневаюсь, что стюардесса поняла, что он сказал, но я разобрал.

Это ругательство было типично для Вест Пойнта, и я никогда не слышал, чтобы его употреблял кто-нибудь, кроме выпускников академии.

Отсутствие кольца было не случайно. Он — офицер, переодетый в штатское. Вывод: почти несомненно, он выполняет секретное задание.

Но даже если он охотился за мной, он совершил минимум две грубые для секретного агента ошибки. Даже самый неопытный новичок (я, к примеру) никогда не сделает таких ошибок, а ведь секретная служба состояла не из дураков, у них работали и лучшие головы страны. Хорошо, что же из этого следует? Ошибки были не случайны. Предполагалось, что я их замечу и буду думать, что они случайны. Почему?

Вряд ли потому, что он сомневался, что я — тот человек, который ему нужен. В таком случае на основании проверенного тезиса о том, что каждый человек виновен, пока не доказано, что он невинен, он просто арестовал бы меня и подверг допросу.

Тогда почему же?

Вероятнее всего, они хотели испугать меня, заставить бросить все и помчаться в укрытие — и навести их таким образом на след моих товарищей. Конечно, все это были мои предположения, но они не противоречили фактам.

Когда я понял, что мой сосед — секретный агент, меня охватил холодный страх, схожий с морской болезнью. Но когда я решил, что раскусил его, я успокоился. Что бы сделал на моем месте Зеб? «Первый принцип интриги — не предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать подозрение...» Сиди на месте и изображай идиота. Если он захочет следить за мной, пусть следит, я проведу его сквозь все отделения универмага в Канзас-сити — и пускай поглядит, как я всучиваю свои тряпки.

И все-таки меня бил озноб, когда мы сошли в Канзас-сити. Я все время ждал мягкого прикосновения к плечу — прикосновения куда более страшного, чем удар в лицо. Но ничего не произошло. Он бросил мне обычное «хранит вас господь», обогнал меня и на-

правился к лифту, ведущему к стоянке такси, пока я ставил печати на моем пропуске. Правда, это меня не очень успокоило — он мог десять раз передать меня другому агенту. И все-таки я отправился к универмагу весьма неспешно.

Я провел деловую неделю в Канзас-сити, выполнил все, что от меня ожидалось, и даже неожиданно заключил выгодную непредусмотренную планом сделку. Я старался узнать, следят ли за мной, но по сей день так и не знаю, был ли у меня «хвост». Если следили, то кто-то провел очень скучную неделю. Но что бы то ни было я с большим удовольствием сел в ракету, улетающую в Денвер.

Мы приземлились на аэродроме в нескольких милях от Денвера. Полиция проверила документы, и я уже собирался сунуть бумажник обратно в карман, когда сержант сказал:

— Оголите левую руку, мистер Ривс.

Я закатал рукав, пытаясь выказать при этом должную степень возмущения. Чиновник в белом халате взял кровь на анализ.

— Нормальная процедура, — заметил сержант. — Департамент здравоохранения опасается эпидемии лихорадки.

Это было весьма неправдоподобное объяснение. Но для Ривса оно могло показаться достаточным. Объяснение стало еще более неправдоподобным, когда мне велели подождать результатов анализа в комнате полицейского участка. Я сидел там, ломая голову, какой вред могли причинить мне десять кубиков собственной крови.

Времени подумать у меня было достаточно. Положение не из приятных. Но предлог, под которым меня задержали, был настолько тривиальным, что у меня не хватало решимости попытаться убежать. Может быть, они и в самом деле боялись лихорадки. Я сидел и ждал.

Здание было временное, и стенка между комнатой, где я сидел, и помещением дежурного была из тонкого пластика. Я слышал голоса, но не мог разобрать слов. Я не осмеливался приложить ухо к стене, опасаясь, что кто-нибудь войдет, но в то же время понимал, что это может оказаться полезным. Я подвинул стул к стене и качнулся на нем назад, так что стул держался на двух ножках, а мои плечи и затылок оказались прижаты к стене. Потом загородился развернутой газетой и приблизил ухо к стене.

Теперь я мог разобрать каждое слово. Сержант рассказывал клерку историю, которая могла стоить ему месячного покаяния, если блюститель морали услышал бы ее, но так как я слышал ее во время службы во дворце, то она меня не шокировала, да и что мне до чужой морали. О Ривсе ни слова.

Напротив было открытое окно, выходившее на ракетодром. Небольшая ракета спустилась к земле, притормозила и замерла в четверти мили от меня... Пилот выпустил шасси, подогнал ракету к административному зданию и оставил ярдах в двадцати от окна. Я хорошо знал этот тип ракет (я водил такую же, играя за армию в воздушное поло; в тот год мы обыграли и флот и Принстонский колледж).

Пилот вышел из ракеты и скрылся в здании. Если зажигание не выключено, почему бы не попробовать? Я посмотрел на открытое окно. Возможно, оно снабжено виброзащитой, и тогда я даже не успею узнать, отчего я погиб. Но я не видел никакой проводки, а тонкие стенки вряд ли могли скрыть в себе провода. Может быть, окно было оборудовано только контактной сигнализацией?

Пока я размышлял, до меня снова донеслись голоса из соседней комнаты.

— Какая группа крови?

— Первая, сержант.

— Совпадает?

— Нет, у Ривса третья.

— Ого! Позвони в главную лабораторию. Мы возьмем его в город на анализ сетчатки.

Я попался, и знал это. Они уже наверняка поняли, что я не Ривс. Как только они сфотографируют рисунок сосудов на сетчатке глаза, они тут же узнают, кто я на самом деле.

И я выпрыгнул в окно.

Я опустился на руки, перекатился через голову и, как пружина, вскочил на ноги. Дверь в ракету была раскрыта, и зажигание не отключено — дуракам везет!

Я не стал выводить ракету на главное поле, а дал полный газ. Мы с ней, с моей милой, подпрыгнули, пронеслись над землей и взмыли вверх, взяв курс на запад.

8

Я набрал высоту, чтобы включить главный двигатель. Настроение было отличное: в руках у меня чудесный корабль, а полицейские остались с носом. Но как только я отлетел на некоторое расстояние от аэропорта, мой глупый оптимизм испарился.

Если кот спасается, залезая на дерево, ему приходится сидеть там, пока собака не уйдет. Это была как раз та ситуация, в которой я оказался. Но я не могу бесконечно находиться в воздухе, а собака ни за что не уйдет из-под дерева. Уже дан сигнал тревоги. Через

минуту поднимутся полицейские ракеты. Меня засекут, в этом сомневаться не приходится, и экраны слежения уже не выпустят меня из поля зрения. После этого — два пути: приземлиться, куда прикажут, или быть сбитым.

Чудо моего спасения казалось не таким уж и чудом. Или, может быть, слишком чудом? С каких пор полицейские стали такие рассеянные, что оставляют пленника без охраны в комнате с открытым окном? И не слишком ли чудесное совпадение — рядом опускается корабль, которым я умею управлять, и пилот забывает выключить зажигание именно в тот момент, когда сержант говорит громко, что я разоблачен?

Может, это и есть вторая, более успешная попытка запугать меня? Но если это так, то они не будут меня сейчас сбивать. Они все еще надеются, что я приведу их к моим товарищам.

Конечно, оставалась вероятность, что мне в самом деле повезло. В любом случае я не хотел попадаться им снова, как и не хотел привести их к моим товарищам. Я нес важное послание и не мог доставить врагам такое удовольствие.

Я настроил приемник на частоту полицейских ракет. Услышал разговор, касающийся каких-то грузовых ракет, но не больше. Никто не приказывал мне приземлиться и не грозил карами земными и небесными. Может, это начнется позже. Я отключился.

Приборы показывали, что я в семидесяти милях от Данвера и направляюсь на северо-запад. Оказывается, я в воздухе меньше десяти минут. Это меня удивило. Баки были почти полные — у меня горючего на десять часов, или на шесть тысяч миль. Но, правда, на такой скорости они меня могли просто-напросто забросать камнями.

В голове начал формироваться план. Может, он был глуп и невозможен, но иметь какой-нибудь план лучше, чем не иметь никакого. Я взял курс на Гавайскую республику. Затем я заложил программу в автопилот: дальность полета 3100 миль, скорость 800 миль в час. Только-только.

Но это меня не волновало. Где-то там, внизу, как только я изменил курс, анализаторы принялись вычислять и пришли быстро к заключению, что я пытаюсь скрыться в Свободную Гавайскую республику на такой-то скорости, на такой-то высоте... Что я пересеку побережье между Сан-Франциско и Монтереем через шестьдесят минут. Перехватить меня нетрудно. Даже если они продолжают играть со мной в кошки-мышки. Перехватчики поднимутся из долины Сакраменто. Если они промахнутся (вряд ли!), ракеты более быстрые, чем моя, будут ждать меня над побережьем. Долететь до Гавайской республики у меня не было никаких шансов.

Но я и не собирался... Я хотел, чтобы они уничтожили мою ракету, уничтожили полностью, в воздухе, потому что не собирался в этот момент в ней находиться.

Вторая задача. Как из этой штуки выбраться? Выход из ракеты на полном ходу достигается простым нажатием кнопки, которая катапультирует вас с креслом. Об этом позаботились конструкторы. Потом раскроется парашют, и вы комфортабельно опуститесь на божью землю, неся с собой баллон с неприкосновенным запасом кислорода.

Но есть один недостаток: и корабль и капсула с пилотом немедленно начинают подавать сигнал бедствия. Все просто и неприятно, как корова в церкви.

Я смотрел перед собой и ломал голову. Каждую минуту я пролетал тринадцать миль, и каждую минуту у меня становилось минутой меньше. Конечно, рядом со мной был люк. Я мог бы надеть парашют и выйти наружу — но нельзя открыть люк в ракете, летящей на высоте шести миль. Стоит учесть и скорость — меня просто разрежет дверью, как масло.

Все зависело от того, сколь надежен у этой штуки автопилот. Хорошие автопилоты могут все сделать. Те, что подешевле и попроще, могут поддерживать скорость, высоту и направление пилота, но этим таланты их исчерпываются.

Мой опыт полетов на такой ракете ничему меня не научил по той простой причине, что пользоваться парашютом при игре в воздушное поло не приходится. Поверьте мне на слово. Я поискал инструкцию, но не нашел ее. Без сомнения, я мог отвинтить панель автопилота и поработать над ним с отверткой в руках, но для этого понадобился бы целый день: в этих автопилотах до черта транзисторов и проволоочной лапши.

Так что я вытащил парашют и принялся его надевать, напевая

Друг, надеюсь, у тебя
Есть мне нужное устройство.

Автопилот не ответил ни слова, и надо признаться, я бы очень удивился, если бы он ответил. Потом я снова сел в кресло и принялся орудовать с автопилотом. Я был уже над пустыней и видел, как солнце отражалось в водах Соленого озера.

Сперва я немного снизился. На высоте шесть миль слишком холодно и неудобно. Да и кислорода мало. Я перевел ракету на планирующий спуск. Мне хотелось, чтобы она в определенной точке начала опускаться вертикально. Затем я собирался выключить двигатели и выпрыгнуть наружу. Автопилот включит двигатели

снова, и я надеялся, что это случится, когда я успею отлететь от ракеты.

Двигатели я намеревался выключить в тридцати тысячах футах от земли, так, чтобы автопилот успел включить тормозные устройства и ракета не врезалась бы в землю, что меня никак не устраивало.

Я выключил двигатели. Дверь не открывалась. А когда открылась, это было так неожиданно, что я буквально вывалился наружу. С секунду и я и ракета свободно падали рядом, потом расстояние стало увеличиваться. Я медленно вращался вокруг своей оси.

Понемногу ракета обогнала меня, и тут заработали ее двигатели — автопилот принялся за работу, стараясь вернуть ее на заданный курс. Так мы расстались.

Следя за тем, как она удаляется, я почувствовал, что глаза обжигает страшный холод. Я закрыл глаза руками, чтобы не отморозить. Но с закрытыми глазами мне показалось, что я вот-вот врежусь в землю. На секунду я приоткрыл глаза и обнаружил, что земля еще далеко — милях в двух-трех. Расчеты мои могли быть и неточны, потому что внизу уже стемнело. Далеко поблескивали выхлопы ракеты. Корабль набирал высоту и продолжал путь к океану. Я пожелал ракете счастливого пути и благородной кончины в океане, а не от выстрелов перехватчика.

Теперь мне надо было как можно быстрее удалиться от места приземления. Кто-нибудь из наблюдателей наверняка заметил мои маневры и даже мог разглядеть меня самого в виде второй точки на экране. Парашют надо было не раскрывать как можно дольше — пока окружающие холмы не скроют меня от наземных радаров.

Надо было дожидаться, пока я окажусь метрах в пятистах от земли, но меня подвели нервы — я никогда еще не делал затяжных прыжков. Вправо виднелся большой город — очевидно, Прово.

Я дернул кольцо и в течение двух страшных секунд был уверен, что мне достался негодный парашют. Но тут парашют весьма чувствительно для меня раскрылся. Я глубоко вздохнул — легкие стоскались по густому воздуху.

Я не видел земли, но чувствовал, что она близко. Я подогнул, как положено, колени, и тут же земля стукнула меня по ногам и парашют потащил за собой, ударяя о кусты и волоча сквозь колочки.

Следующее, что я помню: я сижу на поле, засеянном сахарной свеклой, и потираю ушибленную коленку.

Шпионы во всех книжках зарывают свои парашюты, так что мне тоже, очевидно, положено было закопать свой. Но, во-первых,

я устал, во-вторых, у меня не было с собой лопаты, а в-третьих, мне не хотелось копать землю. Я затолкал его в трубу под дорогой и пошел по обочине к огням Прово.

Из носа и левого уха шла кровь и засыхала на лице. Я был покрыт грязью, разорвал брюки, шляпа моя осталась бог знает где, коленка болела. Чувствовал я себя — хуже некуда.

И все-таки я с трудом удерживался, чтобы не засвистеть. Да, они за мной гонятся, но они гонятся за пустой ракетой. Я надеялся, что мне на этот раз удалось их провести,— и тогда я свободен и сравнительно легко отделался... Если уж скрываться где-нибудь, то лучше места, чем штат Юта, не придумаешь. Это всегдашний центр ересей с тех пор, как была уничтожена мормонская церковь, еще во времена Первого Пророка. Если я не попадусь на глаза полицейским, можно надеяться, что местные жители меня не выдадут.

И все-таки я покорно бросался в пыльную канаву каждый раз, когда мимо пронеслись огни машин, и прежде чем достиг города, я покинул дорогу и пошел напрямик полями. Я вошел в город узкой, слабо освещенной улицей. Оставалось два часа до комендантского часа, и мне надо было выполнить первую часть плана, пока на улицах не появились ночные патрули.

Больше часа бродил я по жилым районам, прежде чем нашел то, что нужно,— аэрокар, который я мог украсть. Это был форд, припаркованный у неосвещенного дома.

Укрываясь в тени, я подкрался к нему и сломал перочинный нож, стараясь открыть дверь, и все-таки открыл ее. Зажигание было выключено, но я и не надеялся на повторную удачу. Устройство двигателей входило в программу обучения в училище. Спешить было некуда. Через двадцать минут я замкнул цепь.

Не спеша выехал я на улицу, завернул за угол и включил фары. Затем открыто проехал через весь город, как фермер, возвращающийся с городского богослужения. Мне не хотелось встречаться с полицейским кордоном у выезда из города, поэтому, как только дома стали мельчать и расстояния между ними увеличиваться, я свернул в поле. Неожиданно переднее колесо провалилось в канаву. Мне ничего не оставалось, как взлететь.

Двигатель кашлянул и заурчал. С треском распахнулись крылья аэрокара.

Земля ушла вниз.

9 Машина, которую я украл, оказалась и старой и плохо ухоженной. В двигателе что-то постукивало, и ротор вибрировал так сильно, что мне это не нравилось. Но она летела, и горячего должно было хватить до Феникса.

Хуже было полное отсутствие навигационных приспособлений, если не считать нескольких старых карт, которые раздаются нефтяными компаниями. Радио в аэрокаре не работало.

Ну, что ж, у Колумба и этого не было. Я знал, что Феникс лежит на юге и до него пятьсот миль. Я держал высоту пятьсот футов.

Никаких следов погони. Очевидно, мою последнюю кражу не обнаружили. Мне пришло в голову, что за мной тянется хвост преступлений, слишком длинный для маменькиного сыночка: соучастие в убийстве, ложь Великому инквизитору, измена присяге, присвоение чужих документов и дважды — кража. Конечно, оставались еще поджог и изнасилование. Я решил было, что обойдусь без изнасилования, но тут же подумал, что женитьба на святой дьяконессе может быть расценена именно так. Что ж, терять мне больше нечего.

Города я старался облетать стороной, но постепенно огни внизу перестали встречаться — я летел над пустынной местностью. Я предоставил управление автопилоту и задремал. Проснулся я уже на рассвете. Рассвет над пустыней — изумительное зрелище для туриста, но мне пришлось заняться штурманским ремеслом, поэтому рассветом я так и не полюбовался... Если мои расчеты правильны, до Феникса осталось полчаса лету.

Мне по-прежнему везло. Я перелетел через гряду холмов, и направо открылась зеленая возделанная равнина и посреди нее город. Солнечная долина и Феникс.

Приземлился я в сухом овраге, ведущем в каньону Соленой реки. Приземление было неудачно — я сорвал колесо и разбил ротор. Но это меня не очень расстроило: здесь машину с моими (вернее, Ривса) отпечатками пальцев найдут не скоро.

Я выбрался на шоссе и побрел вперед. Идти было далеко, нога совсем разболелась, но я не хотел рисковать и проситься на попутную машину. Машин встречалось мало, и я успевал каждый раз сойти с дороги и спрятаться. И тут неожиданно грузовик догнал меня на открытой местности. Мне ничего не оставалось, как помахать водителю рукой, приветствуя его. Но грузовик затормозил около меня.

— Подвезти, парень?

Водитель выкинул лесенку, и я забрался в кабину. Он поглядел на меня:

— Другище! — сказал он в восторге. — Это был горный лев или только медведь?

Я совсем забыл, как я выгляжу. Я осмотрел себя и сказал торжественно:

— Оба. И обоих я задушил голыми руками.

— Я верю.

— В самом же деле, — добавил я, — я ехал на велосипеде и слетел с дороги.

— На велосипеде? По этой дороге? Уж не от самой ли долины?

— Правда, мне приходилось иногда слезать и подталкивать его в горку.

Он покачал головой.

— Давай-ка лучше вернемся к львино-медвежьему варианту. Мне он больше нравится.

Больше он ни о чем меня не спрашивал, и это меня устраивало. Я подумал, что версии, придуманные на ходу, ведут к неожиданным осложнениям. Никогда в жизни я не видел этой дороги и не знал, каково пришлось бы на ней велосипедисту.

Когда мы выехали из каньона, дорога пошла под уклон. Наконец мой хозяин остановился у придорожного ресторана.

— Все наверх, — сказал он. — Пора завтракать.

— Хорошая идея, — ответил я.

Мы уплели по яичнице с беконом и по большому сладкому аризонскому грейпфруту. Он не позволил мне заплатить за него и даже сам пытался оплатить мой счет. Когда мы вернулись к грузовику, он остановился на лесенке и сказал:

— Через три четверти мили полицейский кордон. Думаю, для кордона они выбрали неплохое место.

Он отвернулся.

— Да... — сказал я. — Полагаю, что мне лучше пройти пешком. После завтрака очень полезны пешеходные прогулки. Спасибо, что подвезли.

— Не стоит благодарности. Да, кстати, ярдах в двухстах отсюда, если пройти назад, начинается проселочная дорога. Она ведет на юг, но потом поворачивает на запад, к городу. Лучше гулять по ней — машин меньше.

— Еще раз спасибо.

Я повернул к проселочной дороге, раздумывая, действительно ли мое криминальное прошлое так очевидно первому же встречному. В любом случае, прежде чем я войду в город, мне надо привести себя в порядок. Проселочная дорога вела мимо ферм, и я миновал несколько, прежде чем решил зайти в маленький

дом, в котором обитала испано-индейская семья с обычным набором детей и собак. Я решил рискнуть. Многие испанцы в глубине души остались католиками. И, возможно, ненавидели блюстителей морали не меньше, чем я.

Сеньора была дома. Это была толстая, добрая, похожая на индианку женщина. Мы не смогли о многом поговорить из-за моего слабого знакомства с испанским языком, но я попросил «агуа» и получил «агуа» и для того, чтобы напиться, и для того, чтобы вымыться. Сеньора заштопала мне брюки, в то время как я глупо маячил перед ней в трусах, и многочисленные дети весело комментировали это событие. Она даже дала мне бритву мужа, чтобы я побрился. Она долго отказывалась взять деньги, но тут я был непреклонен. Я покинул ферму, выглядя почти прилично.

Дорога повернула к городу, и мне не встретилось ни одного полицейского. Я нашел на окраине магазин и маленькую портняжную мастерскую. Там я подождал, пока мое возвращение к респектабельности не завершилось вполне благополучно. В свежeweыглаженном костюме, в новой рубашке и шляпе я мог смело гулять по улицам и благословлять полицейских, глядя им в глаза. В телефонной книге я нашел адрес нужной мне церкви. Карта на стене портняжной мастерской позволила мне добраться до места, не задавая вопросов прохожим.

Я успел к началу службы. Вдохнув облегченно, я уселся в заднем ряду и с удовольствием прослушал начало службы, как любил слушать ее еще мальчишкой, пока не понял, что в самом деле за ней скрывалось. Я наслаждался чувством безопасности. Несмотря ни на что, я добрался до цели. Сказать по правде, я вскоре заснул, но проснулся вовремя, и вряд ли кто-нибудь заметил мой проступок. Потом я некоторое время слонялся вокруг, пока не дождался удобного момента, чтобы поговорить со священником и поблагодарить его за редкое удовольствие, которое доставила мне его проповедь. Я пожал ему руку и условным образом надавил пальцем на ладонь.

Но он не ответил. Я был так удивлен и ошеломлен, что даже не сразу понял, что он говорит:

— Спасибо, молодой человек. Всегда приятно новому пастору услышать добрые отзывы о своем труде.

Наверное, меня выдавало выражение лица. Он спросил:

— Что-нибудь случилось?

— О нет, сэр,— пробормотал я.— Я здесь сам впервые. Так вы не Бэрд?

Я был в панике. Бэрд — единственный мой контакт в этой части страны. Если я его не найду, меня поймут за несколько часов,

Голос священника донесся как бы издалека.

В голове уже вертелись несбыточные планы украсть еще одну ракету и направиться ночью к мексиканской границе.

— К сожалению, меня зовут иначе. Вы хотели бы видеть господина Бэрда?

— Как вам сказать, сэр. Это не так уж и важно. Он старый друг моего дяди. И дядя просил зайти к нему и передать привет.

Может быть, та индианка спрячет меня до темноты?

— Ну, его увидеть нетрудно. Он здесь же, в городе. Я заменяю его, пока он занемог.

Сердце мое забилося с двенадцатикратным ускорением. Я постарался не выдать волнения.

— Может быть, если он болен, его лучше не беспокоить?

— Нет, напротив. Он сломал ногу — и с удовольствием примет гостя.

Священник задрал сутану, достал из кармана обрывок бумаги и карандаш и написал адрес.

— Отсюда два квартала и потом поверните налево. Вы не заблудитесь.

Разумеется, я заблудился, но все-таки нашел в конце концов нужный дом. Дом был окружен большим неухоженным садом, где росли в живописном беспорядке эвкалипты, пальмы, кусты и цветы. Я нажал сигнал, в динамике что-то скрипнуло, и голос спросил:

— Да?

— Посетитель к почтенному Бэрд.

Последовало короткое молчание, потом тот же голос сказал:

— Вам придется самому войти. Моя служанка ушла на рынок. Обойдите дом и найдете меня в саду.

Дверь щелкнула и открылась. Я прошел в сад.

На качалке, положив забинтованную ногу на подушку, полулежал старик. Он опустил книгу, которую читал, и поглядел на меня поверх очков.

— Что нужно тебе, сын мой?

— Мне нужен совет.

Через час я запивал вкусный завтрак свежим молоком. К тому времени, как я добрался до вазы с мускатным виноградом, отец Бэрд кончил меня инструктировать.

— Итак, ничего не предпринимайте до темноты. Есть вопросы?

— Нет. Санчес вывезет меня из города и доставит в место, откуда меня проводят в Главный штаб. Все ясно.

Я покинул Феникс в двойном дне фруктового грузовика. Нос мой упирался в доски. Мы остановились у полицейского кордона на краю города. Я слышал отрывистые голоса полицейских и невозмутимо спокойный испанский ответ Санчеса. Кто-то прошагал по моей голове, и между досками верхнего дна появились светлые щели.

Наконец тот же отрывистый голос сказал:

— В порядке, Эзра. Это хозяйство отца Бэрда. Каждый вечер Санчес ездит к нему на ферму.

— Так чего ж он сразу не сказал?

— Когда он волнуется, забывает английский. О кэй, пошел, чико.

— Gracias, señores. Buenas noches*.

На ферме отца Бэрда меня посадили в вертолет, бесшумный и хорошо оборудованный. Оба пилота обменялись со мной приветствием, но больше не сказали ни слова. Мы поднялись, как только я устроился в кабине.

Иллюминаторы пассажирской кабины были закрыты. Не знаю, ни в каком направлении мы летели, ни сколь далеко. Поездка была не из комфортабельных, потому что пилоты все время летели над самой землей, чтобы их не засек радар.

Выйдя из спустившейся машины, я увидел прямо дуло пулемета, за которым возвышались два неуклюжих человека.

Но пилоты сказали пароль, мы обменялись тайными знаками.

Мне показалось, что часовые были чуть-чуть разочарованы, что я оказался своим и они не смогли отличиться. Удовлетворившись нашими ответами, они завязали мне глаза и повели. Мы миновали дверь, прошли еще яров пятьдесят и забрались в какое-то тесное помещение. Пол ушел из-под ног. Я выругался про себя — они могли предупредить, что мы в лифте. Покинув лифт, мы перешли на какую-то платформу, и мне велели держаться крепче. Платформа двинулась вперед с громадной скоростью. Потом мы еще раз опустились на лифте, прошли несколько сот шагов, и с меня сняли повязку. И тут я впервые увидел Главный штаб.

Я не ожидал увидеть ничего подобного и потому громко ахнул. Один из стражей широко улыбнулся.

— Все вы так, — сказал он.

Это была известняковая пещера, настолько большая, что в ней вы чувствовали себя, как на улице. Она заставляла вспомнить сказки, дворец короля гномов.

* Спасибо, сеньоры. Спокойной ночи (исп.).

Я помню фотографии пещер в Карловых Варах. Главный штаб напоминал их, хотя, конечно, карлово-варские пещеры уступали штабу и в размере и в роскоши. С первого взгляда я даже не смог оценить истинных масштабов пещеры: не было привычных наземных ориентиров.

Мы стояли несколько выше ее пола, и пещера была залита ровным светом. Я чуть не вывернул шею, вертя головой, потом посмотрел вниз и увидел там игрушечную деревню. Домики были высотой в фут.

Потом я заметил, как маленькие человечки ходят между зданиями, и тут же все стало на свои места, приобрело истинные размеры. Игрушечная деревня находилась по крайней мере в четверти мили от нас, а вся пещера была не менее мили длиной и несколько сот футов от пола до потолка. И вместо чувства, присущего людям, запертым в помещении, я был охвачен страхом перед огромным открытым пространством. Мне даже захотелось, словно перепуганной мышке, прижаться к стене.

Страж тронул меня за рукав.

— У вас будет достаточно времени оглядеться. Пойдемте.

Они повели меня по тропинке, которая вислась между сталагмитов размером от детского мизинца до египетской пирамиды, между озерцами черной воды с гипсовыми лилиями в них, мимо влажных куполов, которые были стары, когда человека еще не было на земле, под разноцветными занавесями сталактитов. Моя способность удивляться была явно перенасыщена.

Наконец мы вышли на ровную долину и быстро добрались до городка. Строения в нем не были строениями в принятом смысле этого слова — они оказались просто системами перегородок из пластика, чтобы не пропускать шума. Большинство зданий стояло без крыш.

Мы остановились перед самым большим. Вывеска над дверью гласила:

АДМИНИСТРАЦИЯ

Мы вошли внутрь, и меня провели в отдел кадров. Вид комнаты вызвал во мне сентиментальные чувства, настолько она была знакомая, военная и скучная. Здесь даже оказался пожилой клерк, который поминутно сморкался. Такие клерки — неизбежная принадлежность этих комнат со времен Цезаря. Табличка на его столе гласила, что он — младший лейтенант Р. И. Джайлс, и он, по всему судя, вернулся в отдел, отработав уже положенные часы, специально для того, чтобы зарегистрировать меня.

— Рад встретиться с вами, мистер Лайл,— сказал он, пожимая мне руку.

Он почесал нос и чихнул.

— Вы прибыли на неделю раньше, чем мы ожидали, и предназначенное вам помещение еще не готово. Вы не будете возражать, если мы уложим вас на сегодняшнюю ночь в приемной?

Я ответил, что полностью удовлетворен, и это, по-моему, его порадовало.

10 Честно говоря, в глубине души я ожидал, что меня встретят, как великого героя, и представлял себе, как мои новые товарищи будут, открыв рты, ловить каждое слово в моем скромном рассказе о приключениях и чудесных побегах, о том, как мне удалось все-таки принести в Главный штаб важное сообщение.

Я ошибался. Начальник отдела кадров вызвал меня к себе на следующий день, как только я кончил завтракать, но я его самого не увидел, принял меня старый знакомый мистер Джейлс. Я был несколько задет таким отношением ко мне и сухо спросил его, когда мне будет удобнее нанести официальный визит командующему.

Он чихнул и сказал:

— О, да. Разумеется, мистер Лайл, я совсем забыл сказать, что командующий поздравляет вас с прибытием и просит вас считать, что визит вежливости был уже нанесен не только ему, но и начальникам отделов. Мы сейчас все очень заняты, и он просил передать, что пригласит вас к себе специально в первую же свободную минуту.

Я отлично понимал, что генерал не посылал мне никакого такого послания и что клерк просто следует установившемуся порядку. Но лучше мне от этого не стало.

Ничего не поделаешь. Я уже приступал к службе. К полудню я был официально зарегистрирован и поставлен на довольствие. Меня осмотрел врач, послушал сердце и взял анализы. Потом я получил шанс рассказать о своих похождениях, к сожалению, только магнитофону. Живые люди прокрутят запись, но я не получу такого удовольствия, как от живых слушателей. Потом меня загипнотизировали, и они получили послание, которое я нес в себе.

Это было уже слишком. Я спросил психотехника, который надо мной трудился, что за послание принес я в Главный штаб. Он ответил коротко:

— Мы не говорим курьерам содержания посланий.

Его тон указывал, что вопрос мой был не тактичен.

Тут меня прорвало. Не знаю, старше ли он меня по ранку (знаки различия на костюме отсутствовали), но мне было плевать.

— Что же получается, черт возьми! Мне что, не доверяют? Я тут рискуя головой...

Он прервал меня и заговорил мягче, чем раньше:

— Дело вовсе не в том. Это делается для вашего же блага.

— Как так?

— Мы считаем, что чем меньше вы знаете того, что знать не обязательно, тем меньше вы сможете рассказать, если попадетесь в руки полиции, — это лучше и для вас, и для наших товарищей. Например, знаете ли вы, где сейчас находитесь? Могли бы указать это место на карте?

— Нет.

— Я тоже. Мне никто не рассказал об этом, потому что это знание мне в данный момент не нужно. Однако, — продолжал он, — я думаю, вам можно сказать в общих чертах: вы несли в себе обычные сводки и доклады, подтверждающие те данные, что мы получили другими путями. Раз уж вы все равно ехали к нам, то они нагроулили вас всякой всячиной. Я с вас три пленки списал.

— Обычные сводки? Почему же Питер ван Эйк сказал мне, будто я несу послание особой важности. Что же, он шутил?

Техник улыбнулся.

— Я знаю, что он имел в виду. Вы содержали в себе одно важное сообщение, касающееся в первую очередь вас самого. Вы несли в себе гипнотически собственное удостоверение личности...

Мои путешествия по врачам, психотехникам, отделам снабжения и так далее дали мне почувствовать размеры помещения. «Игрushечный городок» был административным центром. Энергетическая станция и склад находились в другом зале и отделялись от нас десятками метров скалы. Женатые пары устраивались, где им было удобнее. Примерно треть живущих там составляли женщины, и они чаще предпочитали строить свои «курятники» подальше от центра. Арсенал и склад боеприпасов находились в боковом туннеле, на безопасной дистанции от жилых помещений. Свежей воды было достаточно, хотя она была довольно жесткая, и в некоторых проходах текли подземные ручьи — источник, кстати, дополнительной вентиляции. Воздух всегда оставался свежим. Температура была постоянно 20°, а относительная влажность 32% зимой и летом, днем и ночью.

К обеду я был уже на работе и трудился в арсенале, проверяя и налаживая оружие. Я мог бы и оскорбиться, потому что обычно это работа сержантов, но я понимал, что тут никто не заботился о чинопочитании (например, каждый сам мыл за собой посуду после еды). Да и разве плохо было после всех переживаний сидеть в прохладном арсенале и заниматься спокойным делом?

В тот же день перед ужином я вошел в гостиную и хотел присесть. И тут услышал знакомый баритон:

— Джонни! Джон Лайл!

Я подпрыгнул на месте от неожиданности и увидел бегущего ко мне Зеба Джонса, здорового старика Зеба, весьма некрасивое лицо которого украшала улыбка до ушей.

Мы долго хлопали друг друга по спине и плечам и ругались последними словами.

— Когда ты сюда попал? — спросил я наконец.

— Недели две назад.

— Как так? Ты же был еще в Новом Иерусалиме, когда я уезжал?

— Меня перевезли в виде трупа, в глубоком трансе. Запаковали в гроб и написали «заразно».

Я рассказал ему о своем путешествии, и мой рассказ явно произвел впечатление на Зеба; это очень поддержало мой дух. Затем я спросил, что он здесь делает.

— Я в бюро пропаганды, — сказал он. — У полковника Новака. Сейчас, например, пишу серию в высшей степени уважительных статей о жизни Пророка и его аколитов, о том, сколько у них слуг, сколько стоит содержать дворец, сколько стоят церемонии, ритуалы и так далее. Все это, разумеется, абсолютная правда, и пишу я с большим одобрением. Правда, я довольно сильно нажимаю на действительную стоимость драгоценностей и несколько раз упоминаю о том, какая великая честь для народа — содержать наместников бога на земле.

— Не понимаю я тебя, Зиб,— сказал я, нахмурившись.— Ведь люди любят глядеть на эти штуки. Вспомни, как туристы в Новом Иерусалиме бьются за билеты на храмовый праздник.

— Правильно. Но мы не собираемся распространять мои творения среди сытых туристов в Новом Иерусалиме, мы отдадим их в маленькие газеты долины Миссисипи и Юга — мы распространим их среди самых бедных слоев населения Штатов, среди людей, которые твердо убеждены, что благочестие не должно быть роскошным, что бедность и добродетель — синонимы. Пусть они начнут сомневаться.

— Вы серьезно думаете, что можно поднять восстание таким способом?

— Это тоже входит в подготовку к нему.

После обеда мы с Зебом отправились в его комнатку. Мне было спокойно и уютно. В тот момент меня мало волновало, что мы с ним участвуем в движении, которое имеет мало шансов на победу и, вернее всего, мы или погибнем вскоре в бою или будем сожжены как бунтовщики. Кроме Зеба, у меня никого не осталось, и я себя чувствовал, как в детстве, когда мать сажала меня на стул в кухне и кормила пирогами.

Зеб лежал на койке и курил. Я знал и раньше, что он курит, и он знал, что я не одобряю этой греховной привычки. Но это был не очень крупный грех, и мне даже в голову не приходило донести на Зеба, когда мы жили с ним во дворце. Я даже знал, что его обеспечивал контрабандными сигаретами один из сержантов.

— А кто тебе здесь достает сигареты? — спросил я.

— Зачем просить других, когда можно купить их в лавке?

Он покрутил в пальцах эту отвратительную штуку и сказал:

— Мексиканские сигареты крепче тех, к которым я привык. Я подозреваю, что в них кладут настоящий табак вместо заменителей, к которым я привык. Хочешь закурить?

— Нет уж, спасибо.

Он сухо усмехнулся.

— Давай, прочти мне обычную лекцию. Тебе самому станет легче.

— Послушай, Зеб, я тебя не критикую. Может быть, я и здесь заблуждался.

— Ну уж нет. Это гадкая привычка, которая разрушает мне зубы, портит дыхание и в конце концов убьет меня, породив во мне рак легких.— Он глубоко затянулся, выпустил клуб дыма и был, по-видимому, вполне доволен жизнью.— Но я не могу устоять против этой гадкой привычки. К тому же господь бог не обращает на это никакого внимания.

— Не богохульствуй.

— А я и не богохульствую.

— Да? Ты нападаешь на одно из основных положений религии. Господь всегда следит за нами.

— Кто тебе сказал?

На секунду я лишился дара речи.

— Это же... это же аксиома. Это...

— Я повторяю вопрос: кто тебе сказал об этом? Допустим, что за мной следит сам господь бог и накажет меня вечными муками

ада за то, что я курю. Но кто тебе сказал об этом? Джонни, ты уже достиг в своем воспитании момента, когда ты понимаешь, что Пророка стоит скинуть и повесить на высоком-высоком дереве. И в то же время ты пытаешься навязать мне собственные религиозные убеждения. Поэтому я еще раз спрашиваю: кто тебе сказал? На каком холме ты стоял, когда с неба упала молния и просветила тебя? Какой архангел принес тебе эту новость?

Я не смог ничего ответить.

— Я знал разных людей,— продолжал Зеб.— И хороших, и скромных, и преданных. Но как ты назовешь человека, который уверяет, что знает, о чем думает сам господь бог? Человека, уверяющего, что он — его поверенный? И это помогает ему чувствовать себя всемогущим и править мной и тобой. Итак, появляется человек с громким голосом и средними умственными способностями. Он слишком ленив, чтобы стать фермером, слишком глуп, чтобы стать инженером, слишком ненадежен, чтобы стать банкиром, но, братишка, он может молиться! Он собирает вокруг себя других таких же. И вот родился Первый Пророк.

Я готов был согласиться с Зебом, пока он не назвал Первого Пророка. Я уже пришел ко внутреннему заключению, что наш теперешний Пророк плох, но это еще не поколебало основы моей веры, впитанной с молоком матери. Я хотел реформировать церковь, но не хотел ее ломать.

— Что-то не так? — спросил Зеб, разглядывая с интересом мое лицо.— Я опять тебя чем-то обидел?

— Нисколько,— ответил я тихо и принялся объяснять ему, что если власть в стране держит в своих руках дьявольская банда, это еще не значит, что неверна сама вера.

Зеб вздохнул, будто устал от нашего разговора.

— Повторяю, Джонни, что совсем не собираюсь спорить с тобой о религии. По натуре я не агрессор — вспомни, что даже в подполье меня пришлось тащить чуть ли не силой...— Он помолчал.— Ты полагаешь, что доктрины дело логики?

— Конечно, это завершенное логическое построение.

— Тогда фигура бога очень удобна. Ты можешь с его помощью доказать все, что тебе хочется. Ты просто подбираешь выгодные тебе постулаты, а затем уверяешь, что они тебе внушены свыше. И никто не может доказать, что ты врешь.

— Ты хочешь сказать, что Первый Пророк не был назначен свыше?

— Я ничего не хочу сказать. Насколько я знаю, я сам и есть Первый Пророк, прибывший вновь на землю для того, чтобы изгнать торгующих из храма.

— Не смей...— начал я, но тут раздался стук в дверь. Я осекся и сказал: «Войдите!»

Вошла сестра Магдалина.

Она кивнула Зебу, улыбнулась, глядя на мою глупую физиономию, и сказала:

— Привет, Джон Лайл. Добро пожаловать.

Я впервые увидел ее без сутаны и капюшона. Она показалась мне удивительно хорошенькой и совсем молоденькой.

— Сестра Магдалина!

— Нет. Сержант Эндрюс. Для друзей — Магги.

— Но почему вы здесь?

— Сейчас потому, что узнала за ужином о вашем приезде. Не найдя вас нигде, я решила искать у Зеба. А вообще-то, я не могла вернуться во дворец, а так как наш тамошний подпольный центр переполнен, меня перевели сюда.

— Очень приятно видеть вас здесь!

— И мне тоже, Джон.

Она потрепала меня по щеке и снова улыбнулась. Потом села на кровать к Зебу. Зеб зажег еще одну сигарету и протянул ей. Она взяла ее, затянулась и выпустила дым так естественно, будто курила всю жизнь.

Никогда в жизни я не видел, чтобы женщина курила. Никогда. Я понимал, что Зеб следит за мной, и тщательно делал вид, что меня это совсем не шокирует. Вместо того, чтобы продолжать спор, я сказал:

— Как хорошо, что мы снова все встретились. Вот если бы еще...

— Знаю,— сказала Магги,— если бы Юдифь была с нами. Вы не получили от нее писем?

— Разве это возможно?

— Я не помню номер почтового ящика, но вы можете заглянуть ко мне в комнату. Будете писать, не запечатывайте. Мы проверяем письма, чтобы вы не написали лишнего. Я сама написала ей на прошлой неделе, но еще не получила ответа.

Я подумал, что надо извиниться и убежать писать письмо, но не сделал этого. Уж очень было в самом деле приятно сидеть с ними обоими, и мне не хотелось, чтобы этот вечер кончился. Я решил, что напишу перед сном, и тут же, к собственному удивлению, подумал, что не удосужился вспомнить о Юдифи с самого... самого Денвера, по крайней мере.

Но я не написал письма в тот вечер. Было уже больше одиннадцати, и Магги сказала, что завтра рано вставать, как вошел ординарец.

— Командующий просит легата Лайла немедленно прибыть к нему.

Я быстро причесался и поспешил к генералу, жалея, что одет не в форму, а в гражданский костюм.

Дом Администрации был темен, и даже мистер Джайлс отсутствовал в этот поздний час. Я нашел дверь в кабинет, постучал, вошел и, щелкнув каблуками, сказал:

— Легат Лайл прибыл по вашему приказанию, сэр.

Пожилой человек, сидевший спиной ко мне за столом, обернулся, и у меня дух перехватило от удивления.

— А, Джон Лайл,— сказал он. Он встал из-за стола и подошел ко мне, протягивая руку.— Давно не виделись, не так ли?

Это был полковник Хаксли, начальник отдела прикладных чудес в Вест Пойнте и единственный мой друг среди офицеров. Не раз по воскресеньям я отсиживался у него дома, отдыхая от гнета мертвой дисциплины.

— Полковник... Я хотел сказать, генерал, сэр. Я думал, что вы умерли.

— Мертвый полковник становится живым генералом. Неплохо звучит. Нет, Лайл, я только считаюсь мертвым. На самом деле я ушел в подполье. Они всегда так объявляют, если пропал офицер. Так лучше для общественного мнения. Ты тоже мертв, разве не знаешь?

— Нет, не знаю. Впрочем, это не играет роли. Как хорошо, что вы с нами, сэр.

— Хорошо.

— А как вы...

— Как я попал сюда и стал большим начальником? Я состою в движении много лет, Лайл. Но я не переходил на нелегальное положение, пока мне не пришлось это сделать,—никто из нас не скрывается в подполье по своей воле. Они хотели, чтобы я постригся в монахи. Им не нравилось, что мирской офицер знает слишком много о том, как организуются чудеса. Так что я взял отпуск и умер. Очень печально.— Он улыбнулся и продолжал.— Но ты садись, садись. Я ведь собирался тебя позвать, да очень занят был. Только сейчас выбрал время, чтобы прослушать запись твоего доклада.

Мы поболтали немного. Я уважал Хаксли больше, чем любого другого офицера. И его присутствие здесь развеяло бы любые сомнения в правоте нашего дела, если бы они у меня еще оставались. Раз уж полковник здесь, значит здесь и мое место.

В конце беседы Хаксли сказал:

— Как ты понимаешь, Лайл, я тебя вызвал в этот поздний час не только для того, чтобы просто поболтать. У меня есть для тебя работа.

— Да, сэр?

— Без сомнения, ты уже обратил внимание, что среди нас мало профессиональных военных. Не думай, что я недоволен моими товарищами,— каждый из них посвятил нашему делу жизнь. Все они сознательно отдали себя под власть военной дисциплины, что не всегда легко сделать, если ты уже не мальчик. Но все-таки нам остро не хватает настоящих кадровых солдат. У меня уходит масса лишних усилий на то, чтобы превратить Главный штаб в успешно функционирующий организм. Я буквально завален административными делами. Не сможешь ли ты мне?

Я поднялся.

— Я сочту за честь служить с вами.

— Отлично! Назовем тебя пока моим личным адъютантом. На сегодня все. Увидимся утром, капитан.

Я уже был на полпути к двери, когда до меня дошли его последние слова. Но я решил, что генерал оговорился.

Оказалось, нет. На следующее утро я отыскал свой кабинет по табличке «Капитан Лайл», приколотой к двери. С точки зрения профессионального военного, революция имеет большое преимущество — она дает возможность быстро расти по службе... Даже если жалование получаешь нерегулярно.

Когда я встретил на следующий день Зеба, тот сказал:

— Я слышал, тебя повысили в чине. Поздравляю.

— Спасибо,— ответил я.— Каково тебе теперь чувствовать себя младшим?

— А! Значит, они тебя подняли так высоко? А я думал, что ты теперь капитан.

— Я и есть капитан.

— Тогда уж извини меня, я майор.

— Ну и ну! Поздравляю.

— Не стоит поздравлений. Здесь надо быть по крайней мере генералом, чтобы не застилать себе постель и не мыть за собой посуду.

Что касается меня, то я был слишком занят, чтобы аккуратно застилать постель. Мой кабинет примыкал к кабинету генерала Хаксли, и с тех пор я практически переселился туда и спал на раскладушке, которую днем прятал за стол. Мне стало ясно, что организация была куда больше и сложнее, чем я предполагал раньше. Более того, она все время росла. Я стоял слишком близко к де-

ревьям, чтобы увидеть лес, несмотря на то, что все бумаги, кроме сверхсекретных, проходили через мои руки.

Я заботился о том, чтобы генерал Хаксли не утонул в ворохах бумаг, и в результате утонул в них сам. Моя задача была решить, что он стал бы делать с той или иной бумагой, если бы у него была свободная минута. Потом делать это самому. Попервоначально я совершил положенное число ошибок, но, очевидно, их было не столь много, чтобы генерал меня уволил, и месяца через три я уже стал майором с приятным для слуха званием: «Помощник начальника Генерального штаба». Зеб обогнал меня снова и уже исполнял обязанности начальника отдела пропаганды, так как его шефа перевели руководить местным отделением.

Но я забегаю вперед. Я получил письмо от Юдифи недели через две после приезда. Это было приятное письмо, но сильно сокращенное в процессе пересылки. Я собирался ей ответить немедленно, но протянул с ответом неделю. Мне нечего было ей написать, кроме того, что я здоров и чертовски занят. Если я напишу три раза подряд, что я ее люблю, то какой-нибудь идиот шифровальщик обязательно это выкинет.

Почта достигала Мексики через длинный подземный туннель, большей частью естественный, в некоторых местах пробитый в известняке. Маленькая электрическая дорога перевозила не только документы и переписку, но также и продовольствие и припасы, необходимые для нашего городка. Подземелье, известное под названием Главный штаб, использовалось нашими уже лет двадцать. Никто не знал всех переходов и залов подземного мира. Мы просто-напросто освещали и использовали столько места, сколько нам было нужно. Любимым развлечением трогов (нас, постоянных жителей подземелья, называли троглодитами или трогами, а посетители назывались летучими мышами, потому что появлялись по ночам) были прогулки и пикники в неизвестных никому коридорах и залах, что требовало некоторого знания спелеологии.

Такие путешествия никому не запрещались, но начальство требовало, чтобы мы принимали тщательные меры предосторожности и не ломали ног и рук. Генерал лично одобрял эти прогулки, потому что они были одним из очень немногих средств размяться и не терять формы — многие работали здесь месяцами и годами, не видя дневного света.

Мы с Зебом и Магги несколько раз выбирались в дальние пещеры. Магги часто приглашала других девушек, и обычно Зеб обращал больше внимания на них, а Магги разговаривала со мной. Раньше я думал, что Магги с Зебом поженятся, но потом начал сомневаться в этом.

Как-то мы сели отдохнуть в неизвестном мне раньше маленьком зале с черным озером посредине. Я сказал Магги, имея в виду ее отношения с Зебом:

— Я тебя не понимаю.

— Почему? — ответила она. Она поняла меня.— Поверь мне, мы отлично относимся друг к другу.

— Да?

— Пойми меня правильно. Я очень хорошего мнения о Зебе, да и он, думаю, не хуже относится ко мне. Но мы оба — сильные характеры, мы склонны скорее повелевать, чем подчиняться. А таким жениться не имеет смысла. Правда, мы вовремя выяснили, что мы — не пара.

— Да?

— И это хорошо.

11 Высший Совет, состоявший из начальников отделов, генерала Хаксли и еще нескольких человек, собирался примерно раз в неделю. Примерно через месяц после нашего разговора с Магги я сидел в комнате заседаний и стенографировал выступления. У нас остро не хватало людей. Моим номинальным начальником был генерал ПенOVER, носивший звание начальника Генштаба. Но я видел его только раза два, потому что еще он числился начальником снабжения и большую часть времени уделял второй специальности. Поэтому Хаксли приходилось быть собственным генштабом, а я стал при нем идеальным адъютантом. Я даже умудрялся следить, принимает ли он вовремя желудочные таблетки.

Совещание было шире обычного. На него прибыли руководители местных организаций. Я чувствовал напряжение приближающихся важных событий, хотя Хаксли ничего не говорил мне заранее. Зал заседаний охранялся так, что и мышь не могла бы в него проникнуть.

Сначала мы выслушали обычные доклады. Было отмечено, что в организации состоит восемь тысяч семьсот девять членов. Кроме них, мы насчитывали примерно вдесятеро больше сочувствовавших, но не зачисленных официально, на которых мы могли наверняка рассчитывать во время восстания.

Эти цифры не очень обнадеживали. Мы оказались в тисках дилеммы: сто тысяч человек — жалкая кучка для того, чтобы поднять восстание в громадной стране, но каждый принятый человек увеличивал опасность разоблачения. Мы опирались на старинную

систему ячеек, при которой каждый знал не больше, чем ему положено было знать, и не мог выдать на допросе многих людей, даже если он оказывался провокатором. Но и при такой системе, при такой многочисленной организации, мы еженедельно теряли людей и целые группы. Четыре дня назад вся организация в Сизтле была застигнута во время заседания и арестована. Это был тяжелый удар, но, к счастью, только трое из арестованных знали важные секреты и все они успели покончить с собой.

Начальник связи доложил, что его люди могут вывести из строя девяносто процентов радио- и телевизионных станций в стране и что с помощью штурмовых групп мы можем надеяться обезвредить и остальные, за исключением станции «Голос бога» в Новом Иерусалиме.

Начальник инженерной службы доложил, что он готов прекратить доступ энергии в сорок шесть крупнейших городов, опять же за исключением Нового Иерусалима.

Доклады продолжались — газеты, студенческие группы, захват ракетодомов, водоснабжение, контрразведка, долгосрочные метеопрогнозы, распределение оружия. Война по сравнению с революцией проста. Она — прикладная наука с четко определенными, испытанными историей принципами и методами. Но каждая революция — непредвиденная мутация, она никогда не будет повторена и проводят ее не кадровые военные, а в первую очередь народные массы, не имеющие опыта.

Магги приводила в порядок записи докладов, и я передавал их программистам, которые вводили данные в «мозг». Когда сообщения кончились, наступила пауза. Мы ждали решений «мозга». Перфорированная лента выползла из «мозга», и Хаксли, наклонившись, взял ее.

Он посмотрел ее, откашлялся и подождал, пока наступит тишина.

— Братья! — начал он. — Товарищи, мы давно уже договорились, что когда сумма всех необходимых факторов с учетом возможных ошибок покажет, что ситуация сложилась с балансом риска два — один в нашу пользу, мы начнем восстание. Сегодня этот день наступил. Я предлагаю назначить время восстания.

Никто не сказал ни слова, так поражены были присутствующие. Надежда, затянувшаяся на долгие годы, превращает реальность в нечто, чему трудно поверить. А все эти люди ждали годами, некоторые большую часть своей жизни.

Пауза завершилась взрывом. Они вскочили, смеясь, плача, крича, ругаясь, хлопая друг друга по плечам, обнимаясь...

Хаксли сидел, не двигаясь, пока остальные не успокоились немного. Затем поднялся и сказал тихо:

— Я думаю, голосовать не нужно. Час я назначу после того, как...

— Генерал, одну минуту. Я не согласен,— это был начальник Зеба, генерал Новак, начальник управления психологической войны.

Хаксли замолчал. Наступила гробовая тишина. Я был поражен, как и все.

Затем Хаксли сказал, не повышая голоса:

— Наш совет обычно принимает решения по общему согласию. Мы давно уже договорились, каким образом и когда мы установим день восстания... Но я знаю, что вы не стали бы возражать, если бы у вас не было к тому веских оснований. Мы вас слушаем, генерал Новак.

Новак медленно вышел вперед и обернулся к совету.

— Братья,— сказал он, оглядывая удивленные и даже сердитые лица. Вы знаете меня. Семнадцать лет я отдаю все, что у меня есть, нашему общему делу. Я потерял семью, дом... Но я не могу позволить принять решение, прежде чем не скажу вам, что знаю с математической точностью: время для революции еще не наступило.

Он был вынужден переждать несколько минут и поднять руки, призывая к тишине.

— Да выслушайте меня в конце концов! Я согласен, что с военной точки зрения все готово. Я даже склоняюсь к тому, что если мы ударим сегодня же, то у нас есть возможность захватить страну. И все-таки мы не готовы...

— Почему?

— Потому что большинство населения все еще верит в установленную религию, верит в божественный приоритет Пророка. Мы можем захватить власть, но мы не сможем ее удержать.

— Еще как сможем!

— Послушайте. Никакой народ не может быть подчинен долгое время без его молчаливого признания власти. В течение трех поколений американский народ воспитывается от колыбели до могилы самыми умными и хитрыми психотехниками в мире. И люди верят!

...Мы выиграем революцию, но за ней последует длинная и кровавая гражданская война, которую мы проиграем!

Он замолчал, провел трясущейся рукой по глазам и произнес:

— Это все.

Несколько человек сразу попросили слова. Хаксли постучал по столу, призывая к порядку, потом предоставил слово генералу Пеннойеру.

— Я хотел бы задать Новаку несколько вопросов,— сказал он.

— Задавайте.

— Может ли ваше управление сказать нам, какой процент населения, по вашим расчетам, искренне верит в Пророка?

Зеб поднял голову. Новак кивнул ему, и Зеб сказал:

— Шестьдесят два процента, плюс-минус три процента.

— А каков процент тех, кто тайно противостоит правительству, независимо от того, знаем мы об их существовании или нет?

— Двадцать один процент, с соответствующей поправкой. Остальных нельзя считать верующими, но они довольны сложившимся порядком вещей.

— Как вы получили эти данные?

— Выборочным опросом и гипнопробами. Правительство потеряло много сторонников в первые годы современной депрессии, но постепенно ему удалось выровнять положение. Закон о церковной десятине и декреты против бродяжничества опять же уронили престиж церкви. В настоящее время под влиянием нашей пропаганды правительство постепенно продолжает терять авторитет.

— Так сколько же нам понадобится времени...

Начальник психологического управления ответил твердо:

— По нашим расчетам, понадобится три года и восемь месяцев, прежде чем мы можем рискнуть.

Пеннойер повернулся к Хаксли.

— Думаю, что, несмотря на мое уважение к генералу Новаку, я должен сказать: побеждай, когда можешь победить. Может быть, у нас больше не будет такого шанса.

Остальные поддерживали его.

— Пеннойер прав...

— ...Мы не можем больше ждать.

Но когда генерал Хаксли поднял руку, призывая к молчанию, Новак вскочил со стула, подошел к нему и зашептал что-то на ухо. К ним присоединился Зеб.

— ...Победим, и тогда люди поймут...

— Ударим сейчас!..

Хаксли дал им выговориться. Я тоже молчал, так как был самым младшим из собравшихся и не имел права голоса. Но я был полностью за Пеннойера. Не мог я ждать еще четыре года.

Я видел, Зеб горячо говорит о чем-то с Новаком. Они, казалось, ни на кого не обращали внимания. Все трое шептались несколько минут.

Наконец Хаксли обернулся к совету:

— Генерал Новак предложил схему, которая может изменить всю ситуацию. Совет прервет заседание до следующего дня.

План Новака (или Зеба, хотя он никогда и не признавался в авторстве) требовал передышки по крайней мере на два месяца, до Дня Ежегодного Чуда. Идея заключалась в том, чтобы вмешаться в проведение праздника. Ведь власть Пророка над людьми заключалась не только в пулеметах, но и в той вере, которую питали люди.

Будущие поколения вряд ли смогут поверить в важность, в исключительную важность как с точки зрения религиозной веры, так и с точки зрения политической власти Чуда воплощения. Чтобы осознать это, надо понять, что массы одураченных людей верили в то, что ежегодно Первый Пророк возвращается с небес, чтобы проверить, как живет его земное царство и насколько хорошо его преемники справляются со своими обязанностями. Люди в это верили, а меньшинство сомневавшихся не смело и рта раскрыть.

Я сам в это верил, мне и в голову не приходило ставить под сомнение эту основу основ веры, а меня можно было назвать образованным человеком, человеком, посвященным в секреты производства меньших по рангу чудес.

Последующие два месяца прошли в бесконечном напряжении — мы были так заняты, что не хватало ни дней, ни часов. В дополнение к этому шли приготовления к празднику Воплощения и соответствующие изменения первоначальных планов. Генерал Новак почти немедленно после совещания выехал в «Бьюлалэнд» для проведения операции «Бедрок». Так было написано в приказе. Я сам вручал ему этот приказ, но хоть убейте не знаю, где и на какой карте искать этот «Бьюлалэнд».

Хаксли сам отсутствовал почти неделю, перепоручив дела генералу Пеннойеру. Он мне не говорил, куда направляется, но я мог догадываться. Операция «Бедрок» была психологическим маневром, а не забудьте, что мой шеф был в свое время преподавателем прикладных чудес и неплохой физик. Я вполне допускаю, что в эти дни его можно было бы увидеть и с паяльником в руках и с отверткой или электронным микрометром — генерал никогда не боялся испачкать руки.

Я скучал без генерала Хаксли. Пеннойер иногда был склонен отменять мои мелкие приказания, совать нос в детали и тратить как свое, так и чужое время по пустякам, которыми ему и не следовало бы заниматься. Но его тоже не было большую часть времени. Вообще трудно было поймать на месте хоть кого-нибудь из руководства.

В эти же дни произошло еще одно событие, которое не имело прямого отношения к судьбе народа Соединенных Штатов и его борьбе за свободу, но мои личные дела к тому времени настолько перепутались с общественными, что я позволю себе отвлечься. Может быть, личная сторона тоже важна. Я типичный представитель большинства людей, я человек, которого сначала надо ткнуть носом, и только потом уже он разберет, что к чему, тогда как Магги, Зеб и Хаксли из того меньшинства, которому отроду даны свободные души,— они мыслители и вожди.

Я сидел за столом, стараясь разбирать бумаги скорее, чем они прибывали, когда получил приглашение заглянуть в удобное для меня время к шефу Зеба. Не теряя времени, я поспешил к генералу.

Новак не стал выслушивать формальных приветствий.

— Майор, у меня для вас письмо, которое я только что получил от шифровальщиков. Я не знаю, что с ним делать, но по совету одного из начальников моих отделов я решил вручить его вам. Вам придется его прочитать здесь.

— Слушаюсь, сэр,— сказал я несколько растерянно.

Письмо оказалось довольно длинным, и я не помню большей его части. Помню только ту, что произвела на меня наибольшее впечатление. Письмо было от Юдифи.

«Мой дорогой Джон... я всегда буду вспоминать о тебе с теплотой и благодарностью и никогда не забуду всего, что ты для меня сделал... мы не предназначены друг для друга... Сеньор Мендоза все отлично понимает... я надеюсь, что ты простишь меня... он во мне так нуждается: должно быть, нас свела сама судьба... если ты когда-нибудь будешь в Мехико, считай наш дом своим... я всегда буду думать о тебе, как о моем сильном старшем брате, и останусь твоей сестрой...» Там еще много всего было такого же. Я думаю, что все эти письма подходят под категорию «мягкого расставания».

Новак протянул руку и взял у меня письмо.

— Я дал его вам не для того, чтобы вы заучивали его наизусть,— сказал он сухо и выбросил письмо в дезинтегратор. Затем посмотрел на меня.

— Может, вам лучше присесть, майор. Вы курите?

Я не присел, но голова у меня кружилась, и я взял предложенную сигарету и даже позволил ему зажечь ее. Потом я закашлялся от сигаретного дыма и противное ощущение в горле вернуло меня к действительности. Я сдержанно поблагодарил генерала, вышел из кабинета, прошел к себе и позвонил заместителю, сказав, где меня

найти, если я срочно понадобится. Я объяснил, что неожиданно заболел и прошу по возможности меня не беспокоить.

Я провел в одиночестве больше часа, лежа на койке лицом вниз, не двигаясь и даже не думая ни о чем. Раздался тихий стук в дверь. Дверь открылась. Это был Зеб.

— Ну как ты? — спросил он.

— Ничего, — ответил я. В то время мне не пришло в голову, что начальник отдела, который попросил Новака показать мне письмо, был Зеб.

Он сел на стул и посмотрел на меня. Я перевернулся на кровати, лег на бок.

— Не давай выбить себя из колеи, Джонни, — сказал он. — Люди умирали неоднократно, но очень редко от любви.

— Ты ничего не понимаешь!

— Нет, не понимаю, — согласился он. — Каждый человек — свой собственный пленник, в одиночном заключении до самой смерти. Знаешь что, сделай мне одолжение, постарайся мысленно представить себе Юдифь. Постарайся увидеть ее лицо, услышать ее голос.

— Зачем?

— Постарайся.

Я старался. Я в самом деле старался и, вы знаете, не смог. Я никогда в жизни не видел ее фотографии, и теперь лицо ее от меня ускользало.

Зеб наблюдал за мной.

— Ты выздоровеешь, — сказал он уверенно. — Теперь послушай, Джонни. Мне надо было сказать тебе раньше. Юдифь очень милая женщина, и, оказавшись на свободе, она неизбежно должна была встретить подходящего человека. Но нет, зачем объяснять все это влюбленному человеку?

Он поднялся.

— Джонни, мне надо идти. Мне очень не хочется оставлять тебя одного в таком состоянии, но генерал Новак ждет меня, мы уезжаем. Он меня живьем съест за то, что я заставил себя ждать. И разреши дать тебе еще один совет...

Я ждал.

— Я советую, — сказал он, — поговори с Магги. Она тебе поможет.

Он уже выходил из комнаты, когда я остановил его вопросом.

— Зеб, а что случилось между тобой и Магги? Что-то похожее?

Он оглянулся и сказал резко

— Нет. Совсем не то. Это не было... не было то же самое.

— Я тебя не понимаю, я просто не понимаю людей. Ты советуешь мне поговорить с Магги... А ты не будешь ревновать?

Он посмотрел на меня, захохотал и ответил:

— Она — свободный гражданин, поверь мне, Джонни. Если бы ты когда-нибудь сделал ей что-то плохое, я собственными руками оторвал бы тебе голову. Но, думаю, ты ничего плохого не сделаешь. А ревновать? Нет. Я считаю, что она самый лучший парень из моих друзей, но женюсь я лучше на горной львице.

Он ушел, оставив меня опять в полном недоумении. Но все же я последовал его совету. Или, может быть, Магги последовала. Магги все знала — оказалось, что Юдифь написала ей тоже. Мне не пришлось ее разыскивать. Она сама пришла ко мне после ужина. Мы поговорили с ней обо всем, и я почувствовал себя куда лучше, настолько, что вернулся в кабинет и полночи работал, наверстывая упущенное днем время.

Мы с Магги часто гуляли после обеда, но не заходили так далеко, как с Зебом. Иногда я мог уделить на прогулку минут двадцать, не больше — надо было возвращаться к работе, но это были лучшие минуты дня, и я ждал их.

Неподалеку от городка у нас было одно особенно любимое место. Тропинка вилась среди громадных каменных грибов, колонн, куполов и других пещерных чудес, которым было трудно придумать название и которые можно было с одинаковым успехом называть мятущими душами и экзотическими цветами — в зависимости от настроения. На этой тропинке стояла каменная скамья. Тропинка здесь поднималась футов на сто под городком, так что мы могли сидеть и смотреть на наш мир сверху и молчать и Магги могла не спеша покурить. Я привык зажигать ей сигареты, как в свое время Зеб. Она любила, когда я оказывал этот маленький знак внимания, а я уже научился не задыхаться от дыма.

Месяца через полтора после того, как Зеб уехал, и за несколько дней до восстания мы сидели там и рассуждали, что будет с нами, если революция победит. Я сказал, что, наверное, останусь в армии, если армия сохранится.

— А что будешь делать ты, Магги?

Она медленно затянулась.

— Так далеко в будущее я не заглядывала. У меня нет никакой специальности. Другими словами, мы же с тобой боремся за то, чтобы профессия, к которой я принадлежала, исчезла навсегда. — Она сухо усмехнулась и продолжала: — Меня не учили ничему полезному. Правда, я могу готовить, шить и следить за домом. Поста-

раюсь найти работу экономки или служанки — ведь хорошие служанки очень редко попадают, на них большой спрос.

Мысль о том, что отважный и умный сержант Эндрюс, умеющая обращаться, если нужно, с виброкинжалом, будет ходить в бюро найма и искать работу, чтобы прокормить себя, была для меня совершенно неприемлема. Магги, Магги, которая спасла мою не такую уж ценную жизнь по крайней мере дважды и никогда не задумывалась, чего это может ей стоить. Нет, только не Магги!

Я выпалил:

— Послушай, тебе этого делать не придется.

— Другого пути я не знаю.

— Ну тогда... тогда, как ты отнесешься к тому, чтобы готовить обед мне? Я надеюсь зарабатывать достаточно, чтобы нас обоих прокормить, даже если меня после революции понизят до моего прежнего чина. Это будет не очень жирно, но все-таки...

Она взглянула на меня.

— Ну что ж, Джонни, ты очень любезен.— Она раздавила сигарету и кинула ее вниз.— Я очень тебе благодарна, но ничего из этого не выйдет. Твое начальство может не одобрить такого выбора.

Я покраснел и почти прокричал:

— Я совсем не то имел в виду!

Я знал, что хотел сказать, но никак не мог подобрать слов...

— Я имел в виду... Послушай, Магги, мы с тобой друг друга хорошо знаем, я тебе не противен... и нам неплохо вместе... Поэтому почему бы нам...

Она поднялась на ноги и обернулась ко мне:

— Джон, ты хочешь жениться? На мне?

Я сказал смущенно:

— Ну, в общем... в этом и была моя мысль...

Мне было неудобно, что она стоит передо мной, и я тоже встал.

Она внимательно смотрела на меня, как будто увидела впервые, и потом сказала печально:

— Что ж, я очень благодарна, в самом деле благодарна... и очень тронута... Но нет, Джонни, нет!

Из глаз ее покатились слезы, и она всхлипнула. Но тут же взяла себя в руки, вытерла глаза рукавом и закончила:

— Ну вот, ты заставил меня разреветься. Я не редела несколько лет.

Я хотел обнять ее, но она оттолкнула мои руки и отступила на шаг.

— Нет, Джонни! Сначала послушай меня. Я готова работать у тебя экономкой, служанкой, но замуж за тебя я не выйду.

— Почему нет?

— Почему нет? Дорогой мой, очень дорогой мой мальчик, потому что я старая, усталая женщина, вот почему.

— Старая? Ты старше меня не больше чем на год или два. Ну три, самое большее. И это не играет роли.

— Я старше тебя на тысячу лет. Подумай, кем я была, где я была, что я знаю. Сначала я была «невестой» Пророка.

— Ты не виновата.

— Может быть. Потом, когда Пророку надоедает очередная невеста, она теряет во дворце всякую цену даже для себя самой.

— Мне все равно! Мне все равно! Мне плевать! Это не имеет никакого значения!

— Ты это сейчас так говоришь. А потом это будет иметь для тебя значение. Я думаю, что знаю тебя, милый.

— Значит, ты меня не знаешь. Мы начнем жизнь снова.

Она глубоко вздохнула.

— Ты думаешь, чтолюбишь меня, Джон?

— Думаю, да.

— Ты любил Юдифь. Теперь, когда ты обижен ею, тебе кажется, что ты любишь меня.

— Но... но откуда мне знать, что такое любовь? Я знаю одно: я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж и чтобы мы всегда были вместе.

— И я не знаю,— сказала она так тихо, что я еле услышал ее слова. Она подошла ко мне, и я обнял ее так естественно и просто, будто мы всю жизнь только и делали, что обнимались.

Мы поцеловались, и я спросил:

— Ну, теперь ты согласна выйти за меня замуж?

Она откинула голову и посмотрела на меня почти испуганно:

— О, нет!

— А я думал...

— Нет, дорогой, нет! Я буду содержать твой дом, вести хозяйство, стирать белье, спать с тобой, если ты того захочешь, но не надо тебе жениться на мне.

— Черт возьми! На такое я не согласен.

— Нет? Посмотрим.— Она вырвалась из моих рук.

— Магги! — крикнул я.

Но она уже бежала по тропинке, будто летела по воздуху. Я хотел догнать ее, споткнулся о сталактит и упал. Когда я поднялся, ее уже не было видно.

И — удивительное дело. Я всегда считал Магги высокой, статной, почти с меня ростом. Но когда я обнимал ее, оказалось, она совсем маленькая. Мне пришлось наклониться, чтобы ее поцеловать.

12 В ночь Чуда все, кто оставался в Главном штабе, собрались в комнате связи перед экранами телевизоров. Наш городок совсем опустел, все разъехались по боевым постам. Нам, оставшимся, надо было поддерживать связь между группами. Стратегия была оговорена, и час восстания приурочен к часу Чуда. Тактические планы для всей страны не могли быть разработаны в Главном штабе, и Хаксли был достаточно хороший генерал, чтобы и не пытаться сделать этого. Войска были на исходных позициях, и их командиры должны были сами принимать решения. Все, что нам оставалось, — ждать.

На главном экране светилось объемное цветное изображение внутренности дворца. Служба шла уже весь день. Процессии, гимны, жертвоприношения, песнопения — бесконечная монотонность красочного ритуала. Мой старый полк стоял окаменевшими рядами, — блестящие шлемы, и копыя казались зубьями гребенки. Я разглядел Питера ван Эйка, живот которого был закован в сверкающие латы, стоявшего впереди взвода. Я знал из донесений, что ван Эйк выкрал копию нужного нам кинофильма, и его присутствие на церемонии было хорошим знаком: значит, его не подозревают.

На трех остальных стенах комнаты связи находились многочисленные экраны поменьше. Они показывали толпы людей на улицах различных городов, забитые молящимися местные храмы. И на каждом экране люди не отрывали глаз от телевизоров, показывающих ту же суету, что и наш главный экран, — внутренность дворца Пророка.

По всей Америке люди ждали Чуда, Чуда воплощения.

Офицер связи оторвался от приемника и сказал генералу Хаксли:

— Станция «Голос бога» в наших руках, сэр.

Хаксли кивнул головой. От этого зависело все. У меня задрожали колени. Взять станцию в свои руки мы могли только перед самым началом Чуда. Не раньше... Изображение передается по кабелю с этой станции, и единственная возможность внести коррективы в передачу — захватить хотя бы на несколько минут передающую станцию. Я был несказанно горд успехом моих товарищей, но

гордость сменилась горем, потому что я знал, что ни один из них не доживет до вечера.

Но если они продержатся еще несколько минут, смерть их будет не напрасна.

Начальник связи дотронулся до рукава генерала Хаксли.

— Начинается, сэр,— сказал он.

Камеры глядели на дальний конец зала Храма. Мы увидели алтарь, и затем все взоры устремились к арке слоновой кости над алтарем — над входом в святая святых. Вход был закрыт тяжелыми золотыми занавесями.

Я не мог оторвать глаз от экрана. После бесконечного, как мне показалось, ожидания, занавеси дрогнули и медленно раздвинулись, и перед нашими глазами предстал реальный, будто могущий в любой момент сойти с экрана, сам воплощенный Пророк.

Он повернул голову, окидывая всех горящим взглядом, и мне казалось, что он заглядывает мне в глаза. Мне захотелось спрятаться. Я с удивлением услышал собственный голос:

— И вы хотите сказать, что можете воспроизвести это?

Начальник связи кивнул:

— С точностью до миллиметра. Наш лучший имперсонатор, подготовленный лучшими хирургами. Может быть, идет уже наш фильм.

— Но ведь это реально!

Хаксли взглянул на меня:

— Поменьше разговоров, Лайл,— сказал он. Никогда еще он не был так сердит на меня.

Я замолчал и обернулся к экрану. Это могучее лицо и горящий взгляд, это — актер? Нет! Я знал это лицо и видел его столько раз на церемониях. Что-то испортилось, и наш план провалился.

Хаксли спросил почти грозно:

— Есть связь с Новым Иерусалимом?

— Простите, нет, сэр.

Пророк начал говорить.

Его покоряющий, могучий голос гремел, как иерихонская труба. Он ниспращивал благословения господа на грядущий год. Потом замолчал, взглянул снова на меня, поднял очи горе и обратился к Первому Пророку, моля того явиться народу во плоти и предлагая свое тело посредником в этом.

Началось перевоплощение — у меня волосы стали дыбом. Я уже знал, что мы проиграли. Пророк вытянулся на несколько сантиметров, его одежды потемнели, и вот перед нами в старинной тоге стоял сам Негемия Скаддер. Первый Пророк и основатель Нового Крестового похода. Я чувствовал, как внутренности мои сковал страх,

чувствовал себя снова маленьким мальчиком, впервые увидевшим это Чудо по телевизору в приходской церкви.

Он начал с добрых пожеланий народу и выражения своей любви к людям. Понемногу он разогрел себя, на лице появились капли пота и пальцы переплелись так же, как и в те дни, когда он призывал бога на ранних собраниях крестоносцев в долине Миссисипи. Он клеймил грех во всех его проявлениях, грех плоти, духа и денег. В самый разгар речи он перешел на другую тему, чем весьма удивил меня.

— Но я вернулся сегодня не для того, чтобы говорить о малых грехах народа,— сказал он.— Нет! Я пришел к вам призвать вас к оружию. Поднимитесь и восстаньте! Сатана пришел к вам! Он здесь! Он среди вас! С гибкостью змея он проник сюда и принял форму вашего наставника! Да! Он принял личину Пророка!

Уничтожьте Пророка! Во имя господи уничтожьте его и его приспешников!

13 — Докладывает Брюлер со станции «Голос бога»,— сказал связист.— Станция отключена и будет взорвана через тридцать секунд. Группа попытается отступить до взрыва. Всего хорошего. Конец сообщения.

Хаксли пробормотал что-то и отошел от погасшего экрана. Малые экраны, передававшие сцены в различных городах страны, показывали полную сумятицу и растерянность. Везде начались беспорядки. Я старался, глядя на них, разобраться, где друг, а где враг. В Голливуде толпа ворвалась в храм и перебила священников и стражников. В растерянности полицейские даже не успели ни разу выстрелить. Без сомнения, наш план сработал. Если правительственные войска были так же дезорганизованы, задача наша сильно облегчается.

Экран Голливуда погас, и я перешел к другому. Портленд, штат Орегон. Сражение. Я увидел там впервые людей с наруканными повязками — это была единственная форма наших.

Из головы у меня не выходил образ Пророка, обоих Пророков. Если эта сцена произвела такое впечатление на меня, то что можно сказать о ничего не подозревавших зрителях?

Поступило первое донесение. От Лукаша из Нового Орлеана:

«Захвачен центр энергетическая станция связь штурмуем полицейское управление стражники деморализованы чудом перестрелка между стражниками сопротивление слабое устанавливаем порядок. Лукаш».

Затем последовали доклады из Денвера, Бостона, Миннеаполиса и из других больших городов. Они отличались друг от друга, но смысл был один: призыв к оружию нашего синтетического Пророка и последовавший немедленно разрыв коммуникаций превратили войска Пророка в тело без головы. Мощь Пророка основывалась на предрассудках, суевериях и мистификациях — мы обернули суеверие против него самого.

14 Временная столица была перенесена в Сан-Луис. Я сам отвез туда Хаксли. Мы обосновались на военной базе Пророка, вернув ей старое название казарм Джефферсона. Заняли мы также помещения университета и восстановили его название — Университет имени Вашингтона. Если еще многие не понимали истинного значения этих переименований, скоро они поймут и это. Я тоже совсем недавно узнал, что Вашингтон боролся за свободу.

Хаксли называл себя военным губернатором и упорно отказывался от звания временного президента.

Положение было серьезное, более серьезное, чем могло показаться. Несмотря на то, что революция охватила всю страну и правительственные войска были практически разгромлены, мы не могли захватить сердце страны — Новый Иерусалим. Более половины населения было еще не с нами, многие были просто в растерянности. До тех пор, пока Пророк был жив и Храм оставался центром, вокруг которого могли собираться его сторонники, у него оставалась надежда победить нас.

Чудо дало только временный эффект. Пророк и его помощники были не дураки. Они уже начали организовывать сопротивление тех, может, и немногочисленных, но преданных приверженцев, которые отхватывали самые жирные куски при церковном режиме. Понемногу всем становилось ясно, что это мы подделали Пророка. Казалось бы, что вывод из этого ясен: если мы могли подделать Чудо, то значит и все предыдущие чудеса были подстроены, — телевизионные трюки и ничего больше. Я сказал об этом Зебу, но он только посмеялся над моей наивностью. Верующие не подчиняются законам логики, сказал он. Трудно отказаться сразу от религии, которая оболванивает тебя с детства.

В любом случае Новый Иерусалим должен пасть, и время не было нашим союзником.

Тем временем в университете собралось Временное конституционное собрание. Его открыл Хаксли, который отказался снова от

президентского кресла, затем объявил, что все законы, принятые со дня вступления на пост Пророка Негемии Скаддера, теряют силу. Нашей единственной целью, заявил он, является выработать пути возрождения демократии и подготовиться к свободным выборам.

Тут он передал слово Новаку и покинул собрание. Мне тоже пришлось уйти, и только потом я узнал, что собрание приняло две первые резолюции: ни один гражданин не может быть подвергнут гипнозу или любой другой психотехнической обработке без письменного своего на то согласия и что ни религиозные, ни политические соображения не должны фигурировать на первых выборах.

К нашей армии присоединились многочисленные добровольцы. Но это не была настоящая армия. Единственное, что нас утешало, так это то, что войска Пророка были невелики, насчитывали около двухсот тысяч человек, в основном тайной полиции, и только часть из них успела прорваться в Новый Иерусалим.

Но и от нас подготовка к штурму Нового Иерусалима потребовала собрать все силы, какие были в нашем распоряжении. Работа шла такая, что последние месяцы в Главном штабе показались мне отпуском. У меня под началом трудилось около тридцати клерков, но я даже не знал, чем занимается половина из них. Мне приходилось еще тратить массу времени на переговоры с Очень Солидными Гражданами, которые желали обязательно побеседовать с генералом Хаксли.

Я припоминаю только один знаменательный инцидент. Моя секретарша вошла ко мне и сказала:

- Вас хочет видеть ваш близнец.
- Что? У меня нет братьев, тем более близнецов.
- Сержант Ривс, — пояснила она.

Он вошел, мы пожали друг другу руки и обменялись приветствиями. Я действительно был очень рад его видеть и сказал ему, что выполнил большую часть его работы.

— Да, кстати, я не успел никому сказать, что нашел вам нового клиента в Канзас-сити. Магазин Эмери, Бэрда и Тейера. Можете воспользоваться.

- Я постараюсь, спасибо.
- Я не знал, что вы — солдат.
- Да я и не солдат. Но я стал им, когда мой пропуск потерял...

силу...

- Простите меня за это.
- Не стоит извиняться. Я научился обращаться с оружием и буду участвовать в операции «Удар».

— Ой-ой, это условное обозначение совершенно секретно.

— В самом деле? Надо будет сказать нашим ребятам. А то они, по-моему, этого не понимают.

Я переменял тему.

— Собираетесь остаться в армии?

— Нет, вряд ли. Да, я хотел спросить вас, полковник. Вы полковник, не так ли?

— Да.

— Вы что, останетесь в армии? А то займемся текстилем!

Я удивился, но все-таки ответил:

— Что же, мне понравилось быть коммивояжером.

— Ну и хорошо, а то я остался без работы и подыскиваю партнера.

— Не знаю,— ответил я.— Я не заглядываю в будущее дальше, чем операция «Удар». Может быть, я останусь в армии, хотя не могу сказать, что военная служба нравится мне так же, как нравилась когда-то. Не знаю. Мне хотелось бы сидеть в винограднике под фиговым деревом.

— И никого не бояться,— закончил он за меня.— Хорошая мысль. Но почему бы вам, сидя под этим деревом, не развернуть несколько штук ситца? Ведь урожай с виноградника может подвести. Подумайте.

— Обязательно подумаю.

15 Мы с Магги поженились за день до штурма Нового Иерусалима. Медовый месяц продолжался ровно двадцать минут, пока мы стояли, держась за руки, на пожарной лестнице возле моего кабинета,— единственное место, куда не заходили посетители и начальники. Потом я вылетел на ракете, везя Хаксли на исходные позиции.

Я попросил разрешения вести истребительную ракету во время штурма, но Хаксли отказал мне в просьбе.

— Зачем, Джон? — сказал он.— Войну мы не выиграем в воздухе. Она решится на земле.

И он, как всегда, был прав. У нас было очень мало ракет и еще меньше надежных пилотов. Большая часть ВВС была выведена из строя, а некоторые летчики улетели в Канаду и были там интернированы. С теми машинами, что у нас были, мы могли только периодически бомбить дворец, чтобы заставить их не высовываться наружу.

Кроме того, мы не могли серьезно повредить его, и это было

известно и нам и им. Дворец, такой роскошный снаружи, был под землей самым недоступным бомбоубежищем в мире. Он был рассчитан на прямое попадание ядерной бомбы — глубинные туннели выдержат. А Пророк и его отборные войска находились именно в этих туннелях. Да мы и не могли использовать атомное оружие, даже если бы оно и не было запрещено мировой конвенцией, — пострадали бы сотни тысяч невинных людей.

Приходилось выкапывать Пророка из норы, как барсука.

В 00 часов 01 минуту мы двинулись ко дворцу со стороны реки Делавар. В нашем распоряжении было тридцать четыре наземных крейсера, тринадцать из них — настоящие тяжелые машины, остальные либо устаревшие, либо легковооруженные. Это все, что оставалось от бывших бронечастей Пророка. Остальные крейсеры были уничтожены верными ему офицерами. Тяжелыми машинами мы хотели взломать стены. Легкие должны были сопровождать транспорты, везущие пятитысячный штурмовой отряд.

Мы слышали, как шла бомбежка дворца, — глухие взрывы и содрогание воздуха доносились даже сюда. Бомбежка продолжалась уже тридцать шесть часов, и мы надеялись, что никому во дворце не удалось выспаться за это время, тогда как все наши солдаты по приказу спали по двенадцати часов подряд.

Ни один из наших крейсеров не был рассчитан на то, чтобы быть флагманом, поэтому в конической башне одного из них мы устроили командный пункт, выбросив телевизор дальнего действия и освободив место для нужных нам приборов управления боем.

Вперед мы двинулись зигзагами. Хаксли выхаживал по рубке спокойный, как улитка, поглядывая мне через плечо и читая полученные сводки и донесения. Успевал он следить и за экранами телевизоров. Пеннойер командовал левым крылом и своим крейсером, Хаксли — правым крылом.

В 12.32 телевизоры погасли. Противник расшифровал нашу частоту и вывел из строя все транзисторы. Это было теоретически невозможно, но он это сделал. В 12.37 вышло из строя радио.

К этой неудаче Хаксли отнесся равнодушно.

— Переключитесь на световую связь, — сказал он.

Связисты уже предупредили его приказ: наши приемники и передатчики работали теперь на инфракрасных лучах — от корабля к кораблю. Прошел еще час. Хаксли так же неторопливо бродил по рубке, поглядывая иногда на схему расположения движущихся крейсеров. Наконец он сказал:

— Пора перестраиваться в штурмовые порядки.

Я передал приказание крейсерам, и через девятнадцать минут последний крейсер доложил о готовности.

Я был доволен — некоторые водители еще четыре дня назад были шоферами грузовиков.

В 15.00 мы передали сигнал:

— Орудия к бою.

Башня нашего крейсера вздрогнула.

В 15.31 Хаксли приказал открыть огонь.

Первый залп взметнул пыль в рубке. Крейсер откатился назад, и я чуть не свалился с кресла. Никогда раньше я не бывал в таких машинах и не ожидал такой отдачи. В следующий раз я уже знал, чего мне ждать.

Хаксли стоял у перископа, наблюдая за действием нашего огня. Новый Иерусалим отвечал, но попаданий пока не было. У нас было преимущество — мы вели огонь по неподвижной цели. Но, с другой стороны, даже тяжелый крейсер не может пробить броню дворца.

Через несколько минут вокруг начали рваться вражеские снаряды. Все ближе и ближе. Пеннойер сообщил, что разбит «Мученик» — снаряд разворотил машинное отделение. У «Архангела» перегрелось орудие. Он не вышел из строя, но был бесполезен.

Хаксли приказал перестроиться по плану «Е». Он был рассчитан на то, чтобы снизить эффективность вражеского огня.

В 16.11 Хаксли приказал бомбардировщикам вернуться на базу. Мы были в пределах города, и стены дворца были так близко, что мы могли пострадать от собственных бомб.

В 16.17 в наш корабль попал снаряд. Боевая башня заклинилась, орудие потеряло способность двигаться. Водитель был убит. Хаксли поднялся с пола, надел шлем. Он посмотрел на боевую схему.

— Мимо нас через три минуты пройдет «Благословение». Передай, чтобы они снизили скорость до минимума и подобрали нас. Передай Пеннойеру, что я переносу флаг на «Благословение».

Мы перешли на другой крейсер без потерь. Я захватил с собой схему с путями движения каждого крейсера, расписанную по минутам и секундам. Закончив передавать приказания крейсерам, я обернулся к генералу. Хаксли сидел на кресле и сначала мне показалось, что он глубоко задумался, потом я понял, что он потерял сознание. Только подбжав к нему, я заметил, что по ножке кресла стекает кровь и капает на пол. Я положил его на пол и, расстегнув куртку, увидел торчащий между ребер осколок.

Я услышал голос связиста:

— Генерал Пеннойер докладывает, что он заканчивает маневр через четыре минуты.

Хаксли вышел из строя. Живой или мертвый, он в этом бою уже не будет участвовать. По всем правилам командование переходило к Пеннойеру. Но каждая секунда была на счету, и передача командования займет именно эти ценнейшие секунды. Что делать? Передать командование командиру «Благословения»? Я знал его — он был честный офицер, но без инициативы. Он даже не заглядывал в рубку, а управлял артиллерийским огнем из орудийной башни. Если я позову его, пройдет несколько минут, прежде чем он поймет, что делать дальше.

Что бы делал Хаксли, если бы он оказался на моем месте?

Мне казалось, что я размышляю целый час. В действительности хронометр показал, что прошло всего тринадцать секунд между сообщением Пеннойера и моим ответом.

«Через шесть минут начинаем последний этап штурма. Приступайте к перестройке крыла соответственно плану.»

Передав приказ, я вызвал к генералу санитаров.

Я перестроил свой фланг и отдал приказ «Колеснице»:

— Подплан «Д». Покиньте строй и приступайте к исполнению приказа.

Подплан «Д» предусматривал высадку транспортом «Колесница» десанта возле универмага, который был соединен туннелем с дворцом. Из подземелья, где я впервые встретился с подпольщиками, десантники должны были маленькими штурмовыми группами рассредоточиться по дворцу. Эти пятьсот человек были знакомы с расположением дворцовых помещений. Многие из них погибли, но они создадут так нужную нам в момент атаки панику в стане противника. Отрядом этим командовал Зеб.

Мы готовы.

«Всем крейсерам. Начинаем атаку. Первый фланг — правый бастион. Левый фланг — левый бастион. Полная штурмовая скорость с соблюдением боевой дистанции. Беглый огонь. Повторить приказ.»

С крейсеров поступали подтверждения.

Вдруг пришло неожиданное сообщение по радио:

— Говорит капитан ван Эйк. Ударьте по центральному воротам. Мы ударим по ним же с другой стороны.

— Почему центральные ворота? — спросил я.

— Они разбиты.

Если это правда, то это может решить все дело. Но я имел ос-

нование не доверять. Если они выследили ван Эйка, то это ловушка. Не представляю, как он в разгар битвы со мной связался.

— Скажите пароль! — сказал я.

— Нет уж, сами скажите!

— Не скажу.

— Я скажу первые две буквы.

— Хорошо.

Он не ошибся. Я успокоился.

«В отмену прежнего приказа. Тяжелым крейсерам с обоих флангов штурмовать центральный бастион. Легким крейсерам перенести отвлекающий огонь на правый и новый бастионы. Повторите приказ».

Через девятнадцать секунд я отдал приказ «Вперед».

Мы проломили внешние укрепления, чуть не провалились в какой-то подвал. «Благовещенье» с размаху ударился в стену центрального бастиона. Крейсер полез вверх, и я испугался, что он опрокинется, но тут стена, поврежденная нашими снарядами, поддалась, и мы сквозь образовавшуюся брешь вползли во внутренний двор дворца.

Я подождал, пока последний крейсер не вошел во Дворец, и отдал последний приказ.

«Транспорты с десантом, вперед».

После этого я связался с Пеннойером и сообщил ему, что Хаксли ранен и командование переходит к нему.

Для меня бой кончился. Он шел еще вокруг меня, но я не принимал в нем участия — я, который всего несколько минут назад узурпировал верховное командование.

Я закурил сигарету и подумал, что же мне теперь с собой делать? Глубоко затянувшись, я вылез через контрольный люк в орудийную башню и выглянул в бойницу. Дым рассеивался. Я увидел, как откинулись борта транспорта «Лестница Иакова» и солдаты, держа оружие наготове, посыпались во все стороны, разбегаясь в укрытия. Их встретил редкий неорганизованный огонь. «Лестница Иакова» уступил место «Ковчегу».

Командир десанта на «Ковчеге» имел приказ захватить Пророка живым. Я выскочил из башни, спустился в машинное отделение и отыскал запасной люк. Откинув крышку, я вывалился на землю и бросился за десанниками.

Мы вместе ворвались во внутренние покои.

Бой кончался. Мы почти не встречали сопротивления. Мы спу-
скались с этажа на этаж все глубже под землю и наконец нашли
бомбоубежище Пророка. Дверь была распахнута настежь, и Пророк
был там, где мы его искали.

Но мы его не арестовали. Девственницы добрались до него
раньше, и он уже не был властительным и грозным. От него оста-
лось ровно столько, чтобы можно было его опознать.

Перевел с английского
Ю. Михайловский

ученые и фантастика

В Советском Союзе в последнее время исследования в области социального прогнозирования приобрели значительные масштабы. Сейчас в нашей стране работают десятки исследовательских групп, секторов и отделов по различным проблемам научно-технического, социально-экономического, военно-политического и геокосмического прогнозирования. Их деятельность координируется специальными секциями ряда научных советов АН СССР.

Понятно, какое большое значение все это имеет для развития научной фантастики.

Редакция альманаха обратилась к председателю Исследовательского комитета по социальному прогнозированию при Советской социологической ассоциации доктору исторических наук И. Бестужеву-Ладе с просьбой рассказать, как ученые разных стран видят будущее человечества.

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: УТОПИИ И ПРОГНОЗЫ

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА,

**доктор исторических наук
Зав. сектором Института
международного рабочего движения**

«Кладовые воображаемого мира»

Редакция датской газеты «Информасьон» попросила профессора ботаники Саутгемптонского университета (Англия) Б. Уильямса рассказать о том, какой может стать «обычная среда человека» в начале XXI века. Уильямс, ссылаясь на данные современной научной фантастики Запада, нарисовал следующую картину:

Еда. Люди покупают в аптеках пиццетаблетки. Натуральная пища доступна только богатым. Простые смертные лакомятся ею лишь на праздничных, ритуальных трапезах. Возможно даже, что натуральные продукты будут совсем запрещены под страхом тяжкой кары. И только в тайных притонах, при наглухо закрытых окнах закоренелые преступники будут предаваться поклонению нелегальным теллячим головам с картофелем.

Транспорт и общение между людьми. Большая часть транспорта оказывается излишней, так как фабрики и конторы управляются «электронным мозгом», а вместо людей встречаются друг с другом только их изображения на экранах

видеофонов. Телепатия вместе с телевидением позволяет достичь полной иллюзии непосредственной физической встречи.

В этом пункте многие читатели с тревогой ждут ответа на вопрос: как же насчет продолжения рода человеческого? К их сведению сообщается, что в принципе обычная человеческая яйцеклетка может быть искусственно оплодотворена и затем расчленена на множество таких же яйцеклеток, которые развиваются далее в специальных инкубаторах.

Развлечения. Люди живут в комнатах, стены которых служат телевизионными экранами. Запертые в этих своеобразных «кладовых воображаемого мира», они с утра до вечера созерцают телефильмы, прерывая передачу только для того, чтобы поболтать по видеофону с кем-нибудь из знакомых. Возможно, что появление за дверью дома, чтение книг, собрания вообще будут караться как «антисоциальные явления».

Уильямс признает, что такая картина способна вызвать ужас у читателя. Поэтому он дает пояснения.

Прежде всего в ней нет ничего немислимого. С технической точки зрения все сказанное осуществимо в течение ближайших со-рока лет. Далее, все это — отнюдь не его личное мнение, а, так сказать, «общий глас» научно-фантастической литературы Запада. Известно, что научная фантастика, помимо всего прочего, — как бы сводка определенных сегодняшних представлений о завтрашнем дне человечества. И проф. Уильямс прав, указывая, что в этом плане она заслуживает большего внимания, чем ей оказывают. Прав он и в том, что все это осуществимо лишь в случае, если человечество допустит дальнейшее развитие наметившихся тенденций, ибо «от нашего выбора сегодня зависит то, что мы получим завтра».

К сожалению, этим справедливым тезисом автор и завершает свою статью, оставляя читателя с целым рядом недоумений, над которыми каждому предоставляется размышлять самому.

Воспользуемся этим правом.

Технический прогресс и социальные тормоза

Итак, фабрики и конторами управляет электронный мозг, а люди сидят взаперти по своим комнатам, глотая пиццетаблетки и грезя наяву в чаду телевизионного опиума.

Не будем говорить о том, что такая перспектива поднимает проблему смысла жизни человека и смысла существования человечества. Это требует особого разговора. Не будем говорить и о судьбах

прогресса человечества (ибо подобный образ жизни равнозначен быстрому умственному, моральному и физическому вырождению всего народонаселения Земли). Это тоже предмет специальной статьи.

Здесь нас интересует другое. Приемлем такой образ жизни как общественный идеал, к которому следует стремиться?

Нет, тысячу раз нет! У каждого нормального человека он ничего, кроме отвращения, не вызывает.

Мыслимо ли нечто в этом роде через 30—40 лет? Да. Но только при одном фантастическом допущении. Если технический прогресс будет продолжаться, а социальный — приостановится. Если народы мира ни с того, ни с сего прекратят борьбу против социальной эксплуатации и национального гнета. Если происходящий на наших глазах процесс смены капиталистического способа производства социалистическим вдруг повернет вспять, как река от устья к истокам. Словом, мыслимо в рамках социальной утопии определенного политического толка — утопии, допускающей сохранение каким-то чудом в сколько-нибудь отдаленном будущем современных буржуазных порядков.

При таком фантастическом допущении вполне логично представить себе также непрерывную междоусобицу магнатов капитала, постоянные схватки между ними на земле и в космосе с применением ядерного, химического и бактериологического оружия. Можно представить себе и роботов-полицейских, держащих в страхе запуганного обывателя, и превращение людей с помощью направленных мутаций в тупых исполнителей приказов клики правителей, и многое другое.

Все это нетрудно найти в той же литературе, которую столь основательно изучил проф. Уильямс. И нарисованная им картина стала бы еще полнее. Но не стала бы менее утопичной.

Вызывает недоумение еще одна сторона дела.

Когда Рей Брэдбери, на которого ссылается Уильямс, изображает ужасное царство людей-роботов, сжигающих книги и усыпляющих себя наркотически действующими фильмами, то объективно он выступает обличителем некоторых характерных черт современной американской действительности. Он, по сути дела, протестует против превращения человека в придаток машины, против «охоты за ведьмами», против пресловутой голливудской кинопродукции, оболванивающей и деморализующей человека. Он явно не хочет, чтобы это настоящее Соединенных Штатов стало будущим американского народа.

Когда Олдос Хаксли, на которого тоже ссылается Уильямс, рисует не менее ужасающий «прекрасный новый мир», беззастен-

чиво приписывая все пороки капитализма грядущему коммунистическому обществу, — это обычный прием буржуазной пропаганды. Писатель столь же явно оказывается здесь в рядах черносотенцев антикоммунизма.

А проф. Уильямс? Зачем и во имя чего написал он еще одну утопию? Это трудно понять. Из его высказываний можно заключить, что он тоже не в восторге от набросанной им картины, что он напуган подобной перспективой и призывает читателей задуматься над возможностью создания иного будущего мира, иного человеческого общества.

Если такая догадка правильна, то Б. Уильямс, видимо, ставил своей целью посылить содействовать делу прогресса. Но это — именно догадка, так как автор старательно воздерживается от сколько-нибудь определенных выводов.

Технический прогноз и социальная утопия

Почему же в таком случае появилась эта статья?

Потому что велик интерес к будущему Земли и человечества в самых широких кругах мировой общественности. Потому что велики возможности заглядывания в будущее у современной науки. Потому что читатель хочет знать, какой станет обычная среда человека через 40 лет по последним научным данным. И газета «Информасьон» публикует статью профессора Саутгемптонского университета.

Давно минули времена, когда мир завтрашнего дня искали только в царстве Утопии. Марксизм воспринял и критически переработал все лучшее, что дали людям социалисты-утописты, но вместе с тем вскрыл полную научную несостоятельность самого утопизма как идеалистического подхода к исторической действительности. Философия диалектического материализма открыла возможность действительно научного предвидения будущего Земли и человечества. Утопия сменилась наукой. На место утопических картин будущего встал научный прогноз перспектив развития производительных сил и производственных отношений человеческого общества.

В рамках этой статьи невозможно даже общими штрихами обрисовать сложный путь становления социально-экономической и научно-технической прогностики за последние сто лет — от разработки К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным теории научного коммунизма и до определения на этой основе перспектив дальнейшего развития человечества в ближайшие десятилетия.

Достаточно напомнить, что предвидение основоположниками марксизма-ленинизма неизбежности смены капиталистического способа производства социалистическим полностью подтвердилось дальнейшим ходом истории. Что бы ни говорили многочисленные опровергатели марксизма, история развивается по Марксу. Наглядными доказательствами тому служат мировая система социализма, обострение классовой борьбы и рост популярности социалистических идей в странах капитала, развертывание освободительной борьбы и все более усиливающаяся тенденция к переходу на некапиталистический путь развития стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Достаточно сослаться также на успехи перспективного планирования в странах победившего социализма. Ведь что значит научно обоснованный план развития социалистической экономики и культуры на 5, 10, 15, 20 лет вперед? Это утверждение возможности заглянуть в будущее на десятилетия вперед. И не просто заглянуть, а детально наметить перспективы дальнейшего развития, стать сознательным творцом будущего в прямом смысле слова. Никогда еще люди не располагали такой концентрированной мощью производительных сил, подчиненных общенародной целенаправленной воле, как в СССР и других социалистических странах. В руках человека оказывается здесь небывалая, немыслимая прежде форма власти — власть над будущим.

Развитие науки и техники — особенно электронной техники — предоставляет в распоряжение социологов и экономистов новые, все более эффективные средства исследования, позволяет давать все более обоснованный и детальный прогноз. Ученые получают возможность «заглядывать» в будущее все дальше и видеть там все больше. И это — лишь первые шаги...

К социально-экономическому и научно-техническому прогнозу обращается ныне не только марксистская мысль. Умирающий монополистический капитализм ищет спасения от своих смертельных недугов в государственном регулировании частнособственнической экономики. Социологи и экономисты буржуазного мира, опираясь на колоссальные достижения науки, прогнозируют наиболее вероятные пути развития некоторых сторон производительных сил человечества на 30, 40, 50, 100 лет вперед.

Но как только от научно-технического прогноза они переходят к социально-экономическому, их «машина времени» начинает буксовать. Экономика, основанная на частной собственности на средства производства, оказывается, не поддается эффективному планированию. Детально разработанные прогнозы развития техники приходят в вопиющее противоречие с социально-экономиче-

скими тенденциями развития капитализма. Одни буржуазные ученые открыто признают бесперспективность капиталистического способа производства. Другие пытаются примирить непримиримое, втиснуть колоссальные производительные силы завтрашнего человечества в клетку производственных отношений сегодняшнего капиталистического общества.

В итоге рождается удивительный гибрид: вполне обоснованные провидения наиболее вероятных достижений науки и техники завтрашнего дня предстают в фантастическом облачении самой очевидной социальной утопии, причем утопии отнюдь не социалистической. Давно ли буржуазные социологи высокомерно третировали социалистов-утопистов? Теперь буржуазия перед лицом современной науки, ставящей ей диагноз «неизлечимо», отступает на последние оборонительные позиции — на позиции реакционной утопии.

Все это, как в капле воды, отразилось в статье проф. Уильямса. Он попытался спроецировать в будущее привычную для него социально-экономическую обстановку. Получилась социальная утопия со вкрапленными в нее там и сям элементами научно-технического прогноза.

Но мрачная утопия проф. Уильямса, независимо от намерений автора, совершает все же благое дело: как уже говорилось, она заставляет читателя всерьез задуматься над тем, что несет с собой будущее и что необходимо, чтобы это будущее не стало столь ужасающим. Между тем есть и другие современные утопии, выдержанные не в мрачных, а, наоборот, в самых розовых тонах. Читая их, уже не приходится теряться в догадках насчет того, какова цель авторов. Там встречаются еще более поразительные гибриды.

«Больше всякой всячины для всякого»

Члены редколлегии американского журнала «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» взяли интервью у нескольких бизнесменов, экономистов, ученых-естествоиспытателей и педагогов. Тема: США в 1984 году. Вместе с тем экономический отдел редакции журнала составил прогноз развития экономики США на ближайшие 20 лет, основываясь на официальных данных. Все это послужило материалом для большой редакционной статьи, рассчитанной специально на учащуюся молодежь и озаглавленной «Будущее, которое молодежь встретит в Америке».

В статье приводится захватывающий перечень великих возможностей современной науки и техники. Тут и города будущего с до-

мами, которые напоминают проектируемые научные станции на Луне, и подземные автострады с машинами, развивающими скорость до 360 километров в час, и электронные машины для домашнего хозяйства, и самоочищающиеся полы. Но под каким соусом подается это полностью апробированное современной наукой блюдо?

Неискушенному юному читателю искусно внушается мысль, что «Америка завтрашнего дня будет богаче и обильнее» без малейшего изменения существующих социально-экономических условий. Все будут, как по мановению волшебной палочки, зарабатывать больше, приобретать больше и жить лучше. В статье дословно сказано: «будет больше всякой всячины для всякого». Мало того, по мере дальнейшего технического прогресса все «проклятые» вопросы современности исчезнут якобы сами собой.

Кризисы? Да, ожидаются периодические спады. Но, во-первых, «умеренно». А во-вторых, «один профессор экономики одного из главных университетов» сказал, что возможность даже таких спадов «совершенно ничтожна».

Безработица? Пустяки. Трудно будет найти работу только сельскохозяйственным и неквалифицированным рабочим. Остальные пойдут прямо нарасхват (следует подробная таблица, куда именно).

Автоматизация? Ничего особенного. Возникнут «новые отрасли производства», которые «дадут новую работу» всем желающим.

Рост цен? Но в будущем «денежные доходы станут расти еще быстрее».

Падение покупательной способности доллара? Обычная вещь. Кроме того, ведь это только из-за «правительственной политики поддержания полной занятости» (о миллионах безработных, разумеется, ни слова).

Освободительное движение негров? Скоро прекратится: в начале XX века в Южных штатах проживало свыше 90% всех негров США, теперь — меньше 60%, к 1984 году их останется там не больше 45%. А потом, видимо, на Юге США не останется вообще ни одного негра. Так что и тут наступит сплошная идиллия.

Но неужели все трудности, все противоречия, раздражающие Соединенные Штаты сегодня, будут преодолены завтра? Неужели нынешнее американское правительство решит все до единой проблемы, не оставив ни одной подрастающему поколению? Нет, почему же! Проблем останется много. Например.

Нехватка пресной воды в промышленных районах. Загрязнение воздуха в крупных городах. Растущие заторы в уличном движении. Нехватка минеральных ресурсов. Проблема удаления колоссальных промышленных отходов. Наконец, проблема: куда девать свободное время? Теперь многие не обремененные работой американцы проводят у телевизора по пять с лишним часов в день. Может быть, в будущем их не оторвешь от экрана 8—10 и более часов? «Если это случится, — сокрушается один из педагогов, — страна пойдет к чертям!»

Бывает оптимизм и оптимизм

Сразу оговоримся. Мы считаем все только что перечисленные — и еще многие в том же роде — проблемы очень серьезными, заслуживающими самого тщательного изучения.

На одной из последних международных дискуссий по вопросам социологии в Женеве политический директор журнала «Пари-Матч», известный французский публицист Раймон Картье, расписал будущее человечества сплошными розовыми красками. А бывший советник Джона Кеннеди американский социолог Огюст Хэкчер высказал опасения по поводу отставания в ряде стран роста производства от роста населения, по поводу угрожающих масштабов загрязнения воздуха и воды. Он говорил о местностях, изуродованных беспланным строительством, о подавлении человека техникой, о недопустимости подмены понятия «ценность» понятием «выгода». И многие участники дискуссии (в том числе советские), не разделяя безоблачного оптимизма Картье, согласились с серьезностью замечаний Хэкчера.

Коммунисты убеждены, что будущее человечества — светло и прекрасно. И напрасно другой французский журналист, Андре Жорж, глумится над этой убежденностью на страницах газеты «Фигаро». Убежденность коммунистов в неизбежности перехода всего человечества к коммунизму, их вера в Светлое Будущее, за которое сложили головы миллионы революционеров всего мира, не имеет ничего общего с известным тезисом вольтеровского «Кандида» насчет того, что все к лучшему в этом лучшем из миров. В отличие от религии, эта вера основана на научном анализе исторического процесса. Она предполагает не бездумный оптимизм, а упорную борьбу во имя Светлого Будущего с темными силами, олицетворяющими прошлое. В том числе и борьбу за решение труднейших проблем социального, экономического и технического характера, стоящих перед современным человечеством.

Коммунисты убеждены в том, что эти проблемы могут быть успешно решены — и решены именно грядущим коммунистическим обществом. И у них есть много оснований быть оптимистами.

Таким образом, оптимизм оптимизму рознь.

Но вернемся к новейшей американской утопии. Любопытно было бы узнать мнение о ней г-на Жоржа. Вот где «уверенность в грядущем счастье», «убежденность в лучезарном будущем», по поводу которых он так гневается на «псевдоученых пророков»! Вы обратили внимание, как хитроумно затушевана там социальная утопия яркими красками технического прогноза? Кризисов не будет, безработицы не будет, негров на Юге США тоже не будет. А будет только загрязнение воды и воздуха, с которым и придется столкнуться подрастающим американцам.

Хотелось бы посоветовать юным американским читателям после сказочной бочки меда, заботливо приготовленной для них добрыми дядями из «Юнайтед Стейтс Ньюс», уделить немного внимания вполне реальной ложке дегтя, содержащейся в речи сенатора Дж. Фулбрайта (который, как известно, является не менее рьяным защитником «американского образа жизни», чем любой другой из его коллег).

«В результате быстро распространяющейся автоматизации американской экономики,— заявил сенатор Фулбрайт 4 апреля 1964 года,— рушится традиционный механизм распределения покупательной способности через работу по найму и доходы. В сущности, наша способность порождать экономический спрос все время отстает от нашей способности увеличивать производство товаров и услуг».

Как хотите, но трудно здесь причислить Дж. Фулбрайта к утопистам. Он, конечно, не бог весть как далеко заглядывает в будущее. Но он выгодно отличается от тех буржуазных «прогнозистов», которые 40 лет назад, резвясь на волне промышленного подъема 20-х годов, уверенно пророчили небывалый расцвет капиталистической экономики буквально накануне Великого Кризиса 1929 года.

За будущее нужно бороться

Когда известного американского физика Роберта Оппенгеймера спросили, каким, по его мнению, будет следующее 50-летие, он ответил, что не уверен, будет ли у человечества еще одно 50-летие. Эти слова стоят того, чтобы над ними задуматься.

По подсчетам американских специалистов, мощь ядерного оружия, которое имеется в настоящее время на нашей планете, эквивалентна примерно 350 миллиардам тонн взрывчатки. (Для сравнения: за всю вторую мировую войну было израсходовано 6 миллиардов тонн.) Между тем достаточно 10 миллиардов тонн, чтобы из 190 миллионов американцев осталось в живых только 20 миллионов, и то 15 миллионов инвалидов.

Избавить человечество от угрозы ядерной катастрофы! Объявить беспощадную войну милитаризму, добиться полного запрещения ядерного оружия! Никто не имеет права говорить о будущем человечества, устраниаясь от этой борьбы.

По подсчетам экспертов ООН, народонаселение Земли в 1965 году составляло 3308 миллионов человек. Из них 2200 миллионов постоянно голодают, а 400—500 миллионов умирают мучительной голодной смертью, питааясь впроголодь далеко не каждый день. Половина населения в Латинской Америке, две трети в Азии и три четверти в Африке неграмотно. И сотни миллионов детей не имеют возможности посещать школу. Не хватает жилищ, школьных зданий, больниц. Голод и болезни косят людей миллионами. Есть страны, в которых больше половины детей умирает в грудном возрасте. В США — самой богатой капиталистической стране — 35 миллионов граждан (пятая часть населения), по признанию президента Джонсона, живут в нищете.

Между тем человечество тратит примерно полтораста миллиардов долларов в год на военные нужды. Этой суммы с избытком хватило бы, чтобы на протяжении жизни одного поколения помочь развитию экономики отсталых стран, обеспечить все население Земли питанием и жилищами, школами и больницами.

Избавить человечество от бремени вооружений! Уничтожить милитаризм, добиться заключения договора о всеобщем и полном разоружении! Без этого разговоры о будущем человечества — сплошное пустословие.

Перед человечеством стоят Великие Задачи. Треть земной суши занята пустынями, четверть — скована вечной мерзлотой. Для нужд сельского хозяйства используется лишь десятая часть имеющихся земель. Между тем даже при современном уровне знаний и техники можно обеспечить питанием 60—85 миллиардов человек. Можно развернуть эффективную борьбу с пустынями и болотами, с эрозией почвы, с загрязнением воздуха и воды. Можно обеспечить каждую семью квартирой со всеми мыслимыми удобствами — начиная от кондиционированного воздуха и электронной плиты и кончая стереоскопическим и стереофоническим цветным телевизором с экраном во всю стену. Вполне реальны

в будущем и поезда, несущиеся по подземным тысячекилометровым тоннелям со скоростью самолетов недавнего прошлого, и плавучие города-острова на всех морях земного шара, и даже искусственная атмосфера и гидросфера на Марсе и Венере, чтобы сделать эти планеты пригодными для заселения их людьми.

При этом многие из Великих Проектов — будь то система плотин и каналов, способная озеленить пустыни Африки, или океанская плотина, способная изменить климат целых материков, или, наконец, экспедиция на Луну — полностью укладываются в рамки ежегодных военных расходов человечества. И здесь дорогу в будущее загромождаёт милитаризм.

А ведь милитаризм — не просто слепая разрушительная сила. Его связь с капиталистическим строем бросается в глаза, ибо на Земле есть одна-единственная социальная группа, заинтересованная в гонке вооружений, — горстка магнатов капитала, диктующих свою волю пресловутому «свободному миру». В социалистических странах такого рода групп нет и быть не может. Таким образом, нельзя не прийти к выводу, что главное препятствие на пути человечества к Светлому Будущему — оковы старого, изжившего себя общественного строя. Как тут не вспомнить гневные ленинские строки?

«Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить немедленно. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей рабами этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров».

Эти строки написаны как будто сегодня. Империализм — вот причина того, что умирают с голоду два миллиарда человек, когда есть возможность прокормить 85 миллиардов. Вот что мешает людям превратить свою планету в цветущий сад на протяжении жизни одного поколения, мешает полному осуществлению величайших возможностей современной науки и техники. Вот что крадет у человечества 150 миллиардов долларов в год и держит его при этом в вечном страхе ядерной катастрофы. «Сотни миллионов людей, — говорится в Программе КПСС, — видят, что капитализм — это строй экономической анархии и периодических кризисов, хронической безработицы и нищеты масс, хищнической растраты производительных сил, строй, постоянно несущий угрозу войн».

Вот почему треть человечества строит сегодня свое будущее под знаменем научного коммунизма. Миллионы людей в капитали-

Научный обозреватель АПН Е. КНОРРЕ
комментирует последние работы
Физического института АН СССР

Эволюция научной идеи обычно проходит по сложной трассе от пункта Этого Не Может Быть до пункта Это Уже Есть.

Но перед тем, как стать всеобщим достоянием, научная идея переживает своего рода инкубационный период — уже проверенная в эксперименте, она открывает широкий простор мечте. Мечте реальной, закономерно обусловленной. В этом отличие идеи научной от идеи просто фантастической, хотя иной раз фантастике и не угнаться за тем, что предоставляет людям наука.

Передача энергии без проводов, да еще с минимальными потерями, обработка материалов на больших расстояниях, дистанционное управление шахтами на дне моря, лаборатории, парящие в ионосфере и питаемые невидимым лучом, — все это, похожее на чистую фантастику, получает теперь реальную научную предпосылку. Как раз сейчас заканчивается инкубационный период идеи с довольно прозаическим названием «автоканализация световых пучков».

Лазерная техника потребовала решения многих экспериментальных и чисто технических задач, связанных с распространением очень мощного светового луча в среде. Как правило, любой луч, проходя в среде — по воздуху, воде, любому веществу, расширяется и образует на выходе расплывчатое пятно. И пятно это тем больше, чем большее расстояние пробежал луч. Изучая эти явления, старший научный сотрудник Института имени Лебедева АН СССР Г. А. Аскарьян пришел к неожиданному выводу. Оказалось, что при достаточно больших мощностях луч может резко изменить свойства среды внутри себя и «сам себя канализировать», обуздать, «не давать себе расходиться». Аскарьян назвал открытый им эффект «самофокусировкой луча». Первая статья об этом была опубликована в 1962 году в «Журнале экспериментальной и теоретической физики». Так было положено начало.

Продолжая исследования, Г. А. Аскарьян и В. И. Таланов из Горьковского радиофизического института выяснили совсем уж фантастические явления. Оказывается, рассчитав особенности взаимодействия среды и луча, — а они зависят и от плотности сред, и от интенсивности луча, — можно так увязать между собой оптические свойства среды и энергию луча, что поток энергии либо создаст как бы собственный невидимый канал распространения — волновод, либо сфокусируется в точку, мгновенно высвободив всю свою энергию, как говорят физики, «схлопнется». Причем эту точку можно подобрать в любом желаемом месте — все зависит от расчета.

Обычная волоконная оптика позволяет осуществить передачу светового луча по сколь угодно искривленной траектории и без заметных потерь. Ведь стеклянное волокно — волновод, по которому распространяется свет, можно изогнуть самым причудливым образом.

Но волновод есть волновод. Он даже более неудобен, чем провод. Его тоже приходится протягивать через естественные препятствия, а уж летательный аппарат снабдить энергией с его помощью просто невозможно.

Эффект Аскарьяна давал возможность обойтись без всяких волноводов. Луч в определенных условиях создавал себе как бы невидимые волокна и распространялся почти без потерь.

Суть этого явления в тонких взаимодействиях пучка фотонов с атомами среды. Световой луч, как известно, представляет собой электромагнитное поле. Это поле втягивает в себя и ориентирует определенным образом атомы, как, грубо говоря, поле магнита, ориентирует железные опилки. Это, конечно, лишь приблизительная аналогия. Нелинейные эффекты в среде описываются уравнениями высших порядков и не все из этих уравнений мы можем решить. Но суть дела от этого не меняется. Луч воздействует на атомы среды, которые образуют невидимый волновод, воздействующий на сам луч. Вот и получается в конечном итоге, что свет, радиоволны и другие электромагнитные излучения сами себя фокусируют.

Оригинальная идея не противоречила уже известным данным о тонких эффектах в средах. Поэтому она не вызвала возражений и сразу же заинтересовала ученых многих стран.

В СССР идею Аскарьяна развили Л. В. Келдыш из Физического института имени Лебедева, американские физики Ч. Таунс и Л. Келли.

Теоретики разработали другие возможные механизмы замечательного эффекта. Они выдвинули предположение, что сама среда

может перемещаться в области наибольшей амплитуды светового поля. Перемещение возможно и в такой экзотической среде, как плазма, только в этом случае роль атомов берут на себя электроны. Правда, если атомы устремляются в амплитудные максимумы, то электроны предпочитают области, где колебания световых волн меньше, но суть от этого не меняется. Вызываемое высокочастотным полем световой волны перемещение и создает самофокусировку луча, как будто расставляя на его пути неисчислимые миллионы микроскопических линз.

Уточним теперь в двух словах уже нарисованную схему самофокусировки. Свет ориентирует определенным образом атомы обычных сред, или электроны плазмы. Сейчас мы можем сказать точнее: свет вызывает своего рода перемещение атомов к тем точкам пространства, в которых колебания световой волны особенно велики. Возможны и другие механизмы самофокусировки. Не говоря о них, упомянем лишь, что теоретики МГУ С. А. Ахманов, Р. В. Хохлов и Ю. П. Райзер рассчитали различные варианты взаимодействия светового луча со средой при самофокусировке.

В октябре 1964 года видный американский физик Ч. Таунс с сотрудниками опубликовал статью, в которой также пришел к выводу о принципиальной осуществимости самофокусировки. Через несколько месяцев физики МГУ поставили первый эксперимент. Н. Ф. Пилипечкий и А. Р. Рустамов пропустили лазерный луч через кюветы с жидкими углеводородами и во всех случаях был зарегистрирован эффект самофокусировки: луч при определенной величине энергии сходился в тонкую нить.

Вот как буднично свершилась вековая мечта человека о несходящемся луче света, о концентрированных лучах энергии, которые можно передавать на большие расстояния.

Развитие научной идеи похоже на путь реки, которая, начавшись с небольшого живительного родника, приемлет в себя воды соседних рек, разветвляется и, подходя к устью, захватывает в полноводное русло все большие и большие площади бассейна.

Совсем недавно Аскармян теоретически доказал, что эффект самофокусировки свойствен не только электромагнитному полю, различным световым и радиоизлучениям, но также может наблюдаться у ультра- и гиперзвуковых волн, возбуждаемых мощными лучами лазеров в плотных средах. Это происходит из-за нагрева среды в самом звуковом луче.

А ведь что такое нагрев? Прежде всего увеличение энергии частиц, увеличение их колебаний. Если же такое увеличение происходит только в световом луче, то мы опять получим в нем некий канал с особыми свойствами. По такому каналу и устремляется

звук, то есть возможен и другой эффект, когда звуковой луч фокусируется как бы «следами» светового луча. Здесь невидимый световод превращается в звуковод, отражающий звук на границах «следа».

Эффекты самофокусировки мощных звуковых волн открывают широчайшие возможности разрушать твердые тела лазерным лучом или, наоборот, предотвращать такие разрушения, смешивать жидкости и обрабатывать в них металлы, передавать на дальние расстояния энергию ультра- и гиперзвука.

Недалек тот день, когда получение очень больших концентраций энергии при «схлопывании» мощного луча и исследование вещества при этих гигантских концентрациях энергии станет доступно любой лаборатории. Перестанет быть проблемой и передача концентрированной энергии на любые расстояния.

Передача информации с континента на континент не будет зависеть от капризов природы. Ионосферу пронзят невидимые волноводы, несущие изображение и звук. Невидимые звуковые и тончайшие световые сверла рассекут водную поверхность и вопьются в океанское дно, скрывающее богатейшие сокровища. Гигантские лайнеры устремятся в дальние беспосадочные полеты вдоль надземных энерготрасс. Сверхмощные тепловые и звуковые лучи обрушатся на арктический лед, и Великий Северный Морской путь станет судоходным в течение всего года.

Трудно даже предугадать, какие новые невиданные возможности откроют перед нами самофокусирующиеся лучи. Может быть, недалек день, когда самофокусирующийся луч сверхмощного лазера, «схлопнувшись» в одной точке, подожжет плазму и вызовет в ней термоядерную реакцию? Управляемую термоядерную реакцию, которая откроет перед человечеством дорогу в век энергетического изобилия.

Инкубационный период одной из наиболее интересных научных идей нашего времени закончился. Перед ней открыт безграничный простор. Она родилась из фантастики и открыла перед фантастикой новые просторы.

ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВ
Александр
Иванович

Родился в 1900 г. в Москве. Окончил литературный институт имени Брюсова и институт иностранных языков. Работал в журналах «Интернациональная литература» и «Театр», был зав. отделом литературы и искусства в «Вечерней Москве». Автор киносценария «Страницы былого» и повестей «Я ищу Китеж-град» (1960), «Когда скорый опаздывает» (1962), «Прошу встать!» (1963).

Первое выступление в печати — критическая статья в журнале «Вестник театра» в 1922 г.

Первая книга — фантастическая повесть «Гибель шахмат». М., 1926.

АБРАМОВ
Сергей
Александрович

Родился в 1942 г. в Москве. Сын Абрамова А. И. Окончил факультет гражданской авиации Московского автодорожного института (1964). Работает ассистентом кафедры «Аэропорты» Московского автодорожного института.

Дебютировал в печати статьями и очерками в «Вечерней Москве» (1962). Первое выступление в научной фантастике — отрывок из научно-фантастической повести «Новый Алладин» (журнал «Знание — сила», № 11 за 1966 г.).

ЕМЦЕВ
Михаил
Тихонович

Родился в 1930 г. в Херсоне. Окончил Московский институт тонкой химической технологии (1953). С 1955 г. на научной работе. Много лет активно занимается популяризацией новейших достижений науки, автор многих научных трудов.

Как фантаст выступает с 1961 г. совместно с Парновым Е. И. Их рассказ «Запонки с кохлеондой» премирован на международном конкурсе научной фантастики. Член ССП.

ГРИГОРЬЕВ
Владимир
Васильевич

Родился в 1935 г. Окончил МВТУ имени Баумана. Участник нескольких экспедиций, в том числе к эпицентру тунгусской катастрофы.

Первый научно-фантастический рассказ — «Ничто человеческое нам не чуждо» опубликован в «Искателе», № 6 за 1962 г.

ЛАРИОНОВА
Ольга
Николаевна

Родилась в 1935 г. По образованию инженер. Первый рассказ «Киска» опубликован в 1964 г. в сборнике «В мире фантастики и приключений» (Лениздат). В альманахе «НФ» выпуск 3 напечатан научно-фантастический роман «Леопард с вершины Килиманджаро».

МИРЕР
Александр
Исаакович

Родился в 1927 г. в Москве, работает главным конструктором в одном из московских НИИ (ВНИИЭТО).

Первое выступление в печати — научно-фантастический рассказ «Будет хороший день» в альманахе «Мир приключений», № 11 (М., 1965).

ПАРНОВ
Еремей
Иудович

Родился в 1935 г. в Харькове. Окончил Московский торфяной институт. Научный работник, кандидат химических наук. Работает в НИИЗа-рубежгеологии. Автор около 30 научных работ и нескольких научно-популярных книг.

Как фантаст выступает с 1961 г. совместно с Емцевым М. Т. Член ССП.

ФИЛАНОВСКИЙ
Григорий
Юрьевич

Родился в 1927 г. в Москве. Окончил Московский химико-технологический институт, занимается научной работой по специальности.

Первое выступление в печати — 1952 г. в журнале «Крокодил». Первое выступление в качестве фантаста — рассказ «12 лет человеческих» в журнале «Техника — молодежи» за 1962 г. Рассказ премирован на международном конкурсе научно-фантастических рассказов.

ФИРСОВ
Владимир
Николаевич

Родился в 1925 г. в Калуге. Окончил Московский полиграфический институт. Работает в издательстве «Мир» (редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы на иностранных языках). Первое выступление в печати — статьи и очерки в газете «Moscow News» (1954). Первое выступление в научной фантастике — рассказ «Уже тридцать минут на Луне...» в «Искателе», № 1 за 1966 г.

ЩЕРБАКОВ
Владимир
Иванович

Родился в 1938 г. в Москве. Окончил радиотехнический факультет МЭИ (1961) и до настоящего времени работает по специальности в одном из радиотехнических НИИ Москвы, одновременно кончает аспирантуру. Имеет научные работы.

Первое выступление в литературе — рассказы в сборнике «Фантастика 1964».

АНДЕРСОН
Пол

Известный американский писатель-фантаст. Родился в 1926 г. Лауреат премии Хьюго за рассказ «Самое длинное путешествие» и премии 1964 г. за рассказ «Нет перемирия с королями».

ХАЙНЛАЙН
Роберт

Известный американский писатель-фантаст, автор романов «Восстание в 2000 году», «Дверь в лето», «Послезавтрашний день», «Двойная звезда», «Повелитель марионеток», сборника рассказов «Зеленые холмы Земли» и других книг.

СОДЕРЖАНИЕ

О. ЛАРИОНОВА	
Планета, которая ничего не может дать	3
М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ	
Оружие твоих глаз	34
В. ЩЕРБАКОВ	
Плата за возвращение	66
Г. ФИЛАНОВСКИЙ	
Говорящая душа	74
А. МИРЕР	
Знак равенства	78
А. АБРАМОВ, С. АБРАМОВ	
Harry end	96
В. ФИРСОВ	
Исполнение желаний	102
В. ГРИГОРЬЕВ	
Транзистор Архимеда	116
Е. ПАРНОВ	
Фантастика в зеркале науки	125
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА	
П. АНДЕРСОН	
Сестра Земли	131
Р. ХАЙНЛАЙН	
Если это будет продолжаться...	173
УЧЕНЫЕ И ФАНТАСТИКА	
И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА	
БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: УТОПИИ И ПРОГНОЗЫ	267
Е. КНОРРЕ	
Фантастика, ставшая явью	279

Составитель Е. Парнов

АЛЬМАНАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ ВЫПУСК 7

Редактор Г. Малинина

Художественный редактор Т. Добровольнова

Технический редактор Л. Атрощенко

Корректоры В. Гуляева и И. Поршнева

Сдано в набор 3/VI 1967 г. Подписано к печати 14/XI 1967 г. Формат бум. 84X108 /32. Бумага типографская № 3. Бум. л, 4,5; Печ. л, 9,0; Условн. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 17,51, Тираж 200 000 экз, А12675.

Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ 508.

Цена 69 коп.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзыв о прочитанной книге прислать по адресу: Москва,
Центр. Новая пл., дом 3/4.

69 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1967